



Пермь как текст



Идея проекта Алексея Иванова

Семён Ваксман

Семён Ваксман

Вся Земля







Семён Ваксман

Вся Земля

или Записки о Родерике Мэрчисоне,
короле Пермском,
Силурийском и Девонском

Пермь 2008

УДК 821.161.1(092)

ББК 85.143

В 12

Кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, пермь, триас, юра, мел... Это страницы древней каменной книги Земли. Имя «Пермь» навеки вписал в нее шотландский геолог Родерик Импи Мэрчисон. Об этом человеке и его открытиях – увлекательное повествование Семёна Ваксмана. Но книга «Вся Земля...» не только о Мэрчисоне – дороги сэра Родерика причудливо пересекаются в ней с дорогами Лермонтова и Байрона, Дарвина и Гагарина, Гумбольдта и Семёна Дежнёва... А точка встречи – вся Земля. И как из космоса можно увидеть окна родного дома, так в круге света настольной лампы можно обнаружить целый мир. Потому что все в мире связано со всем – поиском, открытием, мыслью, памятью...

ISBN 978-5-8131-0084-0

Издание осуществлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края

© С. Ваксман, текст, 2008

© А. Иванов, предисловие, 2008

© О. Давыдычева, оформление, 2008



Понимать правильно

Семён Ваксман, геолог и поэт, написал автобиографическую книгу о Родерике Мурчисоне. Мурчисон – британский ученый и вельможа, который в середине XIX века открыл в истории нашей планеты пермский геологический период. И Мурчисон, и Ваксман ходили по одной земле – пермской и занимались одной наукой – геологией. Других пересечений судьбы не найти. Только параллели. Вот поэтому книга и автобиографическая.

Пермский период – не сундук с золотом. Его не надо искать в недрах, не надо копать, не надо держать нож у горла старого пирата, чтобы заполучить заветную карту с указанием места. В массивах гор земные глубины вывернуты наизнанку, вывалены напоказ, как потроха из вспоротого брюха. Вся история планеты перед

глазами любого любопытствующего. Обнаружить пермский период – значит просто правильно прочесть эту сумбурную книгу скал. Правильно понять. Родерик Мурчисон всю жизнь учился понимать правильно: себя, людей, природу, смысл жизни. И научился, чему свидетельство – три открытых им геологических периода и пост президента Королевского географического общества Британии. И Семён Ваксман всю жизнь учился понимать правильно: себя, страну, культуру, эпоху. И научился, чему свидетельство – книга о Родерике Мурчисоне.

По всем правилам Ваксман не должен был написать эту книгу. Семён Иегудович – он из того «высоцкого» поколения недовоевавших детей. Воевали старшие братья и отцы. Многие не вернулись. Но те, кто вернулся, были особенными людьми. В их опыте – победа над врагом, подвиг, большой мир, увиденный за пределами СССР. А мальчишкам, что встречали победителей, не светило ни-че-го. Всех врагов уже разбили. Подвиги уже не нужны, нужно, чтобы пахали, восстанавливая страну. И большого мира им никто не покажет: опустился «железный занавес».

Высоцкий писал о мироощущении этих мальчишек:

*Все – от нас до почти годовалых
Толковище вели до кровянки.
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.
Не досталось им даже по пуле,
В ремеслухе живи да тужи.
Не дерзнуть, не рискнуть – но рискнули:
Из напильников делать ножи...*

Сколько этих искренних русских подростков, подранков, неправильно поняли жизнь, казавшуюся беспросветной?

*Сперва играли в фантики,
В пристенок с крохоборами.
И вот ушли романтики
Из подворотен – ворами.*

Конечно, не все мальчишки тогда уходили «ворами». Но многие. И не обязательно в криминал. Оставаясь вполне социализированными людьми, они только в криминале видели свободу. Их система ценностей, порожденная неумением



понимать жизнь, и сейчас ломится нам в уши хамской блазатой шансона, звучащего в любом такси.

Неумение видеть, откуда светит свобода, и сейчас нахлбучено на голову Generation Coca-Cola. И подростки совершают прежнюю системную ошибку. А Ваксман ее избежал. Потому что пошел учиться, и не «в ремеслуху», а в вуз. Учиться понимать жизнь правильно. Так случилось и с Мурчисоном, догадавшимся, что военного подвига ему не совершить.

В СССР из таких мальчишек вышли «шестидесятники». А их поддержала веселая молодежь, рожденная послевоенным беби-бумом.

Странная была эпоха – «оттепель». Одновременно искренняя – и фальшивая насквозь. Подменившая главное не очень главным. К примеру, дискуссией между «физиками» и «лириками». Ну это ли тема для общества, которое только вынырнуло из тоталитаризма и готовится нырнуть обратно?

Наверняка тогда Семён Иегудович не формулировал эти вопросы так, как они формулируются сейчас. Тем не менее ответ был дан. Ответ, отрицающий сам смысл ложного спора. Ваксман – для себя – сделал геологию поэзией. Каменные пласты его земли пропитались стихами, а стихи вдруг обрели четкость и точность знания мира. И в такой ситуации невозможно отделить «физику» от «лирики», как невозможно кусок бронзы распилить на две половинки: медную и оловянную. Читать петрографическую карту как Книгу Бытия мог только тот, кто геолог в такой же степени, в какой и поэт.

В «оттепель» в поисках свободы люди шли «на фронтир». Свободу всегда ищут на фронтире. Фронтиром была наука, где нельзя жить законами полурелигиозного учения о классовой борьбе. Фронтиром была природа – север, океан, Дальний Восток, где нельзя жить по идеологемам, потому что реальная жизнь не подчиняется выморочным установкам. С пушкинской гармоничностью Ваксман в своей судьбе соединил оба пути на фронтир – науку и природу.

Этот путь тогда избирали многие «шестидесятники». И многих он завел в тупик.

Путешествия по диким просторам СССР быстро выбивают все прекраснотушные иллюзии. Их выбивал даже простой гнус, а он был далеко не самым тяжелым испытанием.

Главное испытание – ничем не прикрытый советский быт. Когда гайки не подходят к болтам. Когда пилот пьян и не может посадить самолет. Когда ударная бригада состоит из чифиристов, выпущенных по УДО. Самый простой способ – спиться, примириться, стерев разницу между собой и миром.

Можно утонуть в одиночестве, превратив свой фронтир в пространство эскапизма. Можно опопсовать и обрести круг единомышленников, например уйти в сектантство КПП. Можно погрузиться в изначальные архетипы, в древнюю мифологию, из которой едва освещенные пламенем первобытных костров глядят дикие духи.

Поход «шестидесятников» на фронтир потерпел такое же крушение, как поход разночинцев «в народ». Но «шестидесятники» залакировали свое поражение «суровым стилем». Он ведь был не только в живописи. Над «суровым стилем» литературы издевались Стругацкие в «Хромой судьбе»: «На палубе «Коньэй-мару» было скользко и пахло испорченной рыбой и квашеной редькой. Стекла рубки были разбиты и заклеены бумагой...» Тут ценно как можно чаще повторять «были», «был», «было». Стекла были разбиты, морда была перекошена...

Семён Ваксман не попал ни в одну из этих ловушек. Потому что понимал правильно. «Понимать правильно» его научила геология. И Мурчисон, конечно.

Для Ваксмана поход на фронтир перестал быть походом за правдой как-то сам по себе, незаметно. Он переезжает с Дальнего Востока в Пермь, потому что в Перми живет Виктор Астафьев. Правда фронтаира оказалась мнимой или нереализуемой, а правда голоса Астафьева была подлинной и уже реализованной.

Но Ваксман не эпигон Астафьева. Переехав к нему, он обрел Пермь. И вместе с нею – всю толщу пермских смыслов: и пермский период, и пермскую нефть, и пермскую соль, и Мурчисона, и Чусовую, и многое-многое другое. Этот материал надо было организовать «по правде» – «понять правильно».

И здесь снова была ловушка – краеведение.

Бесценное само по себе, краеведение часто вызывает пренебрежительную усмешку. Понятно почему. Как говорил



Козьма Прутков, «специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». И краеведение оказывается формой узкой специализации, при которой явление выдирается из контекста и затмевает его собою.

Вот пермский пример: памятник на Вышке. В советские времена его изображение налепили на герб города в память о «революционных традициях». Сейчас столь же беспардонно содрали. Но никто и не задумался о контексте – о ценности этого произведения. Насколько лаконично прост замысел архитектора Гомзикова: в советском серпе-молоте заменить молоток на паровой молот. И насколько выразительный получился силуэт. Это выдающееся, очень редкое произведение конструктивизма двадцатых годов – монумент. И еще это память о Царь-молоте инженера Воронцова. Такое произведение может стать символом города, как «Граждане Кале» Родена. Но, вырванное из художественно-исторического контекста, оно оказывается сведенным к теме мотовилихинских бунтовщиков и тупо разделяет судьбу этой темы: то она в фаворе, а то оплевана. То у памятника принимают в пионеры, а то бухают алкаши Вышки. Как ни странно, краеведческое отношение может и губить.

Оно погубило бы книгу Ваксмана о Мурчисоне, если бы он монотонно и подробно пробубнил о путешествии англичанина. Получилось бы литературно-краеведческое надгробие, навсегда закрывшее идею Мурчисона.

Книгу можно было бы погубить и другим вариантом односторонности – популяризаторством. Это если бы Ваксман простецки и фамильярно рассказал о сэре Родерике и диковинных окаменелостях, которые сэр Родерик откопал на Урале.

Но Семён Ваксман этого не сделал. Он все понял правильно. Он нашел блестящий выход, точнее, проход между Сциллой краеведения и Харибдой популяризаторства. Он отправил Мурчисона в путешествие не только по его судьбе и по Европе, но и по культуре. И тарантас Мурчисона всколыхнул такие толщи художественных смыслов, что по глубине они оказываются равнозначны тем хлябям русской тоски, по которым пролегал след от брички Радищева.

Книга Ваксмана – культурное свершение провинции. Измышленные «Гардемарины» не сравниваются с «Тремя

мушкетерами» и не откроют Россию, как Дюма открыл Францию. А подлинный Мурчисон открывает даже не пермский период, а вселенную.

Вряд ли мальчишкам будут интересны Берг-коллегия, академик Кокшаров и тонкости датировки геологических пластов. Но с этих скучных стезей Ваксман выводит романтиков – тех, кто мог бы выйти «из подворотен ворами», – на простор всемирных приключений.

От слова «пермский» – к Биармии, к викингам, к Колумбу и к Америке с Индией. От звероящеров – к динозаврам с «Парком Юрского периода». От медистых песчаников – через «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, который изучал эти песчаники, – во вселенную. От золота и австралийского города Мерчисон, где бушевала золотая лихорадка, к детям капитана Гранта, подобравшим там коварного Айртона, и к жюль-верновским океанам всей планеты.

Пусть эти произведения уже ушли из актуальной культуры (хотя кто знает, что устроят нам грядущие мультимедиа). Но никуда не ушла мальчишеская потребность жить в более обширном и ярком мире, чем свой городок. И благодаря книге Ваксмана в своем захолустном городке мальчишка вдруг сможет обрести «канал связи» с безграничным миром. А значит, из своего городка можно и не убегать.

«Железный занавес» вокруг русской провинции висит всегда. Не Черчилль его повесил. Мы сами его вешаем. В СССР его заштопывала идеология, не позволявшая поглядеть на мир честно и открыто. Сейчас – нищета, не позволяющая выбраться из своего угла. А Ваксман не спорит с системами – политическими или экономическими. Он просто подводит нас к «железному занавесу» и показывает: присмотришься повнимательнее, на самом деле никакого «занавеса» нет.

Это очень провинциальная книга, потому что она не про провинцию, а для провинции, как букварь не про детишек, а для детишек. Эта книга аннулирует понятия «столица» и «провинция», «большой мир» и «маленький мирок». Там, где ты живешь, и есть «столица» и «большой мир», вот и всё.

Книга Ваксмана неконфликтна не потому, что залакировала трещины, как «суровый стиль», а потому, что в ее



измерении этого конфликта просто не существует. Так для взрослого человека не существует детского вопроса, какая машина лучше – пожарная или милицeйская. Эту проблему взрослый человек понимает правильно.

Семён Ваксман дал великолепный образец универсального художественного кода для доступа провинции в большой мир. На другом материале, не на Мурчисоне, этот код сработает так же верно, если другой автор будет столь же талантлив. Скажем, Менделеев – из Тобольска, а периодический закон Менделеева действует везде и через Менделеева Тобольск можно связать со всем миром. Но если связывать через химию, то книга будет интересна лишь химикам, а если связывать через культуру, то интересна всем. В этом суть кода, открытого Ваксманом.

А Мурчисон – сугубо пермская тема. Это ведь Мурчисон учит понимать пермскую суть правильно: пермский период потому и период, что он – везде, на всей планете. В Перми, в Москве, в Лондоне, в Лос-Анджелесе, в Гималаях, в Антарктиде и на острове Пасхи. Через Мурчисона Ваксман транслирует Пермь на всю планету – и вся планета оказывается для пермяка своей.

Книга Ваксмана – очень мягкий, тактичный и благородный способ научить жить на собственной земле, любить ее и гордиться ею. Способ ввести свой текст в общемировой контекст. Эта книга становится механизмом подключения человека к миру – как персоналки к Интернету. Поэтому она очень современная. Форма ее – не роман, не биография, а гипертекст.

Со страниц книги Ваксмана дует все тот же свежий ветер простора, открытий, самоотдачи и восторга перед миром. Тот же ветер, что надувал паруса капитанов детства. Поначалу Семён Иегудович хотел назвать книгу «Открытие Земли», но речь в книге не только про открытие Земли. В первую очередь там про открытие себя.

Как Родерик Мурчисон открывал правду о планете, так и читатель открывает правду о себе: о том, что интереснее, благороднее и достойнее познавать мир, а не покупать. Что руку хочется пожать тому, кто понял, откуда взялись эти лесные горы, эти каменные ракушки в скалах посреди континента,

эти венценозные ящеры, раздавленные толщами красноцветных песчаников. Истории касалась именно эта рука, а не та, что пересчитывала купюры, не та, что подписывала кипы бумаг с законами, не та, что рисовала на картах стрелы атак кавалерии или танковых ударов.

Да, конечно, Родерик Мурчисон открыл пермский период. Это важно, по-настоящему важно. Но еще более важно, наверное, то, как этот человек шел к своей простой истине: от благоговения перед Веллингтоном (угадайте, кто это?) к ночному костру на Чусовой, от веера в руке королевы к фантастическому вееру палеозойского папоротника, чей отпечаток вдруг обозначился на обломке безымянного утеса.

Важнее, как Мурчисон, открывая всё углубляющуюся перспективу геологических эпох – мел, юра, триас, пермь, открывал всё возрастающую перспективу человеческого духа – тщеславие, честолюбие, любовь, служение... И где-то в зените книги и судьбы понятия «служение» и «земля» слились воедино.

У Ваксмана точка отсчета – не слава, не деньги и не мода. Точка отсчета очень провинциальная – земля. Вернее, человек, стоящий на земле. И по земле, как по воде, вокруг фигуры Мурчисона разбегаются круги отзвуков. Отзываются Байрон и Лермонтов, Пастернак и Мандельштам, Чарльз Дарвин и Александр Гумбольдт, Алексей Леонов и Нил Армстронг. Земля у Ваксмана – тот контекст, где пойдешь направо – один текст, пойдешь налево – другой. Семён Ваксман взял свое направление пути, прочитал свой текст – Мурчисона. Но талант прочтения и заключается в том, что прочие тексты тоже откликаются. А в этой полифонии звучит главная тема – тема открытия Земли как открытия своего подлинного, истинного, настоящего места в мироздании. Это место не между Москвой и Пекином, а между триасом и карбоном, между Марсом и Венерой, между созвездиями и между людьми. И его надо понимать правильно.

Алексей Иванов



Вся Земля

или Записки о Родерике Мэрчисоне,
короле Пермском,
Силурийском и Девонском



Родерик Мэрчисон

Извлечение из энциклопедии

Каменная летопись Земли состоит из двух томов. Первый том – криптозой («крипто» – скрытый, «зой» – жизнь), то есть время скрытой жизни. Организмы криптозоя не имели твердых скелетов и потому не могли сохраниться в геологической истории. Второй том – фанерозой («фанеро» – явный, «зой» – жизнь). Этот том документален, и мы можем с большой точностью представить геохронологическую таблицу.

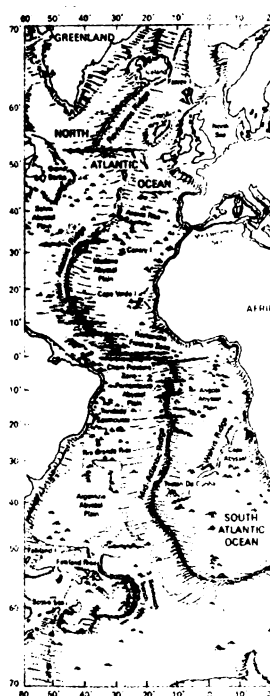
Эра	Период	Интервал времени (млн лет)
Кайнозой	Четвертичный	0–1,5
	Неогеновый	1,5–2,5
	Палеогеновый	2,5–67
Мезозой	Меловой	67–137
	Юрский	137–195
	Триасовый	195–230
Палеозой	Пермский	230–285
	Каменноугольный (карбон)	285–350
	Девонский	350–410
	Силурийский	410–440
	Ордовикский	440–500
	Кембрийский	500–570

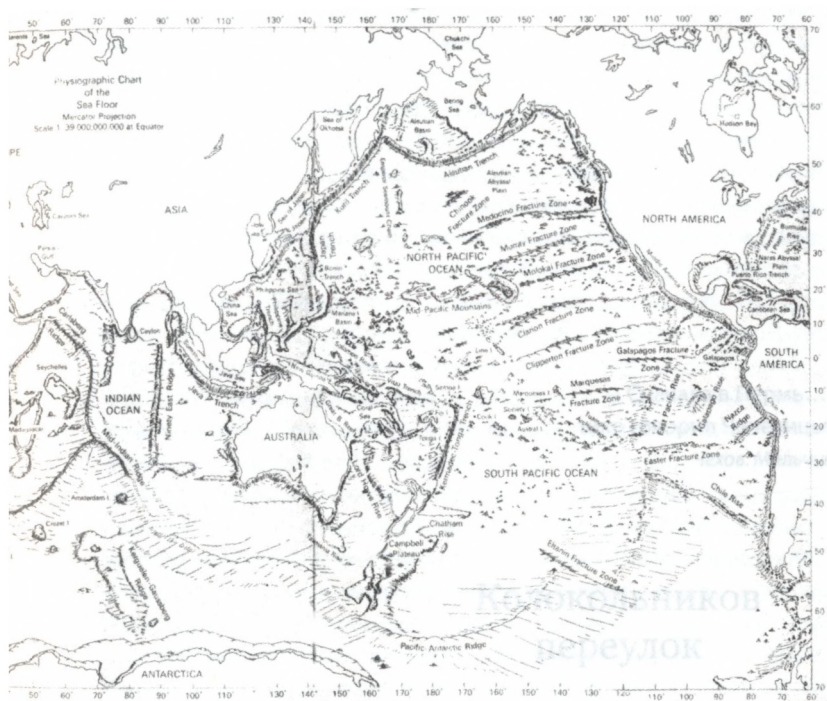
Комментарий к таблице:

Палеозой – «древняя жизнь».

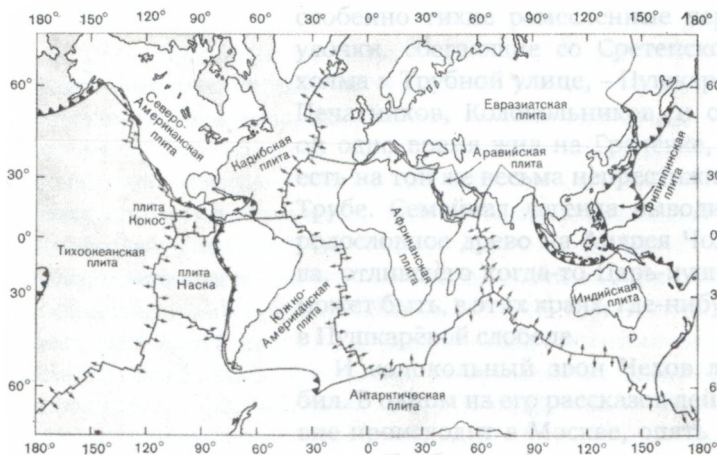
Мезозой – «средняя жизнь».

Кайнозой – «новая жизнь».





Дно океана





– Сначала в Пермь... –
тихо говорил Чеховицын.

Чехов. Мальчики

Колокольников переулок

Антон Павлович любил Москву, особенно тихие ремесленные переулочки, сбегаящие со Сретенского холма к Трубной улице, – Пушкарёв, Печатников, Колокольников, и сам он одно время жил на Грачёвке, то есть на той же весьма непрестижной Трубе. Семейная легенда выводила родословное древо на Андрея Чохова, отлившего когда-то Царь-пушку, может быть, в этих краях, где-нибудь в Пушкарёвой слободе.

И колокольный звон Чехов любил. В одном из его рассказов действие происходит в Москве, опять же возле Трубы, в Колокольниковом

(у Чехова – Колокольном) переулке, а именно в «четвертом доме от угла». Это мое родное гнездо – дом номер восемь, квартира шесть. А в квартире номер четыре жил мой лучший друг Волик – Всеволод. Мы даже ели с Воликом из одной тарелки, обнявшись: я держал ложку в правой руке, а Волик в левой. Его родители – дядя Андрюша и тетя Корочка, Конкордия Ивановна Толстихина. Диковинные имена у Толстихиных, и московских, и питерских: Нестор Иванович, Олимпиада Ивановна – тетя Липочка, Октавий. Бабушку звали Глафира Фортунатовна! Правда, питерский двоюродный брат Волика – Игорь. Это понятно.

Когда Игорь приезжал в гости в Москву, на черной лестнице начинались химические опыты со взрывами. Мы же с Воликом много лет тупо вели тайные раскопки за флигелем, где жил Юрка Фомин, у внутренней стены Рождественского монастыря. Юрка с упорством дятла намечал места, где могла быть зарыта библиотека Ивана Грозного.

Во дворе нашего дома старая кирпичная стена в пятнах краски, с проломленным брандмауэром – такой и должна быть настоящая стена. Лаз, выводящий в Печатников переулок и дальше на Рождественский бульвар, не каждый мог найти, и далеко не всякий мог в него пролезть. Перед самой стеной была настоящая земля, как в деревне, и можно было играть в ножички. Проигравший зубами вытаскивал из земли спичку.

У нас был подшефный госпиталь на Мещанской, сразу за Садовой-Самотёчной. Два слепых летчика показывали друг другу ход воздушного боя точными движениями рук. У Юрки горели глаза.

Вечером от прогретой брусчатки горбатого Колокольниково переулка поднималась волна теплого воздуха, обнимала нас, маленьких, уходила вверх, туда, где взрослые. На Средтенке и внизу, на Трубной, теплый воздух был другим, более плотным, он не подымался волной, а струился над асфальтом, как вода. Будто бежишь по краю озера, будто брызги теплой воды летят от сандалий, и цветущий май, и разматывается в руках катушка суровых ниток, и воздушный змей играет над головой...



А потом была весна сорок пятого года, девятое мая! Какие лица были в этот день у измученных войной людей, какие облака, какая музыка из окон! Как летел над Цветным бульваром довоенный быстрый танец «Цветущий май»!

Фуражки мы носили, сильно надвинув козырек на глаза, чтобы получился профиль адмирала Нахимова, как на новом ордене. На стенде Советского информбюро на Рождественке в «Пионерке» печатали с продолжением «Охотников за женьшенем».

– Хорошо бы поехать в уссурийские дебри, – сказал Волик. – Там виноград растет.

– Дикий.

– Сам ты дикий. Там тигры, лианы. Там бархатное дерево. Там утки-мандаринки. Живут на деревьях, смешные.

– Сам ты смешной.

В тот день, когда мне попал в руки «Остров сокровищ» Стивенсона, я не пошел в школу. Какая школа? Убрать сходни, поднять якоря, поднять паруса! В море, на четыре ветра! Волна ударит водяной пылью в лицо, паруса схватят ветер. На нашем корабле три мачты: фок-мачта, потом грот- и на корме бизань-мачта, и бушприт от форштевня с кливерами, и звенят натянутые снасти.

Какая может быть школа, когда в трактире «Адмирал Бенбоу», что на берегу Бристольского залива, Чёрный Пёс уже нашел Билли Бонса?! Слепой пират Пью уже вручил ему черную метку! За окном нашей комнаты начала наливать синева зимних сумерек, когда одноногий Сильвер прислонился спиной к бочке из-под яблок, где сидел Джим Хокинс. Много позже я прочитал у Юрия Коваля, что самая легкая в мире лодка сделана из бамбука, найденного в подвале дома в одном из сретенских переулков, – вот почему в них всегда запах соли и водорослей, вот почему шумит прибой в водосточных трубах!

В седьмом классе писали сочинение «Кем быть».

– Раньше я хотел быть, – Волик загибал пальцы, – капитаном подводной лодки дальнего, самого сверхдальнего плавания – раз, художником лучше Репина – два. Теперь я твердо знаю: я буду физиком. Физиком-ядерщиком. Только МГУ. Только физфак. По Резерфорду, существуют только две науки – физика и химия, причем химия есть часть физики.

Кроме того, есть коллекционирование марок. То, чего нельзя посчитать, – несерьезно. А ты что написал?

– Кем угодно, только не врачом и не учителем.

– Это почему же?

– Страшно.

А Юрка Фомин написал: «Моя мечта – стать летчиком». Его и прозвали Моя мечта. У пушкинского одноклассника Фёдора Матюшкина было два прозвища: одно простое – Федернелке, другое – Плыть хочется. Юра окончил Ейское авиационное училище и стал летчиком-испытателем на авиазаводе, а Федя – моряком и совершил кругосветное плавание (кругосветное плавание – совершают!). Была у Юры Фомина еще одна страсть – «женская фигура гитары дорогой». Он считал себя вторым гитаристом в Советском Союзе после Иванова-Крамского. У него уже была девушка. Ее звали Таня. Он даже водил ее в театр Образцова на спектакль «Под шорох твоих ресниц».

Вечерами у Толстихиных заваривались три разноцветных чайничка, зажигался свет под оранжевым абажуром. Он густо ложился на скатерть и мазками – на складки в углах так, что они казались синими. Дальше – рассеянный свет, сладкая просвеченная темнота. Блики приходились на полку с «золотой библиотекой» сказок. Я прочитал все томики на этой полке. Каждую книгу, которую я уносил, – шотландские, британские, русские, французские, японские сказки – дядя Андрюша заворачивал в плотную бумагу, он называл ее крафт-бумагой.

В розетках варенье: из кондитерской на Сретенском бульваре рядом с кафе «Ландыш», домашнее из лимонных корочек, райских яблочек и сухое киевское – цукаты. Калорийные булочки от Филиппова. После чая за столом читали вслух: Киплинг, Житков, Бианки, Пришвин, Андерсен.

– Мы приехали в Москву, Андрюша, в двадцать третьем году? Или в двадцать втором? Большая компания из Иркутска, и Коля Охлопков был первый среди нас. Все бредили искусством, ВХУТЕМАСом, и я тоже бредила. Андрюша был футуристом, кубистом, работал с Татлиным. Но ведь надо жить, надо чем-то жить. Мы ютились на чердаке, я бросила живопись.



– Корочка была одной из лучших рисовальщиц Москвы, а стала лучшим знатоком химии красок, природных пигментов, красок Дионисия, работала с самим Ферсманом.

Дядя Андрюша притушил верхний свет в своей комнатухе, где в углах копились запахи красок; папки, книги по искусству проступали в полумраке. Он раскладывал картоны.

– Это эскизы к роману «Далеко от Москвы» про наши родные иркутские места. Чистый рисунок. Фаворский, мой учитель, так говорил: «Рисовать – это всегда радость. Когда я учился, радость была только по воскресеньям, а теперь рисую каждый день, и радость – каждый день». Про Делакура, пишущего картину, говорили: это лев, пожирающий кусок мяса. Я не могу постигнуть синеву Байкала! Не хватает мастерства, внутреннего натиска. Копируешь Ван Гога – не знаешь, как утвердить видимое, но ускользающее, вроде мерцает что-то, но получается клеенка. А это Корочкины альбомы – выкраски синего цвета. Лазуриты – это холодный огонь. Скрижали Моисея на горе Синай – из лазурита. Ван Гог шел от желтых подсолнухов к глубокому синему цвету Гогена. Ведь так, Корочка?

– Не знаю, Андрюша. Чистый лазуритовый тон дали ему импрессионисты. Но у нас нет хороших выкрасок лазурита. Мы не умеем его обогащать.

– Лазурит почему-то рóдится или на заоблачных высотах, под синим небом Анд или Памира, или у нас на Байкале, в Слюдянке, возле самой синей в мире воды.

Географию-то я знал прилично. Ведь всю стену нашей десятиметровой комнаты занимала огромная карта Советского Союза – двадцать пять километров в сантиметре. Я спал на горбатом деревянном сундуке, обитом железными полосами, несколько напминавшем опрокинутый бочонок из-под яблок на палубе шхуны «Испаньола».

В Байкал с его лазуритом я упирался коленками, а перед глазами была мощная дуга Сихотэ-Алиня, ровная линия побережья Японского моря, озеро Хасан, Владивосток, город Ворошилов, ныне Уссурйск, рыбье тело Сахалина, даже плавник можно различить – мыс Терпения, а рыбий хвост – мысы



с колоннами, слева Нефтяной, справа Институт стали имени Сталина – ИСИС. Потом Сталина убрали, но аббревиатуру сохранили: Институт стали и сплавов (хотя сталь тоже сплав). Слева толпились студенты в куртках с эполетами золотого шитья, в фуражечках с высокой тульей, со скрещенными молоточками – вот чего надо держаться, вот где она, мощь державная страны советской, – Московский нефтяной институт имени Губкина, геолого-разведочный факультет! Нефть – это кровь промышленности.

На первой лекции Владимир Сергеич Князев сказал: «Друзья мои, вам неслыханно, фантастически повезло, вы будете заниматься самым интересным делом на свете – поисками и разведкой нефтяных и газовых месторождений! Вы увидите горы в микроскопе. Вы научитесь смотреть под ноги – на Тянь-Шане, на Сихотэ-Алине, у черта на куличках, в Москве, наконец. Набережные, мосты, придорожные камни, музей под ногами – все это ваше. Колонны метро – чего там только не увидишь!..»

В ковбойских фильмах с Гойко Митичем (ФРГ – Югославия) самым интересным оказалась не погоня в Большом Каньоне, а сам Большой Каньон – простираение и падение слоев. Диабазы, прорывающие известняки, волновали настоящему. Обнажение глин переходило в закат.

В Третьяковке я разглядывал не «Явление Христа», а скромный этюдик Иванова «Камень и вода». Как этот валун блестит в брызгах, как его макушка горит на солнце! В метро на станции «Кировская» я стоял у колонны, разглядывая уфалейский мрамор, серый, волнисто-слоистый. Трещины – разрушенный пейзаж, навевающий меланхолию. Уже ломали кафе «Ландыш» и Тургеневскую библиотеку.

Князев научил нас определять минералы в шлифах – тонких срезах породы, закрепленных в слое прозрачного каннадского бальзама. Положишь шлиф на предметный столик поляризационного микроскопа, шевельнешь верньером в скрещенных николях – и открывается блистающий мир: кварцевые массы, подобные тающим снегам, слюда, гордый оливин, ломающий плагиоклазы по номерам.

Записи Князев велел делать в полевых книжках вечного хранения, писать только на правой стороне, слева – кроки,

рисунки, разрезы, колонки. Не запишешь – все пропадет, все уйдет в культурный слой. Писать только карандашом, обязательно карандашом, ведь чернила могут размыться дождем. Карандаши лучше кохиноровские, артикула ТМ, которые не мажут и не царапают бумагу. В полевой период работа от светладцати до темнадцати; геолог должен быть гончей, которая идет по следу, в кровь разбивая лапы. Потом камералка – хороший свет, отличная бумага, обволакивающая музыка, заточенные карандаши, мягкие чешские резинки, миллиметровка в планшетах, хорошая, без крупинок, ленинградская тушь.

Геологические системы расположились в голове листами каменной книги снизу вверх – от кембрия до четвертичной системы, квартера, четвертички. Только одна система названа в честь города – пермская. Москва же дала свое имя только одному из ярусов карбоновой системы.

Волик, как почти все ребята на физфаке, рвался на «ядро». Экзамен по теоретической физике принимал сам Ландау и всей группе (потом из нее вышли академики и лауреаты) выставил «неуды». Льва Давидовича вызвали в деканат: «Неужели все такие олухи?» – «Представьте себе, это так. Флуктуация кретинов, колоссальная флуктуация кретинов!»

Волик сильно огорчился, когда его распределили в Институт акустики, на судно «Витязь» к академику Бреховских, который занимался распространением звука в морях.

У Волика ужасный почерк, и я переписал для него текст диплома. Он в знак благодарности переписал мой диплом. Я сопротивлялся, но у Волика, известно, железная воля.

Так получилось, что мы поехали на Дальний Восток втроем – Волик, я и мой институтский друг Вадик Тихомиров. Отец Вадика Иван Сергеич был проводником в нашем вагоне поезда номер один Владивосток – Москва. Он шутил: «Омск – Томск – Ачинск – Москва – Чита – Челябинск! А поезд шел чик-чик-чик-чик – в Чикаго!» На станции с названием «Ерофей Павлович», в том месте, где сибирская чугунка пересекает Урку, приток Амура, он в третий раз сменил нам постельное белье и принес из привокзального буфета пирожки с медвежатиной.



Геофизический поселок

Врезанный в сопку Владивостокский вокзал так походил на Ярославский, что я невольно обернулся в поисках Казанского с золотым петушком на шпиле. И так захотелось в Москву, в Москву, в Москву, домовитую, родную, где так долго ипряно цвели липы, и прохладны были знакомые подворотни, и с Рождественского бульвара неслись машины вниз, на Трубную площадь, к бульварам и к Неглинке, и город хотел удержать меня хотя бы этим спуском, и дождем, и цветением лип. И вдруг в шесть утра радио Владивостока начало вызывать позывные – вступление к «Хованщине», «Рассвет над Москвой-рекой», и горло сжало.

Качаясь после недельной дороги, мы пошли куда глаза глядят, и в столовой нам подали меч-рыбу, и в «Союзпечати» я купил открытки «Так цветет женьшень», а в книжном – «Древние памяти» Шергина и «Моби Дика» Мелвилла – любимую книгу российских бродяг, и открылась нам Спортивная гавань с красными буйками, с голубыми яхтами «Полюс» и «Чилим», и облака повторяли очертания бухты, и солнцем полна была голова, и в дымке дома на том берегу, и волна вдоль берега легавою бежала, высунув язык. Мы ушли на самый дальний край косы и бросились в синюю воду. Опомнились, лишь когда начался прилив, а на том берегу Амурского залива солнце отразилось в окнах домов и стало больно на него смотреть. Вадик раскрыл том Мелвилла: «Одни облокатились о парапеты набережных, другие сидят на самом конце мола, третьи заглядывают за борт корабля, прибывшего из Китая, а некоторые даже вскарабкались вверх по вантам, словно для того, чтобы еще лучше видеть морские дали. И ведь это всё люди сухопутных профессий. В чем же тут дело? Разве нет на суше зеленых полей? Что делают здесь эти люди? Но взгляните! Всё новые толпы устремляются сюда, подходят к самой воде, словно нырять собрались. Удивительно! Они не удовлетворяются, покуда не достигнут самых крайних оконечностей суши; им мало просто посидеть вон там, в тени пакгауза. Нет, им обязательно нужно подобраться так близко к воде, как только возможно, не рискуя свалиться

в волны. Тут они и стоят, растянувшись на мили, на целые лиги по берегу. Сухопутные горожане, они пришли сюда из своих переулков и тупиков, улиц и проспектов, с севера, юга, запада и востока. Но здесь они объединились. Объясните же мне, может быть, это стрелки всех корабельных компасов своей магнетической силой влекут их сюда?»

Мы стоим на песчаной косе в Спортивной гавани, на краю земли, втягивая запах водорослей и вглядываясь в коричневую дымку на горизонте, плывущую в голубизне. Правда, нам с Вадиком плыть всего-то за гривенник до мыса Диомид. Волик отправился на «Витязь», флагман научного флота. Рядом с ним не менее знаменитая немагнитная шхуна «Заря» – длинный бушприт, медные ручки, отполированные ладонями поручни. На пристань брошен трап, но вежливая медная табличка предупреждает: «Визитов нет».

Волик не сказал, чем он будет заниматься на «Витязе», усмехнулся: наш «Витязь» раньше был банановозом, а самый первый «Витязь» привез на Новую Гвинею Миклухо-Маклая.

– Понял. Военная тайна.

Мы с Вадиком остановились в сто пятом номере гостиницы «Золотой Рог» – каюте со скошенным потолком, и сон на краю земли был глубок. Утром отправились на Океанский проспект, в Приморское геологическое управление к главному геологу Игорю Ипполитовичу Берсеневу, отсюда в Уссурийск, потом на Развилку, в долину реки Суйфун, в Геофизический поселок – искать нефть в отрогах Сихотэ-Алиня, в межгорной впадине между грядой полуострова Муравьёва-Амурского, на котором стоит Владивосток, и китайской границей.

В Штатах, где Хрущёв стучал башмаком в ООН, ему сильно понравился город Сан-Франциско с Золотыми Воротами – чудным мостом через залив. Возвращался на родину Никита Сергеевич через Владивосток, маленький, закрытый, упрятанный в сопки город с уютной бухтой Золотой Рог.

– Вот что, Штыков, – сказал он приморскому партийному секретарю. – Надо превратить Владивосток в советский Сан-Франциско. Надо сделать его визитной карточкой



Советского Союза на Дальнем Востоке! Что тебе для этого нужно?

- Нужна строительная база.
- Будет тебе Главвладивостокстрой.
- Нужен мазут для флота.
- Нефть я тебе из Туймазов не погоню. У себя пошукай.

Может, и найдешь топор под лавкой. Вот так, крестьяне.

И первый секретарь ЦК КПСС хорошей ручкой «Паркер» подписал указание о создании Суйфунской нефтяной партии.

Берсенеv разглаживал свою ученую бороду. Ничего он не мог понять в Мингео. Сквозь плотный шум машин со стороны Пресни на Большую Грузинскую доносился странный звук, слабый, будто дальний скрип уключин. На старой территории зоопарка между прозрачными весенними деревьями даурский журавль, вежливо ступая бамбуковыми ногами, деликатно погружал длинный клюв во влажную землю. Посреди пруда игрушечный человечек беззвучно вбивал круглые камни в искусственный островок. Ялик лежал на боку.

– Гурген Павлович, какая может быть нефть в Сихотэ-Алине? Ведь даже О. Генри писал: «Это так же бессмысленно, как искать нефть в гранитах». Олово, цинк – другое дело.

– Я вами весьма осержен, Игорь Ипполитыч. Вы не понимаете политики. А я за свою сознательную и бессознательную жизнь много собак съел по этому вопросу. Лично я противился всеми фибрами и жабрами, но пойми, это указание первого секретаря, – Гурген Павлович поднял палец, – следовательно, директива. Вот в чем соль зарыта. Возьми четыре угольных станка с Сучана, там уже нечего искать, и прямо с этого времени начинай бурение в долине реки Суйфун.

– Долина реки Суйфун залита базальтами. Придется бурить «wild cat».

– Вайд кэт?

– Да, «дикие кошки», скважины без обоснования.

– Надо, чтобы мы без стыда и совести могли, глядя в глаза всем и каждому, сказать: мы решили ваши предложения, дорогой Никита Сергеевич. Деньги на нефть нам дают в большом квадрате.

- На олово бы добавить пару миллиончиков.
- На олово ни копыя.

Гурген Павлович уже смотрел в окно. Шелестел легкий весенний дождь. Пруд потемнел, трепетал под ветром. Игрушечный человечек на ялике приблизился к берегу, бросил весла и побежал под тент кафе «Пеликан». Когда-то там подавали необыкновенно вкусные маковые баранки, мягкие, осязаемо зернистые.

Геофизический поселок состоял из сборно-щитовых временок, собранных в каре. В центре – камералка со столами, заваленными образцами, с железной печкой, щелястыми стенами, завешанными плакатами: «Одиночные маршруты приводят к несчастью», «Остановись, когда ослеплен транспортом» и, над вешалкой, «Не забудь надеть каску».

Михал Иванычу Варачеву, нашему геологу-прорабу, в том давнем году, первом году хрущевской семилетки, стукнула сороковка – это срок. Но чувствовал он себя пацаном. У него была своя система, казалось бы, мелких, но на самом деле чрезвычайно полезных привычек. Например, горячий обед в любом положении. В час дня он бросал все дела и принимался разминать жесткий брикет концентрата. Спички Михал Иваныч всегда хранил в аммонитной бумаге, не пропускающей воду. Портянки он признавал только байковые, в самом крайнем случае из фланели. Когда бывало шибко тяжко, он насвистывал мелодии Гленна Миллера из «Серенады Солнечной долины»: «Мне декабрь кажется маем», «В настроении», «Лунный свет», а если уж совсем туго – бацал «Чаттанугу-чучу». На пижонские геологические сапоги с отворотами и мушкетерскими пряжками он набил стальные подковки. Помогала ему эта самая «чуча», и эти веселые американские парни в пиджаках с вот такими плечами, и встают все тромбоны и все саксофоны. Невеста Гленна Миллера ходит, волнуется: где же ее женишок? Все на ушах, а он в это время раскатывает под такую шикарную музыку с Соней Хейни, молодой, если не сказать юной, девушкой. Просто жуткая история, жуткая трагедия. Правда, какая может быть особенно жуткая трагедия, если у них есть ванна, горячая вода, если им не надо каждый день топить печку?..



У Михал Иваныча была даже накрахмаленная скатерть – не кухонная клеенка, прорезанная и прожженная, а именно скатерть. Газетка на столе – ни в коем случае. Жил он, как живут геологи при буровых, – в тепляках, перевозимых сооружениях из пронумерованных бревен. Тем не менее он любил расстелить скатерть, поставить в центр стола печенье «Садко» в коробке. Он очень любил печенье «Садко» в коробках. Жаль, что нигде не достанешь индюшку, чтобы в хорошую минуту приготовить ее с черносливом.

Большая мечта была у Михаила Иваныча – открыть нефть. Но открыть ее в новом регионе. Потом выйти на пенсию и поселиться в каком-нибудь научном городке, вроде Дубны, чтобы вокруг было много молодежи, творческой молодежи, идущей по тропе науки.

До Суйфуна он работал в Минусинской впадине. Когда выяснилось, что в Минусе нефти нет, он перебрался на Западно-Сибирскую низменность. Проводившееся здесь долгие годы бесплодное бурение породило некоторую безнадежность, но огромные пространства оставляли какую-то надежду. Опорные скважины, расстояние между которыми составляло сотни километров, медленно продвигались на север. Это опорное бурение многие называли аферным. Почему на юге? Считали, нефть нужна не где-нибудь в болотах, в тундре, а рядом с железной дорогой. Когда-то министр путей сообщения Лазарь Каганович толстым синим карандашом отмерил сто километров к северу и к югу от Великого пути: «Здесь ищите! Найдете – пригоню вагон коньяка высшего качества! Не найдете...»

«Пусть вдарит нефть, – думал Михал Иваныч, разламывая по трещине свежий кусок керна из скважины, – пусть рванет, пусть, пару ребер не пожалею на это дело! Но быть первым! Первым!»

Старого сучанского бурмастера Каратина Ивана Харитоныча звали дедом, батей, а чаще просто мастером. Он держал гадюку корявыми пальцами (их было у него шесть на правой руке), оттягивая шкуру, как изоляцию, разглядывал белые мешочки с ядом под зубами: «Ишь, змеюки на буровую поползли – похоже, тайфун будет». Но не очень опасался

его мастер – по ковру бурения скважины на август-сентябрь выносили высоко по рельефу. Он всю жизнь занимался разведкой угля в Сучанском бассейне. Шутил: бурила должен быть сильным и тупым, в кармане шкимарь, нож, пара сухарей и штопор – спутник буровика...

Когда собрали народ – кто поедет на Суйфун? – он и не собирался никуда ехать. Суйфун – это далеко от дома. Но когда его друг, спокойный и рассудительный мастер Иван Рожев, поднял руку, Каратин поразмыслил и тоже напросился. А что? Дети выросли. В Сучане он мог бурить с закрытыми глазами. Но работа здесь кончалась. Еще была причина – хмель, хмель глубокого бурения, все глубже и глубже – хмель, хмель!

Оба мастера, «два Ивана для выполнения плана», перебирали списки добровольцев. Это были в основном ребята после армии, сплошь охотники и рыбаки. Рожев некоторые каратинские кандидатуры отвергал с ходу.

– Я, конечно, не на сто процентов, но все-таки могу определить, кто чего стоит, Харитоныч. Сабурова не бери. Отлично работает только на глазах, а так дисциплинка хреновая. Монолог Арбенина читает. С ним хлебнешь горя. Бери в дизелисты Ваську Вагина, хоть он и провинный. На море ходил радистом. Может подкеросинить. Но на работе не керосинит. О нем была нелестная характеристика. Я ему говорил: «Вы работаете ничего, но ты иногда напиваешься. Мало того, ты дерешься». Он дал слово. Проведи с ним беседу один на один. Ему можно верить, Харитоныч. Я специально обращал внимание на такой фактор, как пьянка. Далее. С Колей Журило дружит Серёга Желнин, в основном на почве рыбалки и охоты. Желнин не скажет: «У меня шестеренка накрылась». Ты знать не будешь, что у него ломалось. Крепкий, умный, самостоятельный, отличный парень. Ему можно верить. Помнишь, как он перегонял трактор из Кавалерово? Утром в чайной рассказывал, я сам слышал: «Как грязь на траках подсохла, я взял зубило и всю ее вырубил. Трактор как яичко очистил».

И все же народу на Суйфун не хватало. На Развилке, у автобусной остановки, повесили объявление: «Требуются...» Миша Землянко пришел из деревни Пушкино по объявлению – он корнещик, ловец рысей и тигров для зоопарка. Потом появился Женя Кокуев, типичный бич лет под сорок



в седых лохмах, зюйдвестка и энцефалитка на голое тело, все имущество – коробка из-под монпансье с замасленными ключами и со Звездой Героя Советского Союза. На войне был истребителем, его сбили над Сухиничами. Кокуев на траулере коком ходил, и Каратин определил его поваром. Оправдывался: «Не брать же бабу. Баба, она и есть баба. Вокруг ребята молодые, горячие. Известно, чем это дело кончается. А мужик, он и есть мужик». Кокуев был доволен: «Поближе к кухне, подальше от начальства. Мастер мне деньги на книжку будет переводить».

Аварий и каких-либо ЧП Каратин не признавал наотмашь, да и слова этого не применял – «авария»: «Такого у меня быть не может». Другое дело – «событие на скважине».

– Я не знаю, что такое простой. Подъем, выбил керн и маши верховому – нечего курить, спуск. Потом дави, но не так, чтобы инструмент ломать, чтобы скважинка ёкнулась. Если потеряешь ствол, ставь мост – и в сторону. Бурильщику что нужно? Твердость. Он, бурильщик, очень чувствует, если ты дрогнул. Ведь надо держать на рычаге давление атмосфер в сто двадцать. Стань рядом с бурильщиком, руку на плечо положи – он враз спокойнее делается.

– Здорово, Иван, – кричал Каратин по рации, – как жизнь? Потихонечку? Как скважинка ведет себя? Тоже потихонечку? Моя ведет себя ничего. Солярка есть. Вот с куревом плохо. Курю махорочные, так печенка от них болит. «Беломору» нету. Но ничего, это не ходовая часть. У тебя всё? У меня всё.

Плыло по небу легкое облачко. На верхушке буровой вышки люлька верхового рабочего, в просторечии «голубятня», «капитанский мостик». Как в органе, стояли рядами трубы, их зовут «свечами». «Свечи» заведены за «подсвечник», залитый глинистым раствором.

Я подошел к ротору, заглянул в скважину и зачем-то «Хо-хо-о!» крикнул вниз. Звук, отразившись от уровня жидкости, вернулся приглушенный. Слышались в нем подземные шумы и гулы. Сейчас бурильщик станет за рычаг: «По-е-ха-ли!» «Свеча» качнется, потянет, как живая. Кордебалет сразу не получится. Потом пойдет: движение, рывок, шаг в сторону

и – у-ух! – «свеча» уходит в землю. Одна, другая... Вот она трепещет на весу, лови ритм, хватай по-кошачьи, царапным движением, чтоб не она тебя, а ты ее потянул, слушай, слушай – «лови кермак!». Железо лязгает о железо, и вот колонна и режущий инструмент – победитовая коронка – уже на забое, и самая верхняя рабочая квадратная труба, «квадрат», начинает медленно подаваться в землю, неотвратно, как ход часов, незаметно, как трава растет.

Вахта с грохотом входила в тепляк. Сбрасывали брезентовые робы, яростно отмывались. И вот все сидят за грубым, из дюймовых досок, столом: «Ну, скоро там? Живей! Неси! Горячо сыро не бывает!» На закуску – енотовое сало с чесноком.

– А ты, геолог, чего локти-то расставил?

– Не служил, видать.

Кок в зюйдвестке разливал флотский борщ. На второе макароны по-флотски. На третье компот из железных дембельских кружек или же чай, как деготь, на стене бухта актинидии, лимонника по-здешнему, отрезай сам, душа мера.

– Эх, скорей бы на пенсию да внучат понянчить.

– Ты женись сперва.

– С аванса женюсь...

Вечером по приемнику «Огонек» искали радиомаяк для рыбаков. Японцев, в отличие от «Голоса Америки», не глушили. Чё глушить-то? «В эфире «Альбом японской музыки и поэзии». Ансамбль «Китамура» исполнит композицию «Осенний клен и полная луна смотрят на вас»... Когда все покрыто красным пожаром, кажется, что на тебе, о Фудзи-яма, кимоно из кленовых листьев. Осенний ветер. Все проходит. Прошло и сверкающее лето. Хор ночных насекомых сливается с лунным сиянием. Всем вам привет из далекого Токио».

Токио – это для Москвы далеко, а здесь, на сопках, такое же красное кимоно из листьев маньчжурского клена, и где-то в нем прячется утка-мандаринка!

Москва передавала скрябинского «Прометей».

– Ну и музыка! Хреновина какая-то.



– Коля Журило, ты ближе всех, поищи легкую музыку, в елку гвоздь! Вот раньше была музыка – куды твое дело! Эх! «Метелица», «Подгорная»...

– Оставьте эту, – сказал я.

– А может, это не хреновина, – неуверенно сказал Сергей Желнин. – Может, мы не понимаем эту хреновину.

– Херня какая-то. Ты! Геолог! Романтик-херомантик! По-э-зия! Чув-ства! Твой романтизм до первого ревматизма. Запомни, парень: здесь с этим не считаются. Здесь этим пренебрегают.

– Пива как охота с корюшкой-то. В ресторане «Уссури». Да еще и музыка такая – плакать хочется.

– Аж душа плачет, – насмешливо сказал Каратин.

Духовые еще не соткали небо, и труба еще не уходила ввысь...

Когда-то мы с Вадиком вышли в узком арбатском переулке сразу за театром Вахтангова к дому со стертymi ступенями. Круг света падал на стол, на красное яблоко на столе. И мы почему-то вошли в этот дом с венецианскими фонарями в прихожей, с абажуром над большим столом – музей Скрябина.

– Вас как зовут? Сеня? Какие цветы вы любите? Ландыши? Ландыши любил Пётр Ильич.

– А вы? Розы? Они нравились Вагнеру. Скрябин же любил белые лилии.

Безумное превышение сил! Написать «Поэму огня» со световой клавиатурой, звуковыми вихрями! Задумать «Мистерию» – на языке звука, жеста, цвета, чтобы после нее мир изменился. Начать ее колоколами, звучащими с неба в индийском храме с прозрачной, текучей архитектурой, с колоннами из благовоний, пригласить Алису Коонен и Качалова, чтобы исполнять ее семь дней подряд, передать музыкой все краски заката, ввести шепот хора, страдать от невозможности всего этого! И не отказаться от невозможного, а начать писать «Предварительное действие»! Умирал – последние слова: «Как же вы без меня будете?»

– Да он чеканутый был, – сказал мастер Каратин.

– Нет, он был такой: все говорят, это невозможно, а я сделаю. Сделаю! Я знаю таких ребят.

– Может, и не зря эту херню гоняют днем и ночью.

Перед сном я перечитываю письмо дяди Андриюши: детские слова, с сильным левым наклоном нацарапанные на квадратике какой-то плотной, необыкновенно зернистой бумаги: «Как я живу? Идет дождь, и отражения в лужах, и деревья мокрые. Комната теплая, как картина Шардена. Старый узорчатый ковер на стене. Спокойные обои. Я просыпаюсь ночью, зажигаю лампу и читаю письма Ван Гога. Я читаю ночью своими старыми глазами, потому что днем я должен работать. Утром с закрытыми глазами иду на кухню зажечь газ, поставить чайник. Твоя плеть лимонника украшает стену. Луковица в баночке. Впереди день для живописи. Ничего не знаю про следующий день, но этот день – мой. Живи в радости».

– Вставай, мама приехала!

Это мастер будит ночную смену.

На рычаге стоял Сергей Желнин. Он давно привык к тому, что приходится вставать ночью, натягивать робу, идти сквозь дождь на буровую, – притерпелся, приморгался. Он знал норы своего станка ЗИФ-1200. Ему нравилось сжимать тормоз лебедки, ощущать в руке вес полутоннаметровой колонны, невообразимо хрупкой и тонкой. Он находил удовольствие даже в том, чтобы в одиночестве стоять у рычага, следя за продвижением «квадрата» в глубину. Прижав к его грани «электрическую» косточку у локтя, он мог определить по вибрации буримость породы, когда дать слабину, а когда нажать. Полметра прошел, дал нагрузку – воет, дальше не идет; приподнимись над забоем, дай промывку, нажми как следует – еще пару-тройку метров возьмешь. В движении штоков насоса была гармония хорошо взаимодействующих механизмов.

Мы стояли с Михал Иванычем у желоба с глинистым раствором, выходящим из скважины. Ровная, тугая струя, теплая от земного тепла, шла с километровой глубины.

– Лена-Яна-Индигирка-Алазея-Колыма! Край холода, голода и золота, как говорится. Там два времени года: мороз и гнус. Партию забросили в конце зимы, с «весновкой» то есть. В войну рабочие в партиях ходили в лаптях. Полага-



лось четыре пары на сезон. А геолог носил чуни – обливные галоши с брезентовыми голяшками. К середине лета пооборвались, конечно. В полевой книжке я писал стихи. Такие, например: «О, тундра, тундра, как ты пустынна. В тебе лишь гнуса изобилъе, а для людей одно унынье...»

– А в тундру-то вы как попали?

– Скажу так, мин херц: не по своему желанию довелось мне изучать геологическое строение этой труднодоступной, но весьма перспективной территории северо-востока нашей необъятной родины. Один раз, в июле уже, чукчу встретили. «Спирт есть?» – «Спирта нет». – «Курить есть?» Достали махорку, а он нам газетку, сложенную в шестьдесят четыре раза, «Магаданскую правду». Я ее развернул и заорал: «Люди, война кончилась!» Мы выпили спирта из энзэ. Я прочитал всю газету – от «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» до телефонов редакции. В самом конце, мелким шрифтом, объявление о приеме на курсы коллекторов-съемщиков в Магадане. Триста километров до Магадана. Начальник отпустил меня. Я взял овса, спичек, мелкомасштабную карту. Завернул ее в аммонитную непромокаемую бумагу и сунул за пазуху...

Как он попал на Колыму? За что? Почему не рассказывает?

Каратин подошел незаметно, провел пальцем по вздрагивающей шелковистой струе.

– Раствор что гусь, – и отошел к насосам.

– Как девичья грудь, – задумчиво сказал Михал Иваныч.

– У вас была девушка?

– Друг сердешный, кого было любить? Белых медведиц? – Михал Иваныч засмеялся. Улыбка трогала только углы губ. – Как-то раз заблукал. Одну речку переходил четыре раза. Один раз видел человека. Видать, зэк беглый. Прошли мимо друг друга по гальке. Веришь ли, ни один камень под ногой не лягнул. После этого спал сидя, с ножом в руке. Нож выпадет – просыпаешься. Через неделю я шел шатаюсь. Над головой небо качается серое, под ногами тощая земля. Увидел огонь – пошел напрямик, расставив руки. В избе мужик сеть плетет. Печь топится, жильем пахнет. Очнулся на лавке. «Что с тобой?» – «Сам хочу узнать, что со мной».

Михал Иваныч зачерпнул раствор и прошептал:

– Ёк-макарёк! Мин херц, уголек! Угольная крошка пошла!

Каратин рассудительно сказал:

– В Сучане перед первым рабочим пластом тоже сажистая порода есть, с вершок. Здесь-то как будет?

– Я чувствую, порода меняется, – кричал Сергей от рычага. – Песчаник-то я как репу резал. А к углю всегда крадучись, на цыпочках, чтоб не размыть его!

Я процедил раствор сквозь пальцы и, приблизив к глазам, увидел крупинки угля, полуматовые, чуть поблескивающие.

Коля Журило готовился к длинному выходному, начищал чешские штиблеты:

– Ох, ребятки, с какой пацанкой я познакомился в Уссурийске, на Зелёном острове! Я не могу вам передать. Любашей зовут. Смеется пискляво-пискляво, ну как колокольчик все равно. Каждую ночь на ум прибежит. Глаза карие-карие, волосы рыжие-рыжие...

– Любовь, говоришь? Но в Приморье, сам знаешь, женщины без любви, а цветы без запаха...

– Это про Колыму говорят, Иван Харитоныч, а здесь виноград растёт, как в Крыму.

– Широта-то крымская, а долгота колымская.

– ...Волосы у нее как медная проволока трехмиллиметровая, я не могу! Глаза!

– Ты, Коля, выбирай, чтобы баба была самостоятельная. Лучше искать в колхозе, а не на Зелёном острове. Главное запомни: женщина любит тёплый бок.

– Ничего вы в этом деле не смыслите, Харитоныч. Она мне свою карточку подарила и написала: «Мои мечты только о тебе».

Коля тщетно выискивал любовные сцены в томе «Моби Дика», обернутом в «Тихоокеанскую звезду». Я дал ему Шергина, и он впился в «Митину любовь», про Машеньку Кярстен.

С Колей Журило мы каждое утро переплываем Сандугу – кто дольше продержится. В ноябре: всё, всё, ничья, ничья, всё отмерзает – уши, пальцы, всё остальное! Коля засмеялся: ладно, пусть будет ничья.



На что я мог надеяться? Весной, едва вскрылись реки, Коля на длинный выходной уехал к Любаше. В Раздольном он между льдинами переплыл Суифун. Одежду – в ремень, на голову, в зубах нож – ногу порезать, если сведет. На том берегу мужики хотели его выпороть, костер развели...

– Миша, расскажи, как рысь ловил.

– Телогрейку погубила мне! С дерева прыгнула нах... За плечо цапнула, аж всю вату вырвала нах... На кино ее снять не успели, так мы отпустили, – зевнул, – потом снова словили нах...

И примолкли сучанские охотники. Рысь они, конечно, видели – после корейской войны ее много стало в Приморье. И амбу видели, тигра то есть. Но ловить зверя живьем, да еще и выпускать его!..

Другое было у них – море. Много чего узнал я в приморских тепляках: что значит пить чай на клотике с кранцами, что значит встать лагом к волне, носом на волну. Швартовы на кнехтах! Фал на нагеле!

Вася Вагин уже начал свой бесконечный рассказ о том, как «Капитан Мелехов» бил лед в проливе Вилькицкого. Как бывший радист, он иногда сдваивал слова.

– Пролив Вилькицкого, пролив Вилькицкого. – Он сидел на койке, свесив тяжелые руки. – Ледовая проводка! Мы триста миль били лед, а это ой много – триста миль. Нам кто мог доставить продукты? Проклятый пролив Вилькицкого! Проклятый Ю-Шар!

И вдруг запел:

– *Но моряки об этом не грустят!*

– У нас в бухте Провидения водки не было, а спирт стоил, дай бог памяти...

– У вас в бухте Провидения! А ты знаешь, почему картошка в Певеке? На материке говорят: если ты попал в Певек, ты уже не человек.

– Ты чего делал в Певеке-то?

– Чего делал? Золото искал. Есть такая контора – экспедиция четвертого района в Новоникольске, что возле Уссурийска. Ищут всё, кроме нефти, от Таймыра до Курил...

– Женька, ты где, сокол, поседел так? Сухиничи?

– Не, это пятьдесят второй год, как раз на ноябрьские. Парамушир, поселок Северо-Курильск, рыбзавод. Его тогда смыло с рыбзаводом. Море отошло, корабли легли – я в сопки ушел. А потом хренак, волна пришла с дом десяти-ети-этажный, цунами, весь поселок накрылся.

– В газетах ничего не писали.

– Я после того забичевал. Но, хусим, денег заработаю – и в Петрозаводск, к семье. Сначала – в ресторан «Похиелла», что значит «северное сияние».

– А я тогда на Сахалине служил. Ветер был в ту ночь, что ты! Стояли через час в усиленном карауле. Телогрейка, полушубок, шуба. Через час плечи отваливаются. Щеки вазелином мазали.

– *Простор голубой,
Волна за кормой!
Гордо реет над нами
Флаг отчизны родной!*

– Мать родная тебя не погубит, Вася, а погубит простор голубой.

Небо в тот день было задумчиво-синим, с просвеченными слитками облаков. Смена закончила подъем. Выбили керн из грунтоноски. Ребята вышли на мостки.

Коля Журило бежал из тепляка по щедрой грязи в своих шикарных чешских «корочках», кричал что-то, ветром уносимое.

– Наши в космосе! Юрий Гарин! И музыку гонят – вроде бы того чеканутого! Вроде как труба! Вира! Гарин! Юрий Гарин!

– Гарин? Инженер Гарин?

Когда начали спуск, «свечи» только свистели. Первая ступень! Пошла! Вторая ступень!

*Хватай «свечу», лови кермак –
Не ловится назло.
Железо нянчить на руках –
Такое ремесло!*

Не успели опомниться, как инструмент оказался на забое и коронка начала врезаться в недра. Отобрали керн – и вира! Где геолог? Опять чай с кранцами на клотике пьет?



В апреле воздух кажется гибким, нарождаются туманы и плывут по чистым водам. Жизнь кажется бесконечной, а если и придется когда-нибудь расстаться с голубой Землей, то лучше всего именно в апреле уйти за синим дымом, за речным туманом, когда дикая груша цветет и красноперка прет по рекам...

– Триста миль «Капитан Мелехов» бил лед, и никто, никто не мог доставить нам продукты. А вы знаете, когда люди долго не кушают, они как волки становятся, как волки. А я человек спокойный, спокойный. Натощак я очень спокойный. Еще был случай у острова Жохова...

– Лучше всего, Васька, мотористом на «кавасаки». Там двигатель одноцилиндровый.

– Хотя куда, лишь бы на море. Живот у меня болит. Только «Ласточка» помогает, напиток «Ласточка» помогает. А все проклятый пролив. На улице, на Китайской улице во Владике, меня за хобот взяли. У меня нет прописки и нет пропуска. Ни прописки, ни пропуска. А мне надо выйти в море. Я, как Пётр Первый, все равно выйду в море! Но мне объявили: вам закрыты виза номер один – иностранные порты, виза номер два – нейтральные воды, виза номер три – прибрежные воды.

И завел любимую:

*– В рейс уходят корабли,
Удаляясь от земли,
И большие корабли, и малые...*

– Горел бы этот дизель синим пламенем, мне здесь не проханже. Уйду на краболов. Что за жизнь в тепляке? То ли дело море. Помню, шли мы Четвертым Курильским проливом, Четвертым проливом. Попали в рифовую ловушку, подняли штормовые паруса. Шли, меняя галс, пока не вышли вслепую...

Вася Вагин уйдет на краболов. С марта по октябрь он будет в море. Он выйдет из бухты Диомида ловить сайру и злого охотского краба. В нейтральных водах к ним будут подходить японцы в желтых робах и кидать девчатам конфеты. А наши будут кидать им буханки хлеба. Но по ночам

Васе будет сниться буровая, застигнутая тайфуном, как корабль в море...

Женя Кокуев все-таки получил на руки деньги, рванул на попутке в аэропорт Артём и после учиненных там бесчинств выкрал в ресторане «Полёт» балык, угнал мотоцикл и был схвачен милицией в Раздольном. Каратин еле отбил его и определил рубить площадку для вертолета на Сандуге.

– Опять стою на краешке земли,
Опять плывут куда-то корабли!

– Серёга, ты чего это Васькину песню поешь?

– Вот что, – сказал Сергей, – все вместе едем в город.

– Правильно, – сказал Коля Журило. – В ресторан «Уссури» на пиво с корюшкой. Как пива попьешь, грудь во какая делается.

Грудью Коля называл живот.

– Мы поедem в город и сделаем фотку. Все вместе. А то Вагин уехал, и мы все можем разъехаться.

«Ласточка» летела вдоль протоки, мимо цветущих абрикосов. Стояли в кузове, держали друг друга за плечи.

– И уйдет последний пароход, разрезая лунную дорогу!

– Экипажецка рубашка,

Норовецкой вороток.

Окол шеечки платок

Словно розовый цветок!

В Уссурийске над базарчиком, где можно купить все – от заспиртованного краба в банке до адмиральского мундира, от бамбуковой колыбели до японского портсигара с видом Фудзиямы, – в красном ворохе кленовых листьев, в котором спряталась уточка-мандаринка, над толкучкой, над развалами барахолки медленно прокручивалась наглядная агитация в виде голубой планеты: «Товарищи, Советская земля отныне стала берегом Вселенной!»

Крутится-вертится шар голубой...

В фотографии на Некрасовской улице долго рассаживались. Михал Иванович достал дамское зеркальце: «Не нравится мне мое лицо. Подбородок какой-то хреновый. Неволевой».

Остановились на варианте «футболисты, выигравшие Кубок страны». Задние стояли, скрестив руки, а мастер в цент-



ре как бы держал приз. Передние сидели на корточках – одна рука на коленке, а другая – как при низком старте.

Я увидел, как растет женьшень! Миша Землянко обул меня в ичиги, чтобы не топал сапогами, не то корень затаится, заснет. «Кажин год дает по два листочка по кругу. До верха дойдет лет за пятнадцать – тогда зацветает». Он отогнул папоротник, выкопал корень костяной лопаткой, уложил в короб из кедровой коры.

– Грамм с четыреста пятьдесят корешок будет. Одна грамм-мулька четыре с полтиной стоит. Видишь, голова, руки, ноги, шишка. Голова болит – берешь от головы, рука – от руки. Есть на примете еще корешки, и не одна семья. Никто не должен знать. Ты вот что скажи, геолог, как найти золотой сундучок? Не знаешь? Чему тебя учили? Бежит ручеек, моет-моет песочек, а золотишко само в выбоине копится, вроде сундучка получается. Найдешь такой сундучок – и можно больше не работать.

Поверх энцефалитки у него зеленый, под цвет природы, армейский бушлат. Шел впереди, бесшумно скользя между деревьями.

– Лежка кабанов. Здесь козочка прошла. Тут два козла дрались, а козочка наблюдала, значит. А это заячья лежка. Заяц ведь спит как человек. Растянется и сон дает, клопа давит.

Тяжелые краснощекие фазаны с зеленой побежалостью в пере трусили, потом взлетали с разбега, как тяжелые самолеты. Вода в таежных реках цвета крепкого чая, как вытяжка из нефтяного керна. Шуки стояли на отмелях против берега, грелись на солнце.

Миша говорил все тише:

– Бурундук.

Дерсу Узала говорил про муравья: «Его тоже люди, только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, все равно люди».

Я шел, раздвигая высокую траву, какие-то огромные цветы, и чувствовал себя Гербертом из «Таинственного острова».

Вэк-вэк-вэк!

– Мандаринка. Утка, а за ней селезень.

– Где?

– Дупло нашли... Ага, не понравилось, дальше полетели.

– Где, где?

Бурая листва лежала на светлой и коричневой земле. Тени и куски света сквозь листву пятнами и полосами падали на землю, и земля ловила свет. Свет обесцвечивал траву. Я боялся ступить на этот ковер.

В зеленый город Уссурийск везли корейцы рис. По речке Сандуге – лоза. В лозе кричал фазан, и камни, яркие от брызг, слепили мне глаза. Когда-нибудь я вспомню этот день.

На площадке верхового, «капитанском мостике», появился красный флаг – Каратин взял в местком под расписку. Слух прошел, что первый секретарь ЦК едет на встречу с Мао, великим кормчим. Коля Журило на спуск-подъем чуть не в галстук выходил.

По дороге из Артёма Хрущёв углядел флаг на вышке, спрятанной между сопками: интересно, что они ищут?

Хорошо, что не заехал на буровую. Вывал шоколадных мергелей в скважине зажал колонну труб. Это был бунт недр. Каратин махал шестипалой рукой, чуть не до мостков сгибаясь от ярости:

– Двигаетесь как загробные тени! Дети какие-то собрались, мать вашу дивизия!

Он сам встал за рычаг. На этой планете он был один на один с этим бунтом. Он не мог допустить, чтобы осложнение перешло в аварию – рваные края, смятая в макароны стальная колонна на забое. Мат такой, что приведишься быть женщине, она бы с ходу забеременела. Мастер вырвал колонну и передал рычаг Желнину. Выпил дембельскую кружку холодного кваса:

– С вами запоешь разлуку.

«Ты, Миша, уехал из Западной Сибири, а мы все-таки нашли здесь флюиды» – так высокопарно и в то же время несколько злорадно написал Михал Иванычу Рауль Сабир-рыч, или, как его звали за глаза, Руль Сибирский. Большой разворот намечался в Тюмени, но возвращаться туда Михал Иваныч никак не хотел, хотя Руль Сибирский настойчиво приглашал его. Гордость не позволяла прийти на готовое – «жопа в мыле, грудь в растворе, но зато на Самотлоре».



Из Минусинска писали ему, что начинается разведка в междуречье Зеи и Буреи. В самой Зейско-Буреинской впадине нефти пока не обнаружено, но она установлена в аналогичной впадине Сунляо в Китае, и как раз туда вели погрёбённые Поярковские ворота.

– Что ж, посмотрим ваши веселые картинки. Черти зелёные, испортили нам весь суйфунский планшет. Сверху он так красиво залит базальтами. Что под ними – мы ничего не знали. А там новый угольный бассейн.

– Игорь Ипполитыч, – заикаясь, сказал Целакант Петрович, – ребята надыбали интереснейшие вещи... поперечные к Сихотэ-Алиню... – показал поперечность ударом ребра ладони. – Линеамент... кучу разломов. Даже вулкан с туфом в жерле.

– Им надо нефть искать. Нефть, а не вулканы.

Слово «линеамент», диковинное и летучее, мы впервые услышали от Целаканта Петровича. Он разбил Сихотэ-Алинь на пластины, собрал осколки Китайской платформы, посмотрел на континент со стороны океана и узрел, вынюхал зональность не северо-западную, сихотэ-алиньскую, а поперечную. Он схватился с самим Игорем Ипполитычем, сторонником традиционной схемы. Целакант, названный так в честь сенсационно обнаруженной в океане ископаемой рыбы, нарисовал всё поперек. На ученом совете вышел Игорь Ипполитыч в шикарном костюме с бабочкой, показал шикарную цветную схему Сихотэ-Алиня. Потом вылез из-за пенька Целакант в мятых штанах, в ковбоекке, повесил мятую карту на синьке. Ипполитыч: «На моей карте все отчетливо видно. Нет никакого Усури-Ханкайского линеамента». Целакант проиграл вчистую.

– Как же его нет, – пробурчал Вадик, – если он отделяет Хонсю от Хоккайдо.

Игорь Ипполитович закатал рукава, взял карандаш, хищно нагнулся над картой.

– Вы нашли купол. Вот он, Борисовский купол. А вы ходите вокруг него, как коты вокруг сметаны.

Но точку не поставил, бросил карандаш.

Михал Иваныч положил руку на карту:

– Точку поставить нетрудно – в свод. Но ведь нужен тяжелый станок.

– То-то и оно, – Игорь Ипполитович огладил бороду. – Вся техника ходом идет в Западную Сибирь. Там такое творится – жемчужина на жемчужине: Усть-Балык, Мегион. Хрущёва сняли, и вопрос о нефти с контроля сняли. Гурген Павлович мне так и сказал: на нефть в Приморье – ни копя.

Защиту отчета мы отмечали в ресторане «Челюскин», где гудели китобои – флотилия «Алеут» вернулась. Вначале все было хорошо. И тосты были традиционные:

– Чтобы Тихий не обмелел!

– Чтобы рыбаки не остались без работы, а море Балтийское превратилось в водку московскую! (После этого полагалось крикнуть и сказать: «Крепка же советская власть на Дальнем Востоке!»)

– Чтоб до смерти девки снились! (Рыбацкий вариант: «Чтоб буй стоял и лодки плыли!»)

Оркестр играл марш китобоев из оперетты «Белая акация» – время от времени кто-нибудь из мареманов, колыхаясь, подходил к оркестру и швырял деньги: марш китобоев на все! Михал Иваныч заказал «Чаттанугу-чучу», бацал степ, но недолго – опять грянул марш китобоев.

Потом была сцена из ковбойского фильма, драка с китобоями, наряд милиции. Выручал Михал Иваныча сам Берснев. Его-то, главного геолога, весь Владик знал.

Михал Иваныч лежал на койке, заложив руки за голову.

– Я к ним подсел. Они всех китов перебили, вот и переживали: тунца надо ловить. Потом будто большой черный кот пробежал между нами. Начались традиционные слова о том, куда всем вместе и каждому в отдельности следует идти. Ну и попал под раздачу! Разговор плавно перешел в драку. Кто-то мне как ухамазал! Но я под столом ему так двинул ногой – стол опрокинул. Но они оказались крепкие ребята. Одного-то я уложил, а с другим справиться не мог. Выпал в осадок, в лежку. Очнулся в камере. Майор говорит: «Вы одного китобоя крепко ударили. Вы ему заехали в район яиц». Хорошо, что майор уральцем оказался.



– Я из-за вас всю ночь не спал.

«Уралец его спас. В тундре оказался не по своему желанию. Понятно. Вот так и попадают за решетку. Или отправляются рубить площадки для вертолетов».

«Подумаешь, он ночь не спал, переживал. Почему он должен мне верить? Когда-то я думал, что буду жить всегда, лет триста, как слон. Но когда сердце прихватило, дошло до меня: я, как и все, умру. А ведь я такой же мальчишка, каким на Колыму попал, вчерашний детдомовец – маленький, тощий, конопатый, одна штанина выше другой, в серой блузе чуть не до колен, пятьдесят второго размера. В ней и поступил на геолфак в Пермский университет.

Общую геологию нам читал Николай Палыч Герасимов. Жил в комнатухе при факультете, там и зачеты принимал. Сынишку назвал Индикатерием, мы его Индриком звали. Чай, хорошее печенье «Садко» в большой коробке. Никогда мне, беспризорнику, не было так хорошо. И вдруг дело завели на Николая Палыча. И зачеты на дому ему припомнили, и чай с печеньями. Собрание: осудить надо Николая Палыча. Я поднялся в своей серой блузе: за что? за что осудить-то? Много чего наговорил и на пляж ушел. Весна в тридцать восьмом жаркая была. В общежитие поздно пришел, на ужин принес французскую булку. С соседом Гришкой Гольдштейном, инструктором планеризма, чайку пошвыркали. Полбулки осталось – я в тумбочку сунул.

Только уснул, комендант входит, с ним двое. «Товарищ Варачев, – говорит, никогда иначе не звал, как шкет или Мишка, – товарищ Варачев, к вам два раза приходили, да вас не застали». Сунули бумагу – обыск. «Где ваши вещи?» – «Какие вещи? Всё в тумбочке». – «Пошли, Варачев». – «Возьми с собой полбулки-то», – Гришка говорит. «Да ладно, я скоро вернусь». Как же, вернулся. Вот такие элементы... Сейчас на бочок и хру-хру-хру. Пивка бы свеженького, холодненького, с орешками соленьенькими, с корюшкой копчененькой».

– Всё в порядке. Я трезв, как бутылочное стекло. Ты мне веришь?

– Михал Иваныч, мы с вами из одной друзы.

– Опять романтизм.

– Когда работаешь, как щегол тонкий и жрать все время хочется, – ворчал Сергей Желнин. – А сейчас ходишь как директор – и пузо вперед.

От нечего делать он колот дрова, а так хотелось постоять за рычагом лебедки, чувствуя твердеющей рукой нарастающий вес колонны. Буровики-то понимали, что это такое, когда геологи пишут окончательный отчет, говорят о мобилизации средств, когда на утреннюю оперативку приходят вербовщики из дальних экспедиций.

Каратин горячился:

– Ну, чего приехали? Дайте хоть скважины добурить. Шпарьте назад, на свою Дальнюю речку.

– Не волнуйся, Иван Харитоныч, – говорил рассудительный Рожев, – давай поговорим, узнаем, как у них с деньгами, с жильем, как у них с охотой и рыбалкой.

– Опять геологи что-то придумали. То нефть ищи, то не ищи.

– Геологи не виноваты, Иван Харитоныч. Давай-ка лучше кадрами займемся. Я, конечно, не могу на все сто процентов определить, но что за человек, я могу сказать.

– Рука у меня тяжелая, шестипалая, сердце у меня грубое...

Не знаю, не знаю, стяхнут ли через сто лет пыль с отчета о работах Суйфунской нефтяной партии и прочитают ли в главе «История геолого-геофизической изученности» что-нибудь вроде такого: «Обветренные разведчики недр под муссонным норд-остом спустились с потухшего вулкана в цветущую долину реки Суйфун».

*Будем пить прощальное вино
Из эмалированных бокалов...*

Михал Иваныч прислал письмо: «Друг сердешный, привет тебе из Зяя-Буреинской, или, как здесь мрачно острят, из Зря-Буреинской впадины. В геологическом отношении здесь, образно говоря, пустыня Гоби и торричеллиева пустота. Поярковские ворота, ведущие в Китай, в нефтеносную впадину Сунляо, сузились до размеров узенькой-узенькой калиточки. Вот так, мин герц».



Колокольников переулоч. Волконскоит

– Сейчас я покажу вам Тёрнера. Он писал море, бесконечное движение воды, размытый горизонт. Там исчезают корабли. Он жил в доме у моря. Местные жители думали, что он старый морской капитан, который не может жить без моря. Облачное, жемчужно-серое море, песчаная коса, одинокая фигура человека, смотрящего в море. Волны разбиваются на песке. Так было при Гомере, и так будет всегда. Игра света моря и неба, блики, свежий ветер, запах моря.

– Андрюша! Дети хотят есть...

Волик пришел из рейса на «Петре Лебедеве». С одной стороны мыса Доброй Надежды – «Сергей Вавилов» с источником звука, с другой – «Пётр Лебедев» с гидрофоном, то есть подводным микрофоном. Оказывается, есть подводный звуковой канал, по нему звук идет на огромные расстояния.

– Для чего это нужно?

– Скажем, предупреждение цунами. Или вот еще. Помнишь, как в детстве было: сухой асфальт, а ты будто бежишь по краю озера, по теплomu слою, будто по лужам. Это простая физика. Лучи света, попадая в слой воздуха над сильно нагретым асфальтом, искривляются в нем, не доходят до мостовой и поворачивают, создавая впечатление полного зеркального отражения.

Так чем же он занимается, мой друг? Чистым познанием, уходящим в бесконечность?

– За встречу!

Мы сдвинули бокалы.

– Звон не тот! Почему нет звона?

– Это простая физика. Видишь, как много пузырьков, как они пляшут? Они гасят звук. Это Бреховских заметил.

– С зеленым цветом беда, – сказала тетя Корочка. – Пабло Пикассо просит у нас краску старых мастеров – травяно-зеленую землю.

Зеленый камень походил на окаменелое дерево.

– Это волконскоит.

– У нас в Приморье такого камня нет.

– Ты уже говоришь «у нас в Приморье». Этот камень нашли только в одном месте на Земле – в Пермской области, возле города Очёра.

Пабло Пикассо! Волконскоит!

Дядя Андрюша ел обезжиренный диетический творог, протертую морковь, по-детски повязавшись салфеткой.

Зазвонил телефон.

– Ну, это надолго – разговор об искусстве. Печенье «Садко» я на Кировской купила. Кондитерской от Филиппова уже нет, сломали вместе с кафе «Ландыш».

– ...Получается ученичество с тенденцией на мастера, виртуоза этакого шикарного... овладел гаммой – и Скрябина играю... Шум один, а Скрябина нет... Хокусай мог нарисовать – птица купается в радуге, сто видов Фудзи, тысячу видов моря...

Время будто остановилось. Блики на корешках «золотой библиотеки» сказок.

– Сеня! – закричал дядя Андрюша. – Замри, замри! Вот так, вот так держи руку, как держал. – Он схватил карандаш и первый попавшийся кусочек ватмана с телефонного столика. – Это неповторимо! Я выхожу из дома, иду на Трубную, на Цветной бульвар и делаю наброски. Мне хочется делать маленькие рисунки – быстро схватить лицо. Контур, анатомия, перспектива. Все, что нужно, – быть правдивым. Грубым, любым, но правдивым. Иногда я рисую дерево, кору его, траву. Как хочется рисовать траву, землю, простую землю. Скажем, канава, раскопали трубу – обнажилась почва, потом коренные слои. Тон и цвет. Все нужно схватить пером, карандашом, резцом, кистью! Это жизнь, это натура, и я хочу схватить ее. У меня может не получиться, но я буду учиться смотреть, я буду царапать ватман, пока не расслышу музыку...

– О, бокалы вздрогнули!

– Пузырьков мало – вот и вздрогнули! Простая акустика.



Сибирский тракт

После Южного Приморья, где на поверхности обнажены все двенадцать геологических систем и геологическая карта напоминает многоцветный персидский ковер, я оказался в Перми. Здесь на карте преобладает палевый цвет, цвет пермской системы, и по незнанию такой пресной казалась мне в те молодые годы геология восточной окраины Русской платформы!

Было когда-то на выезде из Перми, в том месте, где улица Героев Хасана переходит в Сибирский тракт, двухэтажное бревенчатое строение травяно-зеленого природного цвета – геолого-поисковая контора (ГПК), а при ней гараж, мастерские, шлифовалка и другие полезные службы.

Идут по Сибирскому тракту АМО-полуторки, студебеккеры-ктерпиллеры, мазы-кразы, победы-мопеды, «быки» и «ласточки», идут на запад – Глазов, Зуевку, Вятку – и на восток, сквозь темень, рев. Не бойтесь, это моторные испытания на заводе, который старые люди зовут Сталинским, а молодые – «Пермскими моторами». Хорошо, когда моторы ревут, значит, самолеты будут летать (это позже обкатка уйдет за город, на летно-испытательную станцию). В названиях улиц грозные директорские фамилии – Гусаров, Солдатов – или, напротив, вроде как нежные – Соловьёв, Лебедев. Бывает ударно, раскатно: улица Моторо-стро-ителей, в названии спрятан рокот мотора.

Летят мимо бетонные заборы, трубы, заводские корпуса, завод за заводом. Вдруг – стела, взлетающий самолет, в скверике – Чкалов, будто из тридцатых годов, чубчик кучерявый из-под шлема, в унтах, в летунской курточке, с планшеткой, из-под руки смотрит в хмурое небо, и каждую весну – слава богу, не снесли, еще и краской-серебрянкой выкрасили, и трамвай еще гремит, рельсы огибают место, где когда-то стоял дом частного сектора. Упрямый хозяин не желал идти под снос, и трамвайную линию пришлось закрутить. Совсем редко маленькие улочки, вроде Хлебозаводской, по которой далеко заплывает хлебный дух.

Летит по улице Героев Хасана узик мимо остановок с хрипящими и пердящими названиями: ПНИТИ, ТЭЦ-6, ЖБК, сквозь темень мелькнет пятно света – «Форд Верра-Моторс»;

летит «буханочка», отбрасывая жемчужную грязь на поребрики и отсекатели, мимо замершего завода «Велта», который кто как называет: велосипедным, патефонным, минным. Дальше Сибирский тракт, дальше Фролы-Клопы-Лобаново-Большой Буртым-Кояново-Бершетски лагеря. Дорога на Кунгур, Екатеринбург, через передовые складки Урала, Центрально-Уральское поднятие, зеленокаменную зону. И дальше – Обь и Енисей, Лена-Яна-Индигирка-Алазея-Колыма, Шикотан-Онекотан-Владик-Тихий океан.

УАЗ-469 останавливается у проходной зеленого дома номер шестьдесят восемь. Вахтер изучает командировку водителя:

- Машину в гараж. Ночевать будете в «морге».
- Как в «морге»?!

В войну в геолого-поисковой конторе размещали раненых. Умерших выносили во флигель. Название «морг» прикипело. Чужие пугались, а свои привыкли.

«Морг» вроде красного уголка, а скорее всего, ПДПС – постоянно действующее производственное совещание. На стене – геохронологическая таблица и карта тектоники Евразии. Самоварчик привезли из суксунской нефтеразведки. Пал Саныч Софроницкий, знаток пермских отложений, здесь частый гость. В войну, когда его дивизия стояла на границе с Монголией, он по второму тому Обручева изучал геологию Забайкалья. В «морге» много хороших людей побывало, много песен спето в застолье, особенно в День геолога и в День нефтяника.

*Чай поьем – орлом летаем,
Водку поем – землей лежим,
Деньги есть – с чужой гуляем,
Денег нет – к своей бежим.*

Как-то разговор зашел о геологических стихах.

Пал Саныч Софроницкий вот что нашел у Николая Клюева, никто такого не знал:

*Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилища пустынь.*



А Пётр Евсеич Коробецких крыл Мандельштамом:
*Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой влажных глин, над книгою земной,
Которой мучимся, как музыкой и словом...*

Когда запас стихов иссякал, начинались упойтельные рассказы.

– Приезжал в Пермь Крыжановский Владимир Иванович, минералог номер два после Ферсмана. Как-то раз, говорит, работали в Ивделе. Вечером собрались у костра. Пошел разговор о камнях, да такой, что давай горщики развязывать узелки, да камешки показывать, да хвастаться друг перед другом изумрудами, аквамаринами да ониксами. Был там один молчун, последним показал камень – изумительной красоты аметист. «Где это вы нашли?» – «Где нашел? Да в Урале нашел». Так всегда говорят, когда темнят. Крыжановский берет камень: «Не-ет, это вы не в Урале нашли. Это вы совсем в другом месте нашли». И – камень в воду. Тогда весь окрас и рубашки, и нижней одежды камня в отсвете костра преломляется в одну точку. И нюхом звериным по облику, по разливу васильково-синего цвета с переходом в водяную прозрачность, Крыжановский определил: Яблоневый хребет. Оказалось, тот молчун с семеновской бандой сейфы грабил.

Пётр Евсеич Коробецких применял гегелевские триады для понимания Урала и высказывал максимы:

– Геолог должен сидеть на одном месте, иметь крепкие, отполированные до блеска штаны и очень твердую задницу, дубленую, как романовский полушубок, широкую, как японский телевизор...

Это был такой высокий хмель!

Нет теперь геолого-поисковой конторы, и «морга» нет, но остались в геолфондах старые тома, и начинаются они, как это предусмотрено инструкцией по составлению геологических отчетов, с главы «История геолого-геофизической изученности территории», а в этой главе есть дежурная фраза: «В 1841 году шотландским геологом Родериком Импи Мэрчисоном была установлена пермская система». Шутники говорили, что банки, контролирующие списание денег на геолого-разведочные работы, не пропускают отчеты без этой фразы.

Однажды в «морге» заговорили о Мэрчисоне.

– Отчаянный был парнишка. Три геологические системы открыл. Три из двенадцати! Мы, бывало, перед трудными зачетами выводили на него Николай Палыча. И он сразу зажигался: «Ни черта бы из Родерика не вышло, если бы не Шарлотта!»

– Николай Палыч – это кто?

– Герасимов Николай Палыч, профессор геологии Пермского университета, он и сам был из отчаянных. Олег Анатольич Щербakov рассказывал, как он наглядно знакомил студентов со строением аммонитов: «Енцов, на стол! Ложись на стол, не бойся! На живот, на живот ложись!» Хвать студента одной рукой за ноги, другой за голову и – ноги к голове! «Сейчас мы это дело в натуре изобразим. Вот так, всем видно? Вот так, и только так закручивались юрские аммониты!»

А родом этот Мэрчисон из Шотландии. Бывало, Николай Палыч указкой лупил по столу: «Ох и шалопай был этот Родерик в юности! Если бы не Шарлотта, так бы и гонял красных лисиц с собаками по всей Англии! Шарлотта, именно Шарлотта заставила его полезным делом заняться – геологией. Открыл силур – раз! – Николай Павлович загибал палец. – Девон – два! Пермь – три! – Мощным ударом припечатывал загнутые пальцы. – А величайшего геолога из него сделала жена, Шарлотта!»

Как же получилось, что много лет назад в Россию приехал высокий, спортивный, невозмутимый, внешне бесстрастный шотландец с открытым, доброжелательным, но в то же время гордым и, если присмотреться, несколько надменным лицом, примчался сюда, чтобы странное короткое слово «Пермь» пошло гулять по картам всех континентов? Слово из дюжины самых распространенных, ключевых геологических терминов вошло в условные знаки – легенду всех геологических карт.

Сюжеты книги каменной просты.

Не каждый прочитав ее стремится,

Ведь вырваны в ней многие листы

И склеились отдельные страницы.

В ее строках, а также между строк

Все твари, все творения господни,



*И каждому из них отмерен срок –
Ведь мы живем навеки и сегодня,
Сейчас, сию минуту, вот теперь –
Одну секунду...
Так или иначе,
Но распахнулась книга наудачу –
«Вторая часть.
Глава шестая.
Пермь».*

«И арфы шотландской задел я струну»

Люблю разглядывать карты: топографические в кружевах изолиний, с россыпью названий; геологические, легенда которых схожа с тончайшей старинной миниатюрой; аэрокосмические снимки – дух захватывает, как в полете, планшеты их многослойной дешифровки; старинные, пожелтевшие плотные ватманы с водяными знаками, готическими шрифтами, князь-мышкинской каллиграфией – «игумен Пафнутий руку приложил», с затейливым масштабом вроде «в одном английском дюйме сто русских сажений». На морских картах – якоря, дубовые листья; можно узнать характер грунтов, типы маяков: «огни справа от входа в шлюз имеют зеленый цвет, слева – красный».

«По всему видно, что автор – какой-нибудь румяный провинциальный джентльмен, выросший на кровавых ростбифах, не снимающий красного охотничьего фрака и ботфортов и без усталости травящий лисиц». Кажется, что это портрет Родерика Мэрчисона. На самом деле таким представлялся читателям Роберт Стивенсон – худощавый, смертельно больной человек.

Однажды он нарисовал карту придуманного острова и написал книгу, в которой были остров, карта, сундук. Может, сказалось родство, пусть отдаленное, с самим Вальтером Скоттом и даже с Робертом Бернсом.

Врачи сказали ему жить в Океании, иначе смерть. На путной шхуне он отправился в Полинезию, где наконец нашел то, что искал, – один из островов Западного Самоа, совсем рядом с последней счастливой стоянкой Магеллана.

Там было много солнца, много зелени, там пели тропические птицы. Самоанцы показались Стивенсону похожими на шотландских горцев. Он писал другу: «Я почувствовал себя так, словно душой и телом вновь перенесся в Шотландию, более того, в окрестности Калландера. Поразительно это повторение ощущений, заключающих в себе целый



мир: хижины и торфяной дым, бурлящие коричневые реки, промокшую одежду, и виски, и романтику прошлого, и, наконец, ту невыразимую щемящую боль, которую всё это вместе взятое вызывает в нашем сердце». Туземцы звали его Туситала – «пишущий истории».

Стивенсона похоронили на вершине горы Ваза, откуда видны гавань и маяк. Его отец был строителем маяков. На горе запретили охоту на птиц. Самоанцы построили Дорогу любящих сердец до вершины горы Ваза.

После смерти Стивенсона распространились слухе о кладе, спрятанном на острове. Надгробный камень напоминает старинный матросский сундучок, вроде того, в котором хранилась карта острова сокровищ. Эпитафию он сам себе написал:

*Под небом высоким, под яркой звездой
 Меня схороните в Земле голубой.
 Я радостно жил, я вернулся домой.
 Напишите лишь несколько слов:
 «Ему хорошо там, где небо синей,
 Желтее песок и трава зеленей.
 Моряк возвратился из дальних морей,
 Охотник спустился с холмов».*

Вглядываюсь в карту Острова, как иногда попросту называют Великобританию (газетный заголовок: «Туман над Ла-Маншем. Континент изолирован»). Почему так волнуют нас эти шотландские имена: Лох-Несс, Эдинбург, Абердин, Инвернесс, Перт? Символы Шотландии – святой Андрей и простой чертополох – это и нам близко. И флаг-то у нас с шотландцами один, Андреевский: синее полотнище, пересеченное наискосок белым крестом. Триста лет назад этот крест соединился с прямым красным крестом на белом фоне – с английским флагом Святого Георга.

*Зачем же мне мерещится поляна,
 Шотландии кровавая луна?*

В слове «Перт» чуть ли не наша Пермь высвечивается – «дальняя земля» на языке вепсов; в имени «Першор» к Перми будто бы лепится коми-пермяцкий корень «шор», ручей то есть. А еще можно разглядеть на хорошей крупномасштабной карте Шотландии маленький поселочек по имени Москва...

Шотландия. Элбин по-кельтски. Север ее – Хайленд, высокая земля, Грампианские горы. Крутые склоны гор, хижины, чуть проступающие в тумане, тропинки шириной с уздечку; на берегу – смэки, одномачтовые суденышки, которые доставляли в Шотландию хорошие вина из Франции: кларет, бренди, бордо, бургундское. Юг – это Лоуленд, низины, вересковые пустоши, там, по преданиям, некогда прятались в подземельях пикты.

Узкие полоски воды пересекают сушу – sea lochs. Самый большой и знаменитый – Лох-Несс, ставший частью Каледонского канала, превратившего северо-западную Шотландию в остров. Одно время в Британии повсюду прокладывали каналы, соединяя фьорды, – это был настоящий бум.

Упорство горцев-хайлендеров часто уподобляют стойкости кленов шотландских гор – кленов, которые не склоняются под ветром, которые ломаются, но не гнутся, подобно символу Шотландии чертополоху. Шотландцы признают королеву Британии, но называют ее Елизавета Первая, а не Вторая, потому что королева Елизавета времен Шекспира была королевой лишь для англичан. И четвертый куплет британского гимна не поют в Шотландии – об усмирении горцев.

Вальтера Скотта так радовали в земляках «дух товарищества, который в короткое время сплывает молодых людей», неприхотливость – «глоток эля, кусок хлеба, молитва на ночь и вместо постели немного сухого сена», особое их гостеприимство и особая чувствительность к легендам, сказкам, песням. Рядом с горцами жили фейри – земляные люди. С ними можно было играть в травяной хоккей возле холма, в двухстах ярдах от дороги, ведущей к озеру Лох-Килгаррон. Победителю фейри дарили большую пустую бутылку голубого стекла, без пробки. Сумерки, ветер завывает, но горит в очаге торфяной огонь. На столе молоко, масло, мед, хлеб. Если поставить на стол бутылку, она постепенно заполняется туманом, в котором различимы какие-то люди, какие-то знаки и предвестья. Туман – может быть, это ключ к пониманию характера людей, обитающих в нем.

– Случалось ли вам видеть фей?

Невозмутимый ответ:

– Вы хотите спросить, не докучают ли они мне?



Шотландские короли короновались по кельтской традиции на «камне судьбы», и этот камень встроен в английский трон, и барды пели о давно прошедших временах, и одного из них звали Томас Лермонт, стихотворец из Эрсильдауна на реке Твид.

Когда-то я прочитал о нем в сборнике шотландских сказок и легенд. Давным-давно жил этот бродячий певец в своей деревушке в тени лесов Эйлдонских холмов. В один прекрасный день Томас с лютней под мышкой отправился навеситить знакомого фермера, жившего на склоне холма у ручья Хантли, и вдруг на лесной тропинке увидел королеву эльфов верхом на белом коне, и в гриве коня звенели серебряные колокольчики. И Томас сказал:

– Позволь мне поцеловать тебя, прекрасная королева.

– Если ты меня поцелуешь, Томас, то вернешься к людям только через семь лет.

И Томас поцеловал королеву в уста.

Он вернулся домой через семь лет, наделенный даром предвидения, и написал знаменитую книгу «Все пророчества Шотландии».

Сказка-то она сказка, но в ней есть точная дата – 18 марта 1285 года, когда Томас предсказал великую бурю и граф Марч не рискнул отправиться на охоту. И сдаётся мне, что этот охотник Марч и есть предок Родерика Марчисона – Мэрчисона, героя нашего повествования, великого охотника на красных лисиц и на слои земные.

А самый первый Лермонт, по имени Георг, еще раньше, в 1057 году, упоминается в истории, где «прямого наследника Шкотской земли Малькольмуса изгнал тиран Макбетус и отца Малькольмуса Дункануса третьего исгубил». В московском Разрядном приказе сохранилась поколенная роспись рода Лермонтовых, восходящая именно к временам борьбы Малькольма с Макбетом.

Есть в Шотландии такое место, где Малькольм раздавал наделы своим сподвижникам, и Лермонту в их числе, и называется это место не как-нибудь, а Omnis terra, что означает «вся Земля». Через много-много лет наш русский Лермонт увидит «в сиянье голубом» всю Землю, а не только Boot-hill – «сапожный холм», куда вассалы каждый год приносили по

сапогу земли со своих поместий. Великое дело традиция. «Время – лучший реформатор» – так считал Бэкон.

О древности шотландской ветви своего рода Михаил Юрьевич мало что знал. Ничего не знал он о Томасе-стихотворце, о девизе Лермонтов – Ливингстонов «Пока дышу – надеюсь»; понятия не имел о Джеймсе Лермонте, хранителе сокровищ Шотландии, о Джоне Лермонте, садовнике и поэте...

Многие Лермонты из линии Балькомы стали рейнджерами, солдатами удачи, и среди них Георг Лермонт. Он был польским наемником в войне 1612 года, держал оборону Белой – тверской крепости. Потом Георг со всей «шкотской» ротой перешел на русскую сторону, отбивал королевича Владислава и гетмана Ходкевича от Можайска, дрался с поляками у Арбатских ворот, дослужился до звания ротмистра рейтарского полка, стал православным, получил русское дворянство, погиб под Смоленском и похоронен при монастыре под Чухломой.

Имя пехотного капитана Лермонтова, отца поэта, – Юрий, оно восходит к Георгию, солдату удачи Георгу Лермонту и к самому первому Георгу Лермонту, который бился с тираном Макбетусом. Михаил Лермонтов, ничего не зная о Томасе-предсказателе, написал свое «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...*

Лермонтов зачитывался записками Томаса Мура о любви Байрона к мисс Мэри Чаурт в ту пору, когда сам увлекся Катенькой Сушковой, петербургской щеголихой, и знать не знал, что Байрон его родич, что в XVIII веке одна из дочерей Джеймса Лермонта вышла замуж за сэра Вильяма Гордона, а на его дочери Екатерине Гордон женился барон Байрон, потомок древнейшего норманнского рода, и сына их звали Джордж Гордон.

Ничего этого наш Лермонт, «пришлец из чуждых стран», не знал. «Нет, я не Байрон, я другой». Как раз не другой, как раз Байрон...

*Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.*



*На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля...
Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной?..*

У Осипа Мандельштама, конечно, не было никаких шотландских корней. И все же:

*Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?*

*И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!*

Арфа, как и волынка, есть чуть не в каждом шотландском доме. А «дружинники» – наше слово!

*Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.*

*И не одно сокровище, быть может,
Миная внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.*

Злая судьба занесла Мандельштама в Биармию, в Чердынь, в Пермь Великую, в Пера маа, в самую глубину России, куда шли эти самые дружинники – из Новгорода, Пскова, Москвы...

Маккензи против Мэрчисонов

Попытаемся распутать удивительную, мистифицированную именами Макферсона, Оссиана, загадочную пермско-шотландскую историю, причудливую, как узор старинного клетчатого гэльского пледа и «ветром развеваемого шарфа»; погрузиться в давно минувшие годы, которые зовут добрым старым временем, и увидеть человека по имени Родерик Импи Мэрчисон. На дагерротипном снимке он смотрит нам в глаза, аристократически опираясь на конторку и с видимым трудом удерживая в руках спирально закрученную раковину аммоноидеи, названной его именем.

Хайленд, родину нашего героя, мы можем увидеть глазами юного Дэви Бэлфура, героя стивенсоновского «Похищенного». Его бриг «Ковенант» разбился о риф возле маленького острова Эррейд, и Дэви при лунном свете увидел, как в красных островках вереска поблескивают слюдяные сланцы – деталь, выдающая некоторую геологическую подготовку автора книги. Отсюда началось путешествие Дэви по Хайленду в разбитых, хлюпающих башмаках. Позже в таких же башмаках будет брести шестнадцатилетний знаменосец Родерик Мэрчисон, когда в Португалии его полк разобьют французы. Через много-много лет на этом побережье против острова Скай Родерик поставит гранитный памятник полковнику Дональду Мэрчисону, о котором тоже речь впереди...

Итак, Дэвид Бэлфур пробирается к Эдинбургу – башмаки разбиты, из еды моллюски двух видов: «блюдечки» и «башенки». Путь Дэви лежал через лохи: «Быть может, легко оборонять эти земли от неприятеля, но отнюдь не легкое дело по ним путешествовать». Да еще приходилось скрываться от английских солдат, «красномундирников», и Дэвид обнаружил умение прятаться – мальчишеский расчет надежности скал, за которыми можно укрыться.

Здесьние горцы говорили по-гэльски, а Дэвид, житель Нижней Шотландии, понимал только южно-шотландское наречие. В хижине, пропахшей торфяным дымом, добрая



женщина накормила его жареной куропаткой с овсяным хлебом, поднесла пунша. Денег с него не взяли, а хозяин подарил ему пару горных башмаков из оленьей кожи и шотландскую шапочку (надо сказать, в ту пору шотландцам было запрещено носить национальную клетчатую ткань – тартан, шотландку). «Доброта и скромность – эти чувства никогда не должны скудеть в наших сердцах. Не так уж часто их встретишь в нашем жестоком мире, где царят холодное равнодушие и гордыня».

В стародавние времена, когда в горах страны туманов не было власти закона, в Хайленде правил клан Маккензи, воинственный и жестокий. Другие семейства с ними враждовали, в особенности клан Мальгамнов – Мэтисонов, откуда ниточка ведет к Мак-Киннам, Муррачейдам, Мак-Муррачейдам, Мэрдокам, Мэрдоксонам. К этим именам и восходит фамилия героя нашего повествования – Murchison, которую по-русски произносят по-разному: Мэрчисон, Мурчисон, Марчисон. Мурчисон – неправильно, но традиционно: говорим же мы *Вальтер Скотт*, превращая Уолтера из шотландца в заправского немца, или со времен первого конкурса имени Чайковского – *Ван Клиберна* вместо *Вэн Клайберна*.

Как-то Эвин Мак-Киннан с соседями (клан Мэрчисонов) сжег замок Эйлан Донан, оплот клана Маккензи в устье Лох-Дуих. За это деяние, отмечает историк, Мак-Киннаны получили прозвище Колмен (что означает «отважные»). Вот из-за этого-то прозвища и началась неразбериха. Чтобы не путать наших Колменов, Мэрчисонов – Мэрдоксонов, происходящих из северо-западного Хайленда (и документик об этом имеется), с некими Мак-Колменами из Аргьелшира, их стали звать гэльскими Колменами.

Есть королевские грамоты начала XVI века, по которым Мэрчисоны – Мэрдоксоны являются владельцами земли, сдаваемой в аренду, причем упоминаются такие названия, как Кинтейл, Лохкаррон, Россшир, Лохалш. На карте масштаба 1:1 500 000 я смог найти только Лохкаррон и Кайл-оф-Лохалш – глухие места на изрезанном лохами побережье северо-западного Хайленда, как раз против пустынного острова Скай, имя которого означает «небо».

Со временем отношения с кланом Маккензи наконец-то уладились. Более того, Мэрчисоны – Мэрдоксоны заняли передающуюся по наследству должность кастеляна и смотрителя восстановленного замка Эйлан Донан, того самого замка, который они когда-то сами и разрушили.

Между тем на Острове появилась новая королевская династия, Ганноверская, в то время как горцы стремились к реставрации древней ветви Стюартов. В 1715 году, когда вспыхнул мятеж, рядом с вождем клана Маккензи Эрлом Сифортом были его новые друзья – захолустные Мэрчисоны, Джон и полковник Дональд, дядя и племянник.

Многострадальный замок Эйлан Донан был разрушен пушечными ударами трех английских военных кораблей. В ужасной битве погиб Джон, прадед героя нашего повествования, а Дональд, двоюродный дедушка, сумел выжить. Он был пожалован табакеркой из слоновой кости, украшенной девизом Мэрчисонов «Вперед и без пощады». В галерее Эдинбурга можно и сегодня увидеть полковника на полотне Ландсира.

Дональд поселился в горах Кинтейла, среди ущелий, фьордов и вересковых пустошей, выказывая полное пренебрежение к захватчикам. А друг его Эрл Сифорт скрылся во Франции. Имение Сифорта было конфисковано, но оно находилось в такой глуши, что Королевский комитет по конфискации только через шесть лет нашел смелых людей, которые решились добраться до поместья и вступить во владение им.

Дональд получил указание от Эрла Сифорта не подчиняться захватчикам. Заслышав, что приближаются новые владельцы в сопровождении отряда королевских войск, Дональд со своей командой атаковал их в одном из самых диких ущелий и не только остановил красномундирников, но и вынудил их выдать бонд, денежное обязательство в пятьсот фунтов стерлингов, что те более никогда не появятся в этих местах. Это было так по-хайлендерски! В горах Шотландии всегда высоко ценили всякого рода бонды – расписки, договоры, поручительства. Более того, Дональд вытребовал у неудачливых конфискаторов должность управляющего



имением! Теперь он мог собирать арендную плату для друга как заправский чиновник.

Через некоторое время усиленный отряд королевских войск из Инвернесса у залива Мари-Ферт, продолженного Лох-Нессом, снова двинулся в горы, чтобы овладеть мятежной территорией. Но Дональд еще раз доказал, что не зря носит чин полковника и награжден ларцом-табакеркой с девизом «Вперед и без пощады». Хитро измыслив стратегию, он отразил новое вторжение и заставил врага отступить на исходные позиции.

Десять лет Дональд управлял поместьями Эрла Сифорта. Он даже в Эдинбург наезжал, дабы самолично проследить за передачей арендной платы другу-изгнаннику. Власти знали об этом, но боялись тронуть отчаянного горца. Генерал Вул сообщал в отчете королю Георгу I в 1725 году: «...деньги за земли Сифорта продолжает собирать некий Дональд Мэрчисон, слуга Эрла. Этот Дональд пересылает собранное во Францию своему господину. В прошедшем году Дональд Мэрчисон приехал на виду у всех в Эдинбург и оставался там четырнадцать дней, не будучи никем потревожен. Не могу умолчать, Ваше Величество, о том, что теплые чувства, которые люди Северной Британии питают друг к другу, явятся большим поощрением для преследуемых мятежников в случае их возвращения из изгнания».

Откровенность генерала перед самим королем поразительна, но не более, чем отвага и талант дружбы Дональда Мэрчисона.

А дальше произошло нечто невероятное! Эрл Сифорт вернулся на родину и восстановил свое положение. Еще более невероятно то, что он не только не поблагодарил друга, но, пользуясь тогдашним беззаконием, захватил земли Мэрчисонов!

Дональд не стал обращаться к властям, у которых, конечно же, не было причин помогать человеку, который принес им столько неприятностей. Не стал Дональд пенять другу-предателю, тем более мстить ему. На берегу моря, среди холмов, которые он защищал так долго и успешно, Дональд поселился, что называется, с разбитым сердцем. Он умер в бедности. Детей у него не было.

Через полтора года лет Родерик Мэрчисон, герой нашего повествования, поставит памятник своему предку. Те, кому случилось проплывать узким проливом между Хайлендом и островом Скай, могли увидеть развалины казарм ганноверских солдат, разрушенные стены замка Эйлан Донан и гранитный обелиск на мысе Лохалш, под которым упокоился Дональд Мэрчисон – один из самых храбрых, умных и бескорыстных людей Шотландии.

Брат Дональда Мэрдок пытался через суд вернуть свои права на родовое имущество. Но в 1745 году снова случилась заварушка, куда он ввязался, в результате чего умер от ран, полученных в сражении при Каллодене. Так было закрыто дело о родовом поместье Мэрчисонов.

Александр Мэрчисон, дедушка Родерика, сам стал арендатором фермы Очтершир. Он немного не дожил до девяноста девяти лет и пережил старшего сына Кеннета, отца Родерика.

Кеннет выучился на хирурга и много лет проработал в Индии, где и скопил денег для покупки у Маккензи небольшого имения в Террадейле, что в восточной части графства Россшир. Врачи были редки тогда в Хайленде, так что дом Мэрчисонов оказался в центре внимания болящих со всей округи, тем более что Кеннет не брал плату за лечение. Пожалуй, он походил на чеховского доктора Астрова: расширил лазарет в Инвернесе, улучшил старые хайлендские дороги, заботился об устройстве жизни народа в западном Хайленде и на прилегающих островах.

Кеннет вел дневник на гэльском языке, но греческими буквами, которые, по его мнению, лучше выражали звучание родной речи, чем латинские литеры; слушал народные шотландские песни в сопровождении волынки. Любитель старины, он собрал коллекцию археологических раритетов из курганов в Террадейле и его окрестностях.



Детство Дика

Кеннет Мэрчисон женился на очаровательной девушке из клана Маккензи из Фейрнбёрна, и это был конец многовековой вражды кланов – история Ромео и Джульетты с хеппи-эндом.

Первенец родился в Террадейле графства Россшир, что в диких горах северо-западного Хайленда, 19 февраля 1792 года. Имя Родерик ему дали в честь Большого Роди, маминога дедушки, веселого старого помещика, по-шотландски лэрда, который прожил более девяноста лет в большом уважении к виски, бордо и другому питью, так что его не без оснований называли Песчаной дюной. Правда, биограф Родерика Арчибальд Гейки, упоминая о старом серебряном ковше из Фейрнбёрна, замечает, что «размер чаши не сообщает нам ничего о том, как часто она наполнялась». Второе имя – Импи было дано мальчику в честь сэра Элия Импи, близкого друга его отца.

Энн Робертсон, подруга миссис Мэрчисон, любила потискать маленького Дика (таково было его домашнее имя). Через много лет он с гордостью заметит, что его качала на коленях не кто-нибудь, а мама будущего премьер-министра Великобритании Уильяма Гладстона. Ко времени его премьерства Родерик станет весьма чувствительным к высоким титулам и к знакомству со знаменитостями.

В Террадейле прошли только первые три года жизни Дика. Однако же он считал, что эти годы развили хайлендерские склонности, поскольку нянюшка, девушка Салли из Дорсетшира, усыпляла его гэльскими колыбельными, а когда ребенок хныкал, втайне от родителей ублажала его разбавленным скотч-виски, правда весьма тщательно очищенным в домашних условиях.

Потом Мэрчисоны переселились на юг, в Бат на Эйвоне, – здоровье Кеннета было подорвано в Индии. Сына он воспитывал в спартанском духе. Раннее воспоминание Дика: он стоит у окна, а отец целится в него из предположительно не заряженного пистолета. Мамочка подхватывает дитё, и пуля уходит в окошко. Как раз в тех местах, на берегу Бристольского

залива, в бухте Чёрного Холма, находился тот самый трактир «Адмирал Бенбоу», где поселился старый моряк Билли Бонс с сабельным шрамом на щеке, с зажатой под мышкой медной подозрительной трубой.

Иногда вечерами Мэрчисоны музицировали: Кеннет неплохо выводил на скрипке (у него была «кремона») шотландские мелодии, мама подыгрывала на арфе или волынке, а Дик с младшим братом, которого, как и отца, звали Кеннетом, приплясывали.

Отец умер, когда Дику было четыре года. Миссис Мэрчисон с мальчиками уехала в Эдинбург. За два года до смерти знаменитый геолог Родерик Мэрчисон приедет в этот город, раскинувшийся на холмах, чтобы увидеть домик на Джордж-стрит, 26, маленькую часовню возле Шарлотт-сквер. И еще почему-то вспомнится ему девушка Салли, которая пела ему гэльские песни...

Миссис Мэрчисон снова вышла замуж, за друга первого мужа полковника Роберта Меррея. Вскоре отчима из Эдинбурга перевели в Ирландию, семилетнего же Дика определили в пансион в романтическом городе Дарем в северо-восточной Англии. Это было самое замечательное место для совершения подвигов. Выходки Дика заметно превосходили средний уровень мальчишеских шалостей с черным порохом и предательским льдом. Именно здесь у него был первый опыт исследования недр на глубине. Известно, что если пройти под аркой, ведущей к Плебенс-Бридж, отсчитать сто двадцать ярдов на юг и тридцать ярдов на юго-восток, то окажешься у открытого входа в дренажный колодец. А в нескольких сотнях ярдов от колодца, на склоне холма, имелся еще один проем, и поговаривали, что он должен выходить как раз к дренажному колодцу. Впрочем, точно этого не знал никто. Некоторые храбрецы спускались в колодец, но только Дик проник на всю глубину и потом протиснулся на четвереньках по горизонтальному лазу. Повернуть никак невозможно, и он продирался к выходу, распугивая крыс. «Вперед и без пощады!» И наконец появился при свете дня на склоне холма, расцарапанный в кровь, в разодранной одежде, под радостные крики поджидавших его друзей.



Отчим и мама одно время арендовали маленькое поместье, и во время каникул Родерик наслаждался там обществом пони и терьеров. Приезжал туда мамин брат, генерал Александр Маккензи, и вскользь сказал любимому племяннику, что из него может получиться добрый солдат. Все было решено: «С этого дня я не думал ни о чем, кроме военной службы».

В 1805 году Дика отдали в Королевский военный колледж в Грейт Марлоу возле Лондона. Чтобы подбодрить пасынка, по дороге в Лондон отчим пел ему смешные песенки. Остановились пообедать в придорожной харчевне «Весенние сады». Дик запивал мясо с луком по-шотландски имбирным лимонадом...

В математике он не блистал, но был первым по строевой подготовке, военной топографии, черчению. Кстати, многие выдающиеся геологи – Портлок, Лонсдейл, де Лабеч, Генри Джеймс – учились в Марлоу. Дик стремился стать лучшим кадетом, и он стал им! Ему не было равных в черчении, и оно очень пригодилось ему впоследствии. Его записи полны «форсированных маршей», «боев», «битв», «залпов», «контр-атак», и это выдает стремление мальчишки к самому высокому уровню военных притязаний. Дик научился читать рельеф как книгу, а его будущий друг-враг Седжвик всю жизнь страдал от невозможности перенести свои геологические прозрения в полевую книжку...

Конечно, каждый ученик умеет чистить ботинки и пряжки ремня, но Дик доводил их до солнечного сияния. Покупалась отменная вакса у старого барабанщика Коула. Однажды герцог Кентский, отец королевы, обозревал кадетов, и Дик ревниво отметил блеск его гессенских ботинок. Явно использовалась французская полировка, которой не было в продаже у старого барабанщика, а также шампанское для придания коже блеска.

В Марлоу Дик, хотя и оставался главарем самых отчаянных, приобрел аристократический лоск. Он не пропускал званных обедов, раутов, вечеринок. Генерал Маккензи в восторге от племянника: «Очаровательный юноша, мужественный, разумный, великодушный, отзывчивый – короче говоря,

обладающий всеми возможными хорошими качествами». Уже тогда Дик начал вести список знаменитостей и титулованных особ, с кем удалось познакомиться.

В 1807 году он получил назначение в 36-й пехотный полк, который частично дислоцировался неподалеку от Эдинбурга. Это было удобно: выходные дни он проводил у мамочки в городе, напудренный, с косичкой, звенел шпорами на балах.

Дик стремился к совершенству во всем: брал уроки французского, итальянского, немецкого, изучал математику, посещал дискуссионный политический клуб. Но истинное мастерство он показывал в обращении с норовистыми лошадьми в школе верховой езды, на уроках фехтования, которые он брал у одного старого француза. В любом, даже самом маленьком деле Дик не хотел и не мог быть вторым!

Диком звали пятнадцатилетнего капитана Сэнда в позднем романе Жюль Верна. Sand – это песок, вещество земли, и не зря Марина Цветаева заметила: «Ничто так не вызывает у меня представления о наслаждении, как песок, и ощущения песка, как наслаждение».

Осип Мандельштам ответил ей:

*Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок...*

Через какое-то время Дик Мэрчисон начнет играть в песок. Он будет играть в него на Острове, на Континенте, на Урале, он будет играть в него всю жизнь.



Знаменосец тридцать шестого полка

Родерик направлен в ирландский город Корк, где находились основные силы 36-го полка. Он увидел не породистых денди, каких немало было в Марлоу, а обветренных солдат в красных британских мундирах, которые прошли огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы и были готовы сразиться с самим Бонапартом – на Континенте шла война с Наполеоном. Сэр Артур Веллингтон и, конечно, дядюшка Александр Маккензи, его заместитель, благоволили ветеранам 36-го полка.

Они-то, ветераны, много чего порассказали юнцу, которому было доверено знамя полка. О холодной смелости старого полковника Роберта Берна – он вел своих людей на штурм крепости в Индии, он спас дело при Буэнос-Айресе. Тогда восемь пушек испанцев простреливали дорогу, по которой отступали британцы. Берна сказал: «Мальчики мои! Вы видите эти пушки? Если мы их не уничтожим, наш полк будет сметен». Он сорвал полевой цветок, вддел его в петлицу, вытащил шпагу и в течение четверти часа со своими мальчиками уничтожил все орудия и отбросил врага.

До сих пор идеалом военного человека для Родерика был дядя – красавец, любимец женщин. Родерик страстно желал стать его адъютантом, сделать карьеру, стать таким же блестящим генералом. Полковник Берна был совсем другим человеком. Он не выносил высоких слов. Он доводил до совершенства не блеск ботинок, а профессиональное умение своих солдат. Одна слабость была у него: любил посидеть в офицерской столовой за портвейном. Но своих мальчиков, употреблявших его любимый напиток, он убеждал в пагубности этого занятия.

Говорили, что путь 36-го полка из Корка лежит в Южную Америку. Однако же начались события на Пиренейском полуострове: испанцы и португальцы подняли восстание против войск наполеоновского генерала Жюно. Английское правительство приняло решение вмешаться и помочь

повстанцам. В состав экспедиционного корпуса, которым командовал генерал Артур Веллеслей (он же герцог Веллингтон, будущий герой Ватерлоо), вошел и 36-й полк.

На сборы двадцать четыре часа. Вещей у Родерика много: во-первых, знамя полка, затем пистолет, шинель, ранец, а в нем рубашки, чулки, трехдневный запас еды. На переполненном бриге Дика укачало, хорошо, что у черноглазого барабанщика Джеймса оказался нашатырь.

1 августа 1808 года шлюпки с британскими солдатами врезались в песок пустынного пляжа в Португалии, на левом берегу реки Мондегу. На другой стороне – белые дома города Фигейра-да-Фоз, разноцветные зонты купальщиков. Какая может быть война в такой прекрасный солнечный день?! Родерик Мэрчисон в заломленной шляпе стащил белые перчатки и зачерпнул ладонями теплый желтый песок.

Он обернулся: с катера сходил на берег Веллингтон. Родерик постарался попасться ему на глаза. Веллингтона уже тогда прозвали Коммодором. Как Родерик завидовал его адъютанту – мальчишке чуть постарше его самого! Его звали Фицрой Сомерсет. Аристократ, младший из одиннадцати сыновей герцога Бью Форты, он окончил школу в Вестминстере, потом был назначен корнетом в драгунский полк.

Как Родерику нравились знаменитые веллингтоновские сапоги с вырезом сзади под коленями! Как он жалел, что дядюшка воюет где-то далеко в Средиземном море, в Сицилии!

36-й полк двинулся на юг, на соединение с войсками, которые шли из Кадиса. Дорога была тяжелой – песок, пересеченная местность, лес. Это называлось марш-бросок. На счастье, в одной деревушке Родерику удалось купить ослика. Шустрый Джеймс тоже разместил свой барабан на спине ослика. В конце концов, быть аристократом, денди – это значит находить комфорт в любых, самых неподходящих условиях.

Наконец англичане встретились с португальскими солдатами – это союзники, друзья. Родерик прислушивался к разговорам, записывал слова. На привале он привязывал ослика и отправлялся осматривать окрестности. Надо запомнить: этот городок называется Вимейру.



На следующий день Родерик впервые увидел французов. Это были враги, к этому нужно привыкнуть. Англичане должны убивать французов, потому что они – враги.

Французы отступили, и британцы продолжили движение. Куда? Зачем? Им еще предстояла встреча с войной и смертью на войне. В первом сражении, у перевала Рорица, 36-й полк не участвовал. В письмах к дядюшке Родерик предельно точен: «Французы генерала Лаборда окопались в горном проходе в конце долины, там, где старый марокканский форт. Англичане продвинулись вперед, чтобы блокировать проход, а наш полк выступил к горам на левом фланге, чтобы отрезать отступление Лаборда. Мы шли в тумане, когда появились французы. Наши стрелки с вершины холма открыли огонь и отогнали их в долину. Как только сыграли отбой, мы продолжили марш. Мертвые мосье лежали по обе стороны дороги». Мертвые мосье! Он видел, как мертвый французский солдат зубами вцепился в португальскую землю.

Родерик пытался выстроить сюжет перемещений из услышанных фраз командиров, из отметок на топографической карте. Он обнаружил, что полк снова очутился на плато у Вимейру. Что это – просчет начальства или сознательный маневр? А может быть, виноват туман? У Родерика природное чувство пространства. Он не мог заблудиться нигде – бесценное качество для военного человека. Господствующие вершины, наблюдательные пункты, места для стрелков – пожалуйста! Крайне важно, с какой стороны холма будет размещен 36-й полк, ведь от рельефа местности, ее топографии и орографии зависит жизнь и смерть его самого и его товарищей.

...В 80-е годы XX века довелось мне в Пермской художественной галерее побывать на выставке картин Рериха – горы, небо. Младшие командиры, ребята только что из Афгана, обсуждали не фантастические краски, не космические смыслы памирских и гималайских пейзажей, а цели для работы пулеметов и мертвые зоны.

...Полковник Берн пригрозил, что спустит вниз любого, кто выстрелит. Он берег своих людей. Наконец: «Теперь вперед,

мои мальчишки!» И они пошли – ровной линией блестящей стали. Французы спаслись бегством, все их орудия и лошади были взяты. Здесь, у Вимейру, Родерик впервые понюхал пороху...

Как раз был случай послать весточку дяде. Родерик писал письмо на барабане Джеймса и будто видел себя, такого всего мужественного, со стороны: «Сэр Веллеслей достиг нас легким галопом. Он был свидетелем нашей стойкости, он видел нашу успешную атаку с захватом орудий. Сквозь выстрелы мушкетов и среди беспорядка я услышал волнуемый голос: «Где знамена 36-го полка?» Я обернулся (мой напарник, знаменщик Питер Боун, был сражен), взглянул в веселые глаза сэра Артура и вскричал: «Они здесь, сэр!» Капитан Хаггард дал мне добрый глоток голландского джина и потрепал по плечу. Вскоре мы идем в Лиссабон, где, я ожидаю, мы прикончим мосье Жюно. Остаюсь, мой дорогой дядя, ваш любящий племянник».

Французы были разбиты. Но им благородно разрешили эвакуироваться на английских судах без предъявления требования не появляться на театре военных действий – честная игра. Это была ошибка!

В Лиссабоне комфорта оказалось еще меньше, чем в Вимейру. Черноглазые красотки выбрасывали нечистоты прямо из окон кофеен. Благовонной лавандой Родерик спасался в своем номере от «домашних батальонов» насекомых. В конце концов, он аристократ, комфорт должен быть в любых условиях! Вот чего он не выдержал: за столом в лиссабонской кофейне португальский волонтер развернул сверток из плотной коричневой бумаги. В нее было завернуто несколько пар ушей французских солдат. «Ты что, парень? Почему побледнел? Это же война. А это уши наших врагов». Мертвые мосье...

Потом 36-й полк перешел под начало генерала Мура и был отправлен на помощь испанцам в галисийский порт Ла-Корунья на соединение с отрядом полковника Берда. Шли маршем от Лиссабона через всю Португалию. Однажды Родерик уснул в передовом дозоре. Очнулся от крика «Дозорный, выгоню!», потом сгорал от стыда – такой удар по его амбициям! Ведь он, Родерик, – военная косточка.



Никто так не чувствует рельеф, складки местности, простреливаемое пространство – всей шкурой. Родерик не чурается никакой работы. Тылы, конечно, отстали, но в здешних лесах водятся черные кабаны. В конце концов, свинина – это лучшая еда в Португалии. Его посылали на охоту, потому что знали: знаменосец 36-го полка нигде не может заблудиться и всегда добудет зверя. Правда, опасность могла быть неожиданной. Возле старой и, казалось, необитаемой крепости Марвео он наткнулся на грозного стража, обладателя ржавого мушкета, опасного только для самого мушкетера в случае, если бы тот рискнул выстрелить.

После остановки в Виго под ударами французов началось настоящее бегство британцев к Ла-Корунье. Все полки смешались. И ослик потерялся, и Джеймс куда-то подевался. Без сна, без еды, и днем, и в темноте отступали в полном беспорядке. Родерик шел по грязной дороге, подобной болоту, и спал на ходу. Разбитые вдрызг башмаки, которые он так тщательно полировал когда-то, просто разваливались. Наконец он остался один.

В маленькой деревушке Родерик сидит на скамейке, грызет репку, которую выкопал в поле. Он думает о том, что может не догнать свой полк и тогда два варианта: трибунал или плен. Хорошо, что у французов нет кавалерии, а то бы загнали в горы половину британского войска. Главное – спасти полковое знамя.

*Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.*

Удивительно, но путь Мэрчисона почти повторяет герой байроновского «Паломничества Чайльд Гарольда»: Португалия, Испания и в дальнейшем Сицилия, Мальта.

И тут – о чудо! – появляется Джеймс со своим барабаном. В этой Богом забытой деревеньке шустрому барабанщику удалось разжиться молодым вином. Два британских денди – Родерик и Джеймс, со знаменем и барабаном, в залитой дождем португальской деревне подкрепляются красным вином и сырой репой.

В маленьком городке Бетансос возле Ла-Коруньи они все-таки разыскали свой полк. Отряд генерала Мура избе-

жал окружения, но из шестисот человек осталось только пятьдесят.

В Бетансосе Родерик нашел сапожника. Через много лет он вспомнит об этом добром человеке, который привел в порядок его башмаки, и о его красивой молодой жене. Она вымыла теплой водой распухшие ноги несчастного мальчишки, и он никогда не забудет осторожных прикосновений ее рук.

Наполеоновский маршал Сульт все же настиг англичан, но те перешли реку, взорвали за собой мост и заняли позиции. Сзади – Ла-Корунья и флот. Полковник Берн был рад снова увидеть Родерика, дал ему бинокль: «Они опять наступают, мой мальчик» – и тот увидел блеск колонн, выходящих из леса. Потом был ужасный огонь артиллерии, и Родерик считал разрывы, и была штыковая атака французов.

Ее отразили, но генерал Джон Мур был убит. Родерик, склонив знамя 36-го полка, стоял с Джеймсом у могилы человека, на смерть которого другой Мур, Томас, напишет строки неразгаданной силы:

*Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с прощальным ружейным огнем
Мы в недра земли опустили...*

Это стихотворение переведет на русский Иван Козлов.

Через много лет во глубине России, на пермской земле, у вечернего костра молодой русский геолог Николай Кокшаров будет петь «Вечерний звон», романс Алябьева, и Мэрчисон угадает в нем «Those evening bells» Томаса Мура. Это тоже перевод Ивана Козлова.

...Французы ушли из Португалии. Но потери англичан были так велики, что решили возвратиться в Англию. Ночью отправились маршем в Ла-Корунью, где стояли корабли. Англичане вели отвлекающий огонь – пусть враг поверит, что и на следующий день будет сражение. Потом был короткий ночной бросок, погрузка на бриг с издевательским, как показалось Мэрчисону, названием «Приз».

На рассвете Родерик увидел опасность не только для своего корабля, но и для дюжины других судов на рейде. Дело в том, что они стояли на якоре под высокой скалой и были беззащитны против возможного артиллерийского



удара. Родерик со своим удивительным чутьем понял, что именно к этой скале выводит дорога, по которой они шли ночью, что французы не поверят отвлекающему огню и могут появиться на этом мысу в самом скором времени.

Родерик немедленно разыскал шкипера и рассказал ему о своих наблюдениях: надо сниматься с якоря и уходить из залива в открытое море. Старый морской волк, находясь под воздействием грога, воскликнул: «Я скажу тебе так, парень: бравые хайлендеры ничего не боятся. С нашей посудиною ничего не случится». Едва он произнес эти слова, как над «Призом» засвистели снаряды. Шкипер побледнел: «Немедленно рубить канаты!» Через несколько минут «Приз» уже дрейфовал – правда, с большой опасностью для себя: приближался скалистый берег. К счастью, ветер дул с востока.

По крайней мере пять британских транспортов были разбиты снарядами. Родерик не понимал, почему командующий флотом позволил кораблям стать на якорь без прикрытия фрегатами, способными подавить французские батареи.

На подходе к Ла-Маншу «Приз» с другими судами попал в яростный шторм. Транспорты избегали подходить к берегу «Улитки» – так называли моряки полуостров Корнуолл, очертания которого на карте действительно похожи на улитку. Родерик вышел на палубу – на этот раз действия шкипера и его команды заслужили высокую оценку юного знаменосца.

Казармы Хоршема находились искусительно близко от Лондона. Там, в любимом месте – кофейне «У старого мясника» в переулке Святого Мартина, Родерик и отметил свое шестнадцатилетие. Дубовые столы, закопченные дубовые перекрытия под потолком, пылающий камин. Он жил надеждами на военную карьеру – ему уже присвоили звание лейтенанта.

Однажды Родерик в компании молодых офицеров и в сопровождении полковника Берна прогуливался по Бонд-стрит, направляясь к Пикадилли. К ним подошел сэр Артур Веллингтон, герой сражения у Вимейру. Теперь он служил в Ирландии. Он был в штатском: сюртук с медными пуговицами, темно-желтый жилет, кашемировые шорты и высокие коричневые ботинки, но выправка вполне военная.

– Мой дорогой Берн, мои друзья, – сказал он, – рад видеть вас. В Ирландии мне так не хватает 36-го полка.

Они шли по улице Пикадилли и говорили о новых шансах отличиться в событиях, которые закончились битвой при Ватерлоо. Родерик узнал, что адъютант Коммодора Фицрой Сомерсет участвовал в боевых действиях в Испании, проявил полное пренебрежение к опасности, возглавляя один из штурмовых отрядов. Сейчас он военный секретарь герцога, сменил полковника, не выдержавшего тяжелого характера шефа.

Родерик же добился только назначения в Сицилию в качестве адъютанта генерала Маккензи, военного представителя Великобритании. Фрегат «Салкетти» шел по Каналу от мыса к мысу, от башни к башне, паля из пушек – отмечали юбилей Георга III, и залпы катились от корабля к кораблю, и будущее виделось Родерику в самом розовом свете. На другой стороне Канала были враги – французы.



Прощай, оружие

В Мессине все было спокойно. В боевых действиях наступило затишье. Враги глядели друг на друга через узкий Мессинский пролив, ограничиваясь бомбардировкой военных судов. Правда, Мюрат вышел на юг Италии, в Калабрию, с угрозой вторжения в Сицилию. Дядюшка почему-то Мюрата не боялся. Штабная работа Родерика сводилась к снятию копий переписки с неаполитанским правительством и с донесений адмирала Коллингвуда. Но Родерик мечтал прикоснуться к оперативной работе, к принятию стратегических решений!

Оставалось учить итальянский, брать уроки пения, что удивляло тех, кто знал Родерика: слуха-то у него не было. Вечером, когда становилось прохладней, он седлал свою скуру в яблоках кобылку, выезжал за город и бешено скакал по сельским дорогам. Потом было чаепитие на веранде и неспешные разговоры перед сном.

Дядюшка рассказывал, как он, будучи на Балеарских островах, а именно на острове Менорка, получил приглашение посетить Рим. Он спокойно осматривал великий город в предвкушении вечернего бала у принцессы, а в Рим уже входили войска Мюрата. Храбрый хайлендер никуда не бежал – напротив, в парадной форме отправился во дворец.

Мюрат и его офицеры в изумлении смотрели друг на друга, в то время как Маккензи делал комплименты хозяйке дома. Наконец Мюрат пришел в себя, хлопнул Маккензи по плечу: в чем дело? Тот объяснил, что он британский офицер, что он любит красивых женщин, картины, развлечения, что он учит итальянский, что он хочет довериться широкой душе храброго генерала, который, как он надеется, не будет обращаться с ним как с пленным, тем более как со шпионом. Подали простую солдатскую еду – хлеб, сыр ломтями, бутылочку сотерна. Мюрат не только позволил Маккензи остаться в Риме, но дал пропуск на право проезда по всей территории Италии. Так начались их приятельные отношения. Мюрат был под стать Маку – высокий, бравый, молодежавый, с римским профилем.

Когда генерал Маккензи посетил Париж при заключении Амьенского мира, во время обеда во дворце Тюильри Мюрат представил его первому консулу. Маккензи, как истинный джентльмен, привык обедать не торопясь, беседуя с соседями. Бонапарт же уделял внимание только еде, сметал все с тарелок, потом рысью пробежал в соседнюю комнату пить кофе. Не получилась беседа.

Однажды в мессинской жизни все-таки разыгрались страсти. На обеде у командующего флотом появилась гостья из Лондона – обольстительная молодая леди, красотой которой были восхищены и сам адмирал, и все его офицеры, и красавец Маккензи, и его племянник. Это была миссис Констанция Спенсер Смит, дочь австрийского посла в Константинополе и жена британского посла в Штутгарте. У нее были прелестные глаза. Из-за нее Байрон вызвал на дуэль адъютанта генерала Оукса, того самого генерала, который был рядом с адмиралом Нельсоном в том самом сражении, где тот потерял глаз. «Нежной флорентийке» был подарен большой желтый бриллиант, который Байрон достал из своего кольца.

Бегущая по волнам улиссова моря – вот кто она была. Писала Байрону: «Ты обещал мне встретиться на Мальте и вместе бежать». Байрон же собирался поступить на австрийскую или русскую службу: «Передо мною весь мир».

Одним словом, присутствовавший на обеде капитан турецкого фрегата просто потерял голову от этой богини. Как это прекрасно – чуть-чуть задержать в своей руке нежную ручку прелестной женщины!

– Какие чудесные омары! От них веет свежестью Ионического моря!

– Он так же чудесны, свежи и прелестны, как вы сами.

Родерик спросил турка, что он может отдать за нее. Тот, сверкая глазами, ответил: «Пятьдесят три медные пушки, сэр!» Ровно столько их было на его фрегате.

Наконец монотонная служба кончилась. Родерик с дяшюшкой отправились домой на борту маленького пакетбота.



Военная карьера Родерика теперь полностью зависела от судьбы дядюшки. Однако оба они были обречены на бездействие как раз в то время, когда имя Веллингтона гремело, когда британская армия воцарялась на Континенте.

Родерик, как вы заметили, весьма и весьма почитал чины и ранги. Все его надежды были на дядю, на его продвижение по службе, на его положение при дворе. А там все очень запутанно. Георг III был тяжело болен: у него периодически случались приступы безумия. Тогда короля на правах регента заменял его старший сын принц Уэльский, будущий король Георг IV, гуляка и пьяница, благоволивший к Маккензи и ненавидевший своего несчастного отца. Принц Уэльский жил на широкую ногу: конюшня на пятьсот лошадей, гардероб из двух тысяч костюмов. Трое парикмахеров работали с его сиятельной головой – узкие специалисты по лбу, затылку и височкам. Принца, понятно, замучили долги. Наконец мудрый премьер-министр Питт предложил: парламент уплатит долги принца и повысит сумму его содержания, если тот женится и угомонится. Принц предоставил выбор невесты Питту. Из Германии на военном корабле привезли Каролину Брауншвейгскую.

Принц вошел, увидел невесту, некрасивую и немолодую, поцеловал ее, велел подать стакан виски, выпил залпом и молча ушел. Во время венчания шафер, герцог Бедфордский, крепко держал его, так как принц едва стоял на ногах. Жену свою принц возненавидел еще больше, чем отца. Однажды ему доложили: «Только что получено известие о кончине вашего злейшего врага...» – «Неужели она скончалась?» – «Наполеон умер».

После женитьбы принц продолжил разгульную жизнь. Однажды он оказался у ног русской красавицы графини Ольги Жеребцовой, урожденной Зубовой (Джебецовой, как звали ее в Британии). Все Зубовы славились необыкновенной красотой. Платон Зубов, родной брат Ольги, стал последним фаворитом Екатерины II – императрица на старости лет влюбилась в юного поручика. У Ольги же был роман с английским посланником в России лордом Уитвортом, красавцем мужчиной, любимцем Марии-Антуанетты. Уитворт противодействовал Павлу I, который вел дело к войне с Англией.

После убийства Павла Уитворта выслали из России, а Ольга Жеребцова отправилась в Лондон, где и покорила принца Уэльского.

Надежды Александра Маккензи на карьерный рост рухнули в одночасье. Однажды дядюшка был в театре. И вдруг к нему в партер из ложи принцессы Уэльской спустился церемониймейстер двора: принцесса желает видеть его. От таких приглашений не отказываются. Коварная принцесса, которая, конечно, знала, что Маккензи – фаворит принца, пригласила его к себе на ужин.

Лорд Хертфорд пришел к принцу утром. «Сэр, происходят странные вещи. Прошлым вечером Маккензи был в ложе принцессы, а после спектакля, не поверите...» – «Что, что?» – «...Ужинал в доме принцессы!»

Больше Маккензи никогда не видел принца. Впрочем, тот послал отставному любимцу Большой крест Ганноверского ордена, язвительно заметив: «Мак – красивый парень. Крест ему будет в самый раз».

Это был крест на военной карьере. Потом Родерик возьмет судьбу в свои руки, и судьбой станет геология. Но это будет не скоро. В ту пору он не знал, что скалы, реки, пещеры, водопады, обнажения пород, даже обычная грязь, такая разная, – самое интересное, что есть на свете.

Опального генерала Маккензи определили командовать дивизией в городе Арма на севере Ирландии, а Родерик остался скучать в знакомых до боли казармах Хоршема, во втором батальоне 36-го полка. Какие в Хоршеме могут быть развлечения? Уроки бокса да лошади.

Дядя не выдержал жалоб племянника, снова взял его в адъютанты, но в Арме было еще скучнее, чем в Хоршеме. Жизнь скрашивалась дружбой с де Клермоном, юным французским эмигрантом, вместе с которым он охотился, ездил верхом, бывал на чаепитиях в доме священника – здесь их привлекали чары юных леди, перед которыми и дядюшка не устоял, все вместе играли в трик-трак.

Энергия Родерика находила выход в бешеной скачке по зеленым холмам Ирландии, он добирался до южного берега озера Лох-Ней. Пройдет время, и он устремится сюда,



в Ирландию, на северное побережье, в горы Антрим, только для того, чтобы увидеть одно из геологических чудес света – Дорогу гигантов. Он прошел до конца по этой лестнице, этой мозаичной мостовой, которую природа выложила из правильных столбчатых шестигранников, возникших при застывании раскаленной базальтовой лавы.

При каждом удобном случае Родерик едет на Остров, в Лондон, – погулять, проветриться, тратит вдвое, втрое против других, и дядя упрекает его за расточительность. Ну и что? Можно продать вотчину в Росшире. Маккензи в ужасе: земля в Англии ценится куда больше, чем счет в банке.

Правда, Родерику присвоили очередное звание – капитана. Это неплохо звучит: капитан Мэрчисон! Но он снова определен в 36-й полк сокращенного состава на полставки – скучная казарменная жизнь. В дневнике Родерика есть намеки на посещение библиотеки – чтение состояло из Шекспира, а также книг о лошадях и методах их лечения.

Свое двадцатилетие капитан Мэрчисон неожиданно отметил посещением лекций знаменитого физика сэра Гемфри Дэви, остроумнейшего экспериментатора, придумавшего безопасную рудничную лампу – «лампочку Дэви». Лекции его столь же остроумны, пересыпаны историями вроде той, что он рассказал о Ньютоне – тот за все время своего пребывания в высшем органе законодательной власти произнес одну фразу: «Закройте окно, с улицы дует». Байрон напишет о Дэви в «Дон Жуане»:

*Наш век есть век прекрасных разговоров,
Убийства тела и спасенья душ,
Изобретений и ученых споров.
Сэр Хэмфри Дэви – сей ученый муж –
Изобретает лампы для шахтеров.*

Кажется, вот она, наука – новая дорога в жизни. Увы, нет никаких свидетельств того, что наука задела Родерика. Другое ему интересно. Дело в том, что он стал настоящим, законным шотландским лэрдом, владельцем Террадейла, и ему надо вступать во владение. В те дни путешествие из Эдинбурга через Грампианские горы было рискованным делом. Дилижанс, следовавший за ними, опрокинулся. Кучер сказал Родерику: «Сэр, я могу не доехать до Бакрэна».

Они все же пробились через ужасные проходы в горах. Местный овчар нес по тяжелым снегам двух девочек, как пару овец. Через много лет в России, на Урале, Родерик увидел таких же людей, для которых не существовало ничего невозможного. С большим трудом дилижанс добрался до Инвернесса, города у знаменитого фьорда Лох-Несс.

Родерик часами бродил по Тетрадейлу, окрестностям своего поместья, своего крофта, держал в горсти песок, свою родную землю, верхом поднимался к Бакрэнгу по тропам шириной с уздечку и скакал по вересковым пустошам, продирался через моховые болота, сухостой, кочкарник. Скоро вся Земля – *omnis terra* – станет его владением.

Арендаторы подходили к нему со своими делами: разведение овец, рыбная ловля, охота. Они говорили по-гэльски, и Родерик их плохо понимал. В его бумагах остался самодельный разговорник со словами и фразами по-гэльски, даже такой смешной: «Как пройти в библиотеку?» Люди жаловались: им запрещают делать виски. Оказывается, в незапамятные времена парламент предоставил монопольное право изготовления и продажи виски в Россшире владельцам соседнего поместья Ферринтош. К слову, шотландцы всегда славились и славятся ныне отменной очисткой своего виски – говорят, что фильтруют его через алмазную крошку. А источник несравненного аромата шотландского виски – вода, протаявшая под торфяным болотом...

Несмотря на трудности общения, люди понимали, что Родерик может им помочь, но, по правде говоря, делами ему заниматься вовсе не хотелось и он подумывал, не избавиться ли от этого Тетрадейла.

Развлечением для Родерика в Инвернессе стали выборы двух парламентариев для этой территории. Один из них баллотировался по традиции в его собственном поместье. Родерик держался партии тори.

Тогда в Англии был очень странный закон о выборах. Он давал возможность посылать точно определенное число депутатов от определенных территорий, так называемых «гнилых местечек». Скажем, в Олд-Сэруме на двух избирателей приходилась квота – два депутата. Вот они и выбирали самих себя. Одно местечко, имевшее право выбирать



одного члена палаты общин, было поглощено морем. Собственник местечка на лодке с парой избирателей отправлялся в открытое море и после голосования строго над своим затопленным владением становился законодателем. В то же время такие города, как Манчестер и Бирмингем, не имели права послать в палату общин ни одного своего представителя.

На одном из предвыборных обедов Родерик встретился со своим соседом из Гленгэрри, тот был в зеленой шляпе без полей, из тех шляп, что зовут цветочными горшками: «Он гипнотизировал меня своими холодными голубыми глазами и лохматыми бровями, потом простер свою длань поперек стола и наклонился ко мне: «Сэр, мы приветствуем вас, родственника Дональда Мэрчисона, на земле ваших предков. Я вам так скажу: вы никогда не забудете эту пустыню». С этими словами он так сжал мою руку, что я точно никогда не забуду этого хайлендерского рукопожатия».

Впрочем, не только выборы в парламент были развлечением Родерика. Гостеприимные земляки устроили ему рыбалку, охоту, соревнования в стрельбе, перемежаемые обильными застольями: окорок по-пасторски, филе по-рыцарски, паштет из дичи – мало ли рецептов в старых книгах; тонкие вина в серебряных кувшинах. Гэльские – они веселые люди, они такие. Gaily – «весело»!

Родерик хотел быть своим в Хайленде и стал своим. В конце короткого осеннего дня хорошо сидеть за тяжелым дубовым столом, заставленным простой едой: хлеб с молоком, желтый козий сыр, эль; отведать жареную козлятину и оленину под шафранную настойку или джин – можжевелевую водку. А можно приготовить и такое фермерское блюдо: в обычное картофельное пюре влить взбитые жидкие сливки, все это подсластить, постепенно добавляя ром или ванилин (можно обойтись и без ванилина), потом всыпать чуть-чуть обжаренную овсяную муку – она придаст блюду ореховый аромат. После хорошего хайлендерского ужина можно посидеть в кресле, считая клетки тартанового пледа на коленях, помешивая угли в камине, потом положить щипцы на медную доску и внимать скрипучим звукам волынки.

За окном вечер, сиреневые горы, туман, наплывающий с верховых болот, где растут сосны, из древесины которых можно делать хорошо горящие фитили, если вам удастся разжечь сырое дерево. Хайлендеры говорят: «Если вам не нравится наша погода, подождите немного, и снова пойдет дождь».

«В горах мое сердце» – там, где туман, протяжные хайлендские звуки, олени, куропатки, низины, краснеющие вереском, болота, выдры в протоках, торфяники; там, где блеск воды в ложе, бакланы, отбирающие добычу у рыбаков, крики ворон...

Однажды гвардеец, служивший во дворце Сент-Джеймс, принес новость: в Лондон приезжает русский монарх, «наш избавитель от галльской тирании»!

Император Александр вместе с прусским королем ехал в маленьких дрожках («droschke» – записал Мэрчисон в дневнике) с бородатыми русскими солдатами на запятках, в сопровождении кавалькады британских гвардейцев. Было объявлено, что гости с принцем-регентом будут в опере, и Родерик, конечно, постарался попасть в партер. Регент поднялся, взял за руки императора и короля, и они вместе поклонились. Внезапно ропот прошел по залу: принцесса Уэльская в шляпе с перьями вошла в ложу, обращенную к регенту. Родерик во все глаза смотрел на нее: вот она, виновница краха дядиной и его собственной военной карьеры! Ждали скандала, но принцесса вскоре удалилась.

А Фицрой Сомерсет, недавний адъютант Веллингтона, уже подполковник гвардейского пехотного полка. Конечно, у него такой покровитель! Тем более что он женился на очаровательной племяннице своего начальника. Веллингтон стал британским послом в Париже и взял Фицроя с собой. Коммодор мог спокойно уезжать куда угодно, скажем на Венский конгресс, ведь на хозяйстве оставался верный Фицрой.

Британцы вновь открывали для себя Континент, и одним из первых был Родерик. В Париже он брал уроки французского, специально жил в пансионате, где не говорили



по-английски, болтал с де Клермоном, тем самым молодым эмигрантом, с которым он служил в Ирландии и играл в трик-трак с юными леди. Теперь, в дни Реставрации, когда Мишель Ней, «храбрейший из храбрых», бывший наполеоновский маршал, клялся в верности Луи XVIII, де Клермон вернулся в Париж и водил приятеля не только по ресторанам, но и по музеям и театрам. Родерик с томиком Корнеля сидел в партере, честно слушал Тальма, следя за текстом.

Весной следующего года, когда зацвели каштаны, Родерик снова в Париже. Утром его разбудил де Клермон: «Вставайте, Родерик! Наполеон высадился во Франции!» Спрыгнуть с кровати, быстро одеться, схватить утренние газеты, впитаться глазами: одни писали, что дело может быстро закончиться, другие – что Корсиканец продвигается к Греноблю, третьи – что Бонапарт капитулировал. В Тюильри прошел парад королевской гвардии, старый, толстый Луи в вельветовых ботинках выходил, переваливаясь, на балкон. Солдаты еще носили белые кокарды, но уже были готовы поднять триколор. На британцев опять глядели враждебно.

А те уже теснились на дороге в Кале – обычной дороге бегства из Франции. Родерик рассудил, что надо двигаться в обход через Бетюн, но попал на дорогу как раз вместе с кавалерийским полком. Коляска Родерика на узкой дороге вылетела в кювет. Спасли дело веселые полупьяные кавалеристы: они распрягли лошадей и выгнали экипаж. Наверное, именно тогда у капитана возникло желание податься в кавалерию. Это был шанс на активную военную службу, последний шанс на продвижение. Дядюшка осерчал и назвал вступление любимого племянника в кавалерию «большой глупостью».

Все же Родерик стал драгуном, обзавелся боевым конем и нетерпеливо ждал своего шанса отличиться. Драгунский полк готовился к выступлению. Но каждый из Ста дней Наполеона уносил надежду на участие в кампании.

А подполковник Фицрой Сомерсет, конечно, в штабе Веллингтона. Под Ватерлоо пуля раздробила ему правую руку. Фицрой сам пришел в полевой госпиталь. Руку ему ампутировали выше локтя. Он не стонал. Службу Фицрой не оставил – как без него обойдется Коммодор?

Коммодор, железный герцог, сказал, что битва при Ватерлоо была выиграна на крикетных площадках Итона, то есть аристократами из привилегированных частных школ: Итона, Регби, Винчестера, Харроу. Настоящий джентльмен – это тот, за кем пойдут люди в трудный час, все равно, крикетная ли это команда или десантный полк. Фицрой окончил Итон. Свои опознавались по школьным галстукам – темно-синим в голубую полоску. Для всех остальных – невозмутимость и «жесткая верхняя губа».

Родерик же пенял на свою несчастную судьбу. Рушились надежды на военную карьеру. Как давно это было – битва у Вимейру, возглас Коммодора: «Где знамена?» – и ответ шестнадцатилетнего мальчишки: «Они здесь, сэръ!»



Шарлотта Хьюгонин

Одно время миссис Мэрчисон жила на острове Уайт, что к юго-западу от Лондона. Она подружилась с семейством генерала Хьюгонина, жившим поблизости, в Норстеде. Родерик, хороший сын, часто навещал маму, бывал с ней в Норстеде, где и влюбился без памяти в генеральскую дочку Шарлотту – умную, образованную, пикантную и просто красивую девушку, всего на три года его старше. Вскоре они обвенчались в романтической церквушке и всю жизнь отмечали этот день на краю лета – 29 августа.

Однажды Родерик получил приказ прибыть в Хоршем. Он представил рутинную казарменную жизнь без всяких перспектив – и подал рапорт об отставке. Прощайте, восемь лет службы, прощайте, честолюбивые мечты, прощайте, кутежи! Война окончилась. Европа устала от войн.

Куда идти? Родерик был джентльменом до последнего дюйма, но он не был паркетным шаркуном. Он жаждал деятельности, но у него не было точки приложения сил. Видит Бог, он хотел быть профессионалом в какой-либо достойной области. Для этого у него есть все: здоровье, хорошая голова, любовь к пространству, к занятиям на открытом воздухе, лучшим из которых, конечно, была охота.

До сих пор Родерик жил по своей воле. Теперь он безраздельно подпал под влияние жены, но с превеликой радостью подпал! И с каждым годом ее влияние усиливалось – она была умна, тактична. Ей, очаровательной Лотте из Норстеда, Родерик обязан своей всемирной славой великого геолога.

После свадьбы Родерик повез жену в Хайленд, в Тетрадейл, к друзьям и родичам. Правду сказал старый хайлендер из Гленгэрри ему, потомку благородного Дональда Мэрчисона: «Вы никогда не забудете эту пустыню». И опять на горной дороге они попали в снежную бурю, и опять охота перемежалась обильными гэльскими застольями.

И все-таки что делать военному отставнику двадцати трех лет от роду? Родерик сказал себе: «Моя жена хорошо воспитана, она заботится о бедных, она любит заниматься садом,

ботаникой. Я люблю охоту, стрельбу, рыбную ловлю. Чего же более? Стану сельским священником».

Родерик, как это ему свойственно, подошел к делу фундаментально. Священнику необходимо изучить языки – греческий, латынь, французский, итальянский, да и родной улучшить. И еще много чего! Разделы в его рубрикаторе: «Религия», «Красноречие», «История», «Беллетристика».

Но утро в Норстеде почему-то неизменно начиналось с псарни старого Тома Берхема, с его замечательных охотничьих собак – английских коротконогих паратых гончих.

Лотта убедила мужа, что первым делом нужно увидеть мир! Она гнула свою линию: Родерик ничего не добьется в жизни, если не станет по-настоящему образованным человеком. Зима прошла в приготовлениях к путешествию на Континент. Родерик уже прилично знал французский и теперь совершенствовался в итальянском.

Они хотели провести на Континенте год или два. Как ни странно, жизнь там была дешевле, чем на Острове. У Родерика всегда была слабость к шикарной одежде, к породистым лошадям и собакам – хорошее средство избавиться от денег. Жена рассудила, что на Континенте этих трат не будет. Какие-то средства им давало поместье в Террадейле, но не обошлось без помощи тестя и дядюшки.

Итак, в один прекрасный весенний день 1816 года молодожены отплыли из Дувра и далее отправились в собственной коляске (так дешевле) от Кале до Парижа. Подумать только, всего год назад Бонапарт осаждал Гренобль и веселые пьяные конники вытаскивали из кювета экипаж Родерика!

На этот раз маршрут Родерика совпал с путем Дон Жуана и самого Байрона, героя анекдотов на Острове. «Что вы скажете о Байроне?» – «Он хромой и хорошо боксирует». – «И это все?» – «Нет, не все. Он хромой, он хорошо боксирует, и он переплыл Геллеспонт, подобно Леандру».

Замечу, что Коля Журило значительно больше рисковал, когда плыл по Суйфуну между льдин на огонек дома любимой девушки.

Байрон писал в Венеции: «Собрался было в Рим, да ныне он весь пропитан английской заразой – шныряет по нему



шайка балбесов, пялится по сторонам, разиня рот, да при всей своей убогости еще и чванливы. Пока все это варварское племя не уберется по домам, нормальному человеку нечего и думать разъезжать по Франции и по Италии». Ему-то, лорду Байрону, внуку коммодора Джона, прошедшего Магелланов пролив, не нужны были знакомства со знаменитостями. Он был изгнан из Британии за восемь строк против принца-регента.

Знал бы он, что любопытствующий шотландец Мэрчисон через несколько лет начнет редкостное путешествие – в глубины Земли – и не будет в этом деле человека, равного ему.

В Париже Мэрчисоны не только осматривали музеи. Лотта затащила Родерика на собрание Академии (через несколько лет он станет ее иностранным членом), познакомила с Жоржем Кювье, который читал доклад о влиянии науки на общество и о роли Франции, которая могла бы быть еще больше, если бы ей не мешала вероломная Англия.

Далее путь лежал через Дижон на Женеву. Здесь Родерик познакомился со знаменитым ботаником Декандром, «ботаническим Кеплером», и со швейцарским натуралистом Пикте, физиком и математиком. Внес их в свою коллекцию.

На лето Мэрчисоны сняли виллу в Веве, где жили швейцарские кухни Лотты. На альпийских пастбищах коровы с колокольчиками, пастухи перекликаются, играя на свирели. Райские кущи!

Оставив жену на попечение кузин, Родерик совершал геркулесовы подвиги в ходьбе по кручам, скрупулезно отмечая достижения. За четырнадцать дней он прошел четыреста пятьдесят две мили! При восхождении на Монблан отмахал сто двадцать миль за три дня. Личный рекорд – за день прошел пятьдесят миль! А зачем? Чтобы побывать в какой-то заброшенной каменоломне бог знает где – в Энингене, возле Боденского озера. Через двенадцать лет Родерик вернется в этот старый карьер с геологическим молотком...

Кажется, он готовил себя к будущей профессии, о которой не имел тогда никакого представления. «Реки льда» – ледник Гриндельвальд, пласты соли в шахте для него пока не более чем раритеты кунсткамеры. Тем не менее Родерик сознательно развивал свою необычайную способность схватить

главные черты ландшафта, свой «хищный глазомер». Он нигде не мог заблудиться.

В жаркий июньский день 1816 года в горах, где-то между Веве и Кларенсом, Мэрчисоны познакомились с самим лордом Байроном. А ночью разразилась ужасающая гроза. Это была шекспировская гроза, гроза из «Короля Лира». Родерика охватил восторг, он ощутил планету.

Несколько месяцев спустя в Риме они с Шарлоттой прочитали в только что опубликованной третьей песне «Чайльд Гарольда»:

*Какая ночь! Великая, святая,
Божественная ночь! Ты не для сна!
Я пью блаженство грозового рая,
Я бурей пьян, которой ты полна.
О, как фосфоресцирует волна!
Сверкая, пляшут капли дождевые,
И снова тьма, и, вновь озарена,
Гудит земля, безумствуют стихи,
И сотрясают мир раскаты грозовые.*

Это масштаб, это Байрон! Недаром он называл лужами озерный край Вордсворта – ему океан подавай! Байрон: «Я могу переплыть Рейн, могу потушить свечу выстрелом из пистолета с двадцати шагов, и я написал поэму, четырнадцать тысяч экземпляров которой были распроданы в один день». Речь идет о «Корсаре».

Байрон не вернется в Британию: оставит навсегда Ньюстед, Ноттингем, Шервудский лес, Кембридж, Тринити-колледж – прямоугольник с фонтаном посередине, окруженный готическими зданиями. Он ненавидел войну, он издевался над британской военной славой, высмеивал Веллингтона.

Что вечно? Афины. Солон же сказал: «Наш город, согласно божественному повелению Зевса и желанию бессмертных богов, никогда не будет разрушен, поскольку его великая хранительница, дочь могущественного родителя, Афина Паллада простерла свои руки над ним». Ведь Ника, по преданию, в Афинах потеряла крылья – они были ей не нужны, потому что она не должна была покидать этот город.

Мортиры венецианцев обрушили среднюю часть Парфенона. Он был христианским храмом, потом казармой,



мечетью, пороховым погребом, но он остался прекрасным Парфеноном! Колонны его чуть-чуть изгибаются, плывут, как потягивается любимая женщина. Букет роз на верхней ступени Парфенона будто растворяется в золотом свете афинского воздуха.

У турок, засевших в Акрополе, кончался порох, и они грозили взорвать Парфенон. И греки дали им патроны! Байрон был потрясен. Он не щадил мародеров, и своих в том числе – шотландца Эльджина, который вывозил в Лондон мраморы Парфенона: «Пришел грабитель из земли моей...»

Байрон погиб в Миссолонги, защищая греков. Пушкин, узнав о его гибели, заказал поминание по «боярине Георгии».

*И в час, когда стоял я в древнем храме,
Не раз уже разграбленном врагами,
Ты возникала, как виденье сна,
Излюбленная славою страна...*

Однажды Родерик нашел в обнажении на вершине горы окаменелости – морские раковины. На месте горы когда-то плескалось море! Увидел, восхитился – и забыл. Он архитектурой загорелся! Живописью! Посещал галерею за галереей, церковь за церковью, все рассмотрел в Италии. И все, что увидел, инвентаризировал – все дома, все залы, все города!

Родерик, общительный человек, познакомился со знаменитым скульптором Канова – тот работал прямо на ступеньках музея. Глину для форм ему готовил старый Джаниссимо, Канова звал его «мой маэстро» и советовался с ним. В своей мастерской с расписанными стенами Канова от избытка энергии прыгал перед гостем! Скульптор недавно вернулся из Англии, восторгался мостом Ватерлоо, но глаз его, как он выразился, был обижен кирпичными стенами домов, закопченными дымом каминов. Родерик тоже обижался, ведь это был дым его отечества.

Канова рассказал, как он преодолел упрямство Бонапарта, который считал, что скульптор должен представить его в мраморе, в окружении генералов в шляпах с петушиными перьями, в строгих пальто и высоких охотничьих ботинках. «Я ответил: «Тогда вы, ваше превосходительство, должны найти другого скульптора. Я могу рекомендовать моего

знакомого сапожника с Корсики». Бонапарт сказал, что он видит во мне человека со вкусом, и согласился позировать в классической тоге». У Родерика дух захватило: сказать Корсиканцу «рекомендую сапожника из Корсики!» Канова не пошел бы, как дядюшка, пить чай с принцессой!

Однажды Канова заметил в руках Родерика томик «Божественной комедии» и удивился: чего это все англичане начинают с Данте и Боккаччо? Читайте Метастазियो! Все знают Данте и Боккаччо, но кто знает Метастазियो?

Родерик заболел античностью: «Старый Гораций не мог бы восхищаться вечерней прогулкой более меня. Самое большое удовольствие состояло в воображении того, что я созерцаю те же самые здания, которые видел он. Древний Рим действительно существовал для меня, и Тибр не мог изменить направление своего течения. Я взглядом поднимал упавшие колонны, возрождал руины. Я восстанавливал то, что разрушили готы».

Он читал Байрона:

*Но почему я так стою
В раздумье пред гробницей знаменитой,
Как будто древний мир я узнаю,
Входящий в сердце музыкой забытой...
Плющ, кипарис, крапива да пырей,
Колонн куски на черном пепелище.
На месте храмов – камни пустырей,
В подземной крипте – плящущий глазищи,
Неспящий филин. Здесь его жилище...
Плачь, смейся, негодуй, хвали, брани.
Для чувств любых тут хватит матерьяла.
Века и царства – видишь, вот они!
На том холме, где все руиной стало,
Как солнце, мощь империи блистала.
О маятник – от смеха и до слез, –
О человек! Все рухнет с пьедестала.
Где золотые кровли? Кто их снес?
Где все, чьей волею Рим богател и рос?*

Родерик составил путеводитель по древнему Риму: крепостные стены, мосты, акведуки, театры, склепы, храмы, термы Каракаллы – до пожара времен Нерона и после пожара.



План города он восстанавливал по остаткам стен, по трудам Горация, Вергилия, Ювеналия, выискивал в них намеки на римские и романские реалии; стены пещер видел отделанными мрамором, как это было во времена Цицерона. Он не мог заблудиться в лабиринте улочек и переулков. Лунной ночью он бродил по Колизею, и звезды дрожали над ним.

Он шел по левому берегу Тибра на юг от Марсова поля, храма Мира, мимо курии Помпея, где был убит Юлий Цезарь, к Капитолийскому холму, к храму Юпитера, оттуда к Палатинскому холму, где некогда обитала волчица, вскормившая Ромула и Рема, где в скромном доме с «мастеровушкой» на чердаке жил Октавиан Август, мимо цирка, мимо катакомб, где скрывались первые христиане, к Аппиевой дороге, пересекая линию водопровода, который уходит на север, к Соляной дороге.

Другой путь вел от первого жилья Юлия Цезаря на веселой улице Сутур к его роскошному дому на Священной дороге через Палатин и Форум, построенный в золотое время Октавиана Августа. Родерик останавливался у храма Юпитера Громовержца на Капитолии, воздвигнутого в память о ночной грозе, когда молния ударила перед носилками Августа и убила раба, который шел впереди с факелом.

Как было не вспомнить Родерику об ужасающей грозе в Веве в те дни, когда его путь пересекался с путем Байрона. На Капитолии уже был храм Юпитеру, старый Юпитер ревновал к новому, и Август оправдывался: Громовержец будет просто привратником, у него будут колокольчики. И Родерик знал: это приснилось Августу в его «мастеровушке». Потом ужасный Калигула будет угрожать Юпитеру и прикажет театральным машинам сыграть гром и молнию, и построит храм Августа и театр Помпея возле Марсова поля, и Палатинский дворец дотянет до самого Форума, и перебросит мост с Капитолийского холма на Палатин через храм Августа, и построит себе дом на этом холме.

Люди Нерона по его приказу сожгли великий город, а он стоял на Меценатовой башне в театральном одеянии и пел «Крушение Трои» собственного сочинения. Он отстроил Золотой дворец, где его статуя превосходила чудо света – Колосс Родосский, и тройной портик был в милю длиной,

и внутри был пруд, подобный морю, а сам дворец был подобен миру. Потом Веспасиан на месте пруда воздвигнет амфитеатр Флавиев, который в Средние века назовут Колизеем.

А перекусить можно хлебом с мелкой рыбешкой, сыром, отжатым вручную, зелеными фигами второго сбора. В траптории возле Чивитта-Веккиа можно отведать мидии, креветки, острый сыр, перец, сухое вино из Аbruцци – то же, что ели и пили древние римляне.

А еще можно было зайти к Меценату в золотой век поэзии и возлежать за пиршественным столом, а рядом – Тибулл, Гораций, Вергилий, Проперций, Овидий. Родерик знал за собой и прощал себе эту слабость – знакомиться со знаменитостями.

Сначала подавали закуски – грибы, морских ежей, улиток, потом фазанов, язычки фламинго, молоки мурен. На десерт бисквиты, орехи, финики. Вино, по совету Вергилия, простое ретийское. Байрон был его гидом:

*И тот, кто смертность ощутил свою,
Приволье гор, укромное селенье
Иль пинию, склоненную к ручью,
Как дар воспримет, как благословенье, –
Пускай жужжат в долинах города,
Он не вернется в их столпотворенье,
Он не уйдет отсюда никогда...
«Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо.
Но рухни Колизей – и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима».
Я повторяю слово пилигрима,
Что древле из Шотландии моей
Пришел сюда. Столетия мчатся мимо,
Но существуют Рим и Колизей...*

Родерик, шотландский пилигрим, вглядывался в колодец времени, восстанавливал и понимал его так же, как он понимал и чувствовал рельеф. Он ходил по древним дорогам, карабкался к циклопическим стенам Пренесте, и взгляд его скользил все дальше и дальше, от южных Апеннин



к безбрежной Кампанье. Он разглядывал древний Рим полуантичным, полувоенным, но никоим образом не геологическим глазом. Он не мог заблудиться нигде и никогда – на Острове, на Полуострове и здесь, в древнем Риме.

Малярию, которую подхватила Лотта, Родерик вылечил свежим бризом Неаполя и стихами Тибулла:

*Слава меня не влечет, моя Делия: быть бы с тобою, –
Может, кто хочет, вялым, ленивым бранить.
Видеть бы только тебя на исходе последнего часа
И, умирая, тебя слабой рукой обнимать.*

Он излезил все острова Неаполитанского залива, не обращая особого внимания на роскошные обнажения горных пород. Прекрасные виды, не более того. Но Grotta Azzurra – Голубой грот на Капри поразил Родерика.

Даже при слабом волнении проникнуть в Голубой грот было почти невозможно. Родерик, стараясь не думать о возвращении, на маленькой плоскодонке протиснулся в узенькое, полузатопленное окошечко, выбитое волнами в известняковой скале. Вспомнился дренажный колодец на окраине Эдинбурга, когда он лез по штреку, расцарапанный в кровь. Он бросил чентезимо в неправдоподобно синюю воду, и медная монетка стала серебристой. Он бросил лиру, она вспыхнула и, крутясь, пошла на дно.

Откуда этот ореол, эта подсветка? Оказывается, свет проникал в Grotta Azzurra и снизу, из затопленного входа, многожды отраженный, преломленный, профильтрованный, и вода пропускала только голубые лучи, и происходило это лишь при волнении моря.

Родерик видел извержение Везувия, но для него это было не столько грандиозное геологическое явление, сколько возможность представить то, что случилось в Помпее, Геркулануме и Стабии 24 августа 79 года. 1750 лет тому назад. Облако дыма над Везувием похоже на пинию, итальянскую сосну. Конус Везувия неправильный, потому что он в кальдере, то есть в котле взрыва другого вулкана – Сомма. В безлунную ночь под градом камней Родерик поднялся к огненному кратеру (Лотта не смогла его удержать) и прокатился по затвердевшей коре потока при свете молний, прорывавших тучу пепла. Вдали блестела вода Неаполитанского залива.

Это было похлеще грозы в Веве. Планета говорила с ним на смутном, непонятном языке.

Он не расставался с книгой аббата Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса». Аббат добирался до мелочей. Из чего сделан окаменевший хлеб, извлеченный из пепла Геркуланума? Оказывается, из гороховой муки.

Это сейчас к вершине вулкана туристов доставляют канатными подъемниками или даже шикарными автобусами. Родерику же нужны были крепкие ноги, безлунная ночь и грохот извержения.

И Флегрейские (то есть «горящие») поля с десятками низких, усеченных вулканических конусов к западу от Везувия он обошел, и храм Сераписа в Поццуоли – его мраморные колонны испещрены отверстиями, высверленными морскими камнеточцами, и это было точным доказательством того, что уровень моря в прошлом поднимался и опускался. Впрочем, эта проблема Родерика в то время особо не интересовала.

По дороге домой, на Остров, Мэрчисоны побывали во Флоренции, Болонье, Модене, Парме, Турине, потом Швейцария, Лион, Париж, и везде Родерик – прилежный исследователь галерей и музеев.

Ему уже двадцать шесть лет. Шарлотта считала, что эти два года были для Родерика более важными, чем восемь армейских лет. Он стал разбираться в искусстве лучше, чем она сама. Однако впереди его ждал другой соблазн.



Охота на лис

Теща не хотела, чтобы Шарлотта и Родерик так далеко уезжали, – боялась умереть вдали от близких людей. Имение в Террадейле Мэрчисоны продали, поселились в старом особняке шарлоттиногo прадедушки в Дареме, в том самом Дареме, где когда-то Родерик жил в пансионе, самом замечательном месте для мальчишеских подвигов. Прадедушка, старый генерал, ветеран войны во Франции, был довольно известным человеком, но Мэрчисоны сделали его дом самым знаменитым местом в округе.

Занятия искусством оставлены. Тогда Шарлотта попыталась увлечь Родерика ботаникой, классификацией растений, составлением гербариев – бесполезно! Минералогия также была отвергнута. Конечно, он помогал научным изысканиям жены, но у него самого никакого куража не было. Лотта ничего не могла с ним поделаться. Будто и не было беззаветного увлечения античным искусством, вдохновенных реконструкций древнего Рима.

Великобритания превращалась в первую державу, всемирную мастерскую: каналы, шлюзы, паровые машины, железные дороги, механические ткацкие станки. Ее валюта устойчива с XVI века, потому что каждый фунт стерлингов обеспечен четырьмя унциями чистого серебра. Чарльз Грин ставит мировой рекорд дальности полета на воздушном шаре – от Лондона до Германии.

А для Родерика существует только одно замечательное занятие – охота на красных лисиц. Он всей душой отдался этому спорту, стал одним из лучших, если не лучшим ред-фоксхантером Северной и Центральной Англии.

Парфорсная охота на лис в то время была в Британии национальным видом спорта. Дело доходило до того, что при открытии сезона пустел парламент и жизнь в Лондоне затихала. Парфорсная охота ведется без выстрелов. Главное в ней – бешеная скачка по пересеченной местности в направлении, заранее неизвестном охотнику; надо выискать лису в кустах бузины и боярышника, найти нору, откопать рыжую, затравить ее собаками.

Байроновский Дон Жуан тоже отдал дань этой охоте:

*Охота на лису – опасный спорт:
Во-первых, можно с лошади сорваться,
А во-вторых, тому, кто слишком горд,
Мишенью шуток горько оказаться.
Но Дон Жуан в седле был смел и тверд
И мог в искусстве этом состязаться
С арабами; под ним скакун любой
И всадником гордился и собой...
Трофеями сей воинской отваги
И многолюдно-шумной суеты
Бывали не знамена и не шпаги,
А просто лисьи шкурки и хвосты.*

«Благородная наука охоты на лис, – писал Родерик, – была в то время моей самой большой страстью. На севере я приобрел некоторую репутацию. Сначала меня не очень ценили как твердого всадника. Тогда я начал большую игру – прежде всего за пару лет расширил свою конюшню». Охотничья лихорадка разгоралась все пуще. Территория охоты расширялась на юг.

Шарлотта страшилась не только потери времени, но и опустошения кошелька. Ведь муженек арендовал хороший дом в Мелтон-Моубрей в Лестершире, завел конюшню в десять скаковых полукровок, псарню на дюжину охотничьих собак. Шарлотта высчитывала каждый фунт: надо платить за собак, за лошадей, за лицензию на охоту.

– Лотта, милая, – убеждал ее Родерик, – как ты не понимаешь, это совсем другие деньги, это святая плата, мы ее выдержим. Проценты от наших вкладов дают нам две тысячи фунтов в год.

– Мой дорогой, все эти деньги забирают твои красные лисицы.

Не сказала ведь «твои проклятые красные лисицы».

Охотничий журнал Родерик вел ежедневно, с присущей ему обстоятельностью: с кем ездил, с кем обедал, кому наносил визиты, подробно описывал каждый выезд. Скажем, с 3 ноября 1821 года по 11 апреля 1824 года, то есть за сто пятьдесят девять дней, он выезжал с собаками на охоту сто



десять раз. В своем стиле он вел таблицу с колонками, в которых скрупулезно отмечал работу каждой из двенадцати собак. Все это сохранилось в архиве Мэрчисона.

В морозы, когда занятия на открытом воздухе прерывались, Родерик обращался к книгам. Иногда казалось, что его интерес к древности оживает: он читал и делал выписки из «Следов древнего поведения и обычаев в Италии и Сицилии» Бланта. Но книги немедленно менялись на седло, как только устанавливалась хорошая погода.

В Мелтон-Моубрей собиралась серьезная охотничья компания, в основном шотландцы: Элшо, Грехем, он же Монтроз, о предках которого писал Вальтер Скотт, Грант, Мелвилл и даже лорд Дарлингтон, обычно старший на охоте. Говорили о чем угодно, только не об искусстве. Родерик знал толк в нравах красных лисиц, собак и лошадок. Как-то на спор очень грамотно подковал коня, отстранив конюха. Он многое знал и умел и всегда учился тому, чего не умел делать: любые навыки пригодятся в будущей долгой жизни!

Компания охотников подобралась строгая. Скажем, Родерик был единственным, кто курил на охоте. Монтроз был весьма недоволен этим. Чувствительные охотничьи собаки теряли от табака нюх, так что Родерику пришлось отказаться от трубки. Фернлей написал групповую картину: Мэрчисон с сигарой в зубах красовался на своем каурум Коммодоре (назван так в честь Веллингтона). Потом художник заретушировал сигару, и в таком виде картина, наверное, и сейчас находится где-нибудь в запасниках музея города Йорка.

Все знали слабость Родерика – знакомиться со знаменитостями. Однажды у него была возможность пожать руку самому Вальтеру Скотту, но он не смог отказаться от охоты. Зато примчался в Единбург, чтобы увидеть короля Георга IV, и с высоты холма Кэлтон разглядел сияющее лицо седовласого писателя в свите, рядом с королевским экипажем...

Были у Родерика и менее серьезные дела, чем охота. Парламентские выборы, например. Этого он пропустить не мог – там было все, вплоть до метания тухлых яиц в неудобных кандидатов.

Шарлотта была в отчаянии. Она познакомила мужа с соседом – Гемфри Дэви, тем самым физиком, лекции которого в Королевском обществе когда-то без особого интереса слушал двадцатилетний Родерик. Как-то незаметно он подошел к тридцати трем годам, а это, как известно, рубеж. Дэви убеждал Мэрчисона в прелести занятия наукой: там свой азарт, свои приключения, приключения мысли. Шарлотта всячески помогала соседу – она так устала от лошадей, собак и красных лисиц. Она победила, эта маленькая упорная Лотта: экс-солдат продал своих лошадей!

Однажды после недельной погони за лисами компания обессиленных, одичавших охотников появилась в местной церкви. Проповедник как раз описывал жизнь дикарей до их обращения в христианство, и взгляды прихожан невольно обратились к обросшим физиономиям ред-фоксхантеров.

Мудрая Шарлотта считала, что у Родерика характер библейского охотника Нимрода, который «начал быть силен на земле». Но она была также убеждена, что через какое-то время он обратит внимание на Землю – именно на Землю с большой буквы. Он по натуре был преследователь, и это качество касалось не только красных лисиц.

Родерик так объяснил свой отход от охоты: «Я подпал под влияние сэра Дэви. Я получил огромное удовольствие от его живого рассказа о большой физической правде, когда мы стреляли утром куропаток. Я понял, что можно заниматься философией, не бросая спорта». Он ошибался: спорт оказался ему не нужен и не интересен. «Дэви, зная, что помимо моих археологических экскурсий я уже делал кое-какие наблюдения в Альпах и Апеннинах, уговорил меня поехать в Лондон и приобщиться к науке путем посещения лекций по химии и т. д. Так как моя жена поддержала этот совет, а Дэви обещал ввести меня в Королевское общество, то я легко и скоро согласился». Может быть, Родерик просто устал от многолетней бешеной охоты. «Прежде чем я стал горожанином, лондонцем, кокни, я продал моих лошадок. Две лучшие были выставлены на аукцион. После веселого обеда в Старом клубе Мелтона лошади были введены прямо в комнату. Мэкер купил Коммодора».



Решение отказаться от дорогой жизни в Мелтоне было, возможно, продиктовано отчасти и недостатком средств. Мэрчисоны не стали сразу искать новое жилье, а некоторое время жили у тестя, генерала Хьюгонина, в Норстеде. Там со старым священником Ричардсом Родерик еще некоторое время гонял со сворой собак по зеленым холмам к юго-западу от Лондона, где на Верхнем поле (надо знать места!) в изобилии водились фазаны.

Казалось, ничто не предвещало того, что случится с ним. Но приближалось, приближалось его золотое время, благословенное время Рима Октавиана Августа...

Остров. Первые шаги

Сэр Гемфри Дэви посоветовал начать с изучения химии, лучше всего с курса лекций доктора Брэнда в Королевском институте. Родерик взялся за дело решительно. Его рабочий стол теперь завален книгами по химии и геологии. В тетрадях – не анализ работы гончих собак, а химические формулы, геологические термины и зарисовки палеонтологических раритетов.

Однажды место Брэнда занял его ассистент, худощавый юноша, который начал с большой робостью, но разошелся и закончил восхитительную лекцию под шквал аплодисментов. Это был гениальный ученик Дэви по имени Майкл Фарадей. Он в ту пору увлекался минералогией и даже был членом Лондонского геологического общества. Родерика поразила азарт юнца.

Наконец-то Мэрчисон нашел себе дело по душе – полевую работу, переходящую в камеральные занятия, то есть в обработку наблюдений. Теперь вся его жизнь состояла из Поля и Камералки.

Может быть, новое увлечение началось с Генуи? Тогда Родерик Мэрчисон на вершине горы выбил из обнажения морскую раковину. На месте горы когда-то плескалось море! Как зовут эту раковину? Это был новый язык, новый алфавит.

Или же дело было так: после охоты Родерик ехал, опустив поводья, и вдруг (вдруг!) обратил внимание на то, что слои, обнаженные на склоне холма, если продолжить их благородный изгиб по воздуху, можно проследить и на соседнем холме. А куда они идут дальше, эти слои? Вот же он, этот пласт, и в нем раковины, присущие только ему, древнему красному песчанику – «old red sandstone». Вот где азарт! Может быть, дело тут в мальчишеской тяге к кладоискательству, которой, как писал знаменитый наш ученый и писатель Иван Антонович Ефремов в своей «Дороге ветров», очень многим обязаны такие науки, как археология, палеонтология и геология.



«Это был, пожалуй, самый счастливый период моей жизни. Я хорошо познал суету фешенебельного света, не так жаждал знакомств с титулованной публикой и большими спортсменами, был свободен от всех забот о конюшне и от трат на лошадей и отдался карьере, которая совмещала в себе увлечение полевой работой, удовольствие и возможную репутацию».

Родерик бросился в геологию со всем рвением охотника на лис. Так же он стоял в галерее Уффици с карандашом и блокнотом, так же выслеживал лисицу в вересковых пустошах Дарема.

– Я сегодня продрался через вересковую пустошь, протаскал слои красноцветов на четыре мили. Лотта, полкоролевства за рюмку виски!

– Дик, милый, мне не нужно полкоролевства! Мне нужна *omnis terra*, вся Земля!

– Считай, что она твоя! А когда спустишься с небес, приготовь хаггис из доброго бараньего рубца с потрохами, настоящий шотландский хаггис...

Теперь у него не будет никакой другой работы, кроме той, которую он выбрал для себя. Начиналась другая погоня, которая привела его к тому, что он завоевал всю Землю – с большой буквы, со всеми ее океанами и континентами, и увидел, как она мала, голубая планета.

Итак, Родерик Импи Мэрчисон, охотник с острыми глазами, хорошей головой, крепкими руками, быстрыми ногами, которому исполнилось тридцать лет и три года, вручил свою судьбу геологии. Он вступил в новую жизнь полный рвения и надежды. Из Норстеда Мэрчисоны переселились в свой первый лондонский дом на Монтегю-сквер.

После лекций Родерик спешил на встречи в Королевском и Линнеевском обществах. Но самыми упоительными были собрания в Геологическом обществе на Бедфорд-стрит. Помимо обычных заседаний, в первую пятницу каждого месяца, строго в 17 часов, собирались на пятнадцатилинговые обеды. Родерика поразило дружелюбие и открытость джентльменов. Если у малоимущего автора не было денег на издание стоящей монографии, по рядам запросто пускали подписной лист.

Сам «отец английской геологии» дон Бекленд («дон» – так звали преподавателей Оксбриджа, то есть Оксфорда и Кембриджа), президент Геологического общества, пожимал руку новичку-энтузиасту, брал его с собой в маршруты, посвящал в азы геологии. Секретарем Геологического общества был в ту пору студент права по имени Чарльз Лайель, родом из Шотландии, переводчик Данте, джентльмен, уже отходивший от юриспруденции в сторону геологии. Впрочем, Родерик больше почитал выпускников Кембриджа и Оксфорда – «кентебсов» и «оксонизнов» на тогдашнем сленге.

Соперничество Кембриджа и Оксфорда – старинное. Гуманитарный голубовато-серый Оксфорд ближе к столице – это оплот роялистов. Кембридж (ивы, клумбы с нарциссами, подстриженные лужайки, увитые плющом колледжи, похожие на крепости) выдержан в розовато-бурых тонах – его предпочитают последователи Кромвеля, «круглоголовые».

У Родерика были другие университеты. Он традиционный британец: ранний утренний чай с молоком за час до завтрака, яичницы с беконом или овсянки. Конечно, британская «честная игра», фэйрплей. Но он же – мальчишка, швыряющий камень в лужу, чтобы посмотреть, как разлетаются брызги, он – исследователь, естествоиспытатель.

У Родерика, несомненно, был талант дружбы, так ценный в геологической среде. А на Бедфорд-стрит собирались удивительно интересные люди!

Первым его другом стал насмешник Адам Седжвик, кембриджский профессор. У него резкие черты гордого лица, орлиные глаза. Ясно мыслящий, щедрый, иногда склонный к ипохондрии, прочно сидящий «в болоте безбрачия», он год за годом собирал и анализировал факты, не допуская никакой фальши. Он был не чужд поэзии. Геогнозируя в Камберлендских горах, в озерном краю, Седжвик подружился с Вордсвортом, знаменитым поэтом «озерной школы». Нагруженный образцами, по узкой лестнице мимо привратника Родерик проходил в жилище профессора: «В дальнем конце комнаты мой друг в черном одеянии, подобный чародею, восседал на единственном не занятом ископаемыми шатком стуле». Седжвик – блестящий рассказчик: его лекция



в Ньюкасле на конференции Британской ассоциации собрал три тысячи слушателей!

Гринуэй – первый президент общества, дружелюбный, сведущий, но крайне скептический геолог, истинный геологический тори.

Волластон – главный арбитр в научных спорах, замечательный минералог, настоящий греческий мудрец с хорошим чувством юмора, любитель охоты на фазанов в окрестностях Лондона, хлебосольный хозяин. На его обедах подавали хорошую рыбу, неизменный большой пудинг, яблоки, абрикосы, сливы на белых фарфоровых тарелках.

Конибир ироничен, критичен. Тем не менее он свято верил в библейский потоп, может быть, потому, что был священником, как Бекленд и Седжвик.

Ведущим дилювианистом, то есть ученым, изучающим Всемирный потоп, был профессор Уильям Бекленд. Впрочем, он полагал, что шесть дней творения должны восприниматься фигурально. Основной труд Бекленда – «Следы потопы». Краткое и выразительное название! Теология как-то быстро перетекала в геологию. Это был веселый, эксцентричный человек, всеми любимый. Прямо на обнажениях морских известняков он читал захватывающие лекции о любимой группе ископаемых – ракообразных. Его лекции в Оксфорде собирали огромное количество народа. Он никогда не расставался со своим знаменитым голубым чемоданчиком, из которого, бывало, даже на званом вечере мог под смех собравшихся достать последнюю находку – какое-нибудь редчайшее ископаемое.

На лестнице в его доме скалили зубы ископаемые монстры. Камнями и окаменелостями был завален не только его кабинет, но и стол в гостиной с предупреждающей надписью: «Руки прочь!» Свечи в буфете насажены на позвонки ящерицы. Чудные блюда подавались на обед: мясо крокодила, мышь, обжаренная в масле. Морские свинки под столом тыкались в ноги гостей, медвежонок вылизывал их руки своим шершавым языком, а в открытое окно врывалось дьявольское завывание гиены. Некогда Бекленд работал с логовищем ископаемых гиен в Киркдейлских пещерах на севере Йоркшира. Желая узнать побольше о повадках этих зверей,

он завел африканскую гиену, которая быстренько освоилась с домашним укладом. Однажды вечером гость, приглашенный к ужину, услышал хруст из-под дивана. «Не обращайтесь внимания. Это наша домашняя гиена. Она закусывает одной из морских свинок».

Однажды Бекленд посетил в Палермо гробницу Святой Розалии. Священник открыл ее и показал мощи. «Здесь кости козы, а не женщины!» – воскликнул Бекленд, и дверцы святилища тотчас же захлопнулись. В одном соборе демонстрировалась кровь какого-то святого – нестираемые темные пятна на полу. Профессор опустился на колени, коснулся пятна языком: «Могу сказать вам, что это такое. Моча летучей мыши!»

Сентиментальный Уэбстер родился на одном из суровых Шетландских островов, на камнях которого не росло ничего, кроме чахлах кустарников. Попав на большой Остров, он пришел в восторг, увидев деревья, молился на коленях перед желтым цветком утесника. Родерик учился у него артистическому описанию и изображению минералов, руд, ископаемой фауны.

Уильяму Лонсдейлу, выпускнику военного колледжа в Марлоу, Родерик всю жизнь доверял больше, чем самому себе. Уильям тоже воевал на Полуострове, потом тоже служил на полставки. Правда, он успел попасть на битву при Ватерлоо. Свои небольшие деньги Уильям тратил на покупку книг и окаменелостей, в основном ископаемых кораллов. Он жадно поглощал информацию, опубликованную и неопубликованную. В старых каменоломнях он отводил душу, выколачивая фауну из роскошных обнажений своим великолепным геологическим молотком, изготовленным из лучшей бирмингемской стали. И увидел-то Родерик впервые Лонсдейла как раз в каменоломне в окрестностях Бата на Эйвоне, того самого городка, где когда-то жили Мэрчисоны. Родерик не смог расстаться с бывшим солдатом, ставшим лучшим в мире кораллистом, и остался в бристольских ломках поработать с новым другом.

Все старые увлечения – красные лисицы, лошади, хамблдонские собаки – всё, всё забыто. С тем же рвением он занял-



ся другой охотой, и Шарлотта понимала, что ее милый Дик никаким другим делом заниматься больше не будет. Его первая помощница в Поле (именно так, с большой буквы), в этой сладкой, в этой безумной погоне за слоями, Шарлотта разезжала по округе, коллекционировала ископаемых. В ее полевой книжке великолепные рисунки. Иногда она не могла удержаться и оставляла рядом с зарисовками обнажений изумительные пейзажи: река, озеро, деревья, горы, холмы.

Они начали прямо от дома Хьюгоинов: обнажения, ложины, выемки вдоль дорог, береговые утесы Южной Англии между островом Уайт и «Улиткой», Корнуоллом. Родерик изучал порядок слоев, и в основании были те, которым он вместе с Седжвиком вскоре даст имя – девон, и оно прославит Девонширское графство на всех континентах.

...В Татарстане, в городе Альметьевске, выросшем рядом с гигантским Ромашкинским месторождением нефти, довелось мне как-то ночевать в гостинице, носящей имя этого британского графства – «Девон». Девон есть девон и по-русски, и по-татарски.

Такой был азарт в этот первый геологический сезон, такое нетерпение! Хмель, хмель познания!

Следующий, 1826 год Родерик начал с изучения Йоркшира. Он узнал, что в музее Йоркского философического общества у геолога Филлипса собрана хорошая коллекция ископаемых и вместе с Лонсдейлом помчался в город Йорк. В Йорке, как известно, родился Робинзон Крузо, «проживший двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб». По воле Даниеля Дефо Робинзону довелось побывать и в России, об этом написано в книге «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим». По сюжету Робинзон вернулся в Англию, но затосковал и уехал на свой

необитаемый остров. Он возвращался в родную Шотландию через Бразилию, Мадагаскар, Индию, Китай и Сибирь (зимовал в Тобольске). С реки Вишеры попал в Соликамск (ныне там воздвигли памятник Робинзону), а оттуда уже на верблюдах (!) прибыл в Архангельск. Родерик тоже побывает в этом самом Соликамске, только позже. Пока он едет в Йорк.

Он знал, что в Йорке живет великий Смит. «К дяде Филлипса Уильяму Смигу (тогда ему было около шестидесяти лет), сделавшему очень много для геологии, я почувствовал сердечное влечение – он видит сквозь землю. Смит, доброжелательный старый человек, который проводит остаток своих дней в скромном жилище в Скарборо, познакомил меня с породами вдоль береговой линии. Мы плыли на лодке вдоль йоркширских утесов. Ночевали на берегу залива Робин Гуда. Я не только понял тогда точную позицию слоев угля, которые обнажались в восточной вересковой пустоши, но ясно увидел, как сопоставлять слои».

Смит пришел к геологии от профессии строителя дорог и знаменитых британских каналов, удлинявших лохи. Сначала он из чистого любопытства вглядывался в землю карьеров, обнажений, выемок дорог, берегов рек, обрывов на морском побережье, узнавал слои в лицо и на земле, и под землей, в угольных шахтах, рассматривал окаменелости и отпечатки и опознавал их в этих слоях. За одно лето он отработал девятьсот километров, от Ньюкасла до Бата.

Именно Смит составил первую геологическую карту Англии и Уэльса, сам вычертил ее цветной тушью на хорошей плотной бумаге с водяными знаками. Породы древнее горного известняка (обозначенного как карбон) Смит назвал «transition rocks» – переходные породы, а термин «граувакка» употреблял для обозначения их вещественного, то есть литологического состава.

Смит первым постиг очень простую вещь: возраст слоев определяется не только их веществом. Песчаник может переходить по простиранию в глину, глина – в известняк, но если эти разные по облику слои содержат близкие комплексы ископаемых организмов, то они одновозрастны! Просто слой может иметь разный облик, лик. Это и есть правило Смита – второй главный закон геологии. У каждого камня свой облик,



свое лицо – face, своя «фация». Такой на редкость удачный термин придумал одержимый камнем швейцарский геолог, бездомный бродяга, горький пьяница, гениальный знаток горных пород Аманц Грессли в 1838 году. Сын владельца стекольной фабрики, летние месяцы он проводил в горах, а зимой в родительском доме запоем читал геологическую литературу. Впрочем, Грессли иногда и зарабатывал экспертизой проектов бурения на соль, источники минеральных вод, для прокладки туннелей. Заключение его поражали своей точностью. Бескорыстие его не знало границ. Его коллекцией камней бесцеремонно распоряжался знаменитый Агассис.

Эпитафию для своего надгробного камня он сочинил сам:

*Грессли погиб, пораженный любовью к камням,
Он собирал их повсюду, не мог утолить свою страсть.
Мы положили здесь глыбу, как он завещал.
Камнем одетый, он успокоился. Власть
Он получил над камнями, в лицо узнавая слою,
Им посвятил он все лучшие годы свои.*

Равнодушный к почестям и регалиям, Грессли прослеживал разновозрастные слои в разных фациях, с разными обличьями как можно дальше по горизонтали – через континентальную Европу, к Северному и Средиземному морям. В «Воспоминаниях естествоиспытателя о Южной Франции» он обращается к окаменелостям Юрских гор: «Что вы от меня скрывали под камнями, что вы запирали на засов, то я хочу узнать на вечно юных берегах Средиземноморья от ваших еще живых и здоровых и, может быть, менее молчаливых соплеменников – узнать, чтобы потом из вас молотком и зубилом вызнать миф прошлых жизненных установлений и законов на пробном камне современных проявлений жизни в волнах Средиземного моря».

А первый закон геологии принадлежит датчанину Стенону, придворному врачу флорентийского герцога, на досуге любившему бродить по холмам Тосканы: «Нижний слой древнее верхнего, если слои не сорваны с места».

Правило-то простое, да следовать ему в Поле непросто. Когда-то Родерик видел, как Лонсдейл работает с фауной кораллов в старой каменоломне на Эйвоне. Здесь, в Йорке, он

восторгался умением друга по одним ископаемым кораллам протачить пласты в береговых обнажениях. Впрочем, ракообразных Йоркшира Родерик определял теперь сам, спасибо урокам Бекленда.

Родерик – Филлипсу: «У меня был прекрасный полевой день с вашим дядей у Хакнесса. Что мы можем реально сделать для него? Надо убедить правительство дать ему небольшое жалованье, поручив ему, скажем, оформление топографических карт, – думаете ли вы, что я могу внушить это руководству? Это было бы делом национальной важности». Это слова человека, который очень скоро сам станет «отцом британской геологии».

А шел он вперед стремительно! Его избрали в Королевское общество, президентом которого был Гемфри Дэви. Это большая честь, которой, по словам Дэви, неистовый Родерик был обязан не столько количеству или качеству своих научных работ, сколько тому обстоятельству, что он независимый джентльмен, имеющий вкус к науке, с массой досуга и достаточным количеством денег для занятий ею. Родерик приглянулся и профессору Бекленду – тот взял его вторым секретарем в Геологическое общество, в помощь Лайелю.

Бекленд (Баки, как его звали друзья) предложил энергичному неوفиту интереснейшее дело – геологическое описание трассы тоннеля под дном Темзы. Конечно, Родерик согласился с превеликой радостью. Это было настоящее приключение – опуститься на дно в водолазном колоколе. Сам Баки был в первой группе добровольцев. Родерик заметил: «Они поднялись с такими бледными лицами и такими сияющими глазами, что я немедленно последовал их примеру. На дне была ожидаемая довольно-таки угнетающая обстановка. После отбора образцов грунта мы дернули веревку и вскоре насладились свежим воздухом».

Если верно, что чтение, как утверждал Фрэнсис Бэкон, «делает точного человека», не менее верно, что картирование делает точного геолога. Родерик взял правило великого Смита: «Вижу – пишу, не вижу – не пишу». Только так и может быть прочитана геология местности. Честный рассказ о Земле – вот все, что нужно. Не доверяя глазам и памяти,



он переносил на карту то, что видел, и так тщательно, как только мог. Он всю жизнь постигал гармонию Территории. Есть такой геологический термин – Территория.

Родерик сделал карты совершенными, ради этого он заглядывал в самые удаленные уголки Территории – на дно ущелий, в овраги. Не красивые ландшафты искал он, а правду, которая всегда вдали от туристических троп.

Геология для него сродни охоте или военной карьере. Он мог бы стать великим полководцем, подобно Коммодору, но он стал великим геологом. Он открывал новые страны! Еще в годы ученичества он поставил цель – лично узнать, как расположены геологические слои на Острове, все пощупать своими руками. И слава пришла, локальная, но все-таки слава: один из видов аммонитов был назван в его честь *Ammonites turchisonia* и вошел в монографию знаменитого немецкого геолога Леопольда фон Буха.

1827 год Родерик посвятил геологии Хайленда. Седжвик предложил разобраться с истинным отношением древнего красного песчаника к подстилающим и покрывающим отложениям. Что подстилает этот песчаник и что его покрывает?

Начали с Гебридских островов. Передвигались на пакетботах, почтовых лошадях, а чаще пешком. Родерик спал не расставаясь с молотком и горным компасом. Он описывал холмы и долины (по-шотландски «glen») диких, таинственных Гебридов, заглядывал в каждую трещину. Шарлотта же, по обыкновению, охотилась за ископаемыми.

Седжвик научил Родерика отличать кливаж от слоистости – это штучка для знатоков. В диких пустошах, в горах, на вертких лодчонках в ветреных фьордах, в такие шторма, в такой дождь и ветер, какие редко можно увидеть где-нибудь кроме северо-западной части Острова, они писали правду, и только правду о Территории. Однажды друзья чуть не утонули в давшей течь лодке. Спаслись, по словам Седжвика, только благодаря тому, что он энергично вычерпывал воду своим знаменитым белым цилиндром. После купания в холодной воде закутались в теплые шотландские пледы – пастухи выручили.

По настоянию Седжвика в гостиницу первым всегда входил представительный, громогласный Родерик с массой

претензий к хозяевам, после чего неизменно следовало: «Свечи для джентльменов!» Что касается еды, то друзья предпочитали шедевр шотландской кулинарии – хаггис с порцией виски. После такого ужина хорошо в грубых дорожных костюмах и горных ботинках под деревенскую волюнку отплясывать джигу так, чтобы колыхались огоньки свечей в серебряных жирандолях.

Путешествие по Хайленду, конечно же, не могло обойтись без застолий со старыми друзьями и родичами, без охоты на рябчиков и оленей. Однако теперь, даже подкрадываясь к дичи, Родерик не мог отвести глаз от обнажений. Его охотничьи записи перемежались детальными описаниями пород – он крепко держал в руках и ружье, и молоток.

Не раз и не два Родерик возвращался в Хайленд, и лучше всего ему было с Седжвиком. Вот кто был ему в ту пору сердешным другом! Светлый человек, превосходный наблюдатель, доброжелательнейший, остроумнейший, он не выносил обычных бытовых разговоров. Сухой научный факт в его устах становился сочным, как мясо с луком по-шотландски. Родерик восхищался его геологической работой – «не было более острых глаз, которые когда-либо осматривали породы Англии», высоко ценил его шутки, считая, что сам обделен юмором (вряд ли справедливое суждение).

Знание топографии и военного черчения, навыки охотника дали Мэрчисону «хищный глазомер». Седжвик восхищался его способностью читать рельеф и выслеживать, как добычу, продолжение слоев. Кто-то из друзей даже сказал, что, если вдуматься, геологическая съемка – это вариант охоты на лис. Результаты работ Мэрчисон мастерски изображал в своих полевых книжках. Он следовал за породами, как охотник следует за лисицей.

В Поле Седжвик был еще азартнее, чем Мэрчисон. Несмотря на это, он умел оставаться джентльменом при всех обстоятельствах. В маршрутах он не расставался с высоким белым цилиндром, подобным печной трубе (шутили – чтобы охотники не приняли его за оленя). Родерик с завистью звал его «профессор-лесничий»: у Седжвика была привилегия охотиться на королевской земле рядом с поместьями



Его Величества. Ископаемую фауну на обнажениях он выколачивал с истинным изяществом. И дружил-то Седжвик со сладкоголосым Вордсвортом, который посвятил другу такие строки:

*О ты, который отбивает молотком
Куски породы от скалы несчастной,
Которую сберечь природа тщилась...*

А нам не Вордсворт вспоминается, а мощный глас Лермонтова:

*И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь...*

Родерик с другом свернули в Фейрбёрн, полуразрушенный наследственный замок Маккензи. «Профессор и я, – вспоминал Родерик, – на ощупь прошли наверх по разбитой лестнице и почти свалились в ту самую комнату, в которой моя мама родилась». Конечно, мама обрадовалась, но как раз в это время в комнате поросилась свинья...

А в Файфе Мэрчисоны узнали о серьезной болезни старого генерала Хьюгонина. Тут же свернув работу, они отправились в Норстед, с трудом раздобыв места в почтовой карете.

Родерик был хорошим сыном и в геологической семье. Взять палеоботаников. Роберт Браун, тихий, ироничный человек, уж до того осторожен в суждениях о родах ископаемых растений, а все потому, что смотрит в микроскоп, знает тонкие переходы и старается не сказать ничего лишнего. Линдлей смелее в заключениях о возрасте пород, поэтому больше любим геологами. Но именно осторожный Браун, автор великолепной монографии «Принципы ботаники Европы», – первый палеоботаник в мире. Через несколько лет Родерик и еще несколько геологов отдадут ему последние почести на кладбище в Кензел Грин. А днем раньше там же был похоронен знаменитый романист Уильям Теккерей, которого сравнивают с самим Вальтером Скоттом. Вот она, ярмарка тщеславия: как бы ни был велик Роберт Браун, об этом знают только собиратели «Ежегодного ботанического регистратора»...

Родерик разглядывал карту Острова, отмечая неизученные места. Здесь он учился, здесь гонял лисиц. Как все изменилось! Однажды в Поле Родерик встретился с охотничьей компанией во главе с Дарлингтоном – тот посмеялся над новым хобби человека, который имел славу лучшего earth-stopper, то есть засыпателя лисьих нор: «Боже, как же вы могли пойти по этому пути, дорогой Родерик?»

Да какая охота, какие лисицы! Ему не хватало времени на изучение строения птиц! Надо разобраться с моллюском по имени «наутилус». Оказывается, у него такой винт, что при погружении на глубину он никогда более не сможет подняться наверх. Почему? Как это интересно!

Родерик узнал, что Веллингтон стал главнокомандующим вооруженными силами Британии. Физрой Сомерсет – при нем. Он уже генерал-майор, выполняет важные дипломатические поручения. Пустой рукав вызывал огромное уважение в армии. Прекрасный дом, прекрасная жена, прекрасные дети, много друзей. Звезд с неба не хватает, но надежный служака.

Странное дело – Родерик не завидовал ему. У него была своя судьба, своя дорога, своя стезя, и ничто не могло с этим сравниться. Взять папку 1827 года «Диспуты с моим добросердечным, но проперченным другом доктором Фиттоном». Это называлось «фиттониана». Фиттон – превосходный полевой наблюдатель, талантливый спорщик, с легким пером, несколько склонный к формализму.

Другая папка – переписка с Седжвиком. Трогательны их обращения друг к другу: «Дорогой Седжвик... Дорогой Мэрчисон... Ваш до центра Земли... Ваш до кончика молотка...» Родерик, денди, любовался другом: бурые панталоны, белые нитяные чулки, старенький сюртук с потертым бархатным воротником, клетчатый шейный платок.

Как-то два друга решили описать свою работу в Хайленде в двух докладах для Геологического общества – по острову Арран и по северу большого Острова. Первый доклад был прочитан в обществе в сентябре 1828 года, а второй тормознулся Седжвиком. Конечно, у того очень много работы в Кембридже. К тому же он медлителен, нуждается в подталкивании. Да



еще эти слабые стариковские глаза. Но перо мастера так же нужно для работы, как и его геологический молоток в поле.

Седжвик: «Теперь смотрите на меня! В новом важном качестве я выглядел величественно – в шапке, сутане, украшенной парой огромных лент, – академический ужас! В общем, полный моральный мусорщик. В мое время показывали знаменитостей университета папам и мамам, которые выбирали будущее для своих чад.

Объясняю задержку. На этой неделе я произнес в сенате речь на латыни. Кроме того, надо подготовить новую программу лекций, которые начинаются через неделю. Короче говоря, полно дел. Я хочу, однако, сделать все для нашей совместной работы».

Родерик отвечает, что их торопит доктор Фиттон, что без Седжвика не обойтись: «Во многих отношениях Вы сделали больше меня. По крайней мере, пока мы не достигли восточного берега, Вы были моим геологическим гидом».

Проходили недели, а помощи от профессора не было. Родерик: «Без Вас я хромой солдат».

На дворе уже весна. Седжвик: «Я обещаю, если Бог сбережет мое здоровье и сохранит мне здравый ум, все будет в порядке. Но ожидать, что наши материалы будут точно соответствовать друг другу, значит ожидать невозможного. Один делает замок, а другой ключ, который будет негодным, пока выступы и выемки замка не будут подпилены и подогнаны. Мое дело – подпилить и подогнать, иначе Вы проклянете меня от головы до хвоста».

Седжвик через некоторое время: «Наша статья увеличилась до такого неприлично большого размера, что ей не место на совещании. Слава Богу, все закончилось рыбным блюдом, которое было приготовлено Пентлендом и от которого все получили удовольствие». Тем дело и кончилось.

Острова Родерику уже не хватало. С большой компанией он отправился на север Ирландии. «Карабкаясь на крутой склон рядом с Лестницей гигантов, Седжвик потерял шляпу, и мы испугались, что он и сам упадет в море. Моя жена на лодке вела заметки. В шикарной гостинице в Бушмилс мы устроили веселую вечеринку». Конечно, стол вел Родерик.

Через несколько лет он будет стоять на вершине Урала и ветер унесет его шляпу на восток – в Сибирь, к Тихому океану.

Будто к нему, мальчишке из Хайленда, обращены слова Киплинга:

*И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля твое, мой мальчик, достоянье,
И более того, ты – человек!*



Начало великих геологических споров

Было тогда в геологии два лагеря непримиримых противников – плутонисты и нептоунисты. Плутонисты считали, что горные породы произошли из огнедышащих недр, а нептоунисты – из воды первозданного океана. Во главе армий стояли Геттон и Вернер. Сейчас трудно представить себе, какой жестокой была их война.

Какими нелепыми, какими смешными кажутся сегодня их споры! Красноречивый профессор Фрейбергской горной школы Авраам Вернер, нептоунист, считал, что когда-то, давным-давно, может быть после Всемирного потопа, земной шар был сплошным океаном и в водах его были растворены все будущие породы. Сначала из воды высаживались граниты, базальты – первозданные породы, потом переходные – граувакки, известняки, наконец самые молодые, флещовые – песчаники, глины, гипс, уголь. Надо сказать, что Вернер хорошо знал только Саксонию, Богемию, Рудные горы, где вулканические породы, базальты, действительно переслаиваются с осадочными породами – песчаниками, глинами.

Плутонист Джеймс Геттон, как и Стенон, был медиком, потом стал фермером. Он был беспредельно любопытным человеком. Накопив денег, он вернулся в Эдинбург и посвятил себя геологии, идеям плутонизма. Скалы и ущелья романтического Эдинбурга, казалось, поддерживали его точку зрения. Будучи, подобно своему оппоненту Вернеру, старым холостяком, Геттон вел свободную жизнь, был постоянным посетителем устричного клуба, где собирались ученые мужи. Говорил он так туманно, что математику Джону Плейферу приходилось самому растолковывать собравшимся идеи друга.

В то время шотландские университеты в Эдинбурге и Глазго превосходили по мощи Оксбридж. Эдинбург называли Северными Афинами, вторым научным центром после Парижа. Здесь работали изобретатель Джеймс Уатт, философ Дэвид Юм, экономист Адам Смит.

Эдинбург стал в те годы центром геологической войны. Дело в том, что после Геттона должность профессора естественной истории в Эдинбургском университете занял Роберт Джеймсон, ярый вернерианец. Своими ужасно скучными лекциями он так отвратил студента Чарльза Дарвина от геологии, что тот дал слово «никогда больше не брать в руки книги по геологии и вообще не заниматься этой наукой». В Кембридже Дарвин собирался стать священником, но встреча с Седжвиком, Мэрчисоном вернула ему интерес к геологии. За три недели он сумел овладеть ее азами.

Теорию Геттона после его смерти стал развивать его друг Плейфер, мягкий человек, по-рыцарски куртуазный. Шотландские страсти гасились в Лондоне, в Геологическом обществе. А там уже все перешли в лагерь плутонистов – Седжвик, Бекленд, так же как на Континенте немцы – фон Бух, Гумбольдт, французы Соссюр, Кювье, Броньяр, работавшие на потухших вулканах Оверни в Центральном массиве Франции. Именно в Оверни можно было понять, что базальты никак не могут происходить из воды. Седжвик: «Вода долго парила мои мозги, пока тепло и свет не выгнали ее без остатка».

Нептунизм разбит, забыт, исчез. Но споры несколько не затихли, напротив, они разгорелись с новой силой. На этот раз бились катастрофисты и униформисты.

Автор теории катастрофизма – Жорж Кювье. Это псевдоним Леопольда Дагобера, и он вовсе не француз, как многие считают, а швейцарец. Суть катастрофизма – чередование эпох спокойного развития Земли с периодами катастроф, причины которых неизвестны. Кювье с Броньяром в Парижском бассейне увидели: фауна в каждом слое была своя, но слои ложились один на другой без перерыва. А где переходные виды фауны? Впечатление такое, что внезапные катастрофы уничтожили все старые виды. Д'Орбиньи обосновал двадцатисемикратное повторение «божественных актов творенья».

Униформисты же считали, что лик планеты меняется постепенно. Бекленд ругательски ругал их. Однако его ученик Лайель в книге «Основные начала геологии» яростно отвергал катастрофизм. Он считал, что сегодня действуют те же



процессы, что и всегда: «прошлое – ключ к настоящему». Это называлось актуализмом.

Над Лайелем все смеялись, но постепенно его идеи победили. К середине века Эли де Бомон, фон Бух, Агассис, Седжвик, Мэрчисон остались в изоляции. На Континенте держались дольше, чем на Острове. Эли де Бомон, тот самый, кто придумал гипотезу контракции (от латинского слова *contractio* – сжатие), по которой остывающая Земля подобна печеному яблоку с кожурой, собранной в складки, провалил избрание Лайеля во Французскую академию наук.

Мэрчисон особенно не влезал в великие споры. Но его страшно заинтересовал простой вопрос: откуда взялись какие-то непонятные валуны – «бараньи лбы», которых везде полно? Бекленд и Седжвик их-то и относили к дилювию, то есть считали их следствием библейского потопа. Иногда дилювий перекрывался слоистым речным аллювием.

Мэрчисон придерживался идеи дрефта – он и придумал этот термин. По этой гипотезе, от ледников откалывались и уносились айсберги. Они выпахивали в подстилающих породах желоба, а после таяния оставляли валуны и валунную глину – отложения дрефтового разноса.

Перед русскими экспедициями Мэрчисона появилась в геологии гляциальная, то есть ледниковая, гипотеза: валуны разносились тающими материковыми льдами. Гипотеза пришла из Швейцарии, единственной в Европе страны с мощным современным горным оледенением. Все началось с борозд на отполированных поверхностях скал и штриховки «бараньих лбов» в альпийских долинах, с беседы Жана Шарпентье, любознательного директора соляной шахты, с дровосеком из Мейрингена, чье имя история нам не сохранила. Предметом разговора стал огромный придорожный валун. Дровосек сказал:

– В округе таких камней много, но наши горы сделаны не из них.

– Откуда же они взялись?

– Это гранит. Я видел такие граниты в Гризеле. Наверное, ледник принес его.

На докладе Шарпентье в Люцерне был его школьный друг Луис Агассис, известный знаток ископаемых рыб. Он

начал так активно пропагандировать идею «ледникового периода», что его дружбе с застенчивым Шарпентье пришел конец.

Эли де Бомон, фон Бух были не согласны с ледниковой теорией. Гумбольдт издевательски призывал Агассиса вернуться к изучению ископаемых рыб. Так начались горячие споры о ледниковой теории.

Агассис пригласил Бекленда в Невшатель, и там ему удалось обратить профессора в новую веру. Бекленд сделал доклад в Геологическом обществе. Его заключительные слова прозвучали «среди одобрительных возгласов восхищенного собрания, которое было к этому времени оживлено близкой перспективой получить чашку чая (оставалось четверть часа до полуночи) и возбуждено изощренной критикой, ссылками на древних и филологической эрудицией, изливавшейся из уст высокоученого доктора, который после чрезмерно затянувшегося и благоговейного изложения отдельных положений и общей сути ледниковой теории с видом и тоном триумфатора закончил тем, что обрек своих оппонентов, осмелившихся усомниться в ортодоксальности царапин, борозд и полированных поверхностей ледниковых гор, на муки вечного зуда без возможности почесаться». (Игра слов: scratch – 1) ледниковая царапина; 2) чесать, чесаться.)

Вот такой фурор произвел Агассис на Острове. Ему писали: «Благодаря Вам все здешние геологи помешались на ледниках и превращают Великобританию в ледяной дом. Только одному или двум псевдогеологам принадлежит несколько смехотворных и совершенно безрассудных попыток противостоять этим воззрениям». Одним из этих «псевдогеологов» был Мэрчисон. Он остался верен дрифтовой теории.

Как-то в горной Шотландии прорвало дамбу, вода с камнями была сброшена из водохранилища. И что же оказалось? Поток не привел ни к образованию царапин, ни к образованию морен. Казалось, дрифтовой гипотезе был нанесен жестокий удар. Но Мэрчисон был непоколебим: «Вперед и без пощады!»

Его гипотеза, как это частенько бывает в науке, была предана забвению после ухода из жизни ее последних защитников. Но термин, придуманный Мэрчисоном, остался – дрейфт.



Континент

Можно спроектировать туннель под Темзой! Можно узнать, куда пойдут пласты угля на глубине! Много чего может сделать человек, который знает землю не на штык лопаты. Родерик постиг самое главное: нужен комфортный порядок со слоями на Острове, на Континенте, на всей Земле. Если толща достаточно обособлена, то она имеет право называться геологической системой. Система – это камни, это породы. А вот время, в которое образовались породы этой системы, называют геологическим периодом.

Это сейчас мы знаем, что каменная летопись состоит из двух томов. Первый том – криптозой. Организмы криптозою не имели твердых скелетов и потому не могли сохраниться в геологической летописи. Второй том – фанерозой. Этот том документален, и мы можем с большой точностью представить его стратиграфию (stratum – слой).

«Золотой век» открытий в геологии только начинался. Что знали тогда о геологических системах нашей планеты? Очень и очень мало. В 1822 году Конибир и Филиппс выделили в Англии карбоновую систему. Другое ее название – каменноугольная система, потому что она богата залежами угля. В том же году Омалиус д'Аллау в Парижском бассейне определил меловую систему, где много мела, известняков. В Англии меловые породы слагают береговые утесы Дувра – на них-то Родерик постигал азы геологии. Теперь он совсем по-другому смотрел на белые утесы Англии: легионеры Юлия Цезаря не зря назвали остров Альбионом – Белым островом.

В 1829 году геолог-любитель, он же директор фарфоровой фабрики в Севре Александр Броньяр открыл в Юрских горах Швейцарии и Франции систему, которую назвал юрской. В том же году Деснойерс установил четвертичную систему – ее плащ всегда у нас под ногами. На геологической карте четвертичку обычно не показывают.

Охотник за слоями Родерик Мэрчисон после открытия Броньяра понял, что началось время бури и натиска, что бесконечная, казалось бы, человеческая жизнь не так уж и бесконечна. Естественно, был азарт – кто первый? Это

напоминало знаменитые ежегодные гонки академических восьмерок Кембриджа и Оксфорда на гребном канале в Хэнли. Завораживающие взмахи весел, лодки идут нос в нос, и вдруг кто-то вырывается вперед.

Теперь Родерик знал Остров от Хайленда до Корнуолла.

За Каналом лежал Континент, куда уходят белые скалы Дувра. Родерик полон сил – ему тридцать шесть лет. Охотнику нужно найти новую страну. Палеозой, граувакка, переходные слои его интересуют меньше, он видел их на Острове. Ему хочется потрогать своими руками породы мезозоя и кайнозоя.

1828 год – большое геологическое путешествие по Западной Европе вместе с Шарлоттой и Лайелем. Седжвик оставался дома. У Шарлотты, помимо всего прочего, было желание устроить в Поле правильное питание Родерикю – она держала его на диете.

Лайель тогда начал собирать материалы к знаменитой своей книге «Принципы геологии». Она рывком продвинула вперед геологию, расколов геологическое сообщество. Книга, отвергавшая катастрофизм и торпедировавшая дилювиальную теорию, вышла одиннадцатью изданиями. Лайель успешно атаковал и успешно защищался. Сказалась практика адвоката.

Путь лежал от Дувра через центральную и южную Францию, Швейцарию к Адриатике – потухшие вулканы Оверни на плоскогорье, Центральном массиве. Карета с трудом передвигалась по застывшей лаве. Вулканы в окрестностях Клермон-Феррана выстроены в цепочки, и параллельно им шла граница плоскогорья, уступ (на геологическом языке – сброс, грабен) Лимань. Именно на этой границе, в Виши, – знаменитые минеральные источники.

В живописном кратере вулкана Пюи-дэ-Парию французские геологи однажды отметили основание своего Геологического общества: «Потолком зала заседания служило голубое небо, светильником – солнце; коврами были зеленая трава и цветы, скрывающие очаг былого извержения. Никогда еще кратеры и геологи не были столь дружелюбно настроены».



Потом Родерик впервые по-настоящему пересек Альпы. В Италии было так жарко, что пришлось перебраться в Тироль. Лайель, однако, остался: ему нужно было заглянуть в жерла потухших вулканов, пересечь поля пепла, изучить последствия древних землетрясений для будущей книги.

Родерик в теорию, в генетические вопросы, не лез. У него свое дело – охота за вынырывающими пластами, имеющими свое лицо, за синей птицей, за красной лисицей. Он был так захвачен работой, проявлял такой энтузиазм и такую неутомимость, что иногда становился беспокойным компаньоном.

*Вставай же, дитя работы,
Растерянный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Пропитанные росой, –
Ах, вешних дней повороты,
Морей молодой прибор!*

Даже малярия не смогла свалить Родерика. Из Тулона он писал Седжвику: «В центральной Франции мы призываем на помощь философический дух и тебя, нашего почти единственного чемпиона, кто не позволит, чтобы шли годы, а к фонду британской геологии не добавлялись материалы по геологии Континента». Время, световое время – вот настоящая драгоценность! Начало работы – шесть часов утра. Но время можно растянуть, если встать пораньше. Мэрчисон пишет Седжвику: «Мы надеялись показать Вам двадцать или тридцать видов насекомых из гипсовой каменоломни. В этом городе праздности мы остановились на целых десять дней».

В Швейцарии Родерик с молотком и полевой книжкой забирался в такие глухие места, где местные жители полагали, что Наполеон все еще находится в Европе. Он все-таки нашел старую каменоломню в Энингене, возле Боденского озера, куда забрался когда-то легконогим побивателем рекордов в ходьбе, и не зря забрался: «Старый охотник за лисами, подобный мне, не мог не радоваться первой ископаемой лисице». Это стало поводом для беззлобных шуток друзей: последняя дань Родерика благородной охоте.

Он специально заехал в Париж, чтобы показать находку великому Кювье, который в свое время сделал потрясающие

находки в энингенской каменоломне, и познакомиться с Броньяром и Эли де Бомоном. Контакты, контакты – это так нужно для работы!

1829 год – новое геологическое путешествие по Европе, на этот раз вместе с Седжвиком. Рейн, Гарц, Австрия, Венгрия, второе пересечение Альп – Каринтия, Швейцария, Франция. Однажды Родерик, геогнозируя в Баварии, перешел границу с Австрией. Нарушитель пешком добрался аж до Зальцбурга! Он шагами великана мерил Землю, и не было для него на планете никаких границ.

В Каринтии к нему прикипел эрцгерцог Джон. Как-то в звездную ночь они спускались в долину – дух захватывало от этого зрелища! Джон рассказывал об охоте на серн, но теперь старому ред-фокс-хантеру это было неинтересно. Другое дело – у эрцгерцога есть топокарта Альп. Карту расстлали на полу, и Родерик на коленях выискивал проходы в горах.

В лондонской камералке Родерик с Седжвиком готовили большую работу по Альпам, но оговорились: публикация предварительная, очень много неясного. «Когда я попал в железорудные шахты, все мои представления оказались перевернутыми. Многие ущелья и пики остались загадкой». Геологическое сообщество встретило работу в штывки, и друзья решили вернуться и снова осмотреть те разрезы, описание которых вызвало критику. Поэтому следующий год снова был проведен на Континенте: Голландия, Бельгия, Германия, Вена и новое пересечение Альп, на этот раз в центральной части. Родерик так очаровал прусского короля, что тот сделал его своим советником.

В книге постояльцев гостиницы в баварском Баберге Родерик увидел запись: Леопольд фон Бух. «Я моментально представился великому геологу, которому поклонялись Гумбольдт и вся Германия». Маленькому подвижному фон Буху за шестьдесят. Он не выносит никакой критики, особенно от англичан, а из них особенно от Бекленда. Родерик польщен: фон Бух, автор монографии об аммонитах, помнит, что в честь гостя назван *Ammonites murchisonia*. Кстати, в нескольких километрах от немецкого городка Золенхофен, возле моста через Альтмюль, установлен памятник в честь аммонита и знаменитой первоптицы – археоптерикса



в юрских известняках. Сами эти тонкозернистые известняки тоже интересны. Местный драматург Зенефельдер приспособил их для плоской печати своих пьес. Так появился термин «литографский камень».

Славился фон Бух тем, что никогда не брал в маршруты проводников, хотя на местности ориентировался неважно. Как-то в бурю он потерялся в лесу и ночь провел под зонтиком, с которым никогда не расставался. Однажды он геогнозировал в окрестностях Праги с молотком, зонтиком под мышкой и небольшим рюкзачком; естественно, заблудился и в город попал не через заставу, а спустился с гор и был доставлен в полицию как германский шпион.

Родерик – ориентировщик от Бога: «Я придерживаюсь своего нюха, подобно настоящей собаке, натасканной на лис». Даже не охотником он себя называет – охотничьей собакой, идущей по следу лисицы. Он ищет верхним и нижним чутьем: «Я льстил себя надеждой, что я понял долину». «Понял долину» – это личное отношение. Он готов к любой, самой черновой работе: «Я отправился с тяжелым сердцем, чтобы пересечь сто двадцать миль баварских галек».

Пересечение Альп, выход к Адриатике – это было приближение к России, к таинственному Уралу. Родерик стремится перезнакомиться со всеми немецкими геологами – они ближе к России, лучше других знают ее геологию.

Он верен себе: в Вене на обеде в английском посольстве удалось поговорить с самим Меттернихом, и, кажется, в разговоре принимала участие божественная леди Констанция, за которую турецкий капитан в Мессине отдавал все пятьдесят три медные пушки своего корабля. На этот раз эрцгерцог Каринтии готов был отдать за красавицу половину своей страны.

Меттерних – это жемчужина в коллекции знаменитостей Родерика: «Я говорил с дипломатом, который опрокинул Наполеона. Он сказал: «Я люблю науку больше, чем политику. Однако во Франции началась революция. Я был атташе посольства в Париже, однако в этой заварушке между делами старался не пропускать лекции Кювье».

А в Кембридже Родерика с нетерпением поджидал друг Седжвик: «Здесь Вы найдете Седжвика, который грызет

зубами порфиры и граувакки Уэльса, и услышите легенду о его борьбе с некоторыми представлениями о горах, которые сопротивляются процессу геологизации – операции, для которой нет имени на каком-либо из диалектов гэльского языка. Но я уверен, Вы это знаете лучше».

Только теперь можно было печатать серьезную работу – «Очерк строения Австрийских Альп». Наконец-то у бывшего охотника на красных лисиц дошли руки и до статьи «Об ископаемой лисице Энингена» – к удовольствию многочисленных шутников.



Силур

Роскошны обнажения мезозойских пород в Альпийских горах! А палеозой на материке, да и в самой Британии, однообразный, неинтересный: песчаники, сланцы, кварциты. Одно слово – граувакка, серая порода. Но тайная ее прелесть проникала в душу таких поэтических натур, как Седжвик. Он чувствовал в граувакке пока никем не понятые ритмы: «Какое восхитительное слово – граувакка! В нем есть загадка. Нужно разгадать ее».

Пока в Лейк-Кантри, озерном краю, Вордсворт писал стихи, Седжвик в самой высокой, самой суровой, самой сложной части Северного Уэльса, в Кембрийских горах, разгадывал тайны граувакки – породы нарушенной, запутанной, смятой в складки, будто клубок ниток. В своем белом цилиндре, в широком коричневом пальто он трассировал слои, собирал разорванные фрагменты, а фауну иногда игнорировал.

Некоторое время коллектором, или, можно сказать, рабочим для таскания рюкзаков с образцами, у него, а впоследствии и у Родерика, был любознательный молодой человек по фамилии Дарвин, школьное прозвище Газ – за опыты по химии, бакалавр искусств, выпускник Кембриджа. Вскоре он в качестве неоплачиваемого натуралиста отправится вокруг света на гидрографическом судне – шестипушечном барке «Бигль».

Однако любовное приключение случилось не с этим молодым человеком, а именно с Седжвиком: «в бороду серебро – бес в ребро». В гостинице Ладлоу он без памяти влюбился в очаровательную горничную – оставил там не только свое сердце, но и (может быть, нарочно) свое экстравагантное пальто и с радостью вернулся в гостеприимный дом, полный шропширских сирен.

Молодой же Чарли Дарвин страстно увлекался в ту пору не девушками, а охотой: «...в те времена я счел бы себя сумасшедшим, если бы пропустил первые дни охоты на куропаток ради геологии или какой-либо другой науки», а также наблюдением чучел птиц и сбором окаменелостей. На этой-то почве он и сдружился в Кембридже с Седжвиком и Мэрчисоном.

Была у него мечта – совершить кругосветное путешествие. Когда же такой случай представился, отец оказался против. В конце концов Роберт Дарвин сжалился над сыном и сказал, что изменит свое решение, если хоть один здравомыслящий человек скажет, что оно неправильно. Таковым оказался родной брат Роберта Джос. Увидев сына после его пятилетнего плавания на «Бигле», Роберт Дарвин воскликнул: «Ба, да у него даже форма головы изменилась!»

Подверженный морской болезни, Чарльз заставлял себя вставать, идти на работу – потом снова валился на койку. Он считал за счастье то, что ему дали несколько выдвижных ящиков в штурманской рубке, что он может поместить микроскоп в клетушке под полуютом. Денег ему не платили. Однако обедал он в каюте с капитаном Фицроем и гардемарины говорили ему «сэр».

Перед путешествием Седжвик прочитал ему курс лекций по геологии. С томом «Основных начал геологии» Лайеля Чарльз просто не расставался. Он своими глазами видел землетрясение – береговая полоса до ста миль была приподнята на несколько футов. Он разгадал, как образуются рифы на погружающихся вулканических островах. Потом это докажут бурением: коралловые известняки лежат на базальтах. Одним из маркирующих горизонтов для островов в Тихом океане окажется слой Второй мировой войны, документируемый кокосовыми орехами и обломками самолетов.

Лабораторией для изучения эволюции животных для Чарльза Дарвина стали Галапагосские острова, где в изобилии водились гигантские черепахи и ящерицы. На каждом острове обитали особые, хотя и близкие друг другу виды, и местные жители точно знали, на каком из островов обитает тот или иной вид.

Энергичный Родерик Мэрчисон, бывший солдат, бывший охотник, бывший плейбой, сначала не понимал палеозоя, «переходных слоев», граувакки. Она скучна, эта серенькая порода – «бесконечные граувакки, лишаящие путешествие геологического интереса».

Однако же Бекленд настойчиво советовал Мэрчисону и Седжвику навести порядок в этих слоях. И девять лет друзья



посвятили наведению порядка в британской граувакке. В отличие от учителя Родерик выбрал довольно просто устроенный район – продуваемые ветром равнины Южного Уэльса, Шропшир, потом на запад – Пембрук. Отсюда, выслеживая слои, прошел через дикие Кембрийские горы, через Монтомери и угольное поле Уэлш назад, в Шропшир. Седжвик же работал в самом сложном месте – на границе Шотландии и Англии, в Камберлендских горах.

Родерик неотступно думал о граувакке и древнем красном песчанике – old red sandstone. Как они устроены, как они соотносятся друг с другом? Ни о чем другом он не мог думать ни в многолюдье Лондона, ни в тихом деревенском доме.

Он выезжал в Поле с женой и служанкой на двух добрых серых лошадках, запряженных в маленький экипаж; работал с предельной осторожностью, перебирая факты и вышелушивая правду: «Мы собрали наших лошадей вместе. Мы сделали наши формации ясными, и доказательства наши могут растопить сердце, пусть это и не совпадает с суровыми суждениями некоторых математиков из Кентэба. Я встречаюсь с профессором в Эдинбурге во время праздника и намереваюсь осмотреть обнажения и на его территории – горах Камберленда. Я не хочу быть человеком второго плана. В Ландейле я поднял пиратский флаг». Профессор из Кентэба, то есть из Кембриджа, – это Седжвик.

Родерик нашел граувакку под «олд редом». Он добавлял слой за слоем к толще под ним и наконец почувствовал, что ей нужно дать имя. Так как лучшие обнажения этой толщи были найдены в Уэльсе, в стране древних силуров, Родерик назвал ее силуром: «Я работал в терра инкогнита, которую я в 1835 году назвал именем Силурия». Из серой скучной граувакки для Родерика проступила обрисованная ископаемыми толща, заключенная между древним красным песчаником сверху и метаморфическими сланцами внизу. Он различал нижний и верхний силур.

Наконец, в декабре 1835 года Седжвик и Мэрчисон опубликовали совместную работу, в которой Седжвик наметил кембрийскую систему (кембрий – это романское название Уэльса), а Мэрчисон – силурийскую. Седжвик заметил, что

его кембрий соответствует нижнему силуру Мэрчисона, Родерик же сомневался в необходимости выделения кембрия. Удивительно, но эти взгляды были высказаны в общей работе! Через два года Родерик прямо сказал, что кембрий и силур – это одна система. Имя ее – силур.

Так возникла точка разрыва старой дружбы. Именно в это время началось охлаждение между друзьями, которое привело к полной нетерпимости. Но это будет позже.

Нападки геологов на друзей (пока еще друзей) были такими яростными, что Седжвик заболел и дома готовил контратаку. С мастерством юриста он завлекал оппозиционеров и тонкими маневрами склонял на свою сторону до тех пор, пока они не начинали поддерживать то, на что нападали. Но потом все начиналось сначала. Старая беда Седжвика: кембрий был им выделен только по минеральному составу, а породы были обнажены в разных местах без надежных перекрытий. Профессор-лесничий становился все более и более нетерпимым.

Родерик не ввязывался в споры, возился со своим силуром. Время от времени он печатал куски из будущего труда. Их нещадно долбили в Геологическом обществе. Родерик уходил от дискуссий, кое-как отбивался, зализывал раны, улучшал материал, после чего публиковал следующий кусок будущей работы. Он работал без отдыха, по двенадцать часов в сутки, неделя за неделей, месяц за месяцем, сезон за сезоном, год за годом, корпел над разрезами, разбирался с фауной.

Впрочем, однажды перед Рождеством экс-министр лорд Милтон соблазнил его охотой в Бедфорде. И Родерик согласился. «Я должен сказать, что я никогда более так не наслаждался зимней охотой». Милтон дал гостю лучшую лошадь, а сам красовался на уморительном пони с подрезанным хвостом.

А потом опять работа, поиск правды. Родерик – Филиппу: «У меня было семнадцать недель работы с молотком и один-единственный день перерыва. Но Вы скачете галопом, предполагая, что я готов для печати. Список вопросов занимает семь листов, и они уведут в тайны формации, которой



нет предтечи. Я несколько лет рассказываю о нашем ремесле и вербую сырых рекрутов в провинции, где никогда не слышали о мировой геологии. Я совершил повторный визит на место моего сражения, собирая факты вместе с моим адъютантом, и эти факты изменяют мои представления». Адъютант отставного капитана – это верная Шарлотта.

Пишется большая книга о неведомой раньше стране Силурии. Родерик никогда не был медлительным, но пока удалось подготовить только обзор для нетерпеливых друзей из Геологического общества. И вот что интересно: множество образцов пород доставляли Родерику его многочисленные друзья по охоте. И дети друзей были его агентами. Он восхищался их азартом в погоне за окаменелостями – ребятки прямо-таки бросались на обнажения, выколачивая добычу!

Пока Родерик ходил в маршруты, Шарлотта разбирала материалы, строила карты, вела документацию, паковала образцы, укладывала их в ящики. Лонсдейл же в своей норе в Сомерсет-Хаус с нетерпением ждал поступления нового каменного материала; окруженный книгами, справочниками, образцами, радостно потирал руки: «Бедная старая граувакка должна быть разрезана на куски». Никто лучше этого старого вояки не понимал значения работы, задуманной Родериком, никто так твердо и деликатно не спасал его от неизбежных ошибок в полевой работе. Бекленд тоже держал сторону Родерика. Сам Агассис заинтересовался работой Родерика: «...старый Баки две ночи читал лекцию Агассису, вынесшему вердикт против рептилий».

Вечерами в гостинице Родерик все разговоры переводил на граувакку. Один из постояльцев сказал даже: «Мой дорогой энтузиаст, я уверен, что в конце концов вам присвоят имя лорд Граувакка».

Граувакка, по совету Лонсдейла, была разделена Родериком на куски, на четыре маркированные формации, каждая со своим минеральным составом и характерными окаменелостями – фоссилиями. «Мой друг, знаменитый французский геолог Эли де Бомон, ввиду того что я разобрался и сделал ясную классификацию напластования и окаменелостей в каждой формации, убедил меня дать имя всем слоям. Я предложил термин «Силурия». Так как регион, в котором

представлены лучшие типы, был реальной страной силуров, я принял это имя. Я увидел, что все геологические имена основаны на минеральных особенностях, и это не очень хорошо. А причудливые греческие имена еще хуже. «Силур» – это хорошо звучит. Я закрылся в своей берлоге с твердым намерением работать, пока большая книга не будет готова». Он назвал систему именем племени, жившего на этой земле. Он связал историю Земли с историей людей, живших на ней.

Его спрашивали: «Почему вы придумали такое странное имя для нашей родной, всем понятной граувакки?» – «Запомните раз и навсегда: силур – это имя для слоев по всей планете».

Семь лет Родерик пестовал родной силур: «Профессор Седжвик будет удовлетворен тем, что самые нижние органические остатки, которые могут быть прослежены, являются нижним силуром». Седжвик, однако, вовсе не был этим удовлетворен. Он считал, что слои ниже силура относятся к кембрийской системе.

В 1839 году монография Мэрчисона «Силурийская система» вышла в свет – выверенный до мелочей, глубоко продуманный огромный том in quarto в восемьсот страниц, с захватывающим текстом, атласом, таблицами ископаемых, разрезами, цветной геологической картой. Восемьдесят человек подписалось на этот анонсированный труд! Книга посвящена другу Седжвику. Тот нашел ее великолепным подарком, но рецензировать отказался: «У меня нет времени, чтобы написать что-нибудь, годное для чтения». Это – уже оценка. А друзья нарекли Родерика королем Силурийским, лордом Граувакка, посмеиваясь над его страстью к пышным титулам.



Девон

Девон у Мэрчисона с Седжвиком – общее любимое детище. Дело было так. Появился на геологическом горизонте Британии де Лабеч – одаренный молодой человек, несколько склонный к философии. Как и Мэрчисон с Лонсдейлом, он был военным человеком. Жизнь повернулась так, что сначала он стал владельцем кофейных плантаций на острове Ямайка, а потом его затянула геология, да так, что в конце концов он возглавил геологическую службу Британии.

Однажды де Лабеч прислал в Лондон образцы ископаемых растений из пород северного Девоншира, которые он описал как граувакку. Родерик просмотрел коллекцию и заявил, что в силуре такие растения не встречены, зато он видел их в карбоне северной Франции. Он отправляется с Седжвиком в Поле. Растения де Лабеча действительно оказались в карбоновых отложениях, хотя по облику были грауваккой. Подошва граувакки, содержащей растения, корнями уходила в силур.

В те годы в Хайленде жил чудаковатый каменщик Хью Миллер, в часы досуга любивший читать книжки и разглядывать отпечатки рыб, добытых им из «олд реда» в Кромарти, в том самом месте, где начинается таинственное озеро Лох-Несс. Сам Агассис, который под руководством Кювье стал лучшим знатоком ископаемых рыб, приезжал в Кромарти, чтобы познакомиться с коллекцией любознательного каменщика. Седжвик и Мэрчисон узнали о рыбах Миллера как раз в ту пору, когда разбирались с загадочными породами, подстилающими карбоновые породы юго-запада Англии. Родерик немедленно отправился на другой конец страны. Там, в Кромарти, он занялся изучением рыб, погребенных в «олд реде».

Ключ к загадке «олд реда» дала родная Шотландия. Там карбон лежал на древнем красном песчанике, а тот перекрыл силур. В таком случае верхушка граувакки Северного Девоншира должна соответствовать «олд реду» Шотландии! Первым, кто твердо сказал это, был Лонсдейл.

Седжвик и Родерик не сразу, но приняли эту идею. Скромный отставной капитан Лонсдейл отдал им свою долю славы первооткрывателя девона. Многие геологи никак не могли примириться с тем, что древний красный песчаник может быть синхроничен граувакке.

Родерик, будучи советником прусского короля (вот она, польза знакомств со знаменитостями!), отправился на Континент, чтобы поработать с тамошними коллекциями и познакомиться – о счастье! – с великим естествоиспытателем Александром Гумбольдтом, написавшим за жизнь шестьсот тридцать шесть книг! Куда до него Жоржу Сименону и Айзеку Азимову! Дело, которым занимался Гумбольдт, можно назвать «инвентаризацией Вселенной». В своем труде «Космос», вначале названном «Книга природы», он хотел собрать все знание людей об окружающем мире.

Перед поездкой на Континент Родерик вместе с Седжвиком пересмотрел обнажения на юго-западе Острова. Однажды пришлось на крепких уэльских пони убежать от местного фермера, посчитавшего копателей с длинными молотками секретными агентами, которые тайно ищут золото или уголь. Родерик доходчиво объяснял недоверчивым фермерам, почему земли, начисто лишённые полезных ископаемых, так интересны для геологов, доказывал, что горный компас нужен только для замера простиранья и падения слоев. Однако такие странные выражения, как «направление сброса», «кливаж», «перемещение по разлому», «олд ред», делали крестьян весьма агрессивными, что не характерно для жителей Уэльса. Они искренне радовались уходу пришельцев, как несомненному избавлению от возможного вреда.

Наконец наши друзья (пока еще друзья) распутали диковинную геологию «Улитки» и графства Девоншир и рискнули сделать очень смелое, даже, может быть, излишне смелое заявление на выездном собрании в Бристоле, как раз на том самом собрании, где Бекленд, рассказывая, как образуются необычные отпечатки, изображал петуха на прибрежной отмели, высоко поднимающего то одну, то другую ногу. В своих записках Родерик отметил: «Многие серьезные люди полагают, что наша наука подвинулась к шутовству именно оксфордскими донами».



Теперь надо было закрепить смелое заявление, сделанное в Бристолле.

Новая страна, открытая двумя друзьями, была названа девоном – по названию графства. Родерик: «Я довел до конца мою тяжелую работу и послал в печать все, что я хотел сказать». Статья направлена Седжвику, и вот что он ответил Родерику: «Я благосклонно отвечаю, что это может быть напечатано. Но была ли когда-либо еще такая захватанная, заплатанная, заплаканная, испещренная, изгвазданная, вся в кляксах, сапожная работа? (Наверное, в оригинале это звучит сильнее: «...such a blotched, patched, botched, scratched, blurred, bothered thing». – С. В.) Это заставило меня бормотать сквозь зубы самые скверные слова нашего времени, прежде чем я добрался до конца. Возможно, я не должен был так ругаться, но Вы не имеете права искушать меня».

Вообще-то у Родерика, судя по его полевым книжкам, неплохой почерк. Но гранки он так испещрял правкой, что и сам ничего не мог разобрать. Новые же гранки под его рукой тоже вскоре становились криптограммой.

У Родерика к Седжвику тоже есть претензии: «Мой дорогой Седжвик! Вчера я работал над нашим бристольским маршрутом и, как ягненок, ждал Вашего сообщения. Кошунственно, но мне придется обойтись без Вашей помощи. Я выпью большую часть бутылки шерри, чтобы взвинтить себя перед лицом Гринуэя и сил артиллерии против нас. Я должен использовать шанс попрощаться с Вами перед битвой».

«Силы артиллерии» – обычная для Родерика военная фразеология, типичный мэрчисоновский стиль: «форсированный марш», «битвы», «залпы», «контратаки» – ведь когда-то он стремился к самому высокому уровню в военном деле. Когда-то он находил утешение в словах Питера Бекфорда: «Охота на лис является разновидностью войны». И теперь он следовал за горными породами так, как охотник следует за красной лисой.

Через несколько дней он пишет новое письмо другу: «В этой пьесе опущена роль Гамлета, хотя все выглядело великолепно. Утренняя почта была сюрпризом для меня».

Напрасно я искал текст для чтения. Я поехал в Общество на Сомерсет Хаус, думая, что пакет с бумагами послан туда. Однако это было не так. Мы должны бороться в прямой стойке и посылать в нокаунт Гринуэя».

Битва за девон закончилась к 1839 году. Родерик извинился перед де Лабечем за некоторые свои несправедливые высказывания против него. Особых похвал удостоился Лонсдейл. Бекленд сказал, что он увидел свет и этот свет исходит от Лонсдейла. Теперь, сказал он, двух человек можно назвать отцами английской геологии – Смита и Лонсдейла.

Тем не менее только Седжвик и Мэрчисон стали первооткрывателями страны Девонии. Лонсдейла Родерик счел подносчиком патронов. Писал Седжвику: «Он напирал на ископаемых и нам с Вами не дал кредита, который мы заслужили за наше угольное ущелье (которое является ключом ко всем вещам). Но он был справедлив к моей «Силуриане», без которой, как Вы справедливо сказали, не может стартовать ни один заяц».

Французы не сразу, но тоже поверили в девон, и помог в этом Бекленд, который выступил против Гринуэя. Тот все породы в Альпах считал доброй старой грауваккой, «грауваккой для всех». Родерик писал Седжвику: «Хорошо, что я был в Париже, а то в наше отсутствие вещи могут работать против нас». Но окончательно победить скептиков Родерику удалось только после первого путешествия по России.



Президент

Как-то очень просто и естественно Родерик Импи Мэрчисон оказался в кресле президента Геологического общества, в том самом кресле, в котором пребывали ранее Гринуэй, Маккалох, Бекленд и, в последнее время, Седжвик. Новый президент – настоящий лидер, и до конца своей жизни он оставался лидером. Он обстоятелен. Бесконечная дискуссия относительно девиза общества закончилась словами маленькой дочери лорда Нортгемптона: «Па, хватит спорить, предлагаю девиз «Нам все это надоело». Родерику же был по душе девиз Королевского общества – «Ничьих слов не принимать на веру».

Новый президент строг: «Почему вас не было в четверг? Пообедайте с нами в «Короне и якор» – вы увидите вместе старого Адама Седжвика, Бекленда, Конибира»; «У нас была интересная встреча прошлым вечером. Во-первых, доклад о гигантских плезиозаврах из Скарборо. Во-вторых, отчет по Везувию. Ораторы – Лайель, Бекленд, Фиттон, де Лабеч. Бекленд восстановил недостающие части плезио и сделал монстра совершенным кошмаром для тех, кто снежной ноябрьской ночью видел его реконструкцию».

Новый президент выбил денежное пособие старому Уильяму Смиту. В Родерике жил дух геологического братства, и не только геологического. В своем доме на Брайанстоунплейс, 3, он, полный доброжелательства и сердечного тепла, принимал не только братию молотка и рюкзака. «Различные люди встречались с моими закадычными друзьями Седжвиком, Беклендом, Гринуэем, Фиттоном. Мне нравилось управлять столом, наслаждаться компанией. Однако же это было преходящее удовольствие – я все время обдумывал геологические вещи».

Было и другое – битва за лидерство в Королевском обществе. Кресло президента прочили эрцгерцогу Сассекскому. Геологи стояли за Мэрчисона. Однако же многие геологи во время голосования были в Поле. В результате победил герцог. Он оказался умным человеком и взял в совет общества тех, кто ему больше всех оппонировал. Возглавить совет он

предложил Родерику. «После уговоров я согласился стать председателем. Я не опозорил себя, будучи простым бомбардиром на сильной батарее. Я с большим рвением мешал избранию герцога, но я не из тех, кто питает злобную и вечную враждебность. Я чувствовал намеки некоторых из моих ультрадрузей, но мой лучший друг Лайель был единственным человеком, полностью одоббившим мое поведение. У меня есть твердое желание работать в интересах науки. Мы, те люди, которые были оппонентами эрцгерцога, стали в итоге его друзьями».

А еще Родерик стал активным членом клуба «Атенеум», в котором состоял его друг Дэви. «Будучи одним из трехсот оригиналов, я держал палец на тех предметах, которые волнуют людей литературы, искусства и науки». «Один из трехсот оригиналов» – это хороший юмор. В обычае «Атенеума» были юбилейные обеды. О первом таком обеде Родерик даже написал приятелю в Инвернесс, чтобы записки об этом событии попали в один из шотландских журналов. Старое определение: «Клуб – это место, где можно молчать или дремать в компании интереснейших людей, платя за эту привилегию сто фунтов стерлингов в год».

Мало того, энергичный президент Геологического общества, будучи ярым консерватором, в дни, когда обсуждался билль 1831 года об избирательной реформе, посещал дебаты в палате лордов и в палате общин. Его на все хватало!

...Маму похоронили в одной могиле с отцом у маленькой церкви в Басхемптоне, недалеко от Баса. На том же погосте был погребен и дядя Родерика, старый генерал сэра Александр Маккензи. Родерик с сестрой Джанет стоят у могилы...

*И скольких нет уже в живых,
Тогда веселых, молодых...
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылой надо мной
В долине ветер разнесет.
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!*



Мэрчисон против Седжвика

Родерику уже сорок шесть лет. Он пишет Седжвику из Норстеда: «Мы похоронили маму моей жены. Я не мог найти за последние месяцы часа, чтобы оторваться от работы. Я не упрекаю себя – кошмары мучили меня. Здесь, однако, у меня есть часок, и я отдаю его Вам, как человеку моего сердца. Я хочу снова признаться Вам: я один из тех полужнаек-бродяг, кто сам всему учился, кто долго жил силой привычки, а теперь чувствует безразличие к обычным житейским делам».

Такая горечь в этих словах – «один из полужнаек-бродяг!» Тринадцать лет радостной черновой работы, озарений, открытие двух геологических систем...

Дилетант в Британии больше, чем дилетант на Континенте, – вспомним Шерлока Холмса. Впрочем, он согласует свои действия с профессионалом – инспектором Лестрейдом. Для Холмса его расследования – хобби, коллекционирование.

В письме из Норстеда Родерик открывает другу душу: «Я уважаю искренне верующих, я понимаю, что церковь – сильное моральное средство. Однако когда я вижу людей большого ума и большой цельности, которые являются строго верующими, я понимаю, что, возможно, у меня есть дефект в уме и сердце. Ничто так не отчуждает меня от христианской веры, как лицемерие, нытье и все худшие страсти, которые прячутся под одеянием религии. Вы можете справедливо сказать мне: «Оглянись вокруг себя». Так вот, если существует истинный христианин без привкуса фанатизма, то это моя замечательная жена. Я надеюсь, что придет день, когда я, следуя желанию моей матушки, смогу стать настоящим верующим. Увы! Мой путь по земной дороге краток.

Перечитав это мое признание, я был близок к тому, чтобы порвать письмо. Но у меня есть своя гордость – Вы должны терпеть меня».

Однако Седжвик не намерен терпеть. Гнев Седжвика прорвался в словах таких грубых, что пришлось вмешаться

Геологическому обществу. Даже в популярном путеводителе по стране озер Седжвик обвинял Мэрчисона в том, что тот уничтожил термин «кембрий». Родерик действительно так и не признал кембрий: «К несчастью, расстроенное здоровье и стечение многих других обстоятельств воспрепятствовали Седжвику сделать исследование и описание собранных им окаменелостей, так что первообразы кембрия остались во все неизвестными».

Коллеги считали, что у Седжвика был мрачный комплекс, в котором безденежье, болезни, отчасти воображаемые, разочарование сочетались с ревностью и завистью. Он страдал от подагры, нервозности и неопределенных симптомов, которые даже его друзья иногда считали более воображаемыми, чем физическими. Профессорство оплачивалось нищенским жалованием. Не больше доходов приносили проповеди в мрачной церквушке Норвича. Многие его открытия на много лет остались в полевых книжках, запрятанных глубоко в стол.

Новые работы Родерика по силуру Седжвик встречал в штыки. Тот, однако, прислушивался к критике, даже несправедливой, послал Седжвику переработанную «Силурию»: «Серьезно надеюсь, что снятие пассажей относительно Вас в предисловии и изменение фразы или двух в тексте работы может изменить впечатление, произведенное первым изданием. Прошло время, и, так как мы провели когда-то много счастливых дней, я надеюсь, что Вы получите какое-нибудь удовольствие от переворачивания этих страниц».

Эта надежда не оправдалась. Через довольно значительное время Седжвик ответил язвительной заметкой, которая, однако, начиналась словами: «Дорогой сэра Родерик!» Надо знать, что Родерик в 1846 году был посвящен в рыцари и получил титул сэра. Более того, ему дали почетную степень и он стал настоящим доном.

Седжвик все-таки нашел ниже силура своеобычную фауну – «первообразы кембрия». Спор угасал, так как кембрий утвердился в геологической летописи. Лишь время от времени вспыхивали арьергардные бои местного значения. И тут случилось неожиданное: для пограничных слоев кембрия



и силура был предложен термин «ордовик» – по имени племени, которое когда-то населяло уэльские холмы. Ни Седжвик, ни Мэрчисон не хотели принимать новый термин. На этой почве они почти помирились, хотя и обменивались письмами друг другу через Лайеля.

Перед Россией

Родерик вполне оценил удобства нового аристократического жилища – «воздушного дворца» на Белгрейв-сквер, 58. Тона палевые, серые, золотые. Карнизы расписаны под цветные арабески Помпеи – давнее увлечение не окончательно забыто. Мебель красного дерева, с резьбой, в стиле чиппендейл. По утрам молочник оставлял у порога бутылки со сливками. На газоне слуги играли в волан. Позже Родерик удивлялся: «Доброе житье в особняке враждебно геологической работе. Я делал в два раза больше, когда жил на квартире».

Летом 1839 года Родерик, благо он советник прусского короля, организовал экспедицию в сердце Рейнской земли. Шарлотта осталась в Лондоне для обустройства нового жилища, пока Родерик («безразличие к обычным житейским делам») обустроивал силур и девон. Он пишет жене: «Я в нижнерейнском городке, о котором ты, без сомнения, никогда раньше не слышала, в стране, которую люблю (людей и ландшафты, геологию всех сортов на переднем и заднем плане). Солидные, мощенные камнем дороги, форейторы с рожками, прусское оружие и орлы – везде дисциплина, порядок и комфорт. Закончив ужин, состоявший из свежей форели, спаржи и яиц, я сейчас курю свою трубку в опрятной, чистенькой комнате, затененной деревьями. Вся летняя работа пройдет в Германии. Работы очень много, но у нас есть ключ!»

Многие маршруты прошли вместе с де Вернейлем и какое-то время с Седжвиком. Де Вернейль – великолепный французский геолог, замечательный, легкий, веселый. Он был настолько близорук, что шагу не мог сделать без лорнетки. Его багаж состоял из кожаного чемоданчика, который он вскоре посеял. Хорошо, что хозяин гостиницы экипировал де Вернейля брюками и ботинками на толстой подошве для работы в Поле. Гость подружился с хозяйским пойнтером, который, ласкаясь, прокусил ему губу. Несколько глотков коньяка вылечили де Вернейля, и на рассвете он, как обычно, поднялся первым, готовый к работе. В следующем городке он как ни в чем не бывало возился в гостинице с очередным пойнтером,



на стареньком пианино наигрывал последние парижские и венские песенки, а собравшиеся в кружок милые фройлейн распевали вместе с ним последний вальс Штрауса.

Здесь, в Германии, появились сомнения и вопросы. Содержимое немецких ящиков с образцами (обозначено шотландским словом «kint») чуть не привело Родерика к «довоенному статусу» – он по-прежнему применял в своих записках военизированную терминологию.

Вздых облегчения в письме к Седжвику: «Слава Богу! Я снова вижу дневной свет! Я обещаю, что ясные факты будут положены перед ясными глазами геологов и от этого нельзя будет спрятаться. Краткий визит в Париж был приятным и, без сомнения, бесполезным». Родерик стойко отбивался от нападков на девон и успешно отбил.

В Париже разговор не мог не зайти об интересной новости: по России разъезжает французский маркиз Астольф де Кюстин. Его пригласил император Николай – поездить, посмотреть да и написать при случае хвалебную книгу.

– В России, государь, все творится в огромном масштабе, здесь все колоссально.

– Слишком колоссально для одного человека. Надеюсь, вы не ограничитесь одним Петербургом? Каков план вашего дальнейшего путешествия по моей стране?

– Государь, я рассчитываю отправиться дальше тотчас же после петергофских празднеств.

– Куда же?

– В Москву и Нижний Новгород.

– Это хорошо, но вы собираетесь туда слишком рано: вы покинете Москву до моего приезда, а между тем я был бы очень рад вас там увидеть.

– Слова Вашего Величества заставят меня изменить свои планы.

– Тем лучше. Мы покажем вам новые работы, производимые нами в Кремле. Вы будете также присутствовать при любопытной церемонии на Бородинском поле: я хочу положить первый камень в основание памятника. По крайней мере, хоть вид маневров вас, быть может, заинтересует.

– Государь, в России меня все интересует.

Разговор у них зашел о русском лесе. Николай обеспокоен его истреблением:

– Топливо становится редкостью в России. Дрова в Петербурге стоят не дешевле, чем в Париже. Видя, с какой быстротой исчезают леса, поневоле задаешь себе тревожный вопрос: чем будут согреваться будущие поколения?

Де Кюстин заметил: «Я не знаю его истинных побуждений, но знаю лишь, что, где бы я в этот вечер ни находился, он постоянно вступал со мною в беседу».

Вежливый гость побывал и в Петергофе, и на Бородинском поле, где император восемь часов кряду наблюдал за тем, как четверть миллиона солдат проходили мимо церемониальным маршем.

Маркиз, одержимый идеей свободы, написал книгу, немедленно запрещенную в России.

«Россия, думается мне, единственная страна, где люди не имеют понятия об истинном счастье. Во Франции мы тоже не чувствуем себя счастливыми, но мы знаем, что счастье зависит от нас самих; в России оно невозможно. Россия – котел с кипящей водой, котел крепко закрытый, но поставленный на огонь, разгорающийся все сильнее и сильнее. Я боюсь взрыва. И не я один его боюсь! Император испытывал те же опасения несколько раз в течение своего многотрудного царствования».

Ненависть застилала глаза маркизу. Сибирь для него начиналась за Вислой.

«Действительно, я мало видел, но я многое угадал. Можно сказать о русских, что они все, от мала до велика, опьянены рабством».

«Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию! Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немыслимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы».

«Все русские похожи друг на друга в одном отношении: все они легкомысленны, живут только настоящим и забывают сегодня то, о чем думали вчера. Презрение к тому, чего они не знают, кажется мне доминирующей чертой русского национального характера».



Принято считать де Кюстина законченным русофобом. Но давайте вчитаемся в его тексты:

«Все говорит мне о природных способностях угнетенного русского народа. Мысль о том, чего бы он достиг, если бы он был свободен, приводит меня в бешенство».

«Чем ближе подъезжаешь к Ярославлю, тем красивее становится население. Я не уставал любоваться тонкими и благородными чертами лиц крестьян».

«Русский крестьянин не знает препятствий для выполнения полученного приказа. Вооруженный топором, он превращается в волшебника».

«Мои оппоненты, отказывающиеся верить в блестящее будущее славян, признают вместе со мной положительные качества этого народа, его одаренность, его чувство изящного, способствующее развитию искусств и литературы».

«Их бани кажутся нам отвратительными, однако этот кипящий туман очищает и укрепляет тело».

«Заставьте русского носить одежду парижского рабочего – и он сделает из нее нечто приятное для глаза. Контраст между слепым повиновением «властям предрержащим» прикованного к земле населения и энергичной и неустанной борьбой того же самого населения со скудной природой и смертоносным климатом является неисчерпаемым источником оригинальнейших картин и глубоких размышлений».

«В России климат уничтожает физически слабых, нравственно – слабых морально. Выживают только звери по природе и натуры сильные как в доброте, так и во зле».

«Русский крестьянин трудолюбив и умеет выпутаться из затруднений во всех случаях жизни. Он не выходит из дому без топора... искусные, богобоязненные и вежливые плуты неизменно похищали у нас что-либо».

«Русский народ, говорят, очень музыкален... речитатив без ритма, жалобные звуки, которыми человек поверял свои горести животному, единственному верному другу, хватили за душу и наполняли ее невыразимой грустью».

«Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными. Такая обаятельность одаряет русских могучей властью над сердцами людей. Ничто не существует,

кроме настоящего мгновения, никого, кроме того лица, с кем вы в данную минуту разговариваете и кого вы всем сердцем любите...»

И все же:

«Чтобы продлить иллюзию, нужно сделать только одно – остаться, не уходить. Вас забывают, едва успев распрощаться. Они боятся, как бы более продолжительное знакомство не обнаружило их внутренней пустоты».

Может быть, известие о путешествии де Кюстина послужило толчком к тому, чтобы на обеде, на который Родерик пригласил ведущих французских геологов и где гостем оказался известный российский экономист Александр Мейендорф, зашла речь о будущем с ним совместном путешествии по России. Даже наметили дату отплытия в Санкт-Петербург – 25 мая 1840 года.



Первая русская экспедиция

А теперь перенесемся в Санкт-Петербург, в осень того же 1839 года. Кадеты Горного корпуса вернулись после практики в Новгородской губернии и привезли уйму образцов пород. Тогда в России очень немногие знали толк в окаменелостях. Преподаватель Григорий Петрович Гельмерсен, считавший себя лучшим русским геологом, ориентируясь на состав пород, определил возраст собранных образцов: новый красный песчаник. А другой геолог, Эдуард Иванович Эйхвальд, едва взглянув на камни, сказал: «Это вовсе не новый красный песчаник, а нижний карбон и девон». Разгорелся спор, который привел к тому, что Гельмерсен и Эйхвальд стали врагами на всю жизнь.

Начальник Горного корпуса генерал Чевкин Константин Владимирович спросил: а кто в Европе лучше всех разбирается в этих делах? Фон Бух? Ну что же, пошлем образцы в Берлин, к фон Буху.

«Эйхвальд прав», – ответил фон Бух генералу Чевкину, тут же напечатал по присланным образцам «Материалы для установления горных формаций России» и написал письмо Мэрчисону: так и так, дорогой Дик, похоже, что в России имеется та же последовательность слоев палеозоя, той самой граувакки, что и в Англии, только слои залегают более спокойно, под малыми углами. Вот где райское место для геолога!

Так все сошлось – де Кюстин, Мейендорф, фон Бух, что Родерик просто сгорал от нетерпения раскатать ковры силура и девона на просторах неведомой России. Порядок слоев граувакки в Британии и вообще в Западной Европе установить довольно сложно: толща сильно смята, часто метаморфизована, прорвана магматическими породами. Фон Бух посоветовал Родерику посмотреть граувакку и древний красный песчаник на северо-западе России, где слои спокойно лежат, подобные стопке салфеток на столе.

Весной 1840 года Родерик выехал из Лондона. В Берлине фон Бух и Гумбольдт показали путешественникам все имевшиеся у них материалы по геологии России. 25 мая, как договаривались, экспедиция Родерика отбыла в Петербург. Там остановились на Галерной, в меблированных комнатах миссис Уилсон.

Вначале экспедиция работала вместе с группой Мейендорфа, которая изучала промышленность и естественные богатства России. В составе группы был геолог Кейзерлинг. Потом Родерик отделился: зачем ему нужна громоздкая комплексная экспедиция – его интересовала геология, и только геология. Энергичного, мобильного Кейзерлинга он забрал себе.

Без Мейендорфа вполне можно обойтись, ведь в Петербурге Родерик встречался с властями, в том числе с министром финансов графом Канкрином, и заручился его поддержкой. Горный департамент (вместо упраздненной Берг-коллегии) состоял при Министерстве финансов. В его распоряжении были все горные округа. Задача – открытие новых месторождений.

В это время Константин Владимирович Чевкин вызвал к себе выпускника Горного корпуса Николая Кокшарова и объявил: «Вам, мой друг, предстоит хороший способ ознакомиться ближе, каким образом производятся геологические исследования знаменитыми учеными. Будьте внимательны и не упускайте из виду того, что может быть полезно для усовершенствования в геологии и палеонтологии. Обращайте особое внимание на окаменелости, которые играют теперь в геологии важную роль. Затем действуйте к чести русского имени и старайтесь быть приятным именитым иностранцам». С этими словами Чевкин вручил Кокшарову специальное предписание с подробнейшей инструкцией о цели командировки, о возлагаемых на него обязанностях и о расходовании ассигнованной суммы в четыреста пятьдесят рублей.

На следующий день Кокшаров робко заглянул в кабинет Чевкина и увидел его сидящим со знаменитыми геологами за столом, заваленным геологическими и географическими картами. Карт было много: еще в 1834 году Горным ведомством было дано распоряжение готовить материалы для их



составления. Письма ушли в златоустовские, камско-воткинские, пермские, богословские, гороблагодатские, екатеринбургские, колывано-воскресенские, нерчинские, олонечские и луганский заводы. Чевкин поднял голову: «Заходите смелее. Господа, прошу познакомиться с Николаем Ивановичем Кокшаровым».

Сыск камней более всего занимал вчерашнего горного кадета. Да это и неудивительно. Его отец, Иван Константинович, после окончания Горного корпуса работал на Алтайских рудниках, а затем на Урале управлял Берёзовскими золотыми приисками – это пятнадцать верст от Екатеринбурга.

В девять лет Николенку с оказией, караваном с намытым за год уральским золотом при хорошей охране, отправили поступать в Горный корпус – горные офицеры имели право определять детей на казенный счет. Через месяц добрались до столицы, где мальчик сначала жил у родичей, а потом был определен в Горный корпус (позже ставший Горным институтом), разместившийся в замечательном здании работы Воронихина на Неве: древнегреческий фасад, двуглавый орел на фронтоне, роскошная лестница со статуями Геркулеса, побеждающего сына Земли Антея, и подземного бога Плутона, похищающего Прозерпину. На фасаде девиз: «Усердие услугам отечества и пользе оного любовь».

Первые четыре класса – кадеты, пятый, шестой классы – кондукторы, седьмой и восьмой – офицеры, прапорщики и поручики.

В шесть утра (в праздники – в семь) появлялся воспитатель Остермайер: «Па-дъем!» Стакан сбитня, полсайки, потом занятия, танцкласс, фехтование, и так до десяти вечера.

Прекрасен строй кадетов, марширующих вдоль гранитного парапета Невы! Николай I повелел одеть кадетов в военную форму с голубой выпушкой, с галунами на воротниках, с эполетами, в кивера (это уже в офицерских классах). Государь лично распределял горных кадетов по ротам, назначал унтер-офицеров и фельдфебелей. Потом форма поменялась: темно-синий мундир и треуголка. Начальником был назначен военный человек – генерал Чевкин.

Если что и было хорошего в такой милитаризации, так это сам Чевкин – государственный муж, энергичный, дальновидный, понимающий, что России нужны по-настоящему грамотные люди, профессионалы. В его честь уральские геологи назвали новый минерал чевкинитом. Он, конечно, знал практическое значение минералогии, даже основал минералогический музей, обязав горных офицеров лучшие образцы минералов доставлять в коллекцию отовсюду – с Урала, с Алтая, с Нерчинских рудников. Эту коллекцию так и звали потом – чевкинской. Но он понимал: самое главное, что нужно сделать в геологии, это разобраться со слоями – что выше, что ниже. Это фундаментальная основа всей геологии. Надо изучать окаменелости, древнюю жизнь, как она менялась от пласта к пласту, то есть надо знать самую, казалось бы, оторванную от практики науку – палеонтологию. Многие не понимали образа мыслей Константина Владимировича. Как же так: вместо того чтобы искать золото, медь, железо, платину, алмазы, аметисты, тратить деньги и время на изучение никому не нужных окаменелостей?!

Чевкин почти каждый день приезжал в институт. Он был счастлив, если заставал кого-нибудь за изучением книг, скажем, на немецком или английском языке: обязательно надо следить за тем, что делается на Западе. Летом в вакации увольнялись только младшие кадеты, а все остальные – пожалуйста в Парголово на геодезические съемки, в Финляндию на медные рудники и железоделательные заводы, на минералогические копи острова Паргас, в окрестности Петербурга, в Боровичи для геологических наблюдений.

Чевкин знал каждого своего воспитанника и прикидывал, кого куда определить с самой большой пользой. Кокшарова он давно уже приметил и хотел направить его по палеонтологической, самой главной стезе. А Николай, к сожалению, все свободное время отдает минералам и деньги, какие есть, тратит на их приобретение у Каммерера, горного аптекаря, практического минералога. Перетащил в его горную аптеку на углу набережной и 20-й линии свой заветный шкафчик с коллекцией и захаживает туда при каждой возможности; как и все знатоки, трясется над своими камнями, бережет их от чужого глаза.



Через четверть века, за две недели до кончины, Чевкин скажет академику Кокшарову: «Никогда вам не прощу, мой друг, что я хотел из вас палеонтолога сделать, а вы сделались минералогом».

Компания у Родерика была превосходная. Рядом с ним Эдуард де Вернейль – честнейшее, добродушнейшее дитя природы в длинном голубом испанском плаще и серой широкополой московской шляпе. Он страстно любил музыку и поэзию, в чем и сошелся с Колей Кокшаровым. Тот просто не мог жить без музыки (может быть, сказывались грузинские корни – девичья фамилия мамы была Эристави). Много позже, став знаменитым минералогом, он выпустил сборник своих виршей под непритязательным названием «Мелкие стихотворения Николая Кокшарова», потом добавил четыре «Прибавления» (в одном сборнике был акrostих на фамилию Чевкина). Свои минералогические заметки он тоже издавал выпусками. Частенько Кокшаров с де Вернейлем распевали во время маршрутов дуэты или арии из «Нормы», «Семирамиды», «Вильгельма Телля», «Роберта». Даже безголосый Родерик пел «В горах мое сердце» и «Добрый старый Хок».

Вначале Родерик обследовал окрестности Петербурга – город стоит на граувакке, силурийских породах, на длинном пологом спуске к югу от Балтийского щита, где обнажены породы кристаллического фундамента – граниты, «финские холодные скалы»; а дальше – Силурийское плато, Главное девонское поле.

Здесь очень мало в прямом смысле выдающихся мест. Всюду мягкий, пологий северный рельеф. Наиболее известна, наверное, Удриасова скала на берегу Финского залива, на краю Силурийского плато – береговом уступе, глинте. Скалу эту Мэрчисон изобразил в своей книге, а позже художник Шишкин ее нарисовал. Знаменита и живописная долина реки Тосны к югу от Царского Села, у деревни Юмаласаари, где находил силурийские окаменелости, главным образом трилобиты, большой любитель геологии Егор Антонович Энгельгардт, директор Царскосельского лицея.

Иван Иванович Пущин в «Записках о Пушкине» писал: «Летом, в вакантный месяц, директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям». Куда он мог водить лицеистов? Скорее всего, в Юмаласаари.

Именно тогда Пушкин написал стихотворение «Сон»:

*Друзья мои, возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.*

Самая волшебная – третья строка. Вершина, как ей и положено, в конце строки нарушает порядок слов. «Круты-ых-х-холмов» – задыхание при подъеме в гору. Сердце колотится – «устаньте на вершине». Как легко произнести: «Друзья мои...» То, что пройдет через всю жизнь: *Друзья мои, прекрасен наш союз... Мой друг, отчизне посвятим... Бог помочь вам, друзья мои... Но не хочу, о други, умирать...*

В Юмаласаари они все были вместе: и Пущин, и Франт Горчаков, и Паяс Яковлев, и Олосенька Илличевский, и Кюхля, и Фёдор Матюшкин по прозвищу Плыть хочется. «Человека более всего поддерживает надежда, предположение, мечта», – из замечаний Матюшкина к проекту нового морского устава. Он через четыре года после окончания лицея обошел земной шар, и Пушкин ему позавидовал:

*Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседлый!*

В «русском походе», как называл свою экспедицию Родерик, путешественники передвигались в легкой коляске, запряженной шестью лошадьми – две спереди, четыре сзади. Геология России оказалась такой, как и предсказывал фон Бух: коренные породы лишь изредка обнажаются из-под толщи четвертичных песков и суглинков, как в Голландии, «месте вечного мучения для геологов». Но в Юмаласаари можно увидеть первозданно ясные разрезы силура и насладиться ими.

Слои силура, девона, карбона, полого залегающие, почти не смятые в складки, предстали в России перед Мэрчисоном как Богом нарисованные. Слои были те же, что и на родине, но как плавно они залегали, как спокойно отражались в воде береговые обнажения!



Времени мало. Родерик работал быстро благодаря своему природному дару подмечать главные черты, находить маркеры, сопоставлять удаленные разрезы. Тщательно вычерченные планы работ, организация их выдавали в нем человека, который недаром стремился к самому верхнему уровню военной иерархии.

Тарантас (Мэрчисону нравилось звучание этого слова – «та-ран-тас») передвигался по плоской равнине, сложенной слабо наклоненными слоями, по Русской плите, как назовет ее позже австрийский геолог Эдуард Зюсс в своем капитальном труде «Лик Земли». Именно здесь могут быть твердо установлены истинные соотношения слоев, не искаженные крутыми наклонами. Работа шла легко, погода была отличнейшая. «Только три причины затрудняют геологические исследования в Северной России, – писал Мэрчисон. – Во-первых, равнинность и непересеченность поверхности страны; во-вторых, толстый покров ледниковых отложений и аллювий; в-третьих, и в большей степени, подозрительность крестьян, которые никогда не дают сведений, так как думают, что вы ищите что-то такое, за что они могут быть привлечены или обложены налогом по распоряжению правительства или его чиновников».

После изучения окрестностей Петербурга Мэрчисон со спутниками исследовали берега Волхова и Сязи, Онежского озера, добрались до Петрозаводска, проехали от реки Вытегры до Архангельска, осмотрели берега Белого моря, Пинеги, Северной Двины, доехали до Великого Устюга и далее по Сухоне до Вологды, совершили боковой маршрут по реке Юг до города Никольска. Из Вологды через Череповец спустились до Ярославля и Костромы, где снова соединились с группой Мейендорфа. Далее путь лежал по Волге до Юрьевца, оттуда направились в Москву.

Из Москвы Мэрчисон и де Вернейль двинулись по маршруту Нижний Новгород – Муром – Елатьма – Касимов – Рязань – Кострома. Конечно, детально исследовали окрестности Москвы. На обратном пути в Петербург путешественники ознакомились с геологией Валдайской возвышенности, реки Мсты, южного берега озера Ильмень, района между Новгородом

и Петербургом. Здесь убедились в последовательной смене силура девоном и карбоном – как на картинке нарисовано!

Места ночевок в России резко отличались от западных. Вместо гостиниц и таверн – крестьянские избы, запахи, валяющие с ног, «ползающие и кусающие ужасы». Запомнились дикие российские дороги, испытывавшие терпение путешественников и рессор их экипажей. В письмах Шарлотте и Седжвику Родерик отводит душу: «Наш бородатый йеху болтал без умолку, с грохотом спускаясь вниз по склону, хотя любой неосторожный шаг по полуразрушенному деревянному мосту грозил гибелью; он атаковал противоположный берег, распевая: «Вперед, мои дорогие, от горы к горе, от долины к долине, везите серебряных джентльменов, скоро вы будете на добром пастбище». Пение сопровождалось кличем чероки и вращением крепкого ремня, который время от времени обрушивался на ребра коренника».

Зато в городах геологов ждали комфортабельные квартиры и званые обеды. «В Архангельске, – писал Родерик, – все было легко, исключая два больших обеда на двадцать пять персон каждый. Мы были в компании русских, норвежцев, немцев и англичан – на этих языках и говорили за столом».

Одним из приятнейших впечатлений была пышность чаепитий, особенно после долгого, жаркого и пыльного путешествия, когда можно было посидеть в трактире («tractir») за самоваром, потягивая маленькими глотками напиток, «более тонкого аромата, чем у китайского императора, настоящий кантонский чай».

В одной из деревень геологи увидели церемонию благословения лошадей. «Священник в мантии под песнопение (книга лежала перед ним на столе) погружал кисть в воду, которой он освящал каждую лошадь, брызгая воду ей на морду и после на бока. Лица крестьян были торжественны».

Родерик восхищался русскими крестьянами, их добротой, бодростью и находчивостью. Впрочем, ему нравились и вежливые русские чиновники. Слава богу, императорская печать на бумагах экспедиции давала им такие преимущества, что можно было, по словам Мэрчисона, «заниматься контрабандой мамонтов»!



При возвращении в столицу путешественников ждали неприятности: «Когда мы достигли Ижор, пришлось подковать лошадей – работа кузнецу на три часа. Ночью в ста ярдах от поста у ворот Петербурга пришлось снова остановиться. Наконец шаткие колеса достигли жилища миссис Уилсон. Это случилось во вторник 25 августа, в 8 часов утра».

Свежим сентябрьским утром на борту судна, идущего в Лондон по Балтийскому морю, Родерик пишет письмо разбитому ревматизмом Седжвику, письмо, по мнению автора его, способное исцелить старого друга: «Наш успех был так велик, что это стало источником очень хорошего юмора, без которого общение с Вами невозможно. Россия дала мне уверенность в правоте девонианизма – может быть, это позволит Вам справиться с подагрой. Я уверен, однако, что, здоровый или больной, Вы будете радоваться доказательствам правоты наших взглядов. Спасибо моей дерзости! Пошлите мне огарок сигнальной ракеты, который наметит мне на Арран с его угольными полями, на Уатта, на мощности в сорок лошадей, и Вы многим обяжете своего друга. Я теперь более подвижен, чем когда-либо, – планирую Урал с одной стороны и Аллеганские горы с другой».

Родерик еще не знает, что Кокшаров в самом скором времени опровергнет его представления о русском новом красном песчанике как о девонской породе. Он не знает еще, что образцы в ящиках вскоре откроют ему новую страну – Пермю. Более того, он еще не знает, куда ему лучше ехать – на Урал или в Аллеганы, то есть Аппалачи. Он еще не знает, как фантастически близки по геологической позиции Уральская и Аппалачская геосинклинали, да и не было еще термина такого – геосинклиналь, означающего линейные полосы глубокого прогибания, позже превратившиеся в горные цепи.

Сразу же после прибытия в Лондон Родерик устремился в Глазго на собрание Британской ассоциации развития науки. Ему давно хотелось собрать вместе геологов со всего мира. Приехал даже великий Агассис. Обеды проходили во дворце герцога Гамильтона. Были совместные маршруты в Арране, была радостная встреча с русскими геологами, был

даже парад в сопровождении волынщиков. «Успех встречи в Глазго был мне наградой за поездку в Россию».

В Глазго Родерик сделал подробный доклад о русском походе: «Когда мы утверждали, что известняки и песчаники Девоншира имеют тот же возраст, что и древний красный песчаник Шотландии, нам возражали: «Покажите нам рыбу, характерную для «олд реда» в девоне, или раковину Девоншира в древнем красном песчанике Шотландии». В России я решил эту проблему, потому что эти раковины и эти рыбы там бесспорно находятся вместе в одном и том же маркирующем пласте. Если бы я не видел больше ничего, кроме этого, то и это было бы большим триумфом для меня самого и для Седжвика».

Через семнадцать лет Родерик будет жаловаться Гельмерсену и Пандеру, что вот, мол, в Англии еще многие геологи отрицают, что в России девонские слои, богатые моллюсками («многозначительные окаменелости»), отвечают шотландским, заключающим остатки рыб, и будет просить русских геологов о поддержке. Сохранилась гордая приписка Пандера: «Россия должна служить образцом для всех девонских и силурийских отложений».

При первой же встрече с Кокшаровым после окончания путешествия Чевкин дал ему строгий приказ – представить рапорт о проделанной работе и, главное, карту. Карту!

– Константин Владимирович, геологическая карта должна быть составлена позже!

– Карту должно представить вместе с рапортом.

Как только рапорт был готов, Чевкин немедленно, в том же 1840 году, печатает его в «Горном журнале» под названием «Геогностические замечания о некоторых губерниях Европейской России». «Карта осталась ненапечатанной, – вспоминал Кокшаров, – и передана была Гельмерсену». Пока кокшаровскую карту не нашли, хотя перерыли все архивы и книгохранилища Москвы и Питера. Историки геологии даже сомневаются: а была ли она? Объяснительная записка к карте есть, а самой карты нет.

В своей статье-рапорте Кокшаров указал, что карта составлена сообразно с определениями и заключениями



Мэрчисона. Тот, вернувшись из России, выставил на всеобщее обозрение эскиз своей геологической карты Европейской России.

При описании красного песчаника Кокшаров осмелился противоречить Мэрчисону: «Система древнего песчаника, образуя осадки огромной толщины, является в большом развитии по губерниям Олонецкой, Архангельской, Новгородской, Псковской и Лифляндской, а может быть, и по Вологодской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и Владимирской. Я говорю «может быть», потому что вопрос о почве, распространенной в этих последних губерниях, нам, русским, кажется еще не должно считать совершенно решенным. Есть ли это система древнего красного песчаника, в чем Мэрчисон почти не сомневался, или другая, более новейшая формация (покоящаяся на горном известняке), сказать с достоверностью нельзя до тех пор, пока какое-нибудь обнажение не укажет соприкосновение горного известняка с этой системой или пока не найдутся в ней органические остатки, которых до сих пор не отыскивалось».

Через некоторое время в том же «Горном журнале» Гельмерсен публикует статью с приложенной к ней своей «Генеральной картой горных формаций Европейской России». Фамилия Кокшарова среди составителей не числится. Гельмерсен выделил силур, древний красный песчаник (девон), каменноугольную формацию, новый красный песчаник (в объяснительной записке он описан как «пермский песчаник»!), триас, юру, мел.

Удивительно, но в 1841 году в Берлине была опубликована статья Эрмана, а к ней приложена карта, составленная тем самым Мейендорфом, с которым Мэрчисон начал свое путешествие по России и вскоре расстался. Карты Мейендорфа и Гельмерсена оказались очень похожими. А Эйхвальд, у которого не было своей карты, ворчал: «Господин Мэрчисон определил и описал только те горные формации в России, которые мы знали и до его приезда». Эйхвальд почему-то считал, что Мейендорф дал Гельмерсену экземпляр своей карты, перед тем как отослать ее Эрману. Но и Кокшаров, как мы помним, писал о том, что он передал Гельмерсену свою карту.

Очень загадочна вся эта история с картами. Пожалуй, единственный, кто не стремился быть первым, – Кокшаров. Камни – это совсем другое дело.

Глубокой осенью 1840 года Николай Кокшаров, исполняя приказ Чевкина, направился к месту службы – в Екатеринбург, на монетный двор. Город был тогда горной столицей России. Молодые офицеры из Горного корпуса останавливались здесь, перед тем как ехать на Алтай, в Нерчинский край. Однажды несколько горных офицеров собрались за ломберным столом поиграть в вист. Вдруг шепот: «Остермайер идет!» – и все попрятали карты. Вспомнили: как-то в трубочной собрались старшие кадеты за дешевым тенерифским вином, болтали о театрах, девушках, пели «Нелюдимо наше море», незаметно перешли на формы правления в России. Кадет Банников энергично выразился о Николае Павловиче. Потом все окончили курс, разъехались по заводам. Вдруг появляются фельдъегеря. Всех, кто был в трубочной, – в Петербург, в Третье отделение, к Дубельту. Тот ласково: «Что ж вы так перепугались? Отдохните, перекусите. Вино требуйте, какое хотите, красное, белое. Вот бумага, вот чернила». Шуточное дело – началось следствие.

Царь лично рассмотрел материалы следствия: «Всех вернуть на службу. Банникова, чтобы у него вышла дурь из головы, посадить на год в Петропавловскую крепость. Доносчика наградить по закону».

В Екатеринбурге поручик Кокшаров жил у родителей. Он расположился со своей минералогической коллекцией в просторной комнате на нижнем этаже. Дома он снова стал Никольской. Отец уже вышел в отставку. Жизнь в Екатеринбурге была весьма размеренная: утром – служба, обед дома, потом снова служба. Вечерами он частенько распевал арии из опер, а сестра Полинька подыгрывала на плохоньком фортепиано. Но обычно после работы он занимался своей коллекцией. В чердачной пыли матушка разыскала и принесла сыну корзину с минералами – уральскими и алтайскими.

Кокшаров верхом разъезжал по купцам за камнями – тратил на них все деньги. Добирался за восемьдесят верст до знаменитой Мурзинки, где у местного священника води-



лись превосходные бериллы. В отличие от отца он трясся над своими сокровищами. На коллекцию Ивана Константиновича старые его приятели совершали набеги. Уводить книги и камни считалось хорошим тоном: «Что у тебя хорошего? Поделись-ка со мной!»

Где-то далеко был Петербург, Петергоф, еще дальше, почти нереально, – Лондон, Париж.

Однажды в заснеженный губернский город пришло письмо из Лондона в конверте с грифом «На службе Ее Величества Королевы Великобритании». Мэрчисон признал свою неправоту в летних спорах с Кокшаровым, которого он назовет в своей капитальной работе 1845 года «сведущим горным инженером». Вот это письмо: «Любезный Кокшаров! Пересмотрев и обсудив мои путевые заметки, я нашел, что Вы были правы, что огромная толща глины и ружляков лежит действительно не под горным известняком, а над ним и потому принадлежит формации более поздней, чем горный известняк». Обращение – «любезный Кокшаров». Потом будет неизменно – «мой милый Кок!». Кок, Петушок. Они переписывались всю жизнь.

Однажды отец вошел в комнату сына с письмом – по высочайшему повелению поручик Кокшаров командировается для сопровождения новой экспедиции Мэрчисона. На следующий день Николай уже мчался в Петербург на перекладных.

Путешествие в поисках страны

Сначала Родерик планировал лето 1841 года поработать в Северной Америке, в Аппалачах. Но не выходило из ума письмо милого Кока. Наконец он расписал обширную программу второй русской экспедиции, ставшей самым великим его путешествием. Собиралась прошлогодняя хорошая компания: де Вернейль, Александр Кейзерлинг, Николай Кокшаров, Пётр Карпинский. По плану предстояло сделать ряд пересечений центральных и южных областей в Европейской России и особо тщательно исследовать Урал. Конечно, и Кавказ интересовал их, хотя это была «горячая точка». Срок – пять месяцев, протяженность маршрутов немалая – двадцать тысяч километров, это объем на два сезона. Конечно, такую работу можно было сделать, только разделившись на две партии с самостоятельными маршрутами с последующей сбивкой материалов.

Путь в Россию лежал через Париж и Берлин.

В Париже Родерик укреплял девон и все новости немедленно сообщал Седжвику: «Собрались все палеонтологи, и я счастлив сообщить Вам, что вчера увидел в кабинете Эли де Бомона раскрашенный лист большой геологической карты Франции на меди, на которой девон, силур и кембрий были выгравированы совершенно точно».

Седжвик в то время кряхтя собирался в Плимут. Родерик: «Когда Вы попадете в Плимут, станьте к вашим ружьям» – таков образный стиль отставного капитана. Ружья – это слои, которые «выстрелили» девонской системой. «Думайте обо мне, мой дорогой друг, когда я в Сибири (так и написал – «в Сибири»!) буду думать о Вас. У меня предчувствие нашей радостной встречи, когда я гляжу на артезианский фонтан в Гренелле, поток дымящейся воды».

Приключения у Родерика и его друзей начались уже при вступлении на прусскую землю: в Париже им подсунили фальшивые деньги – и бдительные германские таможенники всех арестовали. Вызволил всех великий Гумбольдт,



поручившийся за подозрительную компанию. Он же, давно питавший интерес к России, помог им и геологическими советами.

30 апреля экспедиция прибыла в Санкт-Петербург, как раз во время торжества по случаю свадьбы Александра, старшего сына императора Николая. Родерик, получив приглашение в императорский дворец, справедливо рассудил, что задержка в столице будет весьма полезна для предстоящей работы: нужно познакомиться с министрами, начальниками департаментов, восстановить знакомства в британском посольстве. Обед следовал за обедом – у лорда Кланрикарда, принца Батера, у французского посла, у генерала Чевкина, у министра финансов графа Канкрин, ведавшего также горным департаментом, у министра императорских владений генерала Киселёва. Поражала пышность приемов, черкесская охрана, стол, ломящийся от еды, грибы чуть не в каждом блюде – русская причуда.

Родерик не терял времени зря, с Киселёвым и Чевкиным детально обсудил план экспедиции. Киселёв посетовал на то, что уничтожается русский лес: подумать только, ведь еще Геродот описывал наши южные лесостепи как глухие леса.

Потом император пригласил британцев на роскошный свадебный бал в ярко освещенном, сверкающем золотом Зимнем дворце, сказал: «Я рад, что вы путешествуете по моей стране». Родерик кланялся и благодарил, но Николай пресек похвалы.

Родерик был в великолепном красном мундире с серебряным шитьем на черном воротнике, с серебряными эполетами. Государя больше всего поразило, что британский геолог окончил королевскую военную школу. Ну что же, это еще одно доказательство его, Николая, государственной мудрости, проявившейся в соединении военного и горного обучения. В юности он четыре месяца провел в Англии, где больше всего интересовался приемами, военными парадами, посещал казармы, так что в Марлоу, конечно, бывал. Став императором, издавал приказы о форме отдельных полков, о рисунке пуговиц для мундиров, указы о введении мундиров для дворян, о запрещении ношения чиновниками серых шляп.

Позже, когда Родерик беседовал с графом Строгановым, император еще раз подошел к нему, выспрашивал, где тот был да что видел: «Как истинно великий путешественник, вы заглянули в те уголки моей страны, где даже я никогда не бывал». Он с интересом слушал рассказ Родерика о слоях земли, которые геологи пытались нащупать в России между карбоном и триасом.

Его-то больше интересовал уголь. Родерик объяснил, почему уголь нельзя найти там, где хотелось бы императору; при этом применял в разговоре «силурийские резоны против угля в древних породах». Император внимательно слушал, все более огорчаясь, так что пришлось утешить его рассказом о возможном расширении угольных полей Донецка, где в древности произрастала обильная растительность.

И тут император вспомнил о лесах:

– Как мы их расточаем! Бог знает, что может произойти в империи уже при правлении моего сына! Ведь крестьяне так безжалостно вырубают леса!

Вот тут Родерик не выдержал:

– Крестьяне вашей короны умны и честны. В деревнях нет полиции, а мы ночевали в домах, двери которых не запирались, без боязни быть ограбленными.

– Ну, мы не такие дикари, чтобы позволять такие вещи.

Когда Николай узнал о том, что Родерик участвовал в войне с Корсиканцем, он пришел в полный восторг и заметил, что армия – лучшая школа для любой профессии, и пригласил отставного капитана на Марсово поле утром к шести часам. Но самое главное, он твердо заверил, что все желания Родерика Мэрчисона будут немедленно удовлетворяться в полной мере. О чем было и мечтать! Но так было жалко тратить время на эти парады.

Рано утром Родерик отправился на Марсово поле. Его Величество в сопровождении графа Бенкендорфа уже наблюдал упражнения кавалерийских полков.

– Видите ли, – сказал император, – другие не знают, а вы сможете оценить, как мы готовимся, как мы не боимся грязи. Позже у вас будет возможность увидеть кавалерию во всем ее блеске.



Как и на балу, Родерик – в центре внимания. Император спросил:

– Что вы будете делать сегодня?

– Я намереваюсь провести четыре часа в Горном корпусе, потом будет двухчасовая беседа с профессором Эйхвальдом.

Родерик осторожно дал понять, что счет времени у него идет на часы.

– Вы утомите себя перед путешествием. Вы должны иметь хорошие, крепкие ноги, – и с этими словами он ущипнул Родерика за бедро. – Я недаром спросил вас о ваших планах на сегодня. В кадетском корпусе вы сможете увидеть трех моих сыновей. Повторю: ваши успехи в геологии достигнуты только благодаря военному образованию.

Генерал Чевкин и шеф горного департамента министр финансов Канкрин готовы были и без высочайшего повеления помогать экспедиции. Начальникам Уральских горных округов предписано: «Оказывать господину Мэрчисону и ученым спутникам его всевозможное содействие к удобнейшему изучению хребта Уральского». Чевкин не преминул напомнить: «Минералогические собрания прошу велеть дополнить окаменелостями». К приезду Мэрчисона готовились карты, зачищались обнажения. Хотя, сказать по совести, российские геологи в это время уже имели прекрасные коллекции ископаемых, минералов и руд и хорошо знали свои районы.

Прежде всего экспедиции надо было сделать серию пересечений территории империи с выходом на Урал. Время от времени предусматривалось разделение на две партии со встречей в условленных местах. Говоря языком современным, это была двухотрядная геолого-съёмочная партия.

Время! Время! Время! Сжатые сроки, время, сжатое в пружину. Инспекции, изучение всевозможных коллекций, просмотр штабелей ящиков с образцами, исписанных, изрисованных полевых книжек. Было препятствие, впрочем заранее известное. Канкрин напомнил о желании императора увидеть Родерика в Москве, среди «настоящих русских». После переезда из Петербурга в Москву две недели работали в Подмосковном каменноугольном бассейне –

Тула, Калуга, Серпухов, Коломна. Потом Родерику пришлось бросить все дела и в клубах черноземной пыли галопом мчаться в Москву.

Пыльная телега («tilega») поспела в Москву вовремя, как раз к десяти утра, к выходу наследника к своему народу. «Нас провели через толпу русских офицеров во дворец. Император в красивой казачьей форме заметил меня и кивнул как своему. Направляясь к церкви, он пересек площадь, заполненную народом. Под звон колоколов он прошел через расступившуюся толпу. Люди старались коснуться его одежды, а он мягко махал рукой вверх и вниз». В Кремлевском дворце составила компания: принцесса Матильда де Монфор, племянница Наполеона (дочь его брата Жерома Бонапарта), ее жених Анатолий Никитич Демидов, шотландец Мэрчисон и француз де Вернейль. Демидов большей частью жил в Италии. Купив княжество Сан-Дonato, он стал называться князем Сан-Дonato. Впоследствии он приобрел резиденцию Наполеона на острове Эльба и устроил там его музей.

Наконец прибыл кортеж. Бенкендорф сказал Родерику, что глаза императора везде и всюду: «Он заметил вас, мистер Мэрчисон, и приглашает на прием в город Рыбинск, куда он прибудет впервые». Может быть, этим визитом город обязан был как раз Родерику: император показал, что не только геологи могут забираться в такое захолустье.

В этом самом Рыбинске местные жители подняли такой шум под окнами высочайшей резиденции, что ночью охрана попросила их дать императору выспаться. И что же? Ни один человек не ушел. Монархолобивые рыбинцы терпеливо ждали утра. Маркиз де Кюстин писал в своей книге: «В конце концов, что представляет собой эта толпа, именуемая народом и столь восхваляемая в Европе за свою фамильярную почтительность к монарху? Не обманывайте себя напрасно: это рабы рабов». Император же сказал: «Эти добрые люди еще не так просвещены, чтобы научиться не любить своего императора».

Он радостно сообщил, что конная артиллерия прошла накануне семьдесят миль. Не зря Вальтер Скотт считал, что одна из самых чудесных вещей – вид кавалерийского полка на марше. Родерик заметил, что семьдесят миль – это превосходит знаменитый марш четвертого драгунского полка его



тестя генерала Хьюгонина от Кентербери до Лондона при подавлении бунта лорда Георга Гордона в 1784 году. Император был весьма польщен.

А время-то уходило, драгоценное летнее полевое время. Для ускорения разделились на два отряда. Первый отряд отправился на Казань через Арзамас, Пензу и Симбирск с рядом боковых маршрутов; другой, с Родериком во главе, – в ту же Казань по Волге, через Владимир и Нижний Новгород. Путь отряда Родерика проходил по красноцветным отложениям, которые есть материя новой геологической системы. Тогда он еще не знал точно, пермские это красноцветы или девонские.

Равнинная геология поначалу казалась Родерику малоинтересной. Вальтер Скотт полагал, что шотландские вересковые пустоши порождают ощущение одиночества даже у тех, кто путешествует целыми группами: масштабы пространства несоизмеримы с людьми, пересекающими эти пространства. Что же говорить о России? «Расстояния – наше проклятие», – сказал однажды император де Кюстину. Англичанин Кокрейн лет за двадцать до Мэрчисона за четыре года проехал всю Россию от западной границы до Камчатки. Караван Москва – Пекин ходил туда и обратно за три года.

Эти бесконечные русские красные песчаники и мергели были так монотонны, что Родерик готов был разразиться ругательствами на французском языке, который был единственным способом общения и с компаньонами, и с коренными жителями. Прошло небольшое время, и он стал гоняться за красноцветами, выслеживать их, как некогда хитрых красных лисиц.

Отряды встретились в Казани. И здесь пришлось подзадержаться. Дело в том, что здешний вице-губернатор, веселый толстяк, от всей души, а не только по инструкции высокого начальства решил выполнить все желания путешественников. Он надел парадную форму, белую шляпу с тесьмой, нацепил множество орденов и прибыл в гостиницу с твердой решимостью показать гостям все то хорошее, что имелось в Казани.

Напрасно геологи твердили, что их ждут в университете. Что? Он, вице-губернатор, который был моряком в те дни, когда британский и русский флоты вместе воевали с Корсиканцем, он должен лично заботиться о гостях! Он может даже изъясняться на ломаном английском: «Прошу вас, сэр», «Сильный ветер с зюйда, не правда ли, сэр?»... Он сам покажет гостям и университетские коллекции, и все что угодно.

Для Родерика все эти приемы и застолья были лишь крайне нежелательной задержкой работы. Де Вернейль сделал ход конем. Пусть Родерик под присмотром вице-губернатора осматривает коллекции уральских пород, посещает обеды. Тем временем остальные уходят в кольцевой маршрут.

Когда все снова съехались в Казани, вице-губернатор устроил прощальный обед на сорок пять персон. Он был совершенно очарователен, этот старый морячок, с его любовью к Англии – у него остался даже британский бушлат с деревянными пуговицами. Он распевал «Салли Кокс» и «Мэри Дикинсон». Родерика чуть слеза не прошибла.

Путь лежал через Чистополь на Каме, Малмыж на Вятке и дальше по тракту на Оханск и Пермь. По пути следования экспедиции Чевкину шли донесения, вроде того, что направил Фелькнер, горный начальник пермских заводов: «Господин Мэрчисон прибыл в город Пермь второго числа июня пополудни. В тот же самый день я имел удовольствие доставить ему геогностическую карту Пермского округа и рисунки обнажений, которые он может увидеть в здешнем округе. В следующее утро г. Мэрчисон и его спутники отправились в Юговский завод. Там до обеда они успели осмотреть геогностическую и горную коллекции гор и пород».

Родерик увидел настоящую карстовую страну и вспомнил Капри, Голубой грот. Вот ведь в чем дело: сначала грот был обычной карстовой пещерой, а море было где-то ниже, а потом оно поднялось, прибой вскрыл пещеру и волны расширили ее.

Затем был бросок на север, на Усолье и Соликамск.



Три дороги

Итак, экспедиция Мэрчисона прибыла в Соликамск. Маршруты геологов пролегли и по правобережью Камы – Усьолье, Пыскор.

Вечером – костер, облака. В вечеряющем небе оттенки благородного опала, переходящего в халцедон. «Звездное небо, как пламя горящего спирта, озаряло голубым движущимся отсветом черную землю». Так через много лет Борис Пастернак увидит небо над пермской землей – небо в алмазах.

Лермонтов, храбрый офицер, не хотел ехать на Кавказ. Куда угодно – в Персию, в Хиву с Перовским, только не на Кавказ! Ему приказали ехать в Ставрополь, на линию, но он оказался в Пятигорске.

Чуть ли не в тот же самый день, когда геологи добрались до Соликамска, Михаил Лермонтов написал стихотворение «Выхожу один я на дорогу». Оно в сафьяновом альбоме – это подарок Одоевского.

*В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сиянье голубом...*

Михаил Лермонтов, будто с высокой орбиты, увидел голубую планету, третью по счету от звезды класса G-2, удаляющейся по краю Галактики в направлении созвездия Геркулеса, – такую маленькую и беззащитную!

...В марте 1965 года довелось мне попасть в сейсмопартию к геофизику Володе Родионовскому. Камералка была на краю болота, незамерзшего, хотя морозы стояли в ту пору совсем не весенние. «Зима в этом году неактивная, не балует морозами». Как раз после этого заявления морозы и хряпнули.

Владимир Родионовский рассматривает сейсмограммы. Изгибы слоев отчетливо проступают вплоть до кристаллического фундамента – основания Русской платформы. Но на карте разрывы – на месте незамерзшего болота.

Поэтому топографы в броднях идут с шестами по тонкому льду, выжимая на лед черную болотную воду, вперед и назад, намораживая дорогу для техники, сначала легкой,

а потом и тяжелой. Родионовский ждет Ивана Афанасьевича, который со своими топиками ушел, чтобы проложить дорогу через болото.

Топографы входят в камералку, снимают робы – они, замороженные, колом стоят в углу. На столе стопки с водкой, куски хлеба с пластами сала.

– Оно будто дышит.

«Оно» – так звали они болото, подпирающее верховья Камы.

– *Выхожу один я на дорогу.*

– *За твою дорогу, Афанасьич.*

– *А что я? Зима дороги строит. Мустафа дорогу строил, а Жиган по ней ходил.*

Родионовский расстелил карту, смотрел работу на завтра.

– Скажи трактористам, Владимир Иваныч, пусть воду греют. Дорога есть, – сказал Иван Афанасьич, грея руки о кружку с чаем. – А сапоги у нас хорошие, мы в них как десантники. То что надо – голенище кирзовое, а низ резиновый.

– *Чай хороший, со слонем!*

– *Лимон свежий,*

Сахар белый

Сам колол я для тебя.

Пей внакладку,

Будет сладко.

Кушай, милая моя!

Афанасьич сидел на скамейке, вытянув ноги в ватных брюках, шевеля шишковатыми пальцами.

– *Надень валенки!*

– *Да ладно, разумшись лучше.*

И не показалось странным, что он ответил словами толстовского штабс-капитана Тушина.

У него язык не повернулся бы самого себя назвать патриотом, потому что, по мысли Льва Николаевича, в этом слове – «скрытая теплота». Именно так – «теплота», и обязательно «скрытая». Так истинно верующие люди крестик носят не на показ. Косоворотка – она для чего нужна? Если ворот вдруг распахнется, крест от чужого взора убережет.



Перед сном Афанасьич читал инструкцию по использованию Полярной звезды и других навигационных звезд для ориентации сейсмических профилей в нестандартных условиях.

Где он сейчас, Иван Афанасьич? И фамилию-то его я не запомнил. Найти ее можно только разве что в старых полых книжках – пикетажах геодезистов.

«В открытом космосе можно жить и можно работать» – это полный текст доклада Алексея Леонова правительственной комиссии.

Голубой мундир, голубая рубашка. Лицо Алексея Леонова топографично, оно похоже на дешифрованный космический снимок. Морщины – изогипсы рельефа местности. А глаза – мальчишеские, голубые, как озеро, в котором отражено облако.

Он из породы мушкетеров. И Юрий Гагарин тоже. Перед стартом он произнес вполне стандартную речь, но в ней была такая фраза: «Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...»

Юрий Гагарин шел к ракете и вдруг обернулся: «Один за всех и все за одного!» Он был д'Артаньяном – с солнцем в крови.

Королёву, может быть, понравилась гагаринская улыбка, а может, Генеральный конструктор заметил, что Гагарин снял ботинки, прежде чем сесть в кресло макета корабля. Проницательный Леонов сказал: «Юра, поздравляю. Помоему, выбор пал на тебя».

Гагарин первым увидел всю Землю – черную, с синей бахромой: «Вижу Землю! Она голубая! Красота-то какая!» Многие заметили: суровый Королёв подобрел после полета этого маленького лейтенанта, произведенного сразу в майоры. А он так хотел стать капитаном!

В руках у Леонова профессии космонавта, художника. Еще он строитель, архитектор, ученый, каменщик, политик, столяр, спортсмен, садовод. Он обаятелен. «Соколики» – это его словцо.

18 марта 1965 года, в 11 часов 20 минут по московскому времени, на втором витке полета космического корабля «Восход-2» человек впервые в истории вышел в космическое пространство и находился в свободном плавании!

Первые шаги на планете Земля после К-пространства будут сделаны именно в пермской тайге, в пермской глуши.

Леонов выходил в космос из шлюзовой камеры, и дрожь корабля передалась его телу. Он был один на один с космосом в белом своем скафандре. Тишина. Леонов поднял голову – Балтийское море. Небо черное. Звезды яркие. Земля голубая. Леонов мог бы сказать о себе, как Экзюпери: «Он летел, и казалось, что все звезды принадлежат ему». Но он вот чему удивился по-детски: «А Земля-то круглая!» И еще – пушкинскими словами: «Кавказ! Кавказ вижу под собой!»

Он видел Землю со стороны. Под ним Чёрное море, и вода обесцвечена солнцем, впаянным в черное бархатное небо с твердыми золотыми звездами. Любимый его Ван Гог мог бы оценить это зрелище!

Он оторвался от кромки шлюза, его сразу закрутило, и корабль исчез. Фал свернулся в бухту, его зажало.

– Леша, как ты себя чувствуешь?

– Спокойно, Леша. Подходи к шлюзу... Молодец... Главное, спокойствие...

– Так, Леша, отдохни. Ничего не говори...

А потом произошло вот что: скафандр деформировался и Леонов не смог войти в шлюзовую камеру, как это полагалось, ногами вперед, чтобы можно было закрыть за собой люк. Скафандр раздуло.

Леонов пошел вперед головой...

И до сих пор никто понять не может, как же он развернулся в шлюзе! Сбросил давление наполовину, чтобы азот не закипел в крови. Пот выедаёт глаза, пульс сто девяносто, температура тридцать восемь. Но люк надо закрыть!

Посадка «Алмазов» тоже была нештатной. Отстрелили шлюзовую камеру, и корабль завращался. Автоматическая система ориентации не сработала. Впервые садились на ручном управлении – будто выскочили на ухабистую дорогу. Потом было то, что сам Алексей Леонов назвал



минутой слабости. Чтобы сесть вручную, надо видеть Землю. Нацелились в район между Обью и Енисеем – во глубину России.

Виток над Казахстаном. Виток над Китаем. Перегрузка десять единиц – давит прилично. Включили тормозной двигатель. Перегрузка упала, рывок, тормозной парашют – пылинки медленно осаждаются. Потом открылся основной парашют.

Врезались в тайгу, и оранжевые парашюты зависли на соснах. Космонавты долго раскачивали корабль, чтобы открыть люк. Вышли на обрез люка, прыгнули и провалились в полуметровый снег. Они думали, что сели рядом с Красноярском. Беляев сказал: «Лёшка, навигатор, куда завел?» По секстанту замеры координаты: 59°34'03" северной широты, 55°28'00" восточной долготы. Пермская область, Усольский район.

Тогда они не знали, конечно, что сто двадцать лет назад рядом с местом их приземления прошел маршрут великой команды Мэрчисона, который сделал одно из крупнейших открытий в истории человечества, который ввел во все словари мира это лесное слово – Пермь.

Включили «Комар» – радиомаяк для вертолетов поисковой группы. Обратной связи не было. Но теперь они знали, что земля, где они оказались, зовется пермской.

Беляев разжег костер. Разогревали тубик с кофе, но он – фррр! – стартовал в хмурое уральское небо. Леонов забрался на корабль, подтянул парашют, нарезал куски перкаля.

Тишина. Леонов работал ключом по Морзе. Связи нет. Леонов: «Паша, не волнуйся. Может, приедут... месяца через три... на собаках». Ночью мороз градусов двадцать пять. Завернувшись в перкаль, сидели у костра спина к спине. У них был аварийный запас – рыболовные крючки, средства для отпугивания акул. Вот теплой одежды не было.

Москва. Центр управления полетом. Связь с кораблем потеряна. Проходит пять, шесть, семь часов. Экипаж погиб? Королёв заплакал, когда сообщили, что ребята живы. Полет «Алмазов» был настолько драматичен, что с тех пор позывные с названиями камней космонавты не берут.

Их засекали Петропавловск-Камчатский, Алма-Ата и Дортмунд. Ан-12 появился, вертолет. Термос сбросили – разбился. Время от времени кружил над тайгой Ил-14 – волков отпугивал.

Вася Наседкин, лесоруб, пробился к космонавтам на широких охотничьих лыжах. Принес им нехитрую еду, все, что было дома: хлеб, сало в тряпице.

Потом в мелколесье сел вертолет.

Они навсегда остались мальчишками: Магеллан, Мэрчисон, Гагарин, Леонов, Армстронг. Вперед и без пощады! Такими же были конструкторы Королёв, Челомей, Глушко, Мишин. Дрались в прямом смысле этого слова на самом высшем уровне – сам Никита Сергеевич Хрущёв разнимал Королёва и Глушко.

Королёв: «Нет, ты будешь делать двигатель на кислороде, змея подколотная!»

Когда Леонов головой вперед пошел в шлюзовую камеру, внизу, на голубой земле, по тонкому льду брели топографы в броднях с шестами, шли, выгоняя на него черную воду, намораживая дорогу для техники, чтобы пробить профиль через незамерзающее болото.

Это были потомки тех, кто сотни лет растил хлеб на этой трудной пермской земле, добывал соль и медь. Это была трудная профессиональная работа – проложить новый путь.

Королёв ворчал – ему чего-то не хватало в рассказах о космосе: «Был бы у меня в отряде Лермонтов – его бы послал». Значит, знал, что Лермонтов видел Землю с верхней точки: *Спит земля в сиянье голубом...*

А в Перми – музыкальная весна, концерт пианиста Льва Оборина. В середине первого отделения вышел ведущий: «Товарищи, только что сообщили: в районе города Перми приземлился... космический корабль!»

Потом Оборин импровизировал в «Прометее» и выводил корабль в верхний регистр!



*Я видел землю в профильном сечении
От корня гор и до корней травы,
Но землю нашу в голубом свечении
Пока смогли увидеть только вы,*

*Отважные разведчики Вселенной.
Вы увидали черный небосвод
И проследить сумели постепенный
К прозрачно-голубому переход.*

*Но разобраться ежели получше,
Кто первым был – не знаем мы пока.
Ведь много лет тому назад поручик
Тенгинского пехотного полка*

*Вел репортаж с космического судна,
В иллюминатор упираясь лбом:
«В небесах торжественно и чудно.
Спит земля в сиянье голубом».*

Спорили, что ждет на Луне – твердый грунт или корабль провалится в пыль. Для ускорения дела Королёв подписал знаменитое указание: «Луна – твердая. Королёв». Луна – твердая, пемза вулканического происхождения.

Алексей Леонов был назначен командиром первого экипажа в советской лунной программе. Леонов – Макаров – лунная пара для корабля Л-1. Сначала хотели направить на Луну одного человека. Но мудрый Келдыш сказал: если человек будет на Луне один, ему прямая дорога в психушку.

На Луне надо было пробыть несколько часов. Отрабатывали шаг козленочка, прыжки в позе обезьяны.

Мишин делал ракету Н-1 на лунном полигоне под Ташкентом. Она не ушла в космос. Мишин сказал: «Чего приуныли? Ведь она все-таки взлетела». Но не хотела лететь эта ракета. На четвертом пуске не хватило каких-то семи секунд.

Мишина отправили в отставку, на его место заступил Глушко. Он-то и закрыл лунную программу Королёва, Мишину запретил появляться на космодроме. Готовые ракеты Н-1 распилили. Но в завещании Глушко просил кремировать его и отправить пепел на Луну.

Как хотелось хоть в чем-то, хоть ненамного, но опередить американцев! «Луна-15» перед самым стартом должна была доставить на Землю лунный грунт.

17 июля 1969 года на Луну отправился «Аполлон». Армстронг (так звали первого человека на Луне в романе Уэллса: Армстронг – «сильная рука») поболтал ногой, прежде чем ступить на лунную поверхность – не провалиться бы. Так купальщик пробует ногой воду. Армстронг произнес фразу (сейчас сказали бы «стенд-ап»), одну из ста восьмидесяти девяти отобранных для этого момента по конкурсу: «Это маленький шаг одного человека, но большой шаг всего человечества».

Через четыре дня после старта «Аполлона» наша «Луна-15» разбилась об эту самую Луну. Но «Луна-16» все-таки привезла лунный грунт. Луноходы все-таки прокатились по Луне.

Леонов: «Мы по глупости не реализовали лунную программу. Ведь пять зондов прилунились».

Но вторыми верхи быть не хотели: «Вы, космонавты, готовы лететь хоть на метле!»

Вообще-то Леонову везло. Он был командиром первого экипажа на «Союзе-11», но Кубасов заболел, полетели дублиеры и погибли при возвращении на Землю. Отменили и полет на «Союзе-12». Леонов должен был лететь на станцию «Салют-2», но станция была утеряна из-за аварии ракеты-носителя.

Пусть через десять лет, но Леонов снова в космосе, вместе с Кубасовым на «Союзе-19», в совместном полете с американцами по программе «Союз» – «Аполлон». Была тогда в «холодной войне» маленькая пауза – детант, разрядка. О такой работе, совместной с русскими, мечтал когда-то Мэрчисон.

Американский экипаж любил слушать Фрэнка Синатру – «Путник в ночи»...

Дорогу от аэропорта в город Пермь называли шоссе Космонавтов. На него выходят улица Леонова и улица Беяева.

На месте приземления космонавтов, в северной точке тропы Мэрчисона, березовские нефтеразведчики пробурили структурно-поисковую скважину № 5455 Чежской площади – неглубокую, восемьсот метров.



Знаменосец 36-го пехотного полка Дик Мэрчисон сто двадцать пять лет назад стоял у места, где будет заложен репер на устье скважины № 5455. Память о его экспедиции осталась на этой земле и в этом сером, опаловом небе.

*Есть скважина – пикет буровиков
На месте приземленья космонавтов,
Как спутник в землю вдоль оси веков,
И гениально неизвестен автор.*

*Над скважиною репер. Камень груб.
Поверхность осязаемо зерниста,
Как чистый звук с похолодевших губ
Играющего общий сбор горниста.*

В рассказе Виктора Астафьева космонавт взлетел над Землей и опустился на Землю, и увидел небо из сибирской тайги как пашню, засеянную звездами, и спасательный вертолет шел на свет затепленной на поляне свечи, и никаких границ не было ни в небе, ни на Земле.

Мы не знаем, что читал Лермонтов в последнюю ночь, но Печорин перед дуэлью с Грушницким взял в руки «Пуритан» Вальтера Скотта: «Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом. Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга? Наконец рассвело. Нервы мои успокоились».

Лермонтов был убит Мартыновым у подножия Машука, в четырех километрах от Пятигорска.

Более четырех часов после дуэли он лежал под проливным дождем, укрытый шинелью. Есть основания думать, что он был жив еще около часа. Врача на месте дуэли не было. Убийца поцеловал Лермонтова, еще живого, и отправился домой. Секундант Мартынова Васильчиков поехал за доктором и экипажем и вернулся через два часа без доктора и без экипажа...

*Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

Продолжение большого путешествия

Где-то неподалеку была Ивака, одна из передовых складок Урала. Иваку Борис Пастернак ввел в великую русскую поэзию:

*Сережек аметистовых
И шишек из сапфира
Нельзя и было выставить,
Из-под земли не вырыв.
Чтоб горы очаровывать
В лиловых мочках яра,
Их вынули из нового
Уральского футляра.*

Так дети радуются подаркам: их-вы-ну-ли-из-но-во-го-у-раль-ско-го-фут-ля-ра...

После Соликамска соединенные силы экспедиции двинулись дальше по Сибирскому тракту на Кунгур, Моргуново, Златоуст, Бисерть – к Екатеринбург с боковым маршрутом на Нижне-Сергинский завод.

Гигантское поле красных цветов закончилось. На Сылве, Шакве, Иргине геологи увидели прекрасные обнажения известняков, состоящих из окаменелых раковин, – это были окаменевшие взрывы жизни, обнаженные на поверхности рифы. Они и сейчас возвышаются на берегах Чусовой.

Отсюда 1 сентября, в первый день нового, 1582 года, вверх по Чусовой и дальше по Серебрянке из Верхнечусовских Городков двинулась дружина Ермака. Дальняя дорога лежала перед ними – за Камень, на Тобол. Через двести шестьдесят лет команда Родерика Мэрчисона пройдет по пути Ермака в обратном направлении. И после этого путешествия все геологи мира узнают этот термин – «пермь» и на всех картах будет начертано это слово.

И Ермак, и Мэрчисон со товарищи, конечно, не знали, что именно здесь, в Верхнечусовских Городках, будет случайно открыта верхушка погруженного рифа пермского времени, пропитанного нефтью – первой нефтью Волго-Уральской



провинции, единственного продуктивного рифа среди сотен рифов, вскрытых бурением.

«Маленьким городом на сибирской границе» называл Пермь Александр Герцен. И вот что он заметил: «Около сибирской границы слово «ссылный» исчезает и заменяется словом «несчастный». В глазах русского народа судебный приговор не пятнает человека. В Пермской области, по дороге в Тобольск, крестьяне выставляют часто квас, молоко и хлеб в маленьком окошке на случай, если «несчастный» будет тайком пробираться из Сибири».

Не раз и не два в полевом дневнике Родерика среди геологических текстов – заметки о партиях кандалников, которых гнали по Сибирскому тракту: «Слава Богу, у нас в Англии есть другая дорога к изгнанию – море».

Наконец экспедиция (экспедиции тогда назывались «летнее экскурсирование») оказалась в Екатеринбурге. Отсюда началось изучение Урала – семь основных пересечений хребта и ряд боковых маршрутов.

Рельеф ощутимо вздымался к Уралу, и, наверное, каторжникам идти было все тяжелее и тяжелее.

У Родерика дух захватывало: он добрался до края Европы, до Перми, до Урала, а там, на востоке, другие дальние земли: Сибирь, Алтай, родина милого Кока, еще дальше Дальний Восток, Тихий океан, Австралия. Но он не был первым британцем, который забирался так далеко в глубину России. За полвека до него капитан русского флота британец Биллингс готовил карту Чукотки.

Мэрчисону мешала нехватка хороших карт: «Был бы я императором России, я бы точно заставил, по крайней мере, тысячу моих ленивых офицеров работать, чтобы сделать хорошие карты, в противном случае они должны были бы изучать физическую географию Восточной Сибири. Исключая генерала Чевкина и еще нескольких, очень немногих, я не встречался с людьми, которые знали бы, как обращаться с картой. Целый час нужно было провести у губернатора, чтобы отметить наш путь по хорошо разбитой дороге. В прошлом году в Нижнем Новгороде чиновники обыскали всю губернаторскую резиденцию в поисках карты, на которую

можно было бы нанести линию нашего маршрута к югу от Москвы. Что же нас продвинуло от центра русской коммерции, от этой ярмарки в Нижнем, от губернаторской резиденции? Карта губернии, составленная Шубертом, которую я так предавал анафеме? Нет! Это была простая трехрублевая карта с названиями больших и маленьких городов. То же самое случилось в Костроме.

Россия должна произвести географов раньше, чем она может позволить себе иметь геологов. Стоимость одного полка кавалерии могла бы решить эту большую национальную проблему, и сам император мог бы руководить этим делом. Я никогда еще не слышал, чтобы русские говорили о каком-нибудь месте как о западе, востоке, севере или юге. Спросите русского о направлении, и он сначала будет нем, потом скажет, что это направо или налево. Только при серьезном перекрестном допросе в присутствии адвоката вы могли бы приблизиться к чему-то, подобному фактам. Но увы! Факты так далеки от фантазий, которыми меня питали. Зато при обсуждениях лидером является погода или выяснение того, находится ли Златоуст к востоку или же к западу от Урала. А что до дорог – русские доверяют их умным крестьянам, отважным лошадям и всегда сопротивляющимся тарантасам («tarantass»).

Родерик любил поворчать. Однако же, с другой стороны, любая его просьба неукоснительно выполнялась: «Капитану Карпинскому поручено было осмотреть до приезда нашего берега́ верхнего течения реки Чусовой. В Екатеринбурге была нам предъявлена полная коллекция образцов, собранных из каждого слоя этим искусным инженером. Это принесло нам тем более удовольствия, что проезд сухим путем по вершинам хребта представляет мало занимательного». Все дороги были открыты экспедиции – выручали пропуска с двойными печатями, грозные императорские бумаги для всех властных лиц; лучшие лошади на всех станциях – в первую очередь для геологов. Доброта, которая исходила от людей в самых медвежьих углах России, наполняла душу Родерика глубоким теплым чувством к России и к русским. Сердечность простых людей помогала превозмочь все тяготы полевой жизни.



В Екатеринбурге начальство дало роскошный обед в честь экспедиции. «Обед закончился тостом в честь моей жены, причем с разбитием бокалов. В ответ я произнес речь, в которой умолял осколки соединиться на серебряной тарелке, чтобы я мог выгравировать на ней русское слово «спасибо» и увезти его в Англию».

Екатеринбург, сердце золотоносного района, стал базой для изучения Урала с севера. На Русской равнине слои лежат почти горизонтально. А на Урале древние слои выведены на поверхность, смяты в складки. Их можно изучить, а потом порядок слоев перенести на равнину, «сшить» Россию с Европой – такая работа выпала Родерику.

Кокшаров на какое-то время отвлек Мэрчисона от изучения стратиграфии и погрузил его в дебри поисков алмазов и золота.

Удивительная история открытия уральских алмазов началась еще в 1829 году, во время путешествия по России Гумбольдта («Гумплот» – звал его один уральский казак). На приеме в Петербурге он почему-то пообещал государю «не покидать русской почвы до тех пор, пока в ней не будут найдены алмазы». Неутомимый Гумбольдт был в Нижнем, Казани, Перми, Екатеринбурге, поездил по старым уральским заводам, в Миассе отметил шестидесятилетие и подарена ему была дамасская сабля. Он и на Берёзовском прииске побывал, у Кокшарова-старшего, и на Бисерском заводе, где вместе с его хозяином графом Полье осмотрел золотые россыпи. И одна из них, Крестовоздвиженская, показалась Гумбольдту схожей по геологической позиции с известной ему местностью в Бразилии, где были найдены алмазы. Он поделился этой мыслью с графом Полье, попрощался и уехал.

В том же году первый уральский алмаз был найден четырнадцатилетним Павликом Поповым в поселке Медведка на реке Усьве. За это ему была пожалована вольная. Через два дня на соседнем прииске другой мальчишка, Ваня Иванов, тоже нашел алмаз. Вскоре был найден третий, четвертый!

Граф Полье немедленно послал Гумбольдту письмо и при нем второй и третий по счету алмазики. Куда же подевался

первый уральский алмаз, неизвестно. Гумбольдт передал один камешек российскому министру Канкрину, а другой – лично императрице Александре Фёдоровне во время пребывания ее в Берлине. Николай I на радостях подарил Гумбольдту шубу соболью и роскошную вазу с пьедесталом высотой в семь футов.

Кокшаров повез Мэрчисона на Бисерский прииск. Ходили, смотрели, говорили об открытии алмазов. Жители по-малкивали, отнекивались, хмурились. Золотая россыпь, где их находили, была заброшена. Мэрчисон сомневался в давних романтических находках – вот уже сколько лет даже самых мелких алмазов на Урале не находили.

Уральское золото – совсем другое дело. Геродот считал, что золото попадает к скифам с Урала. Но нашли-то его на Урале совсем недавно! Петр I «горную свободу» объявил, но российского золота так и не увидел. Лишь в 1745 году в Берёзовке нашли его в руде, трудноизвлекаемое, едва ли не дороже покупного. Но настоящее богатое, россыпное золото было открыто только в 1814 году у места впадения маленькой речушки Берёзовки в Пышму, где похштейгер Брусницын, промывая отвалы, нашел две крупиночки необычного золота – не рваного, расплющенного при дроблении руды, а естественно-россыпного, яркого, речного, пескового, какое быть могло, по тогдашней науке, «токмо в теплых землях».

На Урале началась золотая лихорадка, создали чрезвычайную комиссию, развернувшую поиски золота – и успешные! – по всему хребту. Урал оказался золотой целиной. Изредка находили следы когда-то кем-то проводившихся работ, промытые пески – «сплески», что позволило специалисту по уральскому золоту Локерману предположить, что Геродот был все-таки прав, когда писал о скифском золоте.

Сам Александр I пожаловал на Урал в сентябре 1824 года (это была его последняя перед Таганрогом поездка). У императора хороший юмор: «У вас настоящие руины, хоть и содержатся в примерном порядке» – о заведениях общественного призрения. Семилетний Николенька Кокшаров видел государя в Берёзовке – красивого, в серой военной шинели и фуражке. В руднике вместо стремянок



соорудили роскошную лестницу. Инструменты, которыми изволил работать император, хранились в рамочках в заводской конторе.

Мэрчисон самым внимательным образом изучил уральскую методу, особо отметил сведения, доставленные капитаном Разгильдяевым. Уральская лихорадка сменилась калифорнийской. Вскоре начался австралийский бум. Одну из золотоносных речек на западе Австралии называли в честь Мэрчисона.

Из Екатеринбурга партия проехала на север по маршруту Невьянский завод – Нижний Тагил – гора Высокая – Кушвинский завод – гора Благодать, месторождение титаномагнетита. Второе пересечение хребта – на запад до Серебрянского завода.

Спуск по уральским рекам затруднен из-за множества мельничных запруд. Между Екатеринбургом и Каменском их было не меньше двух сотен, и каждый раз надо было выходить из лодки и протаскивать ее. Власти («starosta») оказывали всяческое содействие и помогали путникам преодолеть все препоны. Родерик записывал в дневнике: «Stupail! Poskarea! Posholl!» – и так до следующего препятствия. Все, кто спускался по этой сибирской реке, могли убедиться в доброте и трудолюбии людей, которые живут на ее берегах, где видны большие белые церкви, красивые и чистые дома».

Родерик вглядывался в лица русских. Как понять этих людей? Взять хотя бы фантастический сплав по пересохшей Серебрянке до Чусовой. Для иностранных гостей управитель завода подполковник Москвин решил открыть плотины верхних запасных прудов, изготовить лодки, несколько мелких и одну большую. «Спуск по Серебрянке в пятьдесят миль, – писал Родерик, – был одним из самых памятных в моей жизни. В прекрасный солнечный день река стала судоходной! Воды в реке было недостаточно, чтобы утонула мышь, и однако случилось чудо: речное ложе наполнилось и мы под аплодисменты погрузились в шестивесельную лодку.

На этой флотилии спустились мы не без затруднения через пустынное ущелье. Для движения большой лодки,

нагруженной провизией и нашими вещами, количество воды оказалось недостаточным, даже в маленьких челнах нелегко было избежать переборов или подводных камней.

После плавания в продолжение нескольких часов одна из лодок опрокинулась, и геологи испытали неприятность неожиданного и невольного купания в быстром потоке. Большую лодку нередко переталкивали через стремнины наши отважные и веселые гребцы. Мы с де Вернейлем плыли в каноэ. Когда мчались через какие-то столбы, лодка опрокинулась. Я спас мою полевую книжку (смотри пятна), но мой плащ, сумка, трубка утонули. Мы выкарабкались на берег, и нашу лодку вытащили. Местные жители, которые ловили рыбу, развели огонь, чтобы мы могли просушиться. Волкодав лежал рядом с нами. Мы осмотрели обнажения известняков, содержащих девонские окаменелости, и глинистых сланцев.

Поплыли дальше. Великолепные антиклинали и синклинали – выгибы слоев кверху и книзу на каменистых берегах. Наши лишения вполне были вознаграждены сделанными нами в течение целого дня наблюдениями между Серебрянским заводом и Чусовою над строением долины, по которой извивается река Серебрянка в диком ущелье на расстоянии около семидесяти верст. На мели лодка закружилась в вальсе, дно ее было пробито, и мы прибились к берегу. Потом была прекрасная вечерняя сцена. Верстах в трех от устья реки были мы принуждены оставить лодку и ночью прошли по сырым джунглям русского леса много миль – никакого жилья не было ближе.

Не ранее двух часов пополуночи мы, голодные, насквозь промокшие, достигли наконец теплых и сухих крестьянских изб деревни Усть-Серебрянки, вытащенные, перемещенные, выжатые, базлающие («pulling, hauling, shoving, shouting»). Вскоре мы сидели с хозяевами в теплой комнате со спящими вокруг детьми.

Я проснулся от яркого солнца. Наши обувь и одежда были высушены на частоколе. После чаепития мы отправились на большую реку Чусовую, в которую как раз впадала Серебрянка. Теперь у нас не было никаких трудностей в сплаве».



Путникам не пришлось доставать бумаги с двойными печатями – их просто согрели, накормили и напоили, как это принято на Урале или в нагорьях Шотландии.

Вот оно, счастье: лодка перевернулась, плащ, трубка, сумка утонули, но драгоценнейшую полевую книжку удалось спасти! Ведь недаром они пишутся твердым карандашом на плотной бумаге и хранятся на груди!

Ночевали они в деревенской избе с ее «живыми сувенирами». Была нехитрая крестьянская еда – щи да каша вместо ростбифа и пудинга, русские напитки – квас, брага и еще что покрепче от простуды. После баньки – долгие разговоры обо всем на свете.

Мэрчисон прожил в России много месяцев, да не в столице, а во глубине этой таинственной страны. Тяготы русских дорог он переносил с британской невозмутимостью. Он вместе со всеми сидел у костра, слушал русские песни.

Наблюдательный маркиз де Кюстин заметил: «Печальные тона русской песни поражают всех иностранцев. Но она не только уныла – она вместе с тем и мелодична, и сложна в высшей степени». И дальше продолжил: «На месте императора я запретил бы подданным не только жаловаться, но и петь. При деспотическом режиме даже искусство теряет свой безобидный характер и становится скрытым протестом».

Родерик увидел то, чего так и не узнал или не захотел узнать маркиз де Кюстин. «Для такого народа не существует реальных затруднений. Проваливался ли мост – через некоторое время как бы по волшебству возникал на его месте новый. Натыкались ли путешественники на почти безводную речку – она на их глазах, как бы сверхъестественной силой, делалась судоходной, и они могли спускаться по ней на лодках. Там, где не было возможности плыть, крепкие молодцы, оживляя тяжкий труд громкими песнями, переносили лодки на плечах чрез мели и пороги. В грязь и сушь, в зной и стужу – никогда не было слышно ропота на их устах и «можно» было единственным ответом этих необыкновенных людей».

Родерику особенно понравились русские слова «быстрее», «пошел» и более всего именно это слово – «можно»,

которое он назвал волшебным. У де Кюстина другое мнение: «Бывают минуты, когда, не обращая внимания на мои протесты и упорное повторение русского «тише», ямщики пускают лошадей во весь опор. Тогда, убедившись в тщетности попыток их урезонить, я умолкаю и закрываю глаза, чтобы избежать головокружения. Впрочем, до сих пор мне не попалось еще ни одного неумелого возницы, а многие отличались поразительной ловкостью и искусством». Мэрчисону быстрая езда сама по себе радость, но главное – надо спешить: световое время дорого, сезон кончается.

Итак, по реке Серебрянке путешественники добрались до Чусовой и далее по ней до устья реки Койвы. От Усть-Койвы на телегах и верхом – на Бисерский завод, гору Качканар.

«Место между Крестовоздвиженскими золотыми промыслами и водоразделом Урала не включает ничего привлекательного. Густая зелень скрадывает боковые виды, – записал в дневнике Родерик, – путешественнику представляются только под ногами его коня тундристые и болотные прозябания – нет ни прогалин, ни просек; в мрачных и грозных лесах лошадь переступает бояливо между полустгнившими пнями, древними стволами, погружаясь нередко по стремяна в вязкую тину».

Маршрут из Крестовоздвиженского завода (Родерику все-таки удалось выговорить это название) поперек Урала в долину реки Ик проходил по старым лежневкам.

«В 3 часа утра 2 июля я всех разбудил, и в 4 часа 15 минут мы выступили в поход. Президент Геологического общества не нуждается в описании. Вице-президент Геологического общества Франции де Вернейль в длинном голубом испанском плаще, широкополой московской шляпе, на серой лошади своей красочностью выделялся в группе. Герр Граубе, мастер монетного двора, который вел нас на звероподобном белом монстре, выделялся высокими ботинками в больших меховых галошах и маленьким немецким кепи. Фон Кейзерлинг в сером кепи и жакете восседал на великолепном гнедом скакуне. Кавалькаду замыкали наши русские офицеры Карпинский и Кокшаров.



Через несколько минут мы вступили в бесконечный уральский лес. Болотистая дорога превосходила все, что могло возникнуть в моем воображении. Колея, состоявшая из сгнивших досок и круглых деревьев, казалась безнадежной, но не для проворных русских коней. Если разрушенная доска уходила вниз, лошадка не спеша тянула ногу, в то время как другая нога боролась со скользкой доской, при помощи эквилибристики получая опору. Добавьте к этому деревья, включая гордые сосны, лежащие поперек дороги, необъятные ветвистые корни, осоку и высокую, до самого живота лошади, траву – и вы получите представление об уральской дороге».

Наконец путники вышли из зоны лесов и поднялись на вершину Урала. Качканар – это снежные вершины, скалы, нависшие над мрачными, сырыми лесами, в долинах – море сосен. Качканар – это настоящий Урал. На этой дикой горе жили ястребы. Утром Родерик проснулся от их криков.

Вся Земля лежала перед ним. Опаловые тучи шли на восток, и Родерику показалось, что он летит над Землей.

Он посмотрел на уходящую к востоку тайгу (есть такое хмурое русское слово «тайга»): какая необъятная страна, сколько же еще на Земле работы для геологов! Берм, Биармия. «Берм» по-английски – берег, береговой уступ. «Пера маа», «Биармия» – дальняя земля. Так звали викинги древнюю северную страну, жители которой торговали мехами. Ветер сорвал с Мэрчисона шляпу и унес в сторону Тихого океана. За океаном была Австралия. Тоже дальняя страна.

Дальше – Нижнетурьинский завод. Еще раз пересекли Урал и вышли к Верхотурью, оттуда на север, к Богословскому заводу. Боковые маршруты – по реке Колве, до месторождения россыпного золота Песчанка, и по Турье, притоку Сосьвы, на Турьинские меднорудные месторождения.

Из Екатеринбурга еще раз пересекли Урал, спустились по Исети на юго-восток до села Колчедановского, где смятые в складки породы и граниты сменились горизонтально залегающими породами Западной Сибири.

После этого маршрута опять разделилась на отряды. Кейзерлинг отправился к Нижне-Сергинскому заводу и спустился по Уфе. Мэрчисон и де Вернейль продолжили исследования на восточном склоне Урала. От реки Исети через

Красноглазово, Багаряцк и Каслинский завод они достигли центральной части хребта у Кыштымского завода и далее до-ехали до Златоуста.

Все вместе съехались в Златоусте. «Златоустовский завод назвать можно Шеффилдом и Бирмингемом хребта Уральского; здешняя фабрика холодного оружия стоит на высокой ступени совершенства, прекрасно устроена в отношении быта его жителей».

Совместный маршрут из Златоуста вывел на границу Европы и Азии. На вершине от полноты чувств де Вернейль запел услышанный в Петербурге новый российский гимн «Боже, царя храни» – великая музыка князя Львова полетела на два континента. Русские не знали своего гимна и вместе с англичанами пропели «Боже, храни короля», британский официальный гимн, бывший ранее и российским, а также «Правь, Британия, морями» – гимн неофициальный.

Потом снова разделились. Де Вернейль и Кейзерлинг отправились через Саткинский и Симский заводы на Уфу и Оренбург. Мэрчисон и Кокшаров проехали через Миасс и Ильменские горы, осмотрели золотые россыпи в этом районе и в Казачьих дачах, степями – к Троицку, затем вернулись к реке Урал и – на Орск.

Лето кончалось, по вечерам стало быстро темнеть. Работа занимала весь световой день, начинали в шесть утра, а то и в пять. В конце лета работали в темноте по способу, который Родерик заимствовал у Боуби. Этот геолог утверждал, что ночью можно работать так же хорошо, как днем.

– Что вы видите в темноте? – спрашивал Кокшаров Мэрчисона.

– Конечно, почти ничего не видно, но зато все слышно. Есть три звука от удара по камню молотком. Пифф-пафф-пуфф. Пифф – гранит. Пафф – известняк или песчаник. Пуфф – слышно, как звук тонет в глине.

Родерик засмеялся и снял с шеи лорнет с пятикратной лупой и серебряным карандашиком.

– Вам-то какой звук больше нравится?

– Сэр Джон спрашивает Патрика: «Патрик, какие лошади вам больше нравятся?» – «Вы знаете, сэр, когда я еду на



пегой, мне нравятся пегие; когда еду на гнедой, нравятся гнедые; когда еду на вороной, нравятся вороные». – «Патрик, а какие женщины вам нравятся?» – «Вы знаете, сэ...» – «Патрик, можете не продолжать!»

Так пахал на Урале Родерик Мэрчисон. Так работал и Сергей Королёв – летал из Москвы на Байконур по ночам: «Рабочее время надо беречь...» Путники в ночи!

Семь раз пересечен Урал, семь раз смятые в крутые складки уральские породы сменяли пологие, почти горизонтальные слои Западной Сибири. Средний Урал как бы продавлен, стерт временем. Его можно пересечь и почти не заметить. Но это – Урал.

Тексты и рисунки разрезов и обнажений в полевых книжках Родерика частенько окрашены лирическими текстами о «живописной красоте диких ущелий камня Мултык», о «пещерах Ермака, в которых, по местному поверью, этот завоеватель Сибири со спутниками находил убежище».

Есть там запись о том, как спускались по Исети, мимо гранитов, слюдястых сланцев. Вдруг – мельница. Упомянута и фамилия мельника – Палкин («Paulken»). Был стол, вернее, застолье, когда все, что есть в доме, – гостям. Так встречают в России странников. Все остальное, что происходило на берегу Исети в тот летний вечер, мы можем только вообразить. Наверное, Родерику вспоминался старый хайлендер из Гленгэрри, который наклонился к нему через щедрый шотландский стол и сказал: «Я вам так скажу: вы никогда не забудете эту пустыню».

Родерик вслушивался в песни, которые распевали гребцы, – Кокшаров кое-что переводил ему: «Моя любовь живет на берегу быстрой реки. Когда она идет в сад, чтобы сорвать розу, она думает обо мне». Другая была о крестьянах, которые в питейном заведении резко осуждали производителей плохого бренди. Мэрчисон восхищался русскими. Кокшаров рассказал, как отец его послал двух мастеровых пострелять дичи, дал им ружья, пороху и дробь, приказал, чтобы на медведя ходить не смели. Вечером те пришли такие перевязанные и настолько ободренные, что дети заплакали. Матушка мастеровым вина вынесла. «Да как же вы с дробью

на медведя?» – «Не утерпели, батюшка Иван Константинович. А медведя порешили. Прикажете принести?»

Мэрчисон смеялся: русские забавы!

Из Орска отправились в Оренбург, где была назначена встреча отрядов. «Ехали мы вдоль гладкой беспредельной степи к Оренбургу. Палимые сильным зноем, несказанно обрадовались мы, усмотрев показавшиеся вдали городские шпили и колокольни. После пустынных степей усладительно было зрелище покрытых зеленью известняковых холмов. Мы провели несколько приятных, незабвенных дней в густой тени дубовой рощи, в так называемой «кочевке» – летнем месте пребывания господина генерала от кавалерии Перовского, бывшего тогда военным губернатором Оренбурга».

Времени было мало, но Родерик не устоял перед искушением познакомиться со знаменитым генералом. Так появился боковой маршрут, не предусмотренный планом.

Василий Алексеевич Перовский, хлебосольный генерал-губернатор, храбрый солдат, несчастливый герой Хивинской экспедиции, затащил геологов к себе на «кочевку», как он называл свой загородный дом с флигелями для прислуги в лесистой долине на краю степи, в шестидесяти верстах от города. Вечером стража играла вечернюю зóрю. Геологи обследовали окрестности, а вечера проводили в приятном обществе.

В молодости Перовский, высокий кареглазый офицер свиты, весельчак, душа общества, внебрачный сын министра народного просвещения Алексея Кирилловича Разумовского, в хорошем доме на Патриарших прудах познакомился с воспитанной московской барышней Авророй Крамалиной. Это было в мае 1812 года. Они играли на клавикордах, распевали дуэты и вскоре повенчались. И вдруг война! Под Бородино армия Барклая держала Багратионовы флешы, атакованные маршалом Мюратом, итальянским королем. Перовский был адъютантом Милорадовича. Во время короткого перемирия после битвы Перовский был послан на аванпосты. По дороге его захватили люди маршала Даву. Перовский попал в плен. Потом была Польша, Пруссия, госпиталь, Орлеан, Блуа, Тур, побег, поимка, освобождение – русская армия вступила в Па-



риж. Жена Перовского Аврора воевала в партизанском отряде и была расстреляна французами. Перовский так больше и не женился.

Пели «Вечерний звон». Василий Алексеич расчувствовался и презентовал геологам роскошную карту, на основе которой впоследствии была составлена геологическая карта хребта Уральского.

– С детства люблю географические карты, – сказал Василий Алексеич. – Милорадович поручил мне топографическую съемку. Ведь после Бородино все ждали сражения при Воробьевых горах. Однако же было отступление после совета в Филях.

Родерик чувствовал: время уходит, а вокруг так много неизученной земли. Перовский же прельщал геологов изысканной кухней – страсбургскими пирогами, дорогими винами, занимал интересными разговорами. Он резонно считал, что ничто так не облегчает преодоление языкового барьера, как кьянти. В доме Перовского комфорт цивилизации уживался с дикостью. Горящий в ночи костер, лунный свет на пиках башкирской охраны в живописных костюмах.

Перовский совершенно откровенен с гостями:

– Когда провалилась Хивинская экспедиция, весь гнев обратился на меня. Если бы не император, со мной было бы покончено. Но он заявил, что все зависит от мнения герцога Веллингтона, который, кажется, был маршалом русской армии. Он был так знаменит, герцог Веллингтон, что его подозревали в желании устроить военный переворот. Заключение Веллингтона было получено через барона Бруннова: «Я держусь того мнения, что генерал Перовский действовал как искусный генерал. Если бы он не отступил, потеряв четверть войска, он мог бы потерять все. При таком жестоком холоде успех был невозможен». Император не только простил меня, но и дал оренбургское губернаторство. Так что я всем обязан вашему знаменитому герцогу. Я прошу вас, когда вы вернетесь в Англию, при случае передайте ему мою благодарность.

А знаете ли вы, друзья, что лет восемь назад в этом кресле сидел великий Пушкин? Я его к себе на «кочевку» зазвал

с другом его Далем, который у меня в канцелярии служил чиновником для особых поручений. Пушкин в Михайловском зачитывался моими «Письмами из Италии»...

Ред-фокс-хантеру Перовский предложил охоту на птиц или стрельбу в цель. Вино ли тому было причиной или какое-то отвлечение, но Перовский умудрился отстрелить себе сустав пальца: разговаривая, по привычке держал палец на дуле, нажал на курок и отстрелил второй сустав – первый был отстрелен ранее на охоте. Пуля просвистела мимо уха Кокшарова.

– Ну, мой милый Кок, вы сегодня были на вакансии, – сказал ему Мэрчисон.

Нет, из «кочевки» надо уезжать. И чем скорее, тем лучше.

Наутро же отправились в дорогу. Остановились на привал и обнаружили, что в коляске полно жестянок с парижскими консервами и бутылок с шампанским. Это был прощальный дар генерал-губернатора.

Приключения продолжались. Ночью на пути из Илецкой Защиты за путешественниками погнались разбойники, они что-то кричали по-башкирски. Ямщик и форейтор, башкиры, тоже закричали и что есть мочи погнали лошадей, так что песок полетел из-под колес. Мэрчисон не растерялся, схватил опорожненную бутылку из-под шампанского и выставил горлышко из полузакрытого тарантаса в виде пистолета. И ведь помогло: одноколка отстала. «Что это было?» – спрашивал Кокшаров ямщика. «Шалят, батюшка, шалят. Ничего, ничего, бывает».

После визита к Перовскому Родерик не удержался и решил еще раз пересечь Урал, бросить прощальный взгляд на Сибирь, сбить север с югом. Ведь теперь у него была подаренная Перовским замечательная карта Южного Урала, превосходящая все другие.

Уральские казаки и особенно каза́чки в красных одеждах поразили Родерика своей красотой. Эти люди были доверчивы и открыты. Деньги свободно лежали в кухонном шкафу рядом с посудой и хлебом.

Пение на Южном Урале особенное. Кокшаров раздумывал, как перевести с башкирского на английский: «В городе



все дома одинаковы, а в степи каждый шихан свое лицо имеет». У верховых башкир – двойные луки, колчаны на двадцать стрел. Полярную звезду они звали «золотым колом», указывали кнутом на шихан: «Кыз чонбек» («девичьи груди»).

Мэрчисон записал: «Старший знал имя каждого холма, даже самого маленького. Это был высокий, красивый парень дикого вида, в небрежной шапке с лохматым верхом. Башкирские лошади с трудом взбирались на холм, но вниз шли свирепо, и это была реальная опасность для нас».

У этих людей не было симпатии к геологам, как-то распавшим кости мамонта: «Возьмите ваше золото, если хотите, но оставьте нам кости наших предков». Они всерьез верили в то, что это останки их предков-великанов. Ночной пожар, когда травы горели в степи, башкиры посчитали наказанием со стороны «верхних» людей.

Ночуя в палатке, Родерик приучился к башкирской кухне, которую многие вряд ли полагали терпимой. Он даже получал удовольствие от кумыса («koumiss»), приготовленного из кобыльего молока. Об этом напитке Родерик говорил с нежностью. Поздно вечером по возвращении из маршрута геологов ждал обильный ужин с кумысом, неторопливый рассказ хозяина о том, как зимой он выследил трех волков, зарезавших шестьдесят баранов, о том, как много баранов он заплатил за жену и еще больше – за ее выходное платье. «Я выразил ему желание иметь башкирский кафтан, и он предложил мне свой собственный. Стоило большого труда заставить его взять деньги. Этот кафтан я впоследствии надевал на бал-маскарад в Стаффорд-Хаус, когда приветствовал старого герцога Веллингтона».

Никто из друзей не узнал Родерика в этом одеянии, да еще и с настоящим мечом уральской стали, привезенным из Златоуста.

Из Оренбурга после совместных поездок по его окрестностям (Илецкая Защита, река Ик) Кейзерлинг отправился в Киргизскую степь вниз по реке Урал, а Мэрчисон с Вернейлем сделали маршрут по тракту от Оренбурга на Верхнеуральск и отсюда на запад до Стерлитамака. Их дальнейший путь лежал на Белебей и Бугульму, с боковыми маршрутами

по рекам Дёме, Ику, Черемшану и далее по реке Сок к Самару.

Время остановлено в записях Мэрчисона от 8 сентября 1841 года: «Де Вернейль спал в хижине, а сам я – в экипаже. Казацкая почтовая станция похожа не на русскую, а на ирландскую. Стены из плетеного камыша. Пишу в служебной комнате в 10 квадратных футов, высотой 6,5 фута. Большой стол в углу. Дверь 4 фута в высоту, окна 18 на 9 дюймов. На столе лежит почтовая книга. Все стены чисто вымыты, стол хорошо вычищен, пол чисто подметен». Почему снят этот кадр? Родерик знает, что он будет тосковать по России, что он будет вспоминать этот неказистый дом, эту хижину, этот сентябрьский день. «Уезжайте только для того, чтобы вернуться».

Кейзерлинг, прошедший по реке Урал к городу Уральску (куда двигался далее – не совсем ясно, но вышел он по тракту к Астрахани), осмотрел гору Богдо. Дальнейший путь экспедиции Мэрчисона проходил по правому берегу Волги до Сарепты. Здесь переправились через Волгу – и на Дон. На Кавказе шла война.

Позже сын «искусного капитана» Петра Карпинского Александр выделил активную линию от Польши до Мангышлака, названную его именем – линия Карпинского, кряж Карпинского. Молодому Карпинскому было тесно на Русской платформе: «Геологу нужна вся Земля!» К югу от линии Карпинского Мэрчисону ехать нельзя – «горячая точка».

После Урала Мэрчисона особо интересовало строение Донецкого кряжа. Путь проходил по берегу Азовского моря до Таганрога, с боковыми маршрутами по малым рекам. Далее – пересечение Донбасса: Бахмут, Луганск, Лисичанск. Кейзерлинг отделился вновь и прошел по Дону до Воронежа и дальше в Москву. Мэрчисон пошел по Северскому Донцу и вернулся в Москву через Харьков, Белгород, Обоянь, Курск, Орёл. Кокшарову же Мэрчисон поручил вернуться в Оренбург, чтобы кое-что уточнить по обнажениям, и тот блестяще справился с работой.

Мэрчисон удивился своей радости при виде Кремля.

В Москве геологи сбили материалы, подготовили карты, отчет для графа Канкрин.



Оставался последний бросок на северо-запад.

Из записок Родерика: «Проехав двадцать тысяч верст по удаленным районам без потери булавки, между Новгородом и Москвой мы были дважды ограблены. Украдены были постели и вещи, находившиеся в задней части экипажа. Только один зажатый сундук и остался. Я положил рядом двустволку де Вернейля и решил уложить первого вора, который приблизится. Так мы достигли дома миссис Уилсон». Можно представить разочарование воров, вскрывших ящики с образцами уральских пород. Дворнягу, которую Родерик вез в подарок Шарлотте, он назвал Жулик – Жюлик. Дождались прибытия образцов и дали экспресс-информацию в «Горном журнале».

Канкрину отчет понравился. Мэрчисона наградили орденом Святой Анны второй степени с бриллиантами, а де Вернейля – крестом.

Император спросил Мэрчисона: «Так вы видели генерала Перовского? Он мой добрый друг. Я надеюсь, что вам было приятно встретиться с ним. Я его люблю. Он храбрый солдат и чистосердечный человек». Император расспрашивал Мэрчисона о здоровье, о родных, о планах. Тот собирался на следующий год поехать на Алтай, родину Кокшарова. «Приезжайте когда хотите. Я всегда буду рад видеть вас», – и Николай двумя руками, как старому другу, пожал руку Родерику.

«Таков Николай. Пусть те, кто его критикует, всмотрятся в его благородное лицо и после этого скажут мне, что он тиран номер один. Николай выше какого-либо обмана. Иногда он может разгневаться, но его вера в друзей безгранична. Его цель – улучшение всего, к чему он прикоснется. Но увы! Он, считая необходимой автократию и в то же время будучи готов ко всем мыслимым реформам, совершал грубые ошибки».

Осенью 1841 года экспедиция Мэрчисона вернулась в Англию. Последняя отметка в русском дневнике, сделанная в нескольких милях от йоркширского берега: «Семь месяцев и семь дней прошло с того времени, как в один прекрасный мартовский день я оставил свой дом. В свете ноябрьского солнца я приветствовал Старую Англию после пути, равного диаметру Земли. Киргизские, калмыцкие и башкирские

приключения так далеки от английского комфорта, о котором я забыл и о котором я не думал с тех пор, как попрощался с ним».

Кокшаров же в Петербурге получил страшный нагоняй от Чевкина: почему во всей строгости не исполнил данной ему инструкции – ни на шаг не отходить от иностранцев? «В этих случаях, любезный друг мой, надо быть не только ученым, но и дипломатом».

Представление к награждению поручика Кокшарова орденом Станислава четвертой степени за успешную двухлетнюю командировку было отменено. Мэрчисон заметил его подавленность. Перед отъездом на родину участливо спросил:

– Чем я могу быть полезен вам, милый Кок? Что я могу сделать для вас?

– Мне хотелось бы поехать за рубеж для занятий минералогией, да и посмотреть хочется, как люди живут.

Едва Мэрчисон отъехал, как документы о заграничной командировке поручика Кокшарова были готовы.



Милый Кок

Итак, поручик Кокшаров отправился в Берлин, имея годовую стипендию в полторы тысячи рублей. Серую кадетскую шинель он сменил на штатское пальто. Его тепло принял Гумбольдт, поскольку Мэрчисон рассказывал патриарху геологии о своем молодом русском друге. Было о чем поговорить – Гумбольдт имел отношение и к уральским алмазам, и к уральскому золоту.

Потом были долгие волшебные беседы о камнях с добродушнейшим минералогом Густавом Розе – тот побывал в России вместе с Гумбольдтом и многое порассказал о запутанной истории с находками алмазов на Урале. Во Фрейберге Кокшаров спускался в серебряный рудник, даже поработал с минералогической коллекцией, которую по старой памяти звали вернеровской.

Стратиграфией он занимался вместе с давним знакомым Мэрчисона фон Бухом в его квартирке в нижнем этаже с колокольчиком и медной табличкой на двери. Она была завалена образцами с окаменелостями. Хозяин (синие очки, бархатный синий сюртучок, покрытый пылью) явно гордился своими находками. Показывая образцы трилобитов с отломанными головами, мимоходом задел Эйхвальда: «Это *Azafus eichwaldi*, он всегда без головы». И над Мэрчисоном, советником прусского короля, посмеивался – упорно звал его Родериком и даже Диком. Он не мог понять, почему этот великий геолог придает такое значение титулу «сэр». Сам он был совершенно равнодушен к титулам и регалиям. Его брат был гофмаршал прусского короля.

– Господин Бух, вы брат гофмаршала?

– Ничего подобного. Гофмаршал мой брат.

Самой упоительной для Кокшарова была работа со знаменитой минералогической коллекцией в Горной академии Фрейберга, на серебряных рудниках. Это было так же прекрасно, как Дрезденская галерея – он порядком разорился, накупив литографических копий картин.

Бдительный Чевкин предписал Кокшарову отправиться в Париж, чтобы изучать окаменелости под руководством видного палеонтолога д'Орбиньи, которому был исходатайствован высочайший подарок в виде бриллиантового перстня.

Вечера в Париже Кокшаров проводил с де Вернейлем в театре, где в ту пору блистала Рашель в «Марии Стюарт», в «Гранд-опера» слушали несравненного Дюпре в «Гугенотах» Мейербера, в «Вильгельме Телле» Россини, в «Жидовке» Галеви. Кокшаров послал Дюпре неприятные стихи собственного изготовления:

*Я помню время золотое,
Когда, бывало, ты певал.
Мы забывали все земное,
Небесный пламень в нас пылал.*

И тот ответил геологу, который различал халцедон и опал даже в переливах серенького осеннего неба!

Все-таки лучшим даровым спектаклем в Париже были его бульвары и улицы. Как хорошо пройти от улицы Мадлен, где была великолепная квартира де Вернейля, до Дома инвалидов, где скромно проживал Мейендорф, коллега по первой экспедиции, имевший претензию считать себя геологом, поскольку поспешил первым напечатать геологическую карту Европейской России. Как это непорядочно!

Кокшаров все свободное время проводил в изучении минералогических коллекций, все свободные деньги тратил на покупку минералов.

Ла-Манш встретил туманом, тревогой, на корабле звонил колокол, взлетали ракеты. Мэрчисон повез Кока в Ирландию, где было назначено заседание Британской ассоциации – в том самом Корке, где когда-то стоял 36-й полк. Потом было путешествие по стране. При изрядном волнении шли на гребной лодке, и вдоль берега разворачивалась панорама обнажений. И Лестницу гигантов увидел милый Кок.

В Лондоне будущий академик минералогии поселился за три гинеи в неделю в пансионате на Нью-Бонд-стрит, это совсем недалеко от Белгрейв-сквер. Он вовсю предавался столичным развлечениям.



Мэрчисон сокрушался:

– Мой милый Кок, я боюсь, что в Лондоне вы совсем забудете ваши науки. Англичанки хоть кого сведут с ума.

Кокшаров оправдывался:

– Есть русская поговорка «Пей, да дело разумей».

И генерал Чевкин, казалось, все видел из Петербурга, бдитительно следил за воспитанником. Кокшаров получил предписание: «Принимая в соображение, что дальнейшее пребывание в Англии при незнании английского языка не принесет Вам желаемой пользы, предлагаю Вашему благородию, оставив эту страну, переехать прямо в Германию, где сначала осмотреть, согласно данной Вам инструкции, замечательные геологические коллекции в Бонне, Гейдельберге и Фрейберге, а потом, прибыв в Берлин, заняться в тамошнем университете изучением палеонтологии (тут Чевкин, наверное, задумался и махнул рукой – бог с ним!), а также и минералогии».

Что делать? Кокшаров вздохнул, вспоминая последний веселый бал у русского посланника Бруннова. Тогда англичане так развеселились, что выдумали фигуру в котильоне, где кавалер прыгает через баррикаду из стульев.

В Германии Кокшаров откровенно занялся минералогией. Гумбольдт сказал ему:

– Теперь у вас есть возможность изучать вашу любимую науку.

– К сожалению, у меня уже нет времени.

Гумбольдт не поленился написать Канкрину и Чевкину, и командировка была продлена на год. Кокшаров усердно занимался в Берлинском университете, слушал лекции минералога Густава Розе и знаменитого кристаллографа Самуила Вейса, того самого, который открыл семь сингоний – кристаллографических систем, который всю свою жизнь посвятил точнейшим кристаллографическим измерениям.

Лекции перемежались музицированием на небольших вечерах у графини Росси и беседами в минералогическом магазинчике Августа Краница с благодушным хозяином. Так, бывало, в студенческие годы Кокшаров отводил душу в беседах о минералах с горным аптекарем Каммерером. Ну

как было не купить на последние деньги редчайший эпидот из норвежского Арендаля!

Однажды на лекции Вейс подбросил минерал, схватил его на лету и спрятал в кулаке:

– Милостивые государи, кто скажет, что это за камень?

Кокшаров сразу выпалил:

– Это гренокит, родом из Шотландии.

– Верно. А с каким минералом он схож внешне? Подскажу: этот минерал не имеет ничего общего с гренокитом.

– Корунд!

Аудитория была потрясена глазомером и эрудицией русского геолога. Жаль, что генерал Чевкин не видел этого маленького триумфа!

Правда, ко времени возвращения на родину Чевкин уже покинул свой пост в Горном институте: он стал сенатором, генерал-лейтенантом. Кокшаров же был произведен в штабс-капитаны с окладом четыреста рублей в год. Все свободные деньги по-прежнему уходили на минералы.



Пятидесятилетний капитан

Интернациональная команда Родерика Мэрчисона сделала такой прорыв в познании глубин Земли, которому не было аналога в мире. Родерик Мэрчисон, *пространством и временем полный*, вернулся в свой роскошный двухэтажный дом на роскошной улице Белгрейв-сквер, 16. В вестибюле установили вазу из авантюрина – мелкозернистого мерцающего кварца с чешуйками слюды, подарок Николая I.

Шарлотта не расставалась с Жуликом, забавной дворняжкой. «Русская комната» с портретом Жулика была отведена под подарки из России.

Обязательный Родерик благодарил министра финансов Канкрин: «Труд наш был весьма облегчен благоразумными мерами горного начальства. В каждом казенном заводе нам были представлены геологические, минералогические и технические карты, а опытнейшие офицеры помогали нам усердно и дельно. Совершенно знакомые с характером окрестных горных пород, они весьма сократили наш труд».

Приезжали в гости Кокшаров и Кейзерлинг, ставшие родными людьми. С ними были осмотрены обнажения острова Уайт, Челтнема, Дарема, Шотландии – силур, девон, пермь. Теперь слово «пермь» появилось и на британских картах. После стремительных русских походов – тройного прыжка («the hop-step-and-jump»), как выражался Мэрчисон, геология Острова стала намного яснее.

Теперь нужно осмыслить сделанное. Уютный кабинет на Белгрейв-сквер завален картами, профилями, полевыми книжками. Названия – Красная горка, Красная пристань, Красное село – возвращали к горящим на солнце и отражающимся в воде береговым обнажениям красноцветных пород России.

Полевые книжки Родерика с карандашными, как положено в геологии, рисунками и записями «river Kama», «town Perm», «river Serebrjanka» и сегодня с величайшими предосторожностями хранятся в фондах Геологического общества.

Четыре года Родерик корпел над материалами русских экспедиций, с публикациями не спешил. Он сам себе сделал подарок к пятидесятилетию. Летом 1842 года труды «приведены в систему». Печатание отложено до окончания поездки Кейзерлинга в 1843 году «в малоизвестные страны северо-восточной России, орошаемые рекою Печорою». На карте показано направление Тиманского хребта, до того времени вовсе не известного. Он тянется до Ледовитого океана «через страну, населенную самоедами, и наибольшая часть его переходит за пределы распространения древесных пород и кустарников».

Сам же Родерик это лето провел на Континенте: во Франции, Германии, Польше он увязывал палеозой России и Британии; в Татрах, Исполиновых горах, Судетах, Богемии слыл строение Уральских и Карпатских гор. Развлечения? Да самые скромные: «Я поохотился на тетеревов, что не позволило мне целых два дня заниматься геологией. Еще было увеселение в «Короне и Ягоре», после которого я испугался, что едва ли буду способен выступать на симпозиуме».

Времени решительно не хватало. На следующий, 1844 год намечены маршруты по Скандинавии, поездка в Петербург, встреча с Кейзерлингом. Тот как раз вернулся из поездки на Тиман, на Северный Урал, что «за пределами распространения древесных пород и кустарников», добравшись туда, где отломанный от Урала хребтик Пай-Хой имеет простираение, подобное фьорду Лох-Несс.

Родерику, истинному геологу, всегда не хватало первичных материалов для сличения их с собранием «русских приятелей наших», пригодились даже окаменелости из коллекции любознательного морехода капитана Бейфилда, собранные им на берегах залива Святого Лаврентия в Канаде.

Что же прояснилось? Красноцветные породы, которые Мэрчисон увидел в России во время первого путешествия и принял за «олд ред», древний красный песчаник, вовсе не являются добрым старым британским девоном. Милый Кок был совершенно прав: это новый красный песчаник, это пермь, отложения пермской системы.

Эта мощная толща красноокрашенных глин, мергелей, песчаников обнажена на дневной поверхности на огромных пространствах между Волгой и Уралом. Как она произошла?



В карбоне на востоке Европейской России плескалось море и не было никаких гор. А в пермское время начал вздыматься Уральский хребет – вздыматься и одновременно размываться. Огромные массы терригенных пород, окрашенных окислами железа в красные тона, хлынули на запад поверх всех барьеров.

Громадна мощность красноцветов Восточной Европы – триста, четыреста, пятьсот и более метров! А в Западной Европе разрез синхронных отложений настолько сокращен, что его то включали в состав нижележащей каменноугольной системы, то заталкивали в вышележащую триасовую. Французский геолог Бюра назвал западноевропейский разрез «пенеенской почвой», и Дмитрий Соколов в «Курсе геогнозии» взял на вооружение этот термин. Гельмерсен на своей карте 1841 года показал новый красный песчаник, а в объяснительной записке к карте он называет эти слои не новым красным песчаником, не пенеенской почвой, а просто пермскими песчаниками. Историк геологии Тихомиров считает, что термин «пермские отложения» был известен в России настолько, что не нуждался в расшифровке. Однако же до Мэрчисона пермские красноцветы относили или к низам триаса, или к верхам карбона.

Идея о необходимости выделения новой геологической системы была высказана именно Родериком в знаменитом письме старому профессору фон Вальдгейму Фишеру от 8 октября 1841 года для публикации в «Московском бюллетене» и в немецкой периодике. В этом письме Родерик впервые предложил термин «пермь». Пермская система в его понимании лежит на горном известняке. Через много лет российские геологи разобрались, что верхняя часть горного известняка тоже имеет пермский возраст, что это – морская пермь...

Письмо фон Фишеру было опубликовано в том же 1841 году в «Горном журнале» в переводе Кокшарова. Мэрчисон писал: «Убедившись в ходе исследований, что пласты могут установить особую самобытную систему, сближенную с одной стороны с каменноугольными толщами, но с другой вовсе не зависящую от триаса, мы решились обозначить их особым наименованием; оно имеет географический корень и происходит от древнего царства Биармии, или Перми,

в пределах и рядом с которым собраны были очевидные доказательства их самостоятельности». Он указал, что эту новую систему «невозможно положительно отнести к тому или другому из немецких разделений ни по окаменелостям, ни по природе пород».

Термин «пермская система» утверждался постепенно. 19 августа 1843 года Мэрчисон решился доложить об объеме пермской системы. 6 июня 1844 года де Вернейль выступил во Французском геологическом обществе с палеонтологическим обоснованием пермской системы. Он описал сто восемьдесят восемь видов пермских ископаемых организмов.

И наконец, весной 1845 года в Лондоне вышел грандиозный труд на английском языке – первый том «Геологии Европейской России и Уральских гор», с рисунками, гравюрами, литографиями. Книга посвящена Его Величеству Николаю I. Геологические разрезы по Донбассу, Уралу и Тиману были выполнены в акварели! Текст написан Мэрчисоном с участием Кейзерлинга (северо-восток территории). На сводной геологической карте было указано, что в ее составлении принимал участие поручик Кокшаров. Второй, палеонтологический том вышел в Париже на французском языке. Он был написан де Вернейлем с участием д'Орбиньи. Им помогали отставной офицер Лонсдейл, палеонтолог Ричард Оуэн, применение которым микроскопа «озарило историю погребенных творений необыкновенным блеском», и Кокшаров, давший список всех уральских минералов. Общий объем работы составил тысячу семьсот страниц!

За этот труд Николай I подарил Родерику золотую табакерку и пригласил его перейти на русскую службу в качестве инспектора по геологическим исследованиям империи. Родерик подумал и вежливо отказался, а табакерку принял. На родине он был посвящен в рыцари, а потом стал и бароном. Друзья изошрялись в витиеватых обращениях: «Дорогой и знаменитейший граф Силурийский и Уральский!»

Работа была переведена Александром Озерским на русский язык и печаталась по частям в «Горном журнале», а в 1849 году вышла отдельным изданием в двух внушительных томах. Озерский сопровождал перевод обширными и весьма дельными комментариями. Фауну он называл «фавна».



С наслаждением всматриваешься в разновысокий благородный шрифт титульного листа с обстоятельным заглавием на весь формат, вчитываешься в изысканный, ароматный текст: «...авторы обращаются к снисходительности собратьев-геологов... научившись разбирать подлинные буквы, которыми начертана длинная история животной жизни... терпеливое изучение образов палеозойской жизни... легенда земледания... нетленная хартия, сбереженная для изучения величественной книги древней природы, наконец истолкованной и прочитанной ясно и точно...»

Книга Мэрчисона – страстная работа, хотя он и соблюдает все правила научной полемики: «Уважаемый г. Эйхвальд соблаговолит извинить нас...» Зато переводчик дает волю чувствам и делает энергичную сноску: «Всякий весьма удивлен будет, найдя в новейшем труде Эйхвальда следующие труднообъяснимые выходы...»

Вся Британия узнала о великом научном прорыве своих геологов. Автор знаменитого юмористического журнала «Панч» уподобил геологической шкале колонку, в основании которой были оборванцы в лохмотьях, а сверху – коронованные особы.

Как раз в эти дни до Мэрчисона дошла весть, что адъютанту Веллингтона Фицрою Сомерсету предложили пост генерал-губернатора Канады и тот отказался, потому что Веллингтон не знал, что без него делать. Мэрчисону это казалось таким мелким – канадское губернаторство!

Прошло много лет после экспедиции Мэрчисона, но остался его маршрут, совпавший с дорогой геофизиков по зимнему болоту и с тропой космонавтов – сразу после первого выхода в открытый космос. *Выхожу один я на дорогу...*

Отражаются в воде тихой реки Сылвы рифы пермского возраста:

*На жестких склонах каменные плиты
Стоят раскрытой Книгой Бытия.*

И вдруг уносит тебя река Сылва, что значит «талая вода», в древнюю страну Биармию, Пермь Великую.

Биармия – Пермь Великая

Биармией называли страну, куда на своих остроносых ладьях с четырехугольными парусами стремились по холодным морям викинги исландских саг. В этой стране жили бьярмы, чудское племя.

Викинги, они же варяги, ходили далеко на восток задолго до того, как открыли Гренландию и Винланд, как они звали Северную Америку. Первым, похоже, был Отер из норвежского Халогаланда, живший в IX веке. Одно время он служил у любопытного английского короля Альфреда и сам был весьма любознательным человеком. Однажды он отправился на восток и долго-долго шел на своем суденышке по пустынному морю, наконец попал в Белое море – Гантвиг северных саг, далее – в устье Северной Двины. Вот на этой большой реке будто бы и жили бьярмы. Отер привез королю Альфреду подарки – моржовые шкуры и клыки. Уже во времена Отера считалось, что через страну бьярмов можно добраться до Китая, объехав Сибирь с севера по морю.

Следом за Отером в отечество бьярмов пришли Эрик Кровавая Секира и сын его Харальд Серая Шкура, разгромившие бьярмов и собравшие огромную добычу. И еще множество викингов устремилось сюда. Однажды король Олаф Святой послал в Биармию на хорошем корабле с товарами Карли с братом его Гуннстейном, и увязался с ними Торир Собака. Сначала шла обычная торговля на меха, а потом начался форменный разбой. Торир Собака вывел викингов к священному храму в устье Северной Двины, и они взяли золота и серебра, сколько могли унести. Горло Белого моря долго не отпускало их корабль сильным приливным течением, но Торир Собака сумел увести викингов от разъяренных аборигенов.

Через некоторое время бьярмы изрубили викингов торгового судна из Халогаланда, а следом карательная экспедиция норвежского короля Хаконсона опустошила Биармию.

Потом здесь появились новгородские ушкуйники. Новгород звали Холмгардом, Русь – Гардарикой, страной городков. Шведские археологи нашли старинную грамоту – право Холмгарда собирать дань на землях до границ Норвежского



королевства. Для Запада же Гантвиг был закрыт на триста с лишним лет – до путешествия Ричарда Ченслера. Новгородцы из Колы на Гантвиге, по слову Сергея Маркова, держали в руках «Дышащее море» до устья Печоры, до Халогаланда.

Откуда же взялось древнее лесное слово «пермь», «перемь», «парма»?

Царевич Феодор в «Борисе Годунове» показывал отцу «чертеж земли московской»: «Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса...»

Слово «пермь» у Пушкина как-то связано с дремучими лесами. И вправду – едешь по дороге и встречаешь деревни: Елово, Сосново, Дуброво, Пальники, Опалиха, Кордон. И дальше – Концебор, Буреполом, Полом.

Да и само слово «парма» на языке коми означает «холм, поросший еловым лесом». Короткое лесное слово «парма», рожденное древним лесным народом, – самое маленькое стихотворение. Не три строки японского хокку, а всего одно слово. Холм, поросший не просто лесом, а ельником. Только ель вызывает образ кремлевской стены, частокола. Чердынь, столица легендарной Перми Великой, как и Москва, стоит на семи холмах. Когда-то Чердынь была обнесена деревянным кремлем с башнями, одна из которых называлась Спасской. Следы оборонительных сооружений и сейчас еще можно найти. В Смутное время, когда поляки захватили Москву, чердынские мужики – есть такой апокриф – пешком двинулись спасать столицу. Успели дойти до Кай-городка...

И все-таки «парма» не имеет отношения к «перми». Слово «пермь» впервые появилось в «Повести временных лет», в древнейшей Лаврентьевской летописи, в записи за 1069 год. Так назван один из народов, плативших дань Руси.

У древних вепсов (раньше их звали «весь»), живших между Ладогой и Онегой, было такое понятие – Пэре Маа, означавшее «дальняя земля», «далекая земля», «берег дальний». Так что просторечное «Перемь» ближе всего к корневому «Пера маа». Для тех, кто искал Пера маа – Перемь – Пермь, дальняя страна все время ускользала, смещалась, отодвигалась. На то она и дальняя страна. А что дальше, за другим холмом?

А может быть, не так дело было? Борей – так называли древние греки холодный северный ветер. Он дует из студеных запредельных мест, из Гипербореи. Можно в шутку составить такой ряд: Брр – Октя-брр, Ноя-брр, Дека-брр – Боррея – Биаррмия – Беррмия – Перрмь...

Но внучка моя пишет это слово с двумя мягкими знаками – Пермь, и оно становится теплым, как варенье.

Биармия или Пермия? Это тайна.

Придешь домой, шурша плащом,

Стирая дождь со щек.

Таинственна ли жизнь еще?

Таинственна еще.

Знающие люди говорят: по названию рек в русских летописях можно определить, откуда шли поиски Биармии. Первой упоминается Печора – летописец узнал о походе туда новгородцев. Затем упоминается Кама, потом Чусовая, еще позже – река Белая. Значит, проникновение русских шло с севера. Дружины, проходя сквозь страну вепсов, подхватили слово «Пера маа» – «дальняя земля». Наверное, поэтому новгородцы, зазимовавшие на реке Вычегде, назвали эту землю Пермью Вычегодской, а один из притоков реки – Вишерой в честь новгородской речки. Ласкало слух на чужбине родное слово «Вишера». Потом новгородцы, вероятно, проникли еще дальше – в верховья Камы. Большой левый приток Камы они не мудрствуя лукаво снова окрестили Вишерой, а приток ее для разнообразия – Вишеркой. Так и несли они к северу это слово. Арабы искали страну Вису, Вишеру, со столицей на месте Чердыни, а севернее была страна мрака Югра, народ которой торговал мехами. А еще дальше на севере – море, где плавают рыбы с клыками – моржи.

А откуда появилось это имя – Пермь Великая? Сюда вел путь не только с запада, но и с юга – по Каме от Каспия, теплого хазарского моря. С юга попадали сюда золото и серебро, а вниз по течению уходили меха, драгоценная рухлядь. Но никогда не было могучей страны на северо-востоке Европы со столицей в Чердыни, никогда никакие корабли не поднимались из Каспия в большую чердынскую гавань. А громкое имя есть. Откуда оно?



Может быть, дело было так. Появились в верховьях Камы не новгородцы, а псковичи. И назвали они дальнюю страну Пермью Великой в честь реки Великой, впадающей в Чудское море около Пскова. Есть в тех краях и маленькая речка Чудово. Чудское озеро, чудь.

Так и пошло гулять по белу свету псковское слово «Великая», меняя значение и сбивая с толку историков и лингвистов.

А потом москвиты и ростово-суздальцы вытеснили новгородцев и псковичей. Великий князь Василий Васильевич прислал в Чердынь наместника из подмосковного города Верея. И это название закрепилось на пермской земле: есть на пермской земле село Верейно. И характерный слой пермских пород, установленный в этих местах, получил название «вереинская пачка».

О любознательном шотландце, который прошел через холмы времени и во глубине России открыл дальнюю страну Пера маа, хорошо думается именно весной, именно в городе Перми, именно на улице Сибирской. Брести к Каме, всматриваясь в старые дома. Жемчужные края луж, праздничный блеск весенней грязи, «семиэтажка» – гостиница постройки 1930-х годов, вросший в землю конструктивистский небоскреб, где в военном году Юрий Тынянов пытался дописать «Гражданина Очёра», где Арам Хачатурян старался удержать на нотной бумаге самую стремительную мелодию XX века – «Танец с саблями»; старинный дом, откуда увели на расстрел Михаила Романова, последнего русского императора.

Впереди Кама, и кажется, что на тебя отраженно из закамской дали смотрит девочка из пастернаковского «Детства Люверс». Выйдешь на набережную и увидишь несуразно-прекрасное здание, где Санкт-Петербургские львы у входа осторожно трогают чугунные ядра, и дом Мешкова, и Любимовскую пристань, и садик под названием «Козий загон», и железнодорожную станцию Пермь I, куда злая судьба занесла Осипа и Надежду Мандельштам – *в говорливые дебри вокзала, в ожиданья у мощной реки*. Здесь на жесткой нумерованной скамье они ждали парохода, чтобы добираться

до места ссылки: *Упиралась вода в сто четыре весла, вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла...*

Это город Юрятин, место действия романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Возможно, справедлива такая догадка. Борис Пастернак долгие годы переводил Шекспира. Может быть, его прельстило звучание могучего слова «Урал» по-английски – Ural (Юрел). Из ранней повести «Детство Люверс»: «Женя затаила дыхание и сразу же ощутила быстроту этого безбрежного, забывшегося воздуха, и сразу же поняла, что та грозовая туча – какой-то край, какая-то местность, что у ней есть громкое горное имя, раскатившееся кругом, с камнями и песком сброшенное вниз, в долину; что орешник только и знает, что шепчет и шепчет его; тут и там, и та-а-ам вон; только его.

– Это Урал? – спросила она...»

Да, это Урал в геологическом и во всех других смыслах – хребтина России, проходящая не по краю континента, как это обычно бывает, а прямо посередине. Рифей – Гиперборей – Пояс – Каменный Пояс – Земной Пояс. А чаще просто Камень.

Урал, Шотландия, Черногория...

Горы по своему образу лепят человеческие характеры...

Уральцев, шотландцев, черногорцев нельзя согнуть – их можно только сломать.

Шотландия не покорила легионам Юлия Цезаря. Римские валы доходят только до ее границы. Шотландцы Хайленда скромны, непритязательны, трудолюбивы, бережливы, памятьливы. Родерик всю жизнь помнил хайлендера из Гленгэрри: «Сэр, мы приветствуем вас, родственника Дональда Мэрчисона, на земле ваших предков. Я вам так скажу: вы никогда не забудете эту пустыню».

Ни Наполеон, ни Гитлер не смогли покорить Черногорию, Высокий Карст. Нет там текучей воды, нет там рек, ручьи исчезают в земле. Дикие, выжженные солнцем холмы. Камень, известняк, каменные заборы сберегают землю, которой с ладошку. Карст – это губка. Растительность – сливы, оливки, держи-дерево – только на склонах воронок.



Всюду камень – ни огородов, ни деревьев. Рядом недоступная лазурная Адриатика, бухта, красная черепица крыш приморского города Котор. Старики сидят в тенечке поближе к бетонному бассейну с дождевой водой, пьют кофе. Маршал Тито запретил держать коз на Высоком Карсте, чтобы не объедали зелень.

В войну Высокий Карст был центром партизанского сопротивления, хотя там нет лесов, негде укрыться. Фашисты могли сбросить полтора ста пленных в Корицкую яму – карстовый колодец, но Высокий Карст не смогли захватить. Говорят, до недавнего времени туристам из ФРГ на всякий случай не рекомендовалось выходить из автобусов, которым случалось добраться до Высокого Карста. «Пока мы, черногорцы, – а нас много, целых сто пятьдесят тысяч, – в союзе с русскими, которых тоже немало – сто пятьдесят миллионов, – нас нельзя победить».

...Я вскочил в сорок пятый автобус, идущий в микрорайон Крохалевка, в списанный немецкий (чуть не сказал – трофейный) автобус, длиннющий, называемый в народе «гармошкой»; пристроился, уперся взглядом в предостерегающую надпись: «Türen schlissen von selbst». Рядом качались два подвыпивших мужичка. «Вчера ездил на Чусовую. Хорошо. Птички поют...» – «Не то слово!» – «А какое слово?» – «Говорю тебе, не то слово!» – «Да какое, какое слово-то?» Молчание, и наконец значительно сказанное, с поднятой рукой: «Урал! Понял? Урал, Пермь...» Это слово было сказано именно так, как оно произносилось когда-то: Пера маа – дальняя земля – Пермь...

К барьеру!

Кажется, они ведут спор за круглым столом – маркиз де Кюстин и Родерик Мэрчисон.

Де Кюстин: «Запахи кожи, спиртных напитков, кислой капусты, пива, сала от солдатских сапог, мускуса и амбры от господ смешивались самым невыносимым образом и не давали возможности дышать. Величайшее удовольствие русских – пьянство, другими словами – забвение. Несчастные люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми... В России нет больших людей, потому что нет независимых характеров, за исключением немногих избранных натур, слишком малочисленных, чтобы оказать влияние на окружающих».

Мэрчисон: «Если мне придется указать на особо выдающуюся черту в русском национальном характере, то это будет твердая, не отступающая ни перед какими препятствиями воля».

Де Кюстин: «Я предчувствовал, что предстоит отказаться от удовольствия быстрой езды, и уже выучил русское слово «тише», противоположное тому, что всегда говорят русские путешественники. В России быстрая езда превращается в страсть, которая служит предлогом к совершению всякого рода бесчеловечных поступков».

Мэрчисон: «На все нетерпеливые возгласы путешественников «Вперед!» всегда был один веселый ответ: «Можно!»

Де Кюстин: «Не верю я и в честность «мужика». Не пропустят случая обокрасть своего сотрапезника-вельможу, если последний, чрезмерно растрогавшись поведением меньшого брата и доверившись его высокой честности, хоть на минуту перестанет следить за движениями его рук».

Мэрчисон: «Но мы ночевали в домах, двери которых не запирались, без боязни быть ограбленными».

Де Кюстин: «Я никогда не забуду дрожи ужаса, охватившего меня при первом взгляде на колыбель современной русской империи. Кремль стоит путешествия в Москву! Грань между Европой и Азией. При преемниках Чингисхана Азия в последний раз ринулась на Европу; уходя, она ударяла о землю пятой – и отсюда возник Кремль. Стены Кремля – это



горный кряж. Если б великан, именуемый Российской империей, имел сердце, я сказал бы, что Кремль – сердце этого чудовища. Кремль – жилище призраков.

Если Петербург – это оштукатуренная Лапландия, то Петергоф – дворец Армиды под стеклом, а петергофский праздник – это сон влюбленного великана, рассказанный сумасшедшим поэтом».

Мэрчисон: «Силою волшебного слова «можно» русские и на Москве-реке и на Неве соорудили памятники, которые могут соперничать с величайшими произведениями древности и новейшего времени».

Де Кюстин: «Русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием. Русский народ теперь ни к чему не способен, кроме покорения мира. Никакой другой целью нельзя объяснить безмерные жертвы, приносимые государством и отдельными членами общества. Очевидно, народ пожертвовал своей свободой во имя победы. Без этой задней мысли, которой люди повинуются, быть может, бессознательно, история России представлялась бы мне неразрешимой загадкой. С тех пор как я в России, будущее Европы представляется мне в мрачном свете».

Мэрчисон: «Воспитанные у восточных славян еще с христианских времен нравственные нормы не позволяют русскому человеку насиловать чужую совесть. Чаще из корнящегося в нем неистребимого чувства сострадания он готов отдать с себя последнюю рубашку, чем у кого-то ее отнять. Поэтому, каким бы ни было победоносным русское оружие, в чисто меркантильном плане Россия всегда остается в проигрыше. Побужденные же ею или взятые под защиту в конечном итоге обычно выигрывают, сохраняя в неприкосновенности свой образ жизни и духовные институты, вопреки их явной недостаточности для прогресса (в чем легко убеждаешься, познакомившись с ними более или менее основательно), приумножая свое материальное достояние и существенно продвигаясь по пути цивилизации. Показательные примеры тому хотя бы Эстляндия и Кавказ, в продолжение веков презираемые и насилуемые своими соседями, но

занявшие почетное место среди народов и достигшие несравнимого с прежним благосостояния под покровительством России, между тем как от приобретения Эстляндии, Кавказа положение русского народа, то есть коренного населения метрополии, не улучшилось нисколько. Последнее нам кажется парадоксом, но такова реальность, первопричины которой кроются, несомненно, в особенностях русской морали».

Будто стоит за спинами спорящих с рюмкой хорошего армянского коньяка Уинстон Черчилль: «Джентльмены, я заявляю, что Россия – это загадка, обернутая в мистику и скрытая в тайне».

Старые кадры военной хроники: 1944 год, военный аэродром. Уинстон Черчилль по-бульдожьей медленно двигается вдоль строя почетного караула, переводя взгляд от одного солдата к другому: как эти люди смогли победить зверя? Как?



После России

Давным-давно попался мне на глаза такой текст:

«Я хорошо знал этого мальчика. Совсем маленьким он собирал каштаны в скверах большого южного города. Каштаны падали на землю с резиновым, упругим стуком и, раскалываясь, выбрасывали лакированные коричневые ядра.

Он так и не стал биологом...

В глубине мощенного сизыми базальтовыми плитами двора под окнами жильцов первого этажа лежало огромное спиленное дерево. Он становился на край бревна и, глядя в пустую катушку из-под ниток, разыгрывал перед сверстниками эпизоды из фильма «Адмирал Нахимов».

Он так и не стал актером...

Я не знаю, когда именно я его потерял. Он куда-то расползся, незаметно исчез, оставив о себе только неясные воспоминания.

Где он теперь? Что с ним случилось?

Я очень по нему скучаю.

Поэтому просьба: если вы случайно встретите его, сообщите немедленно.

Приметы: у него мои имя и фамилия».

Казалось, что мальчик по имени Дик совершенно потерялся. Люди, которые не знали или мало знали старого Родерика Импи Мэрчисона, считали его высокомерным. Случайное общение могло создать впечатление, что это человек, погружившийся в свою работу и завернутый в свою славу. Теперь лишь немногие близкие люди догадывались, что в этом респектабельном господине живет мальчишеская душа.

Баронет Родерик Импи Мэрчисон достиг вершины – стал директором Геологической службы Соединенного королевства, директором Лондонского музея практической геологии, председателем Королевского географического общества. По-прежнему в доме на Белгрейв-сквер устраивались вечера, хотя они стали более приватными.

Чем только не занимался Мэрчисон в свои поздние годы: Альпы, Апеннины, Карпаты, четвертичка Швеции и Англии, молодой вулканизм Италии (воспоминание о фантастическом спуске с Везувия), минеральные воды Виши, мамонты и фосфориты, фумаролы и метеориты, реконструкция древних отложений вообще и Германии в частности, физическая география Африки. Он по-прежнему работал с большой тщательностью; когда же съемка требовала скорости, гнал как в России – так, чтобы, как говорится, задние лошади потели под плетью. И вернувшись из Поля в Лондон, он был мотором во всех диспутах.

Когда по нездоровью не смог ездить сам, то стал готовить экспедиции. С его именем связано изучение Австралии – на западе континента есть пересыхающая речка Мэрчисон. А в зеленой Новой Зеландии, маленькой копии Британии, около знаменитого ледника Фокс, есть два городка, Мэрчисон и Лайель, и речка Мэрчисон есть. Город Крайстчерч, центр провинции Кентербери, и город Данедин (прежнее кельтское название Эдинбурга) выстроены в добром старом кембриджско-оксфордском университетском стиле. На карте знакомые имена: Нельсон, Гамильтон, Веллингтон, остров Стюарт, пролив Кука и гора Кука.

Мэрчисон вместе с русским коллегой Фёдором Литке помог Миклухо-Маклаю, собравшемуся в Новую Гвинею на корвете «Витязь». Чем-то Николай Николаевич, внук куренного атамана, вынашивающий идею о родстве человеческих рас, напомнил ему «милого Кока».

Миклухо-Маклай поселился в хижине на сваях. Он не боялся ни людей из Горенду, ни даже людей с Били-Били. Наверное, он не испугался бы и Билли Бонса. Он не боялся даже Тангрин – когда земля ходит вверх и вниз. Он мог зажечь море (горел разлитый спирт). Папуасы решили, что он человек с Луны – Карам-тамо и что он не может умереть:

*Если ты не вернешься к нам снова,
Если мы не увидим тебя,
Если ты не вернешься к нам снова –
Тангрин разорвет нашу землю,
Море выйдет из берегов.*



Маклай, «сын молодого месяца», уезжал и возвращался, и барабаны били, и костры горели, и встречали его песнями и танцами люди из Горенду и люди с Били-Били, и остался на географических картах берег Миклухо-Маклая, и хижину на сваях берегли папуасы, и люди приходили к высокому крыльцу...

У Мэрчисона новые планы поработать с русскими. Он снова обратился к Фёдору Литке: «Если бы мне было дано увидеть единение русских и британских моряков в общих усилиях достичь Северного полюса и Полюныи, то я сердечно порадовался бы, что в мои старые годы мне удалось снова спаять истинную международную дружбу, которой я был свидетелем. Эта цель всегда была близка моему сердцу, и я никогда не упускаю ни одной возможности ей содействовать». Экспедиция эта не состоялась: Британское адмиралтейство было против.

В последние годы Мэрчисон, президент Королевского географического общества, следил за поисками истоков африканских рек, выискивал деньги для экспедиций, в том числе для Ливингстона, дальнего родственника нашего Лермонтова.

Свои системы Мэрчисон пестовал до самой смерти. Он доказал широкое распространение пермской системы в Западной Европе. Сам термин «пермь» отстоял в жестоких спорах, пресекая попытки заменить его на «диас». Для него важно было, чтобы система носила имя народа, жившего на земле.

Новую сводку по силуру Мэрчисон назвал «Силурия» – время соединилось с пространством и стало страной.

До последних дней шел жестокий спор о нижней границе силура. Мэрчисон цеплялся за свой нижний силур, упрямо отвергал кембрий, уходил от открытой ссоры только во имя старой, теперь разрушенной дружбы с Седжвиком. У того же все вызывало зависть, даже лекции Родерика по геологии в Гайд-парке.

Уже после смерти спорщиков Лэпуорс объединил пограничные слои кембрия и силура в ордовикскую систему,

названную так в честь древнего племени ордовиков. Геологи моего поколения застали отголоски старого спора – ордовикская система вошла в официальную стратиграфическую шкалу только в 1960 году.

Друзья замечали: со временем Мэрчисон стал консервативным, надменным, тщеславным, не расположенным прислушиваться к другим мнениям. Все это усиливалось официальными манерами и военной выправкой. Многих это отталкивало. Коллеги были изумлены тем, что он отказался от идей эрозии долин, которые вместе с Лайелем развивал с 1828 года, что он выступал против теории больших оледенений, отклонил большинство аргументов в пользу возрожденного Лайелем геттонизма, что он не смог найти «ни одной крупинки доказательства для поддержки дарвиновской теории». Он обижался на старого друга Лайеля, который написал книгу «Древность человека»: «Я только раз был упомянут, и только для того, чтобы быть ударенным».

И на Чарльза Дарвина он обижался, которому помогал когда-то делать первые шаги в геологии. Тот описал бывшего наставника с точностью естествоиспытателя: «Он был очень добросердечен и чрезвычайно старался оказать услугу любому человеку. Размеры, до которых доходило у него преклонение перед общественным положением человека, были невероятны, и он проявлял это чувство и свое тщеславие с непосредственностью ребенка. Как-то он с необычайным ликованием рассказывал в залах Геологического общества большому кругу людей, среди которых было много и не очень ему знакомых, как царь Николай, будучи в Лондоне, похлопал его по плечу и сказал, имея в виду его геологические труды: «Мой друг, Россия благодарна вам».

Последние двадцать лет жизни Мэрчисон отдал изучению геологии Хайленда, где одно время работал рука об руку с Джеймсом Николем. Кстати, брат Джеймса Вильям придумал вставить призмы из исландского шпата в поляризационный микроскоп для изучения шлифов – тонких срезов минералов и горных пород. Геологи эти призмы так и зовут – николи. Свет, проходя через скрещенные николи, окрашивает шлиф в рериховские цвета.



Мэрчисон вместе с Джеймсом Николем закартировал в северо-западной части Шотландии такой разрез: на докембрийских гнейсах лежат смятые в складки кембрий и силур. Но в один прекрасный день настырный Джеймс доложил в Абердине, что мало того, что породы смяты, но докембрийские гнейсы еще и надвинуты по плоскости разлома на силур. Как это может быть, чтобы докембрий лежал на кембрии? Ведь есть же закон Стенона!

Мэрчисон разбил Николая вдребезги. А ведь своими же глазами видел опрокинутые слои на Южном Урале и в Альпах! Там тоже полно надвигов, наволоков, шарьяжей. Закон Стенона шире его понимания Мэрчисоном.

Родерик, которому было уже под семьдесят, отправился в Поле. Ему казалось, что он по-прежнему вынослив и неудержим. И все поверили маститому геологу. В журналах отказывались печатать возражения Николая. Трудно представить, что в 1840 году Родерик мог быстро согласиться со вчерашним горным кадетом Кокшаровым! В споре с Николем шотландец был беспредельно упрям, консервативен, не пробируем никакими доводами.

А прав оказался Николь. Выяснил это окончательно Лэпуорс, когда уже не было в живых не только Мэрчисона, но и Николая. Чешуя древних пород действительно была надвинута на более молодые слои. Работа Лэпуорса называлась просто и изящно – «Секрет Хайленда».

Когда русская армия начала среднеазиатские походы, Мэрчисон гасил волнения в английском обществе, опасавшемся за индийские владения: «Даже если Россия расширит свои владения за счет сопредельных колоний, в отличие от остальных колониальных держав она отдает своим новопробретениям больше, чем берет от них. И не потому, что ею движет некая филантропия или что-то в этом роде. Изначальные устремления всех империй мало разнятся, но там, где появляется русский человек, все чудесным образом получает совсем иное направление».

Во время Крымской войны, которую в Британии называли Восточной кампанией, он в числе очень немногих англичан открыто выступал в защиту России.

Королева Виктория с балкона Бекингемского дворца приветствовала уходивших на войну с русскими британских солдат, оснащенных великолепными винтовками Минье, дула которых, как известно из лесковского «Левши», ни в коем случае нельзя чистить кирпичом. Она грозила отречься от престола, «если Англия упадет России в ноги». Член палаты лордов Линдхерст говорил о русских: «Было бы величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса, удалось закрепиться в самом сердце Европы».

Причина Крымской войны была для Мэрчисона непонятна: спор католиков и православных за права на святыни в Палестине, провалившаяся крыша какого-то храма. Он был в партии мира тогдашнего министра финансов, будущего премьер-министра Уильяма Гладстона, мама которого когда-то качала на коленях его, маленького Дика.

Гладстона, некогда «самого красивого воспитанника Итона», газетчики прозвали «Grand Old Man». По воскресеньям он пел в церкви – у него был бархатный баритон, потом занимался санитарной рубкой деревьев в Харденском парке, после чего позволял себе бокал холодного пива.

Пятичасовые речи в парламенте Гладстон украшал древнегреческими стихами. Он не расставался с семитомником Гомера, писал о нем книгу, превосходно знал английскую, итальянскую поэзию. Руку невесты Гладстон просил не где-нибудь, а в Колизее, при луне.

Гладстону кричали: «Русский наймит! Позорит Англию!» Толпа била окна в его лондонском доме. Он был спокоен: «Знаю, что мы живем в не слишком хорошие времена. Но единственный выход – отдать все свои силы на поддержку лучших дел, лучших мыслей, лучших людей нашего времени». Он объявил о повышении налога на прибыль: «Военные расходы являются моральным испытанием, возлагаемым всемогущим Господом на некоторые нации, которым присущи амбиции и жажда завоеваний».

Враги приписывали русофильство Гладстона влиянию Ольги Новиковой, которую Дизраэли саркастически называл «членом палаты лордов от России». Гладстон отмалчивался:



«Never explain, never complain» («Ничего не объяснять, ни на что не жаловаться»).

Гладстон был, возможно, единственным из правителей Европы, кто стремился к сближению народов. Он считал глупостью любую войну, вздором – историческую вражду России и Англии. Гладстону, да и Мэрчисону, виделась, пусть в далекой перспективе, объединенная Европа от Ла-Манша до Урала с разминированным балканским пороховым погребом – и дальше, дальше, за Урал.

Конечно, Мэрчисон следил за войной. Он знал, что одной из дивизий командовал Джордж Браун, свирепый вояка, сражавшийся под командованием генерала Мура в Ла-Корунье. На карте военных действий его поразило название поселка – Маккензи. Дядюшкина фамилия. Удивительно, но бастионы Севастополя в потемкинские времена выстроил шотландец, контр-адмирал Маккензи, кто-то из родичей Родерика по материнской линии!

А командовал британскими войсками лорд Раглан, уже фельдмаршал. Когда-то в Португалии волны медленно накатывались на пляж, десантные лодки уткнулись в песок, в руках у него, Дика Мэрчисона, было знамя. Он поднял глаза: великолепный Веллингтон с блестящим адъютантом Фицроем, ныне лордом Рагланом!

Лорд Раглан жаловался на журналистов из «Таймс»: «Может ли платный агент русского императора лучше услужить своему хозяину, чем корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе? Русским нет необходимости тратить средства на ведение разведки». И русский император так считал: «Нам не нужны шпионы. У нас есть газета «Таймс». «Джентльмены у камина» из газеты вели кампанию против командующего и его аристократического штаба.

Мэрчисон на всю жизнь запомнил тяготы войны, жуткие запахи, грязь – войну не может представить человек, не зацепивший ее. Но он-то зацепил. После сражения на Альме надо было захватить форт «Звезда» севернее Севастополя, перекрыть дорогу на Перекоп, единственную дорогу в Россию. Флот надо было отвести не в Балаклавскую бухту, а в Камышовую и Казачью. Впрочем, что об этом говорить – война никому не нужна.

В некоторых местах вражеские траншеи находились на расстоянии сотни ярдов, так что часовые перекликались. Русские иногда приходили в траншеи англичан без оружия, приносили нюхательный табак. Беседовали: «Инглиш боно! Русски боно!», улыбались, пожимали друг другу руки. Английский солдат писал домой: «Русские очень хорошо относятся к нам. Мы никогда бы не стали с ними воевать. Но, видно, такова воля Бога». Как-то ранили русского солдата. В него, хромоногое, больше не стреляли: «Это было бы похоже на охоту на зайца».

А Раглан выращивал виноград возле своего дома, и солдаты говорили: «Наверное, наш генерал рассчитывает дожидаться урожая». Раглан умер от диареи. На мачте флагмана взвился сигнал «Прощайте!». Корабельные пушки дали залп.

Севастополь пал, когда поспел виноград у дома лорда Раглана. Осталась память о нем – покроей «реглан», маскирующий пустой рукав.

Черное море объявили нейтральным. Севастополь вернули России. Про святые земли, из-за которых началась война, даже не вспомнили. А сам мирный договор Александр II вскоре аннулировал.

Есть в Шотландии, недалеко от Килмарнока, деревенька Москва (Moscow), а севернее, на побережье северо-западного Хайленда, в Грампианском предгорье, недалеко от памятника Дональду Мэрчисону, есть ферма, тоже носящая это имя.

Может быть, кто-то из предков здешних жителей служил у Петра I? Есть и другая версия: шотландская «Москва» произошла от норманнских, то есть галльских, гэльских, корней: Мосихоллоу, Моссгоу – «низина, поросшая орешником». Но имя Москвы появилось на картах в 1850 году, как раз тогда, когда Родерик ставил памятник дяде Дональду. И речушка в шотландской Москве называется Волга! Так что очень может быть, именно Мэрчисон принес в Хайленд дорогие для него имена.

Он всю жизнь восхищался Россией и никогда не забывал ее. И Россия его не забыла. Петербургская Академия наук сделала единственное исключение из правила, избрав его



своим действительным, а не почетным иностранным членом. Такое же исключение было сделано Лондонским королевским обществом для Петра Капицы.

Родерик ненадолго пережил свою жену Шарлотту, благодаря которой он и стал великим геологом.

*Видеть бы только тебя на исходе последнего часа
И, умирая, тебя слабой рукой обнимать...*

На смертном одре Родерик Мэрчисон прошептал: «Доложите королеве Виктории, что как только я получил милостивое осведомление о моем здоровье, мне тотчас сделалось лучше».

22 октября 1871 года Стэнли все-таки нашел Ливингстона на берегу озера Танганьика. В этот же самый день на лондонском кладбище Бромптон под прощальный залп королевской гвардии был похоронен отчаянный шотландский мальчишка Дик Мэрчисон, и было ему от роду семьдесят девять лет.

Адам Седжвик плакал без удержу, когда узнал о смерти своего врага-друга. Он пережил Мэрчисона на два года... Старый спор кончился. Осталась *omnis terra*, что означает «вся Земля». Остались великие геологические споры.

А исток Нила был обнаружен только через сто лет – благодаря спутниковой фотосъемке...

Родерик Мэрчисон сделал все, что мог, для того чтобы разорвать цепную реакцию вражды, отчужденности, ненависти. Русские и британские моряки, как он мечтал, все-таки были вместе, когда в годы войны с фашизмом в Мурманск шли караваны с военными грузами.

Очарованные камнем

В Лизу Стромберг, дочь курляндского барона, Николай Кокшаров влюбился на водах в Кемери. О женитьбе первым делом написал Мэрчисону. Тот ответил: «Мой милый Кок! Ваши склонности всегда колебались между минералами и дамами, и вот в конце концов Вас и поймала на этом жизнь». Мэрчисон ошибся: теперь милый Кок не только сам полностью погрузился в занятия минералогией, но жену, денщика, а позднее маленького сына приохотил к гониометру Волластона, к логарифмам, дабы они могли замерять константы кристаллов. Превыше всего Николай Иванович ставил точное измерение углов.

Маленькие радости штабс-капитана Кокшарова: выписал из Берлина гониометр Митчерлиха; в Ильменах нашел ильменорутит; выпросил у князя Петра Багратиона неведомый черный кристалл, выросший на белом диопсиде, а тот оказался совершенно новым минералом; назвал его багратионитом. Но главная работа – «Материалы для минералогии России». Они пишутся на немецком, выходят выпуск за выпуском. Одиннадцать томов принесли Кокшарову звание академика.

Теперь можно увидеться с друзьями по пермским экспедициям: старый Гумбольдт помог с поездкой, прислал письмо с именной печатью, на которой изображены два геологических молотка с круговой надписью «Глюкауф».

В Берлине Кокшаров поселился в том самом отеле Майнхарда на Унтер-ден-Линден, в котором жил в юности, когда ходил на лекции Густава Розе. Тот с гордостью показал ему большой кристалл синего топаза из Мурзинки – подарок русского золотопромышленника Тита Поликарповича Зотова, и Кокшаров почувствовал себя горным кадетом, готовым в котильоне прыгать через баррикаду из стульев. Он показал Розе крупные кристаллы эвклаза из казенных дач Южного Урала – это было его открытие. Раньше подобный эвклаз находили только в Бразилии вместе с алмазами. Так уральские горщики смотрят и показывают свои камешки – только влажными и только знатокам.



На приеме в потсдамском дворце Сан-Суси Николай Кокшаров был в военной форме корпуса горных инженеров. Он подарил королю по совету старого Гумбольдта («В этом случае вы можете получить прусский орден») несколько своих минералогических томиков.

В Париже была радостная встреча с де Вернейлем, поездка с ним в замок на Уазе, возле Сан-Лиса. Распевали дуэтом, как бывало.

В Лондоне он побывал на Белгрейв-сквер у Шарлотты и Родерика. Тот в Сент-Джеймском дворце представил его королеве Виктории. Бекингемский дворец, Кристалл-Палас. Пароходики по Темзе шли через каждые пять минут.

Так получилось, что в старости характер милого Кока напоминал характер старого Мэрчисона. Многие считали неприступного Николая Ивановича ловким интриганом, осыпанным орденами и всяческими почестями. А тот просто лобовался камнями и вечерним небом.

В минералогии происходили великие события. Берцелиус придумал химическую классификацию минералов. Гаюи создал свою теорию, исходя из явления спайности минералов, его так и прозвали – кристаллоклад, то есть «разбиватель кристаллов». Тридцать два вида симметрии сгруппированы по семи кристаллическим системам – сингониям.

А потом пришел великий Евграф Фёдоров и перевернул всю науку минералогии. К описательной кристаллографии он относился отрицательно. Он вывел двести тридцать геометрических законов кристаллографии. Он работал на теодолитном приборе, который сделал сам и который был назван в его честь – столик Фёдорова. Кокшаров работал с кристаллами на однокружном гониометре – как скучно, как мучительно скучно переклеивать кристаллы! На фёдоровском столике зернышко зеркально поворачивается в любое положение, можно делать десять, двадцать замеров в час! Фёдоров жалел Кокшарова, «отца минералогии», который когда-то деятельно помогал Мэрчисону. Правда, это было так давно...

Кокшаров сменил Гельмерсена на посту директора Горного института. Он появлялся обычно только на экзаменах,

был добродушен, шутил со студентами. Потом его карьера оборвалась: студент Русаков готовил убийство Александра II. По этому же делу была казнена Софья Перовская – племянница хлебосольного оренбургского генерал-губернатора.

Фёдорова Николай Иванович не оценил – на кафедре не оставил. Тот отправился на Урал, в Ивдель, геологом на Турьинские медные рудники. Потом пришлось работать в Геолкоме на должности со странным названием «и. о. консерватора», потому что кафедру минералогии в Петербургском лесном институте занял сын Кокшарова. Фёдорова провалили на выборах в Академию наук, как Менделеева и Столетова. Позже он стал профессором кафедры геологии, а в 1905 году – директором Горного института. Потом уволен как «еврей, сеющий смуту».

Кокшаров просто не понимал работ Фёдорова, которого крупнейшие математики ставили рядом с Лобачевским и Эвклидом, который свободно переносил завоевания одной науки в другую.

Из книги Фёдорова «Учение о фигурах»: «Пришел я к этой теме, исходя из наслаждений, испытанных мной при ближайшем изучении изящных соотношений между геометрическими фигурами...»; «Телесный угол – строительный элемент телесных фигур...»; «Кристаллы блещут симметрией...».

На лекциях он исписывал доску формулами. Потом: «Это все не так... все не так... нужно обдумать... все зачеркните...» Закрывал глаза и вытянутой рукой показывал положение граней кристаллов: «И вот вы можете видеть – стоит поставить тройную ось вот так... а четвертную так... Все! Готово!»

Академик Наливкин писал: «Мы мыслили плоскостями, а он – пространством».

Как странно кроится жизнь! Будущий академик Александр Карпинский экзаменовал Фёдорова, когда тот в двадцатисемилетнем возрасте поступал в Горный институт. Отец Карпинского Пётр, «искусный капитан» из команды Мэрчисона, управлял Турьинскими рудниками, где впоследствии работал Евграф Фёдоров. Жена Александра Пет-



ровича Карпинского – внука Льва Брусницына, открывшего россыпное золото на Урале.

В голодное время, осенью 1918 года, президент Академии наук Карпинский, ничего не понимавший в трудах Фёдорова, пришел к нему, тяжело больному, домой, умолял баллотироваться в Академию. Только четыре месяца перед смертью Евграф Степанович и побыл в академиках.

Великие геологические споры

В детстве и юности Чарльз Дарвин был страстным коллекционером. Он собирал марки, медали, насекомых, минералы.

Восемь лет он резал усонюгих рачков. Сын его, маленький Джордж, побывав у соседей, с недоумением спросил: «А где же они режут рачков?» После смерти Чарльза Дарвина Джорджу написали самые верные люди. Томас Гексли: «Дальновидный отец Ваш поступил как нельзя более мудро, когда обрек себя на годы терпеливого труда, какого стоила ему книга об усонюгих рачках». Джозеф Гукер: «В своей деятельности биолога Ваш отец различает три ступени: просто собиратель в Кембридже, собиратель и наблюдатель на «Бигле», зрелый естествоиспытатель после, и только после работы об усонюгих рачках».

Гукер стал дарвинистом с того самого дня, когда Чарльз дал ему прочитать первый набросок своей работы. Письмо Дарвина Гукеру: «Я почти убежден, что виды (это похоже на признание в убийстве) не остаются неизменными. Упаси меня бог от ламарковских бредней о «тенденции к прогрессивным изменениям», о «приспособлениях, постепенно порождаемых волеизъявлением животных» и тому подобного! Я, кажется, нашел (какова самонадеянность) простой способ, каким виды тончайшим образом приспособляются к тем или иным условиям жизни. Сейчас Вы издадите стон и подумаете: «На что же я тратил время, кому писал». Пять лет назад и я на Вашем месте подумал бы так же».

Палеонтолог Гексли был возмутителем спокойствия в палеонтологии – громил Ламарка, Агассиса, Оуэна, мэрчисоновского соавтора, которого называли английским Кювье. Оуэн был из тех людей, что помогают молодым талантам до поры, пока те не начинают опережать учителя. В живых существах он видел только вариации общего архетипа.

При первой встрече с Дарвином Гексли доказывал, что виды отделены друг от друга резкими границами. Дарвин не стал с ним спорить. Лишь улыбнулся: «Я держусь другого мнения».



Третьим близким другом Дарвина, пожалуй самым близким, был Чарльз Лайель. С его книгой юный Дарвин не расставался во время путешествия на корабле «Бигль» и вернулся «большим лайелистом, чем Лайель».

Альфред Уоллес, школьный учитель, с детства увлекался жуками. Как-то вместе с другом он скопил денег, на паруснике пересек Атлантику и попал в низовья Амазонки, а потом на Малайский архипелаг. Оказалось, что на соседних островах обитают близкие виды организмов, что виды сменяют друг друга не только во времени, но и в пространстве.

В 1855 году Уоллес отправил статью о географическом распределении видов в научный журнал.

Дарвин прочитал статью и разволновался. Ведь Лайель не зря предупреждал: «Вас могут опередить» – и советовал закрепить приоритет публикацией краткого очерка. Вдруг Дарвин получает письмо от Уоллеса и рукопись, написанную за одну неделю, в промежутках между приступами тропической лихорадки.

Дарвин тотчас отправил ее Лайелю, как об этом просил Уоллес, и черкнул несколько слов: «Ваши угрожающие слова, что меня предвосхитят, оправдались. Вы сказали это, когда я здесь очень кратко излагал Вам мои взгляды на естественный отбор и его зависимость от борьбы за существование. Я никогда не видел более поразительного совпадения: если бы у Уоллеса была рукопись наброска, написанного мной в 1842 году, он не мог бы сделать лучше краткого резюме. Даже его термины могут служить заголовками к моим главам. Пожалуйста, верните мне его рукопись, которую он не просит меня печатать, но я, конечно, напишу ему и предложу послать в любой журнал. Таким образом, вся моя оригинальность, какова бы она ни была, будет уничтожена, хотя моя книга, если она может иметь когда-нибудь какую-либо ценность, не ухудшится, так как вся трудность состоит в применении теории. Я надеюсь, что Вы одобрите набросок мистера Уоллеса, чтобы я мог сказать, что Вы о нем думаете».

Лайель и Гукер убеждали Дарвина опубликовать статью Уоллеса совместно с его собственной. Дарвин – Лайелю: «Я бы теперь чрезвычайно охотно обнародовал очерк моих

общих взглядов на десятке или около того страниц, но я не могу себя убедить, что могу честно сделать это. Так как я не хотел печатать никакого очерка, то честно ли будет сделать это только потому, что Уоллес прислал мне очерк этой теории? Я охотно сжег бы всю свою книгу, чтобы ни он и никто другой не могли подумать, что я вел себя низко. Не кажется ли Вам, что вследствие того, что он прислал мне этот очерк, у меня связаны руки?

Я затрудняю Вас своими дрызгами, но Вы не можете себе представить, как я был бы благодарен Вам за совет. Мой добрый, дорогой друг, простите меня. Это жалкое письмо, вызванное жалкими чувствами».

Дарвин – Уоллесу: «Хотя я согласен с Вами относительно Ваших выводов, но все же мне кажется, что я иду гораздо дальше, чем Вы. Летом этого года исполняется двадцать лет, как я завел мою первую записную книжку по вопросу, как и каким образом виды и разновидности становятся различными».

Одну из лучших своих книг благородный Уоллес назвал коротко и выразительно – «Дарвинизм».

1 июля 1858 года на заседании Линнеевского общества Лайель сделал сообщение от своего и Гукера имени. Он прочитал отрывок из черновой рукописи Дарвина 1844 года, статью Уоллеса и прибавил, что оба джентльмена «имеют право считаться оригинальными мыслителями в этом направлении исследования». Доклады ушли в печать.

Обо всем происшедшем Дарвин написал Уоллесу и получил ответ: тот извинялся, что стал невольной причиной беспокойств, и писал, что Лайель и Гукер лучше поступить не могли.

Книга Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», главная книга столетия, вышла 24 ноября 1859 года. Он исходил из того, что дети наследуют признаки родителей и в то же время от них отличаются. Многие он почерпнул из бесед с голубятниками в деревенских пивнушках. Вот что ему важно: «радостное удовлетворение от сознания того, что внес свою долю в усовершенствование истории нашего изумительного мира».

После выхода книги Дарвина Лайель написал ему: «Я очень рад, что мы с Гукером убедили Вас опубликовать



ее, не дожидаясь времени, которое, по всей вероятности, никогда бы не наступило, хотя бы Вы дожили до столетнего возраста».

Гексли: «Уоллес дал толчок, и Дарвин, кажется, разошелся не на шутку. Я рад слышать, что мы наконец по-настоящему познакомимся с его взглядами. Предвижу свершение великой революции».

Прочитав книгу Дарвина, он воскликнул:

– Не додуматься до этого – какая же невероятная глупость с моей стороны!

К этим словам мог бы присоединиться и Лайель.

...Позднее престарелый Патрик Меттью, ссылаясь на свою тридцатилетней давности книгу о корабельном лесе, в которой вскользь говорится о борьбе за существование и отборе, заявил права на приоритет и стал печатать на титульных листах новых работ: «первооткрыватель естественного отбора». Потом выяснилось, что какой-то американец опубликовал свои взгляды раньше Меттью, и Дарвин заметил: «Бедный Меттью, придется ему снова переделывать титульные листы».

И Оуэн со своей «аксиомой непрерывного действия творческой силы, или предустановленного образования живых существ» также утверждал, что Дарвин и Уоллес всего лишь использовали его представления.

Дарвин осторожен и осмотрителен. В его книге человеку посвящена всего одна фраза: «Свет может быть брошен на происхождение человека и его историю».

Тем не менее он не избежал ругани.

Мэрчисон писал: «Я льщу себя надеждой, что я видел природу в ее древних проявлениях больше, чем кто-либо из живущих ныне людей, и я безбоязненно говорю, что наша геологическая летопись не дает ни одной крупинки доказательства для поддержки теории Дарвина». Будучи сильнейшим полевым геологом, он остался ортодоксальным катастрофистом. Дарвин: «Я ожидал, что Мэрчисон будет вне себя. Как странно, что у такого крупного геолога такой нефилософский ум».

Старый учитель Дарвина Седжвик разразился грозной статьей, в которой обвинял своего ученика в материализме

и атеизме, а его теорию назвал «сильно зловредной» и сотканной «из нитей и мыльных пузырей». Дарвин писал о «бешенстве бедного старого Седжвика»: «Я никогда не мог поверить, что инквизитор мог быть хорошим человеком, но теперь думаю, что человек может жечь другого человека и иметь такое доброе и славное сердце, как у Седжвика».

Гексли – Дарвину: «Надеюсь, что Вы не позволите себе огорчиться или смутиться бранью или искажениями Ваших мыслей, которые, если я только сильно не ошибаюсь, на Вас посыпятся. Будьте уверены, Вы заслужили вечную благодарность всех мыслящих людей. Что же касается дворняжек, которые лают и визжат, то Вы должны помнить, что некоторые из Ваших друзей, во всяком случае, обладают долей ответственности, которая (хотя Вы часто и справедливо упрекали меня в ней) может Вам пригодиться. Я уже оттачиваю свои когти и клюв, чтобы быть наготове».

Разгромив двух злопыхателей, он написал Дарвину: «Повесьте два скальпа в вашем вигваме».

Даже Лайель не мог смириться с мыслью, что человек ничем принципиально не отличается от животных. В конце концов он принял дарвинизм, но молил Дарвина оставить «хоть каплю творческой благодати». Даже Уоллеса не оставляла мысль о Создателе. Дарвин говорил, что некоторые абзацы в трудах Уоллеса (он стал его близким другом) словно бы вписаны чужой рукой. Речь шла о происхождении человека.

И только Гексли открыто и ясно, в полный голос, выступил в Линнеевском обществе. Он показал, что между высшими и низшими обезьянами различие много глубже, чем между высшими обезьянами и человеком.

Чарльз Дарвин в конце жизни сказал, что глубже всего он проникся ощущением прекрасного, когда поднялся на вершину горы в Андах и перед ним открылись просторы диковского пейзажа. Ушел спать, а в час ночи со свечой появился в спальне: «Я сказал вам неправду: я не тогда полней всего воспринял прекрасное. Я совершенно убежден, что самые возвышенные минуты пережил в лесах».

В последние годы Дарвин изучал орхидеи.



Наверное, самый трудный вопрос геологии – как были воздвигнуты великие хребты: Альпы, Гималаи, Урал. Толщи, их слагающие, когда-то накапливались в глубоких морских бассейнах, называемых геосинклиналями. Что-то заставило их вывернуться наизнанку. Что? По гипотезе контракции считалось, что горячая Земля, остывая, как печеное яблоко, сжимается и происходит коробление слоев. Но почему образование хребтов происходило в разное время? Почему шло мощное полосовое прогибание в геосинклиналях и почему оно сменялось мощным поднятием по тем же рельсам? Ответа не знал никто. Его неоткуда было ждать.

Синий цвет

Я никогда не поверю в прозу: ее нет.
Я ее ни разу в жизни не встречала, ни кончика
хвоста ее. Да и какая может быть проза, когда всё
на вертящемся шаре, внутри которого – огонь!

Марина Цветаева

Я получил письмо из Москвы. Дядя Андрюша написал на квадратике ватмана – китайская тушь, детские буквы: «Сенинька, черного цвета нет. Он растворен во всех красках, как и белый, – отсюда тона разной насыщенности. Есть три цвета – красный, желтый, синий. Серый – это бесконечная смесь черного и белого, это опаловое небо. Делакруа не нужен чистый цвет. Ему нужны оттенки. Он говорил о Веронезе: «Он мог бы написать белое, золотистое женское тело цветом, который сам по себе был бы подобен уличной грязи». А как искал Пикассо оттенки зеленого! Я пытался написать белую скатерть не белой краской, а приемами старых мастеров. Смешал красное с синим и желтым и при освещении стола лампой под оранжевым абажуром. Когда смотришь на льняную скатерть полузакрытыми глазами, она кажется темно-серой. Но если лампа бросает красное и желтое, скатерть становится ослепительно белой! У меня скатерть опять не получилась. Яблоки на столе получились – красное с розоватым. Но если с красным яблоком зеленое – плохо дело. Гоген же видит: если гора голубая, давай сюда голубое. Не приставай ко мне, Винсент, чтобы это голубое было таким или этаким. Раз гора голубая, делай ее голубой, и точка. На точке остановлюсь. Живи в радости! Черного цвета нет! Нет!»

А тетя Корочка написала по-земному: «Большая просьба к тебе, Сенечка. В Перми есть институт бытовой химии. Замдиректора этого института Пашков Октавий Леонидович – автор технологии обогащения лазурита. Узнай, пожалуйста, нельзя ли у них за наличный расчет, или за наличные деньги, или еще как-нибудь получить хоть немного концентрата. Я сейчас составляю альбом выкрасок синего цвета



для атласа минеральных пигментов, и в нем недостает оттенков...»

Я представил, как тетя Корочка, кутаясь в шаль, пишет письмо при свете знакомой мне с малых лет зеленой лампы, а дядя Андрюша готовит краски. В полутьме на полках проступают томики сказок, и шотландские среди них, и одна сказка – про Томаса Лермонта...

Потом тетя Корочка идет на Кировскую, ныне снова Мясницкую, на главпочтамт, чтобы письмо быстрее долетело до Перми. Она проходит мимо стеклянного дома, облицованного розовым туфом, голубые тени облаков проплывают по его прозрачным стенам. Машины могут проезжать под этим висящим в воздухе домом из Лучезарного города Ле Корбюзье. Потом она заходит в магазин, который в народе зовут «китайским», купить к чаю коробку печенья «Садко». В детстве я побаивался спрятавшихся в стенах каменных дракончиков. Зато внутри магазина запах молотого кофе, огромные вазы, разрисованные чайными розами и цветущими вишнями. Письмо в Пермь сбрасывалось в большой ящик для авиапочты в высоком зале главпочтамта, похожем на вокзал, с двойными рядами балконов.

– Лазурит? – Пашков задумался.

Он прочно сидел в кресле, положив руки на стол, смотрел на меня и думал. Его тихий голос был рассчитан на то, что он будет услышан, каким бы тихим он ни был. Он был деловым человеком в роговых очках, занятым и усталым.

– Нет, лазуритом я сейчас не занимаюсь. Наш институт изменил профиль, мы занимаемся только бытовой химией. Моющие средства... – Перед Пашковым лежала программа совещания и стопа докладов. – Да, моющие средства, отбеливатели...

«Ну что ж, – подумал я, – на нет и суда нет. Надо уходить».

– А когда-то я занимался лазуритом.

Его слова предполагали как будто и продолжение разговора.

– Толстихину я знаю по публикациям. А вы что, знакомы с ней?

«Рассказать ли о Москве сорок первого года, разбитом доме Корбюзье, о том, как осколки стекла нестерпимо блестят и хрупают под ногами? «Приходи к нам ужинать, Сеничка. Приходи обязательно. Знаешь, что будет? Омлет». Омлет! Даже банку из-под ленд-лизовского яичного порошка помню, покрытую слоем парафина, проведешь ногтем – срезается, скручиваясь, тонкая парафиновая стружка. Или рассказать о книжке, которую мне дала когда-то Конкордия Ивановна, – «Цвета минералов»?..»

Я встал, посмотрел в хмурые глаза Пашкова:

– Да, я знаком с Конкордией Ивановной.

– Подождите. Куда вы так спешите? Вы что, лазуритом занимаетесь?

– Нет, я нефтяник.

– Я долго занимался лазуритом, очень долго. Мы сами сделали лабораторную установку. Из двух килограммов руды получали пятьдесят-шестьдесят граммов концентрата. Я могу вам много чего рассказать о дебрях обогащения.

Пашков нажал на кнопку и сказал в микрофон:

– Зою Серафимовну.

Повернулся ко мне:

– Так вот, о дебрях обогащения. В Иркутском управлении не могли получить даже пигмента. Да и у нас один тигель хороший, а другой чуть-чуть синеватый.

«Зачем мне это знать?»

– Зоя Серафимовна, Толстихина лазуритом интересуется, – сказал Пашков вошедшей женщине, выдвинул центральный ящик стола, для чего ему пришлось сдвинуться к стене со своим вращающимся креслом, и достал штупф известняка. Васильково-синие вкрапления проступали по вмещающей породе. Я потянулся к камню.

– Да вы сами посмотрите... – Пашков поворачивал камень перед моими глазами, как бы предъявляя синие глазки. – Делаешь шлиф из этого... вот этого, самого синего... и получаешь нечто бесцветное... интимнейшее прораствание. Красота минерала – отражение его внутренней красоты. В Бразилии «все голубое» значит «все хорошо».

Он откинулся в кресле.



Зоя Серафимовна сидела потупившись, бочком, куталась в платок.

– Я занят, занят, товарищи, – Пашков поршневым движением ладони как бы выжимал из кабинета входящих. Они топтались на пороге и уходили.

Пашков говорил медленно, раздумывая:

– Мало у нас в стране лазурита. Слюдянка на Байкале да еще на Памире в горах нашли. Англичане обогащают афганский лазурит, из Бадахшана. Фирма «Ньютон» этим делом занимается. У них еще есть лазурит из Анд. А мы работали с иркутским сырьем. Вы же видели – материал очень и очень неяркий, из полосы мраморов в докембрийских гнейсах, прорезанных пегматитовыми жилами.

Там, возле Байкала, в Иркутске, когда-то жили Конкордия Ивановна и дядя Андрюша и друг их молодости Николай Охлопков, ставший знаменитым режиссером.

Зоя Серафимовна, смущаясь, сказала сокрушенно:

– Совсем мало на Земле синего цвета. На востоке говорят: Аллах отдал небу весь синий цвет, всю синеву, а земле ничего не оставил. Я ищу синий цвет, главный цвет, как желтый и красный. Оранжевый – как раз желтый с красным. Приблизим синий – получаем максимум напряжения! Приблизим, но не смешаем, иначе все погибнет, цвет разрушится. Теперь приблизим сходные цвета, например темно-синий и светло-синий, получим новый эффект. Контраст в интенсивности, а гармония – в однородности. Если взять два сходных цвета, один чистый, другой заглушенный, например чисто синий и серо-синий, – новый вид контраста. Но дело-то в том, что лучшие картины Делакруа писал, как он выражался, из головы! Он считал, что старые мастера брали не линией, а красочной средой.

Она провела пальцем по столу, как будто стирала пыль, и движение было совершенно девическим.

И тогда я прочитал «Синий цвет». Пашков слушал стихи, скрестив руки и опустив голову. Я взглянул на него: поймет ли, что весь мир залит синевой, и в слезах плачущих родных на похоронах моих – синий цвет, и зимний дым мглы над именем моим – синий, и как это по-грузински звучит – мглы-над-именем-моим?..

Пашков ослабил галстук.

– Пастернак написал другие стихи, это не перевод. Для Бараташвили синий цвет недостижим, он только тянется к нему. Так Павел Лукницкий на Памире шел по насыпям за лазуритом – ляджуаром – лаявартом – асмани. В осыпях, в леднике увидел обломки лазурита. Поднял голову – и глазам своим не поверил: то ли небо, то ли камень синий, стена лазуритовая...

У Пастернака весь мир погружен в синее. Впрочем, у Есенина и земля голубая, и песок небесный: *не видать конца и края, только синь сосет глаза*. Синий цвет везде. И все же он недостижим. Я-то знаю, как выжимать ультрамарин из камня. Как Есенин ищет синий цвет – это тайна: *сирени шелест голубой, сад в голубых накрапах... май мой синий... июнь голубой...*

А я-то удивить хотел Пашкова – сухаря в роговых очках, с зажимом для галстука, «Синий цвет» читал, формулу лазурита силился вспомнить!

– Вот он, ультрамарин, *свет такой синий, в эту синь и умереть не жаль...* И опять он уходит, растворяется – скользящее отражение, бесконечный мотив синего – блюз! Фонарик ультрамарина...

Пашков достал золотое паркеровское перо и порывисто изобразил на бланке ажурный китайский фонарик кристалла ультрамарина – полость, окруженную тетраэдрами.

Было то короткое время зимних сумерек, когда снег за окном наливается синим цветом и отгорает, отцветает...

– У цвета пигмента три константы, – говорил Пашков. – Цветовой тон с определенной длиной волны в миллимикронах, чистота тона и светлота тона, ее еще зовут белизной. Тон можно определить на колориметре, спектрофотометре, приборе Максвелла. Был у меня великий колориметрист Анохин, так он в миллимикронах цветовой тон определял. Его по приборам проверяли. Скажет – четыреста шестьдесят пять миллимикрон. А по прибору – четыреста шестьдесят семь. Соколиный глаз, глаз-алмаз!

Пашков, кажется, проследил мой взгляд в окно, посмотрел на часы.

– Я тоже это время жду, когда синева наливается. Люблю смотреть на небо, на облака – волнисто-угасающие,



легкие; как солнце просвечивает, расправляет их края – переливчатые.

Я посмотрел на Зою Серафимовну, в ее туманные глаза, как будто вода в озере, когда нет ветра и облака отражаются в воде. А если ветер – *заметался пожар голубой* – петельчато, ветвисто колыхнется вода...

– Зоя Серафимовна, – сказал Пашков, – у нас ведь осталась малая толика лазуритового концентрата. Реставраторам, поди, не все отдали. – И мне поясняя: – Мы порошок в Эрмитаж отдали. Для Мадонны Литта, для ее синей мантии...

«Эрмитаж? Мадонна Литта? Да, синий плащ Мадонны пострадал от ультрамариновой болезни. Молекулы краски распадаются».

И я как будто увидел синий плащ Мадонны Литта, и синий цвет был повторен в узком высоком окне далеким пейзажем в голубой леонардовской дымке. Синий плащ покрыт еле заметной паутиной трещинок, а в окне, если приглядеться, можно заметить след от самолета. Может быть, это облака? Младенец одной рукой сжимает мамину грудь, а в другой руке – щегленок.

– Я же точно знаю, Зоя Серафимовна, что у вас должен быть энзэ. Ну-ка, смотрите в глаза. По глазам вижу, что должен быть. Так сколько у вас энзэ?

– С килограмм будет.

– Давайте отдадим Конкордии Ивановне половину, – сказал Пашков. – А этот лазуритовый шуф передайте ей от меня.

И вот я иду по длинному коридору и несу полиэтиленовый пакетик с синим порошком, как будто синюю птицу сжимаю в руке. Длинный, загибающийся вдалеке коридор, как в фильме «Солярис». По стенам гудят вытяжные шкафы. Мне захотелось обернуться.

На двери, которую закрыла за мной Зоя Серафимовна, табличка: «Лаборатория подсинивающих средств».

Опыт геопоззии. Хроника открытий

Камень, который отвергли строители,
соделался главою угла.

Псалом 117.22

Итак, завершён великий труд – написана книга истории Земли, все двенадцать глав геологической летописи. Родерик Мэрчисон был лидером гонки, и *вся земля была его наследством.*

Когда-то он придумал термин «дрифт» для осадков, переносимых морскими течениями и переотложенных в недавнее время. Ныне термин имеет множество значений. В тектонике он остался в переиначенном значении – continental drift, дрейф континентов.

Это настоящая слава, как и три открытые сэром Мэрчисоном системы. Слово, придуманное им, осталось.

Когда-то об этом беседовали Хампти Дампти и Алиса в сказке Льюиса Кэрролла:

« – Эта слава для вас, – сказал Хампти Дампти.

– Я не знаю, что вы подразумеваете под славой, – ответила Алиса.

Хампти Дампти высокомерно улыбнулся.

– Ваше незнание возможно лишь до тех пор, пока я не высказался. Я имел в виду, что слава – прелестный и неотразимый довод для вас.

– Но слава не означает прелестного и неотразимого довода, – возразила Алиса.

– Когда я употребляю какое-либо слово, – сказал Хампти Дампти довольно насмешливым тоном, – оно означает только то, что я хочу, чтобы оно означало, не больше и не меньше.

– Но вопрос в том, – сказала Алиса, – что вряд ли вы можете сделать так, чтобы слово означало столь много различных вещей.



– Вопрос лишь в том, – сказал Хампти Дампти, – кто хозяин слова, и в этом всё».

На грани XIX и XX веков в геологии началась эпоха бури и натиска, которую можно сравнить только со временем великих географических открытий конца XV–XVII веков. Так что же приводит в действие геосинклинали – линейные полосы прогибания земной коры? Почему они прогибались? Почему они выворачивались наизнанку? Почему?!

Включаем песочные часы с запасом песка на двадцать лет. Но сначала – дневник безвестного британского моряка: «Старый капитан однажды велел мне бросить лот в четыре часа утра. Показав ему грунт, поднятый лотом и состоявший из песка и мелкой гальки, я был поражен, когда капитан взял небольшую гальку, положил ее в рот и попытался разгрызть. На мой вопрос, зачем он это сделал, он ответил, что эту гальку называют «йоркширский боб», и если ее удастся разгрызть, то это значит, что ты находишься к западу от Доггер-банки, если же не удастся, то восточнее».

1860–1880 годы

Управление общества «Челленджер», находящееся в Эдинбурге, и Королевское общество отправили в кругосветное плавание экспедицию Джона Меррея на корабле, несшем название общества.

Журнал «Панч» напутствовал «Челленджер» посланием в возвышенных стихах: «Поставил целью он промерить Океан».

В Атлантике наметилось что-то вроде горного хребта, который идет по меридиану. На востоке Тихого океана «Челленджер» обнаружил возвышенность, названную плато Альбатрос, там было множество этих птиц.

В Антарктике били из пушки по айсбергу, чтобы отколоть льдину. Драга поднимала со дна холодный ил, в нем можно было охлаждать бутылки с шампанским.

Отчет о работе экспедиции состоял из пятидесяти томов. В числе авторов – Александр Агассис, сын знаменитого швейцарского геолога. Он же возглавил исследования на судне «Альбатрос».

Экспедиции зацепили глубоководные желоба и установили, что почти все глубоководное ложе океана выстлано

тонким слоем красной глубоководной глины. Генри Менард приводит характерный отрывок из отчета того времени о геологическом образце, взятом в Северной Атлантике с глубины семи тысяч пятисот шестидесяти футов: «Да позволят мне сказать, что этот единственный промер вознаградил нас за все разочарования, рожденные накануне волей случая и погоды. В одиннадцатом часу при обстоятельствах в высшей степени неблагоприятных для выведывания тайн бездна послала нам долгожданную весть».

Что происходило на суше? Еще в 1841 году, в тот самый год, когда Мэрчисон путешествовал по России, в Швейцарских Альпах был обнаружен огромный надвиг: на протяжении пятнадцати километров более древние пласты перекрывали более молодые. Позже Марк Твен острил: «Если бы Швейцарию развернуть и распластать, то получилась бы немалая страна».

Швейцарские надвиги произвели сильное впечатление на английского физика преподобного Осмонда Фишера, которого давно занимала всякого рода геологическая экзотика, вроде вокругтихоокеанского огненного сейсмического кольца.

1881–1900 годы

В своей книге «Физика земной коры», вышедшей в 1889 году, Фишер решительно отверг контракцию, уподоблявшую Землю печеному яблоку. В ту пору думали, что первозданная Земля была огненным шаром, оторвавшимся от Солнца и постепенно остывавшим. Только после открытия радиоактивности стало ясно, что в Земле есть свой источник тепла. Стали ненужными расчеты охлаждения и сжатия Земли, на которых держалась теория контракции.

Прозрения Фишера при скудости наблюдений удивительны: в его книге есть все положения будущей модели дрейфа континентов. Более того, он предположил, что существуют «конвективные потоки» (это его термин) в базальтовой магме, подстилающей земную кору, литосферу. Он провел аналогию, понятную каждому британцу. Эти самые конвективные потоки можно увидеть утром на кухне в кастрюльке с овсянкой, поставленной на огонь. Горячая овсяная каша поднимается вверх, а холодная, более тяжелая, опускается



на дно. К сожалению, работа Фишера оказалась незамеченной, просто-напросто забытой.

1901–1920 годы

И открытие Брюнеса, сделанное на рубеже веков, было прочно забыто. А он обнаружил интереснейший факт: намагниченность горных пород точно соответствует ориентировке магнитного поля времени их образования. А коли так, остаточная намагниченность позволяет определить параметры магнитного поля давно прошедших времен. Когда базальтовая лава остывает, то, проходя через точку плавления – точку Кюри, частицы железа, содержащиеся в ней, ориентированы на современный им полюс, и эта ориентация долгое время сохраняется. Эти маленькие магнитики несут информацию о давно прошедших временах.

Хорватский геофизик Мохоровичич нашел по скорости распространения упругих колебаний мощный раздел в земной коре. Под осадочным чехлом оказалась двуслойная кора: сверху – легкие граниты, ниже – тяжелые базальты. Границу в основании коры назвали Мохо, или просто М. Ниже М – твердая мантия, потом жидкое внешнее ядро, и в центре – твердое внутреннее ядро.

Удар по фиксизму, то есть традиционному представлению о неподвижности материков, последовал со стороны немца Альфреда Вегенера. Мэрчисоновский термин «drift» Вегенер преобразовал в «continental drift» – дрейф континентов. Он был мобилистом – двигал континенты.

О дрейфе до него была работа Осмонда Фишера, была статья Тейлора, и Вегенер знал о них. Правда, если углубиться в историю, то еще Фрэнсис Бэкон в 1620 году, рассматривая первую карту мира в меркаторской, прямоугольной системе координат, заметил сходство очертаний Африки и Америки. Бэкону принадлежит знаменитая фраза «Knowledge [itself] is power», которую у нас переводят как «Знание – сила», а лучше бы – «Знание само по себе сила».

Курт Вегенер, старший брат, однажды рассказал Альфреду о Гренландии, и тот загорелся – проштудировал горы книг, повесил над кроватью карту острова, пересеченную тремя линиями. Южная линия обозначала путь Нансена на

льжах в 1888 году, северная, более свежая, – маршрут Роберта Пири 1892 года. Над линией, прочерченной красным карандашом посередине, в самом широком месте острова, надпись: «Альфред Вегенер, 19... год». Нансен и Пири пройти по этому маршруту не решились.

Брату сказано: «Курт, дело решенное. Идти надо, пока молод. К тому же, если медлить, могут опередить». Курт спорить не стал. Альфреду тринадцать лет, он записывает в дневнике: «Ни один человек, который хочет совершить в жизни что-нибудь значительное, не должен ждать, пока ему представится возможность это сделать. Для него должно быть законом: я это совершу или умру».

Став доктором астрономии, Альфред всерьез занялся метеорологией. Его тянуло небо, он верил в возможность космических полетов. Курт взял его к себе в аэрологическую обсерваторию. Они поднимались на аэростатах, даже установили мировой рекорд длительности полета – пятьдесят два часа.

Но Альфред не забыл о Гренландии. Он просил датчанина Эриксона взять его с собой, тот отвечал отказом, потом сдался.

Все складывалось хуже некуда. Экспедиция разбилась на отряды, и Эриксен не вернулся на базу. Во время зимовки Альфред запускал воздушных змеев, они дали массу новой информации.

О его объемистой работе «Термодинамика атмосферы» русский климатолог Воейков сказал: «В метеорологии возшла новая звезда». Рукопись Альфред показал знаменитому метеорологу Владимиру Кёппену и – влюбился в его дочь Эльзу. Объяснение произошло через два года после знакомства. Предложение руки и сердца последовало в гондоле аэростата. Альфред надел на пальчик Эльзы обручальное кольцо, однако свадьба состоялась еще через полтора года.

Альфред все-таки пересек центральную часть Гренландии по линии, прочерченной в детстве красным карандашом. Он видел, как рушились айсберги, может быть, уже представлял столкновение континентов.

6 января 1912 года Вегенер сделал доклад о дрейфе континентов на собрании Немецкого геологического общества во Франкфурте-на-Майне. Геологи устроили головомойку



дилетанту – какой-то выскочка-метеоролог рвет в клочья теорию контракции!

Между боями войны 1914 года, в госпитале после тяжелого ранения на русском фронте Альфред думал о движении материков. Он извлек уроки из скандального обсуждения во Франкфурте. К его фундаментальному труду с элементами исповедальной прозы «Возникновение материков и океанов» специалисты отнеслись со всей серьезностью. Фантастическое сходство очертаний береговой линии по обе стороны Атлантического океана – что может быть проще, что может быть красивее? Метеоролог Вегенер погрузился в глубины геологии, палеонтологии. Будто бы он нашел два куска разорванной газеты, они совершенно совпали и можно наконец прочитать «гвоздевой» материал. Многие замечали сходство очертаний материков, но только Вегенер вцепился в этот факт, подбирал кусочки, как в детской мозаике.

В полемике Альфред безупречно корректен. Шутили: его темперамент заморозила Гренландия.

Скажем, сходство фауны и флоры по обе стороны Атлантики некоторые геологи объясняли существованием сухопутных мостов, некогда соединявших неподвижные континенты. Геолог Симпсон, напротив, считал, что никаких мостов не было, а были «дороги удачи», по которым происходили случайные переброски животных и растений через океан. А дрейф континентов – это просто сказка, волшебная сказка!

Вегенер спокойно показал непригодность теории мостов на простом примере. По обоим берегам Атлантики садовые улитки вида *helix pomerta* встречаются лишь в двух районах: в Западной Европе и на востоке Северной Америки. Эти тихоходы никак не могли бы преодолеть большие расстояния.

После войны Вегенер заведует метеослужбой в Германской морской обсерватории. В Гамбурге он вместе с Кёппеном ведет геофизический коллоквиум. Он изучал распространение древней фауны и флоры и неопровержимо приходил к одному: существовали два суперконтинента – Лавразия на севере и Гондвана на юге, разделенные древним океаном Тетис. В триасе, двести миллионов лет назад, на какое-то время континенты объединились в единую землю – Пангею,

omnis terra. Распад Пангеи начался с раскрытия Атлантического океана в конце триаса, а Гондваны – в конце юры. Вот и все! Вот и все!

Причина образования Альп – встречное движение Африки и Европы. Гималаи? Индия врезалась в Азию и поднырнула под нее!

Вегенер не понимал, почему так яростно отвергается дрейф. Ведь он все объясняет. Когда материк двигается поперек параллелей, он пересекает разные климатические зоны, и это сразу видно. Один из критиков Вегенера был откровенен: «Поверив в эту гипотезу, мы должны будем забыть все, что только узнали за последние семьдесят лет, и все начать сначала».

Было слабое звено в гипотезе Вегенера. Какие силы вызывают дрейф, приводят в движение литосферные плиты? Вегенер считал, что эти силы действуют на самих континентах, а не под дном океана. Континенты казались чем-то вроде самоходных барж, которые, двигаясь, распарывают подобное мягкому воску днище океанов, а срединно-океанические хребты – просто оторвавшиеся при движении куски континентов. Геофизики показали обратное: породы днища прочнее пород материков и перемещения подобного рода исключены.

О, если бы Вегенер внимательно прочитал книгу преподающего Осмонда Фишера!

1921–1940 годы

Наконец Альфред Вегенер стал профессором кафедры геофизики в университете тихого Граца у подножия Альп. У него свой дом, друзья, у него жена Эльза, три дочери.

Новое увлечение – кратеры на поверхности Луны. Как они образуются? Курт и Кёппен осуждают Альфреда, считают, что он разбрасывается. Но с другой стороны, ему тесно на планете Земля. Здесь для него нет особых загадок. Луна – другое дело.

Он в одиночестве рассыпал цемент по ящикам и бомбил их камнями разной формы и размера. Он доказывал: кратеры возникли на Луне после бомбардировки ее метеоритами. Вулканизм Луны он полностью отрицал. Вегенер съездил на озеро Каалиярв, что на острове Сааремаа в Эстонии. Считалось, что озеро – в метеоритной воронке.



Однажды весной в Грац из Геттингена приехал профессор Мейнардус. Он рассказал о новой экспедиции в Гренландию, выведывал планы Вегенера. Но тот готов ехать немедленно! Более того, ему не нравится скромность научной программы! По его мнению, нужны три стационара – на юге, севере и в центре, нужны метеонаблюдения для воздушного моста Германия – США. Пластичен ли лед? Что подстилает его? Это важно для гипотезы дрейфа. Вегенер сам ищет деньги для экспедиции.

В апреле 1930 года судно, зафрахтованное Вегенером, выходит из Копенгагена. Аэросани, отправленные в центр острова, на станцию Айсмитте, где находились Герги и Зорге, не дошли до цели. Вегенер боялся, что они пешком уйдут из Айсмитте на базу. Он сам повел отряд на пятнадцати собачьих упряжках и добрался до станции. Первого ноября в ледяной пещере отметили день рождения Вегенера, и в тот же день Вегенер и Расмус Виллусен на двух упряжках двинулись в обратную дорогу. Они прошли более половины пути. Весной 1931 года нашли Альфреда Вегенера: лыжи и сломанная палка над могилой по гренландскому обычаю. Он погиб не от мороза – сердце не выдержало. Расмуса найти не удалось. Экспедицию завершил пожилой профессор Курт Вегенер.

А про дрейф континентов, про Пангею было забыто. Но те геологи, кто работал на гондванских материках, верили в дрейф – Арган, Дэли, Холмс. Гигантское оледенение, охватившее в карбоново-пермское время обширные площади в Южной Америке, Африке, Индии, Австралии, можно было объяснить только существованием Гондваны, соединявшей вместе эти куски. Модель неподвижной Земли никуда не годилась. Дю Тойт назвал свою книгу «Наши блуждающие континенты».

Самый сильный удар по гипотезе дрейфа нанес виднейший геофизик сэр Харальд Джеффрис из Кембриджа. Ведь он знал, как ведут себя сейсмические волны при землетрясении, когда Земля гудит, как колокол, и был уверен, что планета наша – упругое твердое тело. Кто такой Вегенер? Он плохо знает геологию и плохо знает физику. Значит, он не разбирается и в геофизике. Земля твердая, и нет сил, способных привести материки в движение.

Геофизик Гутенберг также выступил против утверждения Вегенера о том, что в океанах отсутствует кора материкового типа («сиаль» по Вегенеру).

В это же время англичанин Артур Холмс предложил такую схему движения материков: они передвигаются вместе с верхней мантией по расплавленному слою – астеносфере. Это называется так: схема мантийной конвекции с устойчивыми ячейками. Вместе с тем скептический Холмс посчитал, что контуры материкового склона Африки и Южной Америки совмещаются плохо. Австралиец Кэри впоследствии показал – может быть, специально для недоверчивого Холмса, – что контуры Африки и Южной Америки совпадают точно. Тем не менее Холмс, этот Фома неверующий, заявил: «Должен признаться, что, несмотря на все доводы «за», мне никогда не удавалось полностью освободиться от смутного предубеждения против гипотезы дрейфа континентов. Так сказать, всем геологическим нутром я чувствовал, что она фантастична».

А тут еще Джеффрис вдребезги разбил мантийную конвекцию Холмса.

На «телеграфное плато» в Атлантике натолкнулись еще в начале XX века, когда прокладывали первый трансокеанский подводный кабель. Он рвался именно на месте «телеграфного плато». В 1925–1927 годах перед немецкой экспедицией на судне «Метеор» была поставлена невероятно трудная задача – выяснить, можно ли добывать золото из морской воды: побежденной Германией нечем было платить контрибуцию. Зондируя дно Атлантики, «Метеор» обнаружил срединно-океанический хребет. Позже такие же хребты были открыты в Тихом и в Индийском океанах. На окраинах Тихого океана установили глубоководные желоба, сопряженные с островными дугами. По схеме Григгса в этих местах мантийный конвекционный поток уходит вниз.

Геофизик Венинг-Мейнес, двухметровый голландец, занялся гравиметрией, замером аномалий силы тяжести на дне океанов при помощи подводных лодок. Он подтвердил представления Григгса и преподобного Осмонда Фишера: в желобах работают нисходящие ветви конвективных потоков магмы.



Исследования Венинг-Мейнеса продолжил американец Морис Юинг из Колумбийского университета, сын упрямого северотехасского фермера, прекрасный физик, со светлой головой и золотыми руками. Он мог рассчитать хорошую теорию и мог починить лебедку. Юинг работал с размахом: надо собрать всю информацию по океану. Он хотел быть везде и всюду первым, стремился через океаны познать континенты, хотя и шутил: «Единственная польза от воды – это то, что она позволяет моей лодке передвигаться из одной точки в другую».

Изначально он отнюдь не был мобилистом. Но он собирал факты, новые факты, все факты, оставляя свою голову свободной для всех гипотез. Вся Земля была его ранчо.

Конечно же, Юингу пришлось по душе стремление Ричарда Филда из Принстона изучать всё дно океана – от срединного хребта до шельфа. Филд внушил эту идею не только Юингу, но и Гарри Хессу, тоже из Принстона, и Эдварду Булларду из Кембриджа. Сейсморазведка показала, что в океане мощность осадочного слоя редко где превышает один километр, что его вовсе нет на срединно-океаническом хребте, где обнажаются базальты.

Президент компании «Стандард Ойл» сказал Юингу: «Даже за пять центов, истраченных на подобные исследования, мне не оправдаться перед моими пайщиками».

1941–1960 годы

Другое дело – деньги, которые военное ведомство отпускало Юингу на поиски подводных лодок во время Второй мировой войны. Впрочем, Юинг продолжал изучать и кору океанов. Вместе со своим студентом Франком Прессом он установил, что осадочные бассейны всех океанов, включая Тихий, сходны, что океаническая кора везде тоньше континентальной. Это подорвало модную одно время гипотезу о том, что Тихий океан – это место отрыва Луны от Земли. Ее придумал сын Чарльза Дарвина Джордж, тот самый, который выяснял у соседей, где они режут усконогих рачков, как папа.

Морис Юинг создал Ламонтскую геологическую обсерваторию при Колумбийском университете (со временем Ламонт, викторианский замок из розового кварцита в парке

на берегу моря, стал мировым центром морской геологии). Под рабочие помещения заняты гараж, бассейн, теннисный корт, оранжерея, даже подводные лодки у пирса.

Сам Юинг работал с семи утра до одиннадцати вечера ежедневно. Окна его кабинета, заваленного книгами и рукописями, выходили в парк. На столе глобус, метр в диаметре, шнурок для замера расстояний. Хозяин кабинета столь же высок и широк в плечах, как его учитель Венинг-Мейнес. Белая грива, легкий румянец, хромота – появилась после того, как волна смыла его с палубы.

Научное судно «Вема» ежегодно уходило в кругосветное путешествие. Док считал, что кораблю место в море, а каждый заход в порт – это потеря производительного времени.

Французский сейсмолог Жан-Пьер Роте сделал яркое сообщение в Лондоне о приуроченности к «телеграфному плато» океанов узкого сейсмического пояса. Линия шла по Срединно-Атлантическому хребту, огибала Африку, окаймляла Мадагаскар, у западного входа в Аденский залив соединялась с внутриконтинентальными африканскими рифтами. (Рифты – это раздвиги земной коры с повышенной сейсмичностью.)

Однажды Юинг поручил своему ученику Брюсу Хизену и его молодой помощнице Мэри Тарп, хорошему картографу, попытаться все-таки найти причину постоянных разрывов кабелей на «телеграфном плато». Они обобщили все имеющиеся данные, в том числе и Роте, и оказалось, что вдоль оси Срединно-Атлантического хребта проходит глубокая долина вулканического происхождения.

Юинг и Хизен ушли в экспедицию на «Вема». Мэри Тарп решительна: по оси хребтов проходят узкие щели – центральные рифтовые долины. Рифты есть и на континенте.

Юинг встретился с Ле Пишоном:

– Надо идти в кругосветку.

– Когда?

– На следующей неделе. Дорогой Ксавье, вам необыкновенно повезло. В первый раз в истории Земли гипотеза будет проверяться так эффективно и быстро.

Действительно ли рифт тянется вдоль сейсмических поясов в океанах? Новый вид охоты – неотступно преследовать



коренные породы, пока они не выйдут из-под наносов и можно будет отобрать образцы.

Гипотеза Юинга, Хизена и Тарп полностью подтвердилась!

После семинара Хизена в Принстонском университете Гарри Хесс, здешний геофизик, сказал, что были потрясены основы геологии.

Еще одно важное открытие: наш геолог Александр Зава-рицкий и американец Хуго Беньоф расшифровали данные японца Вадати по землетрясениям системы «островная дуга – глубоководный желоб»: фокусы их твердо легли на плоскость, наклонно погружающуюся под континент и закоренную на семьсот километров.

А британцы с размахом взялись за изучение палеомагнитного поля Земли. Исследовались породы разного возраста по всему миру.

Лондонский физик Патрик Блэккетт, нобелевский лауреат, фундаментален. То, что Земля – большой магнит, установил еще Гильберт, придворный врач английской королевы Елизаветы I. Но почему Земля магнитна? Блэккетт предложил гипотезу, по которой любое вращающееся тело намагничивается просто вследствие своего вращения, и сам же отказался от нее в статье, озаглавленной «Отрицательный эксперимент».

Мы многого еще не знаем. На суше сила тяжести помогает узнать, где верх, где низ. Но как животные ориентируются в воде? У них есть чувство гравитации, хотя иногда оно обманывает их. У краба в ухе есть песчинка – для ориентации в вертикальной плоскости. При линьке она восстанавливается вместе с панцирем. Если краба поместить в аквариум, заменить песчинку железной дробинкой, положить на аквариум магнит, краб перевернется, уверенный в том, что центр Земли – под ним.

А тайны угрей! Каждую весну американские угорьки величиной с соломинку, прозрачные, как вода, устремляются с восточного побережья Атлантики к западному, а европейские – в обратном направлении. Самцы остаются в солоноватых устьях рек, самки же против течения поднимаются к верховьям рек, к болотам и пересыхающим прудам,

выбираются на берег по мхам, по влажной траве. Пять лет они живут на континенте, боятся солнечного света, зарываются в ил, чтобы ночью выйти на охоту. Они темнеют, достигают метровой длины. Через пять лет они вспоминают про оставленных самцов и разом скатываются вниз, в море, ночью по-змеиному ползут по росе. Их ждут самцы. Никто не знает, как они находят дорогу в Саргассово море, чтобы вывести потомство и сгинуть...

Никто не знает и тайны магнитного поля Земли. Это – территория тайны, Пера маа, дальняя земля...

Так или иначе, но Блэкетт обнаружил, что в триасе Великобритании направление на полюс отличается от современного почти на тридцать градусов по долготе. Причин может быть две: либо полюс сместился, либо Британские острова повернулись на тридцать градусов. Команда Блэкетта отправляется в Индию, Африку, Австралию, США, Антарктику. Вот когда заработал палеомагнетизм – забытое с начала века открытие Брюнеса!

С Блэкеттом конкурирует его ученик Кейт Ранкорн, геофизик из университета Манчестера, ярый фиксист. Он воссоздавал магнитное поле Земли в прошлые эпохи по положению древних магнитных полюсов. Что же получается? Если убрать Атлантический океан, то кривые перемещения полюса совпадают. При этом пути движения полюса, определенные палеомагнитным и палеоклиматологическим способами, совпали. Вегенер прав: Пангея была!

Ранкорн заявил, что если Блэкетт не установит маршрут геомагнитного полюса, то он сделает это сам по британским материалам. Он опубликовал карту перемещений геомагнитного полюса по разным континентам – и превратился в мобилиста!

Надо сказать, что скромный советский геофизик Алексей Храмов, долгие годы занимавшийся палеомагнетизмом, раньше многих и многих постиг таинственные траектории движения древних полюсов.

Макс Планк как-то заметил: «Новая научная правда побеждает не потому, что удастся переубедить оппонентов,



а больше благодаря тому, что оппоненты в конце концов умирают, уступая место новому поколению, для которого эта правда уже привычна». В случае с тектоникой плит это не так: многие фиксисты с чистой совестью перешли на позиции мобилизма. Верно то, что мир наполнился молодыми, энергичными людьми, хорошо знающими не только континентальную, но и морскую геологию и геофизику.

Началось то, что Симпсон назвал волшебной сказкой, Хесс – геопоззией, а Кун – сменой парадигмы. Это была погоня за геологической правдой. Был азарт, были шекспировские страсти.

В геологии началась революция, но делали ее не геологи, а геофизики. Один из будущих лидеров революции Роберт Дитц был даже не геофизиком, а чистым океанологом, атташе лондонского отделения Управления морских исследований США. В то время его больше всего интересовали батискафы швейцарцев Огюста Пикара и его сына Жака. Как ни странно, эти жители сухопутной страны, занимавшиеся глубоководными погружениями, на много лет опередили все морские державы.

Наверное, к таким людям, как Пикары, относится наблюдение Мелвилла в «Моби Дике»: «Всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе у меня воцаряется промозглый, дождливый ноябрь; всякий раз, как я ловлю себя на том, что начал останавливаться перед вывесками гробовщиков и пристраиваться в хвосте каждой встречной похоронной процессии; в особенности всякий раз, как ипохондрия настолько овладевает мною, что только строгие моральные принципы не позволяют мне, выйдя на улицу, добросовестно сбивать шляпы со всех без исключения встречных и поперечных, я понимаю, что мне пора отправляться в плавание, и как можно скорее».

Итак, Роберт Дитц повез Жака Пикара в Вудсхоллский океанографический институт, что в Новой Англии, в рыбацком поселке недалеко от Бостона.

Батискаф заинтересовал только военных – для изучения подводного звукового канала, для обнаружения советских

подводных лодок. Военные купили у Жака Пикара его подводный дирижабль «Триест».

Пикар спросил военных:

– Почему вам понадобилось столько времени, чтобы заинтересоваться батискафом?

– Когда вы начинали свои погружения, мы еще не знали, что русские так интенсивно начнут заниматься морем. А коль скоро русские что-то делают, мы вынуждены их догонять, чтобы по возможности обойти. Лучший способ получить кредиты на какой-то проект – закричать, что его уже сделали русские. Как только кредиты получены, крики, естественно, прекращаются.

Дитца же больше всего интересовало, как устроено ложе океана. Сверхдержавы не рвались его изучать.

Эдвард Баллард начал измерять тепловые потоки в океане – оси хребтов оказались чрезвычайно горячими. И вообще, сейсморазведка, проведенная Джоном Юингом, братом Мориса, показала, что рифты очень активны.

Тем не менее Морис Юинг, когда речь заходила о движении материков, спрашивал: «Вы-то хоть не верите этим глупостям? Океан куда сложнее, чем о нем думают». Он считал так до того времени, пока Хесс не заговорил о геопозии. Оказалось, что океан устроен довольно просто. Идея расширения океанического дна, спрединга (spreading – расширение) витала в воздухе.

1961–1980 годы

На сцену выходят ученые Нового Света, и первый из них – Гарри Хесс. В препринте появляется его статья «История океанических впадин»: «Я буду считать эту работу опытом геопозии». Хесс одержим страстью – узнать тайны динамики Земли. Решающую роль в этой динамике он отводил глубоководным впадинам. Во время Второй мировой войны Хесс, штурман, а потом и капитан военно-транспортного судна «Кейп-Джонсон», эхолотировал дно западной части Тихого океана. Проходя глубоководные участки, Хесс не выключал эхолот с самописцем, как это предписывалось инструкцией.



И вдруг! Он увидел на эхограммах погруженные плосковершинные горы – конусы вулканов с верхушками, срезанными волнами. Он простодушно назвал их гайотами, потому что Гайот-холлом называлась его служебная резиденция в Принстоне. Значит, морское дно активно! Сразу после войны Хесс предложил конгрессу США проект бурения до мантии в океане, однако проект посчитали слишком дорогим. Штурман, ставший профессором Принстона, а впоследствии и адмиралом ВМС США, не успокоился и пробил более дешевый проект.

Хесс был первым, кто сформулировал гипотезу расширения, спрединга: океаническая кора образуется в срединных хребтах, уносится спредингом, эскалатором, холмсовской «лентой конвейера» в океанические желоба и там погружается в мантию. Континенты пассивно плывут в мантийном материале. Он скромно назвал свою гипотезу «эссе из области геопоззии». И вправду, прямых доказательств у Хесса не было.

Незадолго до выхода в свет статьи Хесса о геопоззии знакомый нам Роберт Дитц опубликовал в «Nature» сходную гипотезу. Он-то как раз и придумал термин «спрединг». Однако же статью Хесса многие читали еще до опубликования.

Капитан второго ранга Раиса Михайловна Деменицкая, геофизик от Бога, внимательно следила за литературой. Она интуитивно понимала: в геологии морского дна идет шквальное накопление фактов, создается новая парадигма, а в отечественной геологии – тишина и неподвижность, торжество фиксистов во главе с академиком Белоусовым, гонения на мобилистов. На двери одного из кабинетов Геологического института висел самопальный афоризм: «Никогда не спорь с начальством, даже если оно право».

По свидетельству нашего знаменитого барда Александра Городничского, кавторанг Деменицкая добилась приема у командующего Балтфлотом и у главкома ВМС и убедила их в необходимости поставить на военно-гидрографических судах геофизическую аппаратуру. В результате молодой геофизик Городничский отправился в Северную Атлантику на борту экспедиционного судна «Крузенштерн» – трофейного немецкого парусника, четырехмачтового барка, построенного в начале

века для перевозки кофе и пряностей из Южной Америки. Заметим, что начальником одного из рейсов был Леонид Максимович Бреховских. В свободное время в салоне Бреховских можно было послушать записи классической музыки, попивая сухое вино, которое выдают в тропических широтах.

Время действия – 1963 год. Место действия – Кембридж, факультет наук о Земле. Декан факультета сэр Эдвард Буллард и его помощник Драммонд Мэтьюз только-только начали склоняться к идее дрейфа континентов.

Мэтьюз выбрал тему диплома своему студенту Фредерику Вайну: разобраться с небольшой площадью в районе хребта Карлсберг в северо-западной части Индийского океана. Материал для работы Вайн добыл прошлым летом на научно-исследовательском судне «Оуэн», названном в честь знаменитого палеонтолога, друга Родерика Мэрчисона. Это была гора фактов – записи инверсий магнитного поля Земли. Вайн, конечно, был знаком с геопоззией Хесса, даже побывал на его лекции.

Вайн заваривал кофе, включал магнитофон, слушал Армстронга. Волшебная труба поднималась в опаловое небо. Земля проговаривалась на смутном языке магнитофонных лент. Потом было озарение, удар молнии, выложивший факты в окладной венец здания новой хессовской теории.

Что получилось? Базальты – молодая океаническая кора, они растекались в обе стороны от рифтовой трещины. Едва успев остыть, кора разрывалась посередине, наращивая края уходящих друг от друга плит, – спрединг, растекание дна. Магнитное поле Земли оставляет запись на базальтовой магнитной ленте. Значит, можно определить возраст пород! И этот знак, эта мета, эта остаточная намагниченность сохраняется сотни тысяч лет. По палеомагнетизму древних пород можно определить палеомеридиан и палеопараллель места образования породы. Участки с прямой и обратной намагниченностью дрейфовали от оси спрединга, и были они симметричны по обе стороны хребта. Вайн первым объединил инверсии магнитного поля со спредингом.

И вся земля была его наследством...

Мэтьюз был настроен скептически к построениям студента. Тем не менее их совместная статья на трех страничках ушла



в лучший научный журнал «Nature» («Нейчер»), что значит «Природа».

Как-то Вайна спросили:

– Не знаете, передает ли «Нейчер» поступающие к ним статьи на рецензию или же они печатают все без разбора?

– Скоро узнаем. Я послал им статью, и если она пойдет, значит, они печатают все подряд.

Статья была напечатана и поставила рекорд по индексу цитируемости.

Лоренсу Морли, канадскому геологу, который независимо от Вайна занимался палеомагнетизмом, повезло меньше. Он был первым, но его статью отвергли и «Нейчер», и «Журнал геофизических исследований». Рецензент писал: «О подобного рода предметах можно побеседовать за коктейлем, но писать об этом не следовало бы». Статью напечатал совсем малоизвестный журналчик.

Тем не менее новая идея стала называться в литературе гипотезой Вайна – Мэтьюза – Морли.

Кэри, геолог из Хобартского университета в Тасмании, предложил механизм расширения Земли. Спрединг – есть, а поддвигания плиты под плиту – нет. Земля надувается, как воздушный шарик. Хизен стал ревностным сторонником гипотезы Кэри. К ним поначалу присоединился порывистый канадец Тьюзо Уилсон. Ему было свойственно принимать гипотезу, врубаться в нее – и отбрасывать.

Ранкорн использовал теорию Чандрасекхара для объяснения дрейфа континентов: когда-то континенты плавали на поверхности больших конвекционных ячеек, потом рост железного ядра вызвал изменения в распределении потоков горячей магмы, это делало континенты неустойчивыми, они раскалывались и расходились.

Тьюзо Уилсон фонтанировал гипотезами. Сначала он придумал разделить планету на жесткие плиты. Потом занялся действующими вулканами в Гавайях, в Исландии, докапываясь до сути вещей. Он додумался до идеи о разломах, поперечных к зоне спрединга, бесконечно вырезая из бумаги и склеивая различные варианты моделей рифтов, срединно-океанических хребтов. Поперечные разломы он назвал

трансформными. Все, что нужно для хорошей идеи, – карты магнитных аномалий, кофе, ножницы, скотч и свинг. Когда всё окончательно высветилось, Тьюзо сделал бумажный самолетик и тот по красивой глиссаде опустился в углу комнаты.

Потом он предложил гипотезу горячих точек (по-английски в рифму – hot pot). Когда плита, находящаяся над статичной горячей точкой, очагом выплавления магмы, сдвигается в сторону – вулканы перемещаются вместе с ней. Хребт из потухших вулканов – это документ о движении плиты!

Возражая непреклонным фиксистам, Уилсон писал: «Надо отбросить большинство наших старых теорий и книг и начать заново, вырабатывая новую точку зрения и создавая новую науку».

Идея Уилсона о горячих точках зажгла Моргана – он рассчитал скорости движения плит в кайнозое. Потом он додумался вот до чего: горячие точки устойчивы, потому что есть восходящие струи потоков мантийной конвекции, которые идут вверх в виде мантийных перьев – плюмов. Плюмаж! Скептики были верны себе: «Поскольку плюмовая гипотеза лучше спрятана от наблюдений, чем плиты, ее подтверждение или опровержение может занять годы».

Фред Вайн разыскал энергичного Тьюзо Уилсона и договорился с ним о совместной работе. Выяснилось, что протяженный разлом Сан-Андреас вдоль западного побережья США, от Сан-Диего до Сиэтла, казалось бы продолжающий на суше рифт Восточно-Тихоокеанского хребта, не имел признаков растяжения. Это – трансформный разлом, гигантский сдвиг слоев! Когда произошло землетрясение по разлому Сан-Андреас, правильные ряды апельсиновых деревьев сдвигались безо всякого зияния. А сам Восточно-Тихоокеанский рифт оказался к юго-западу от острова Ванкувер в виде двух маленьких хребтиков – Хуан-де-Фука и Горда. Вайн и Уилсон не могли бы расколоть этот орешек без карты магнитных аномалий ювелирной точности, выполненной Вакье.

...Вадик уже уехал. Я сидел в пустой комнате на широком подоконнике, ожидая машину на Уссурийск. Прощай, Приморье! По радио передавали новости науки и техники.



Я впервые услышал имена Вайна, Мэтьюза, Дитца, Хесса, Ле Пишона – и это на всю жизнь! Литосферные плиты – это же так красиво и просто! Целакант Петрович! Уссури-Ханкайский линеамент! И это все мимо меня!

Коле Журило нравились первые гордые слова из «Моби Дика». Он так и здоровался: «Зовите меня Измаил». Я же нашел там для себя такую фразу: «Он целыми днями стирал пыль со старых словарей и грамматик своим необыкновенным носовым платком, украшенным, словно в насмешку, пестрыми флагами всех наций мира».

Кокс вместе с Доуэллом и Далримплом по калий-аргоновому методу определили абсолютный возраст инверсий геомагнитного поля для последних четырех миллионов лет. Так родилась новая наука – палеомагнитная стратиграфия. Расчетные данные Вайна точно соответствовали наблюдаемым.

В 1966 году он провел анализ полосовых аномалий у берегов штатов Калифорния, Орегон и Вашингтон. Вайн рассудил, что когда-то у берегов Калифорнии существовал океанический хребет, родственный Восточно-Тихоокеанскому, и он отделялся от континента желобом. Хребет постепенно приближался к желобу, пока они не встретились и взаимно не уничтожились. И это было как финал «Боле-ро» Равеля.

Какие страсти кипели! Какая борьба мнений, самолюбий! Хейрцлер, Питман и Опдаик из Ламонта получили профиль Элтанин-19 (по имени судна) через Тихоокеанско-Антарктический хребет. По словам Уолтера Питмана, тогда аспиранта, это было как удар молота. «Оглядываясь назад, вижу, насколько нам повезло, что мы попали в район, где ничто не препятствовало спредингу. Гипотеза Вайна и Мэтьюза казалась мне тогда весьма сомнительной, да и сам Фред, по его словам, не был до конца убежден в собственной правоте, пока не увидел Элтанин-19. Профиль действительно покорила. Кто-то заметил: «Следующим шагом вы подтвердите Вайна и Мэтьюза». Мы увидели, что профиль очень похож на тот, что был опубликован Вайном и Тьюзо Уилсоном как раз перед тем, как наши данные вышли из компьютера».

В Ламонте открыли событие Джарамилло. Однако Вайн сказал им, что они не первые: «Уолт (Питман) и Нил (Оп-дайт) занимались анализом данных в своей комнате. Когда я вошел туда, Нил, согнувшись над столом, составлял графики, опубликованные в его статье 1966 года.

Все графики Уолта, профили Элтанин-19 были развешаны на стене, и я рассматривал их один за другим. Нил сказал: «Взгляни, Фред, это фантастика – мы открыли одно событие». Я ответил: «Мне неприятно говорить это, Нил, но Кокс, Дуэлла и Далримпл уже открыли событие, назвали его и сообщили о нем». Он онемел. Я добавил: «Ну да, Нил, оно получило название Джарамилло. Кстати, вот оно здесь, на профиле Элтанин-19». Оба взглянули на Элтанин и снова на меня. «Боже мой!» – только и смогли вымолвить они».

У нас единственным местом, где серьезно занимались новой глобальной тектоникой, был Институт океанологии, расположенный на южной окраине Москвы – станция метро «Каховская». Океанологи, а не геологи создали школу морской геологии в Геленджике. Андрей Монин перетащил к себе романтического геофизика Олега Сорохтина, энергично взявшегося за глубинные процессы, приводящие в движение плиты, и Льва Зоненшайна, одного из лучших в мире знатоков континентальной геологии, который загорелся палеоре-конструкциями для всех двенадцати геологических периодов и, конечно, движущими силами дрейфа континентов. Он зажег дрейфом своего друга Чермена Борукаева, увлеченного минералогией.

Почти все наши маститые геологи во главе с Владимиром Белоусовым по-прежнему считали геологию континентальной наукой, исключали дрейф материков. Белоусова ничто не могло переубедить, даже экспедиция в Восточно-Африканские рифты. Носильщики банту звали нашего твердокаменного геолога «мистер Стоун». Для океанов фиксисты придумали термин «талассократоны» – океанические платформы.

Лев Зоненшайн вместе с Александром Городницким вслед за изданными в Лондоне реконструкциями Смита, Бриделя, Друри составили серию карт расположения земных плит во



времени. Незамедлительно пришел донос в Академию наук: «Это низкопоклонство перед буржуазной лженаукой и попытка обмануть простых советских людей». Бумага не была выброшена в корзину, а вернулась в Институт океанологии с визой Бреховских, хотя академик лучше других понимал, что новая теория – не абстракция, а прикладное исследование, может ли человек и дальше существовать на этой планете.

А в Ламонте «удревнили» абсолютный возраст полосчатых аномалий аж до ста шестидесяти двух миллионов лет, до юры! Глубже магнитные метки стирались, но универсальность вайновского магнитного конвейера становилась очевидной. Термин «геосинклиналь» постепенно выходил из обихода. Так химики некогда отказались от «флогистона».

Неутомимый Тьюзо Уилсон описал пять стадий полного цикла эволюции литосферы. Геосинклинальная схема, которая не учитывала горизонтальные перемещения, была отвержена.

Теперь геофизики, подобно Морису Юингу, здоровались так: «Вы верите в разрастание морского дна?» Старички-фиксисты, приверженцы модели неподвижной Земли, твердо держались до исторической конференции НАСА в Нью-Йорке в ноябре 1966 года. Ее вел Буллард. Про него говорили, что он, в отличие от большинства геологов, не забыл математику. Позже он вспоминал: «Когда мы собрались в первый день, Морис Юинг подошел ко мне и сказал: «Вы ведь не верите всему этому вздору, Тедди, не правда ли?» В конце совещания я подвел итог в пользу движения континентов».

В 1967 году состоялась экспедиция профессора Калифорнийского университета Генри Менарда. В экспедицию входили «Арго» и «Хорайзн», суда Скриппсовского океанографического института. Меценат – газетный издатель Скриппс, с детства захваченный океаном. Задача – выяснить геологическое развитие и историю Меланезии, юго-западной части Тихого океана. Наш океанограф Глеб Удинцев, узнав, что они собираются драгировать в самом глубоком месте Мирового океана – Марианском желобе, сказал Менарду: «Если вам удастся выловить камеру для глубоководной съемки, то

имейте в виду: это моя камера». Однако же Менард и свою камеру утопил.

У Меланезии странная, ни на что не похожая геологическая история. Предстояло распутать этот меланж, этот клубок ниток. Где материковая кора, где океаническая впадина? Или это затонувшая Мелантида? Началась охота на коренные породы с сейсмопрофилемером, «геовизором». Учуешь их под наносами – сразу спускай поршневую трубку или драгу.

Побережье Новой Каледонии. Генри Менард воевал здесь в 1942 году. Море и рифы вечны – здесь все меняется и не меняется ничего.

У маленького островка с маяком они ждали лоцмана. Зеленень плантаций, голубое море, сверкающие на солнце рифы. А на суше – океаническая кора, та самая, что устилает ложе океана. Когда-то Родерик Мэрчисон трогал рукой теплый камень зеленокаменной зоны Урала и не знал, что такие же породы были и на дне Уральского палеоокеана, и здесь, в Меланезии.

Возле острова Уолпол, в колонках донного грунта, белый ил. И под водой – белый снегопад. Это фораминиферы. В следующей главе – рассказ о микроскопических скелетах этих одноклеточных организмов, расшифровка которых помогла победить в Отечественной войне, о великом микропалеонтологе Дагмаре Максимилиановне Раузер-Черноусовой, об Ишимбае, о Верхнечусовских Городках...

Геофизики ждали результатов интерпретации колонок донного грунта. Они узнают то, чего до них не знал никто, – картину подводного вулканизма, подводных землетрясений, то, что они зовут событиями. Хронологию событий мог дать только этот тишайший фораминиферовый снегопад. Прелесть геологической охоты в том, что она никогда не кончается. Новозеландские военные моряки в районе желоба Кермадек, прямого, как шпага, задолго до геологов нашли подводные вулканы. Вот это было настоящее дело!

Менард выходил на самые сложные вопросы. Скорость раздвигания океанического дна меняется от одного до десяти сантиметров в год. Там, где плиты раздвигаются медленно, возникают высокие хребты, вроде Срединно-Атланти-



ческого. При быстром раздвигании плит образуются широкие поднятия с пологими склонами. Таково Восточно-Тихоокеанское поднятие, усеянное вулканами, подобными острову Пасхи. Еще один тип – Галапагосское поднятие, когда края плит расходятся под углом. Или, скажем, крупное поднятие Дарвина в центре Тихого океана, которое начало медленно погружаться в середине мелового времени, зарастая коралловыми островами.

Практический интерес Менарда – железомарганцевые конкреции, шары, лежащие впритык друг к другу, прямо-таки бульжная мостовая на глубине пяти километров...

Земля – голубой шарик, который уносит куда-то по краю Галактики.

*Этот шарик – голубой,
И внутри его – огонь.*

Все готово для новой теории – новой глобальной тектоники, тектоники плит. Последние, может быть, предпоследние штрихи положены тремя американцами: Брайаном Айзексом, Джеком Оливером и Линном Сайксом. Они показали верность умозрительных построений Тьюзо Уилсона, а тем самым и гипотезы Хесса.

Идею жестких плит, брошенную Тьюзо Уилсоном, прокачали Джейсон Морган в Принстоне, независимо от него в Кембридже Дэн Маккензи (и тут не обошлось без возможных родичей Мэрчисона) и Паркер. Они проверили справедливость теоретических представлений о вращении плит. Плиты земной коры двигались, расходились, сталкивались, дробились, уходили одна под другую, перекрывались, сминались в горные цепи.

Наконец Ле Пишон из Ламонта рассчитал глобальную модель мгновенной кинематики шести наиболее крупных плит и тоже стал героем геологической революции.

Геологи бросились строить схемы былого расположения материков. Может быть, самый крепкий орешек – Урал, хребет Евразии. Иногда Евразию раскалывают Тетисом – океаном, отделяющим Сибирь от Восточно-Европейской платформы.

Следуя за Вайном, Питман и Хесс предложили изящное объяснение загадки полосовых аномалий к югу от Алеутских островов. Они считали, что в конце мелового периода здесь были тройные сочленения – три океанических хребта расходились из одной точки. По этой схеме океанические хребты погружались в желоба. Может ли быть такое? Многие геологи считают, что это нереально.

Этуотер, аспирантка Скриппсовского института, занялась самой трудной проблемой – столкновением хребта и желоба – и преуспела в этом. Одна из исчезнувших плит была названа ею «плитой Кула», что на языке атабасских индейцев означает «вся ушла». Красиво!

Для проверки открытия Вайна американский конгресс принял решение о проекте глубоководного бурения на специально построенном океанском буровом судне «Гломар Челленджер». Международный проект назывался JOIDES (хитроумная аббревиатура Joint Oceanographic Institutions for Deep Earth Sampling) – объединенное океанологическое предприятие по опробованию глубин Земли. После бурение в океане проводилось с корабля «Джойдес Резолюшн».

А Джон Стейнбек видел опытную буровую установку на списанной военной барже. Место действия – семьдесят километров к востоку от острова Гваделупа, триста пятьдесят километров к югу от Сан-Диего. Глубина моря – три тысячи шестьсот метров. «В Cuss I столько же от грациозных линий скоростного судна, сколько в нужнике, торчащем на мусорной шаланде. Попали в сильное волнение; баржу мотало, как старую свинью. Огромная буровая вышка чесала брюхо облаков. Мы начали ставить на самый большой крен, и двадцатичетырехградусный сорвал банк. Палуба ходит ходуном. Буровики ступают как кошки. В них нет ничего неуклюжего. Когда они поднимают, свинчивают и опускают стальные трубы, в их движениях согласованность и точность кордебалета. Каждую минуту вниз уходит восемнадцатиметровая секция бурильной колонны. Тормоз лебедки плачет странным голосом – две ноты с интервалом в октаву, а третья, кажется, с интервалом в ноту, но это еще нужно проверить. Странная гармоничная последовательность звуков».



Нужно видеть лица потрясенных геологов, вырывающих друг у друга образец базальта океанической коры!

Два молодых геолога Дьюи и Берд использовали идею известного выдумщика Уилсона о существовании Протоатлантического океана. Палеозойские орогенические зоны – Аппалачи, Каледонские горы – входили в единый горный пояс. При новом открытии океана этот пояс разбился на ряд обломков. Геологи инстинктивно уходят от такого упрощения. Геофизику же Сеико Уеда эта модель кажется великолепной, хотя и не отвечает на многие вопросы.

Дитц и Холден из Сан-Франциско предложили глобальные палеографические схемы, на которых отражена эволюция Пангеи. Плиты движутся в системе координат, связанной с горячими точками в схеме Уилсона – Моргана. Каждая цепочка подводных вулканов – это след прохождения плиты над горячей точкой.

Решение о франко-американской экспедиции «Фамоус» было принято в Вудсхолле. Записки о ней оставил Ле Пишон.

Работали к юго-западу от Азорских островов. Белый корабль «Марсель ле Биан» и желтый батискаф «Архимед». Возле Японии «Архимед» уже погружался на девять километров. Он мог перемещаться, но только у дна.

Для ориентации корабля в воду спущена «рыба» – вибратор, вызывающий ответные сигналы акустических маяков. Где погрузиться? Прежде всего зона рифта, великая долина. Потом ее борта, ближайший трансформный разлом, его окраины.

Начинается погружение в самой таинственной зоне Земли – узкой глубоководной долине в Срединно-Атлантическом хребте.

Первая цель – предполагаемый вулкан в центре рифтовой долины.

Ле Пишон уже поставил крестик на карте. Он знает слова одного старого шкипера: «Мы ничего не можем просто взять у моря. Приходится осторожно подкрадываться, хватать и поскорей уносить ноги». Он впервые увидит дно

таинственной долины, лавовые потоки. Шажок для человека – шажище для человечества...

Четверо сидят на корточках вокруг кокосового мата, бросают на него засаленные карты. На корме боцман ловит рыбу, наживив крючок половиной макрели. А в стальной гондоле «Архимеда» на дне рифтовой впадины трое: командир батискафа суровый нормандец Жерар Фробервиль, Ле Пишон, инженер-электроник Жан-Луи Мишель.

Течение относит батискаф к стене. Рыбка макрорус в страхе забивается в расщелину. Ле Пишон: «Это орган! Это трубы органа!» Между трубами – подушки застывшей базальтовой лавы различных форм, в том числе женского тела дивных обводов.

Фробервиль с трудом удерживает батискаф:

– Будто ветреной ночью в гондоле дирижабля при свете карманного фонарика отбиваешь скальные образцы на северной стене Монблана!

Потом будет ночная беседа за бутылкой красного вина в кают-компании о строении днища рифта. Вахтенный офицер: «Эти одержимые говорят только о бульжниках!»

Рабочая встреча в лиссабонской кофейне, может быть той самой, где бывал знаменосец 36-го полка Дик Мэрчисон. Сдвинули столы, раскатали первые карты рифта. Джерри Ван Андел цветными карандашами по привычке бывшего геолога-нефтяника штриховал разломы.

Они были мальчишками, готовыми опуститься на морское дно, подобно капитану Немо, или лететь к звездам, как капитан Небо.

Все смотрели на геолога Шукрума, специалиста по микро-тектонике: профиль ассирийца, короткая стрижка, нос с горбинкой. У него было удивительное чутье на коренную породу со всеми ее изгибами, разломами и дайками и под зеленой травой, и под океаническими наносами. Он вглядывался, внюхивался, чуть ли не вслушивался в породу, потом начинал медитировать.

В 1969 году сенсационнейшее открытие обсуждалось в том самом зале Лондонского королевского общества, ко-



торый помнил Родерика Мэрчисона, – образование руд, но не в щели Красного моря, а в срединно-океанических хребтах. Порода, истертая в пюре в зоне разлома, насыщалась морской водой, уходила вниз, прогревалась на глубине, превращалась в насыщенный железом и марганцем горячий раствор, который бил ключом на склонах рифта. Металлы в контакте с нормальной морской водой давали окислы.

Становилась яснее природа каменных желваков – железомарганцевых конкреций, ЖМК, поднятых драгой еще в первой экспедиции «Челленджера». Черные конкреции по форме напоминают картофелины, как сказали бы в России, или шары для игры в крикет, как посчитали бы британцы. Одни многослойны, как луковицы, у некоторых в сердцевине зубы акул или слуховые косточки китов. Фред Вайн на Кипре видел: медные копи, которым три тысячи лет, находятся в обнаженной подушечной, то есть излившейся в воде, лаве – океанической коре прошлого.

Вот почему раз за разом отправляется в погружение ныряющее блюдо «Сиана», которое ведет штурман Кьенци, старый морской волк по прозвищу Каноз. Его стиль – миллиметровая точность посадки на дно рифта. Джим Хейрцлер: «Я побывал на Американской плите, и я видел по другую сторону этой гигантской трещины Африканскую плиту».

Вот почему в кают-компании за круглым столом идет дискуссия до утра. В центре внимания Шукрум – единственный человек, который может вышелушивать рельеф.

– Кажется, есть выход минерализованных вод через трещину, высланную ржаво-красной породой. На изломе роскошный веер, все переходы цветов – от чернильно-черного до медно-красного, затем до желтого и наконец до темно-зеленого и голубовато-синего в центре.

Утром вахтенный офицер принес кофе.

– Мы не можем уснуть, потому что есть нечто более пьянящее, чем коньяк!

– Это все бульжники, простые бульжники, джентльмены. Где вы сделали ваши открытия, на дне морей или на дне бутылок?

– Одно не исключает другого. Коньяк важен для правильных умопостроений.

Сводка о каждом погружении сразу же передавалась в эфир и обсуждалась. Американцы считали, что надо работать на вершинах центральных гор. Французы же полагали, что излияния были не только на вершинах вулканов. Ле Пишон, как истинный француз, ратовал за исследование горы Венера.

Погружение номер пятьсот двадцать шесть, три часа пополудни. Пилот Джек Доннели и Билл Брайан на батискафе «Алвин» отбирают образцы на дне рифта. Вэл Уилсон и Роберт Баллард – на корабле.

Баллард обратил внимание, что батискаф не движется уже сорок пять минут:

– Поторапливайтесь!

Джек ответил коротко:

– Мы пытаемся!

Он не хотел злоупотреблять акустической станцией – она создавала помехи навигации.

– Нас заклинило в трещине.

Джек продул балластную цистерну и включил винт вертикального подъема. Иллюминаторы окутало облако ила. Цифры на высотомере не менялись.

Билл сказал:

– Кажется, нам не всплыть.

В этот самый момент Джек и передал на корабль:

– Хотел бы переговорить с Вэлом.

Вэл посоветовал экономить энергию. Это понятно. На весь отсек оставили одну тусклую лампочку. Еще он предложил поработать бортовыми винтами враздрай, то есть одновременно одним вперед, другим назад, а затем одним вверх, а другим вниз, как человек, который пускает в ход плечи, пробиваясь в толпе.

Билл и Джек методично описывали в журнале каждое свое действие. Двигаться нужно по оси трещины. Прошло два часа.

Вэл:

– Удалось ли продвинуться? Вперед? Назад? Вверх?

– Всего на один дюйм.

Трещала обшивка, крошился базальт. «Алвин» не двигался.



Рывок – и стена поплыла вбок! Теперь важно, чтобы встречное течение снова не затянуло аппарат в трещину.

Они продолжили отбор образцов и поднялись только через два часа, до конца выполнив задание.

Американца Джима Мура больше всего интересовало происхождение лавовых форм, в особенности «подушек». Он снимал их на киноплёнку в автономном скафандре на сорокаметровой глубине во время подводного извержения около Гавайских островов: опадали «подушки», лопались «органные трубы» – лава дышала, и вздохи отдавались в теле вулканолога. В страшном шуме он приблизился к лаве и мог потрогать стеклянную корочку, которая пульсировала над изливающейся лавой.

Некогда Родерик Мэрчисон прокатился по склону Везувия. Но впервые человек на дне океана видел, как рождаются руды, как поднимается геотермальный рудоносный рассол. «Это было не очень опасно», – сказал Джим Мур.

После экспедиций «Фамоус» и «Сиамекс» и у нас стали применяться погружающиеся обитаемые аппараты: сначала канадские «Пайсис», а затем финские «Миры» – на Байкале, в Атлантике, в Индийском и Тихом океанах, на Красном море.

Первая морская экспедиция с погружением на «Пайсисе» до тысячи девятисот метров получила название «Подводные исследования Красноморско-Аденского рифта» – ПИКАР. Удачная переключка с фамилией Пикара, опустившегося в батискафе в Марианский желоб на одиннадцать тысяч метров.

Кто-то из наших геологов заметил, что прекрасным местом для изучения геологии океанов является не только Кипр, но и Западная Монголия, Хантайширский массив офиолитов. Этот загадочный термин (дословно – «змеиный камень») обозначает породы, характерные для коры океанического типа.

1981–2000 годы

Ведущие геологи нашей страны старались не замечать ежегодные звенигородские совещания мобилистов, в лагере

которых определился лидер – Лев Зоненшайн. Стронникам дрейфа континентов приходилось идти на ухищрения: в легенду «Карты тектоники докембрия континентов» ввели знак «Области отсутствия докембрия» – фактически зоны спрединга. Образец изящного давления: «Мы продолжим исследования, и это будет Abendsonnenschein плитной тектоники». Abendsonnenschein в переводе – вечерний луч солнца, закат.

Зоненшайн: «Сколько басурмане успели сделать, и как мы пыжмися, чтобы их догнать...» Океанологи «пыжились» на Курилах, Кавказе, Урале. Конечно, это звучит странно: палеоокеаническая экспедиция на Южном Урале. Но девонские базальтовые лавы на берегах речки Шулдак неотличимы от подушечных лав Красноморского рифта! Здесь работала сборная СССР: геологи из Института океанологии (остряки называли их «Зонен с шайкой мобилистов», «Зоненшайка»), лучшие континентальные геологи, знатоки Урала и Сибири. Они ходили по дну океана от Магнитогорска до Орска, видели излившиеся базальты с магмоподводящими каналами – дайками.

Чуть восточнее Шулдака была некогда «кочевка» гостеприимного оренбургского генерал-губернатора Перовского, после пребывания в которой Мэрчисон не удержался и сделал последнее пересечение Урала.

Через полтора столетия геологи были столь же одержимы работой. Сколько копий было сломано по Сакмарской зоне: неужели эта огромная пластина перемещена, надвинута? Без Урала толком нельзя понять то, что видишь в иллюминаторе подводного аппарата: термальные источники Красного моря и Калифорнийского залива, называемые «черными курильщиками», гьяры – трещины, индикаторы раздвига плит.

Ведь рудник Сибай – это древний «черный курильщик»! Единый вулкан был разорван и растащен явственным спредингом. Прямо в обнажениях дайка заканчивалась лавовым потоком. В мире не было ничего подобного! Диамар Печерский из Института физики Земли сумел здесь определить инверсию магнитного поля для таких древних отложений, как девон.



Жаль, что роскошные южноуральские разрезы, такие же классические объекты мировой геологии, как альпийские, нельзя было показать Ле Пишону – иностранцы тогда не допускались на Шулдак, рядом был ракетный полигон.

С Ле Пишоном Зоненшайн подружился на советско-французском проекте «Тетис»: Альпы, Пиренеи, Крым, Кавказ. Между прочим, во французской команде работал внук Карла Маркса – геолог из нефтяной фирмы «Эльф Аквитан». Была расшифрована история древнего океана – как он закрывался и как возник Альпийско-Гималайский складчатый пояс.

Наши океанологи исследовали и Курилы, газовый факел в Охотском море, возле Парамушира, где когда-то накрыло волной цунами Северо-Курильск, после того как содрогнулась Земля.

Идея Тьюзо Уилсона о горячих точках оказалась весьма плодотворной. Лев Зоненшайн и Михаил Кузьмин выдвинули представление о горячих полях в мантии. Их четыре, их расположение не зависит от границ плиты. Значит, конвекция двухъярусная.

Мощные струи разогретого вещества – плюмы – поднимаются от границы мантии и ядра и создают в литосфере эти горячие поля. Возникал новый раздел геологии – глубинная геодинамика, вбирающая в себя тектонику литосферных плит, объясняющая вулканизм внутри плит. Вот когда потребовались работы Игоря Толстихина! Ведь он по изотопическому составу научился отделять солнечный, глубинный гелий от земного. Игорь сейчас живет в Кембридже, там, где Вайн делал когда-то исторический диплом по подводному хребту Карлсберг...

Горячие поля внутри плит не связаны с движением плит, но могут заложить их новые границы – таков Байкал. Там наши океанологи работали вместе с американцами и японцами: погружение на «Пайсисе», многоканальное сейсмопрофилирование, глубинное зондирование.

Тем временем в Вудсхолле создали глубоководный аппарат, непрерывно передающий информацию через спутник. Американцы начали проводить сейсмическую томографию

Земли – ее многолучевое просвечивание волнами от землетрясений. Стал проступать рельеф границы между мантией и ядром.

Зоненшайн – Кузьмину (предсмертное письмо): «Задача № 1: найти одного, двух или трех молодых парней (девиц), поистине толковых, поистине разносторонних, поистине увлеченных». Он сам не успел, но написал программу будущих работ на много лет вперед.

*И вся земля была его наследством,
А он его со всеми разделил...*

2001–2009 годы

Начала нарастать критика плюмовой гипотезы в печати и на интернет-конференции. Надо же выяснить, есть ли плюмы, а если есть, то что это такое. Геологи и геофизики собирались в рифтовых местах – в Исландии, Калифорнии. В августе 2005 года они съехались отовсюду (наших только не было) в Шотландию, в Форт-Уильям на южном окончании Лох-Несса. Провели открытую дискуссию на тему «Великий спор о плюмах: происхождение и роль крупных изверженных провинций и горячих точек». Против команды скептиков – команда плюмистов во главе с самим Джейсоном Морганом. Итоги встречи – вопросы: есть ли доказательства существования глубинных мантийных плюмов и все ли вулканы, не связанные с границами плит, требуют мантийных плюмов? Ответы были весьма осторожными: «По отношению к этим вопросам наиболее вероятными кажутся ответы «да» и «нет» соответственно».



Верхнечусовские Городки

Верхнекамское месторождение калийных солей разведывала экспедиция ленинградского профессора Павла Ивановича Преображенского. Значащая фамилия, кепка, пальто в рубчик с дамскими пуговицами, седые усы, борода, железные очки. Власть ему не доверяла. Висел на волоске – он был когда-то министром просвещения в правительстве Колчака.

Денег было в обрез. Буровой станок «Дэви-Каликс» привезли из Сибири, с Минусинских золотых приисков. Локомотивы нашли в Ленинграде, буровое оборудование аж в Пятигорске. Первая же скважина, заложенная на берегу реки Усолки, 5 октября 1925 года вскрыла пласт калийной соли мощностью сто двадцать метров! В кунгурском ярусе было семь пачек – переслаивание ангидритов и доломитов. Классический кунгур, кунгурская семислойка. Каждая из семи пачек получила имя. Пермские геологи, подними их ночью, знают наизусть: ледянопещерская, неволинская, шалашнинская, елкинская, демидковская, тюйская, лунежская. В лунежской, самой верхней пачке, сидит грандиозное Верхнекамское месторождение калийных солей.

В каменной соли, подстилающей продуктивный калийный пласт «Красный первый», есть пачечка мощностью пять-шесть сантиметров из перемежающихся тонких, в один-два миллиметра, прослоев доломитовых и ангидритовых пород. Геологи-солевики дали пачечке трогательное и точное имя – «книжечка».

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства – выкроил деньги на разведку: стране нужен калий! Преображенский все увеличивал расстояния между разведочными скважинами, но пласт не кончался, и ориентиром была «книжечка». Тогда Павел Иванович размахнулся и скважину номер двадцать залепил в ста семидесяти километрах южнее Соликамска, на берегу реки Рассошки у Верхнечусовских Городков, в том самом месте, откуда Ермак отправился в Сибирь. Калийной соли в скважине не оказалось. Ее хотели ликвидировать,

но Преображенский настоял на углублении. Любая горная выработка, считал он, приносит пользу: «Я просто хотел получить информацию об артинском ярусе. О нефти, во всяком случае, не думал».

30 марта 1929 года с глубины триста двадцать восемь метров подняли колонку пород с трещинами, заполненными нефтью. Профессора срочно вызвал в Москву зампред ВСНХ Иосиф Викентьевич Косиор:

– Что у вас случилось на Урале?

Преображенский показал столбик породы.

– Вы думаете, это нефть? Мне это не внушает доверия.

– Лучшего у меня нет, – сказал Преображенский.

В Ленинграде его ждала телеграмма о том, что скважина в Верхнечусовских Городках дала несколько пудов нефти. Преображенского снова вызвали в Москву. На 11 часов 8 мая было назначено правительственное совещание по поводу уральской нефти. Президиум ВСНХ постановил пробурить вокруг нефтяной еще пять скважин.

В Америке заказали станок для глубокого бурения в Верхнечусовских Городках. В пермском кинотеатре «Триумф» вместо выступления известного в городе юмориста-скрипача Коли Невинского сверх программы показывали киножурнал «Нефть на Урале». Из скважины нефть поступала в отводную трубу и затем в бочку с водой. Ее, как сливки, собирали кружкой в ведро.

Академик Губкин заявил, что открытие нефти в Верхнечусовских Городках, первой нефти Волго-Урала, имеет мировое значение. Преображенский был осторожнее. Верный своему принципу «за землю не ручайся», он не считал, как многие геологи, что чувовская нефть связана с ухтинской.

21 мая в Пермь приехал Косиор, несмотря на то что в Москве шло заседание Всероссийского съезда Советов, обсуждавшего проект первой пятилетки. На пароходе «МОПР» он вместе с Преображенским прибыл в Верхнечусовские Городки, видевшие ватагу Ермака и команду Мэрчисона. На пристани состоялся митинг. Над трибуной – плакат: «Да здравствует уральская нефть, бурно стремящаяся на помощь рабочим и крестьянам из глубины Земли!» На другом



плакаты: «Мы разбудим спящие недра!» Вышка была обнесена плетнем. На воротах надпись: «Близко курить нельзя». Милиционер в белой парадной форме с восторгом глядел на устье скважины. Был праздник вешнего Николы. Колокол звонил, и его звуки расстилались над водой.

Нефть сорвала шланг и попала Косиору на его новые брюки гольф. Преображенский засмеялся: «Ну как, Иосиф Викентьевич, есть нефть на Урале?»

4 сентября скважина номер двадцать перестала фонтанировать. Пустили насос-качалку, и нефть снова пошла. 17 сентября в Верхнечусовских Городках начала работу правительственная комиссия во главе с Косиором. А перед этим работала геологическая комиссия, возглавляемая Иваном Михайловичем Губкиным. Бурились сразу четыре скважины. Сильнее других углубилась скважина номер семь. Она вскрыла крутопадающие пласты. Никто еще не знал, что в Верхнечусовских Городках был вскрыт скважинами маленький риф пермского возраста, с макушкой, пропитанной нефтью, – слоеный рифовый погребок.

Тогда этого не знал и сам Губкин. Первым об этом догадался любознательный молодой геолог Дуткевич, вскоре арестованный и сосланный в Ужткомбинат. Верхнечусовские скважины вскрывали вместо нефти воду. Не было нефтяного поля от Печоры до Чусовой.

В пермский бассейн Западного Техаса, названный так по возрасту заполняющих его слоев, нефтяные компании обычно посылали новичков и неудачников. Это была страна больших ранчо и маленьких городков, соединенных плохими грунтовыми дорогами.

Филипп Кинг, столкнувшийся с загадками пермского «слоеного пирога», как раз и был новичком, заброшенным, как он выражается, «в Сибирь геологов». Он долго маялся, сопоставляя слои, до той счастливой минуты, когда, листая один из толстых фолиантов, «Основы стратиграфии» Грэбо, наткнулся на рисунок, изображавший расположение пластов на склонах тирольских Альп, который с непонятной точностью повторял нерасшифрованную структуру Техаса. Так что Филипп Кинг, притом что был новичком, никак не был

неудачником. Он нарисовал на карте риф пермского возраста, самый настоящий барьерный риф, но погруженный в землю на многие сотни метров, и назвал его риф Кэпитен. «Наши тexasские друзья очень часто применяют слово «пермь».

Как это частенько случается с плодотворными идеями, многие геологи в Западном Техасе в одно и то же время независимо друг от друга пришли к одной жиле. А потом началось открытие нефтяных месторождений – одного за другим, и к 1929 году рифовая теория была принята почти всеми геологами. Именно тогда в городе Мидденде вырос Пермский небоскреб, Permian building, в котором разместилась Permian oil company – Пермская нефтяная компания. Эта фирма и этот небоскреб названы пермскими, однако Филипп Кинг считает, что тexasские геологи имеют больше прав на пермскую систему, чем кто бы то ни было на земном шаре.

Правительственная комиссия заседала в новом помещении «Уралнефти», уже освещенном электричеством. Косиор сказал, что ВСНХ даст Уралу лучшее импортное оборудование. На совещании у Косиора была намечена программа работ на нефть вдоль западного склона Урала, от Эмбы до Ледовитого океана. Было решено ввести непрерывную рабочую неделю, закрыть церковь и винную лавку. В середине первой пятилетки Урал должен был выйти по добыче нефти на пять миллионов тонн в год и догнать Грозный. Представительству «Уралнефти» в Москве разрешалось напрямую работать с границей.

Но верхнечусовские скважины вскрывали вместо нефти воду. Не было морей нефти от Печоры до Чусовой. Надежда уходила с каждой новой скважиной. А вот у южных соседей были успехи. В 1932 году ударил фонтан нефти в Ишимбае. Потом была Туймаза...

На пермской же земле, несмотря на все усилия, новых открытий не было до тех пор, пока скважина, заложенная на воду для Краснокамского бумкомбината, не напоролась (вот она, госпожа удача!) на скромную залежь нефти в кунгурском ярусе.

Николай Палыч Герасимов, бывший одно время главным геологом треста «Прикамнефть», решился на углубление



скважины до среднего карбона на Краснокамской структуре. Решение было дерзким – год на дворе был 1936-й. Верхние пласты свиты «Б» дали воду. Герасимова вызвали на коллегию топливного наркомата. Чувя беду, Николай Палыч взял с собой Пашу Софроницкого, молодого геолога, с рюкзаком, набитым жизнеописаниями скважин.

Коллегия заседала на Кировской, ближе к центру, а Паша занял позицию у окошечка «до востребования» на главпочтамте, что напротив китайского магазина. Заверенные телеграммы из Краснокамска шли через каждые два часа. Как в кино получилось: «Поднят нефтяной керн из башкирского пласта».

Паша промчался по Кировской, ворвался в наркомат, когда заседание коллегии подходило к концу. Секретарша неохотно взяла телеграмму. Хорошо, что Паша купил в китайском магазине плитку шоколада «Рот фронт». Сказал: «Мы уральские, из Перми. Уважьте...»

Он остался за дверью. Слышно было с трибуны: «Герасимов и ему подобные льют крокодиловы слезы на мельницу гидры империализма...» Губкин, напуганный пермскими неудачами и своими смелыми прогнозами, кивал. Герасимов принял телеграмму, подал ее Губкину и промокнул лоб платком.

В 1939 году в районе села Ножовка вели работы геологосъемочные партии молодых геологов Бориса Грайфера, Георгия Николаева и, в центре площади, Петра Коробецких. Он-то и оказался возмутителем спокойствия – не стал строить карту по выклинивающимся прослоям известняков в верхнепермской красноцветной толще. Продолжение Краснокамско-Полазненского вала терялось в континентальных монотонных, почти лишенных фауны породах. Естественно, что карты Николаева и Грайфера сбить не удалось. В тресте «Прикамнефть» был скандал, совместный отчет оценили на «удовлетворительно». Слава богу, что авторов не поставили к стенке, только Пётр Коробецких отделался ссылкой и поражением в правах.

Я читал этот отчет. Нашел в нем расписку: «Дана колхознице Байдиной в том, что она получила 10 (десять) рублей за показ обнажения в лесу. Геолог Пётр Коробецких».

Через много лет Пётр Евсеевич показывал мне, начинающему геологу, как прослеживать по разрезам скважин постепенное замещение к востоку пачек знаменитой кунгурской семислойки: «Здесь что-то видно, в отличие от Ножовки. Вот же она – лунежская пачка, на диаграмме виден небольшой пик, пичок с легким придыханием посередине. А демидковскую пачку не вижу. Если вижу – пишу: демидковская пачка. Не вижу – не пишу. Урал работал, как бульдозер, завалил все пачки».

Будто вчера это было: жарский майский день 1963 года, вешки первого сейсморазведочного профиля партии 5/63 на Ножовской площади – и октябрь, конец сезона, салют из остатков тротила. Сырой лес, туман, из взрывной скважины вылетал в хмурое небо шлейф дресвы, шматки глины; долго шелестел, оседая. Я подходил к скважине, слушал перетоки воды – глухие, утробные звуки; в вылетевшей породе выискивал глину – плотную, загустевшую, волшебную, зеленую, волконскоитоподобную!



Мама Дага

Как сопоставлять глубинные слои, если в руках у геологов только столбики керн из пробуренных скважин? Фауна мшанок, морских лилий, аммонитов тоже не попадает в эти столбики.

В 1931 году известный геолог-нефтяник Сулин предложил Дагмаре Максимилиановне Раузер-Черноусовой заняться фораминиферами. Их остатки можно изучать только под микроскопом, в прозрачных шлифах. Полигоном стали Верхнечусовские Городки. Раньше Дагмара увлекалась музыкой, живописью, а ее научные интересы были тогда связаны с аммоноидеями.

«Фораминиферовые» годы Дагмары Максимилиановны начались на Урале, там ее и застала война. У каждого слоя – свой набор видов, и достаточно маленького кусочка породы, чтобы определить его возраст. Можно дробно и сверхдробно разделять слои. Геологи схватились за новый метод – микропалеонтологические лаборатории создавались по всей стране. Специалистов, а число их доходило до двух сотен, готовила Дагмара Максимилиановна. Ее любили, но и побаивались: «Что скажет мама Дага?» Она не стеснялась прямо сказать, если работа была выполнена плохо, а потом утешала человека.

После открытия нефти в Верхнечусовских Городках понадобилось расшифровать разрезы скважин, представленные немymi, лучше сказать, почти немymi известняковыми толщами. Дагмара Максимилиановна создала шлифотеку и картотеку всех палеозойских фораминифер, установила этапность их развития на небольших временных интервалах. Она создала свою научную школу, пробила издание журнала фораминиферщиков «Вопросы микропалеонтологии», вывела советскую микропалеонтологию на первую позицию в мире.

У нас в Восточной Европе, после того как отпыхали споры, были выделены снизу вверх семь ярусов: ассельский, сакмарский, артинский, кунгурский, уфимский, казанский, татарский. Родные всё названия! Мэрчисон понимал пермскую систему только в объеме ее четырех верхних ярусов.

На артинских рифах Стерлитамака, знаменитых шиханах реки Белой, в глухом ноябре 1941-го Раузер-Черноусова выделяла фораминиферовые зоны. Эти зоны помогли геологам разобраться со строением ишимбайских нефтеносных рифов пермского возраста. За вклад в победу над фашизмом эту хрупкую женщину, микропалеонтолога, наградили боевым орденом Красной Звезды – его давали фронтовикам! Ей была присуждена Ленинская премия. В семьдесят шесть лет она еще работала на шиханах Шах-Тау около города Стерлитамака. Через двадцать лет эта гора будет скрыта. Когда Дагмаре Максимилиановне исполнилось сто лет, она надела орден Красной Звезды и позвала друзей на обед. Этот орден отличается от других орденов – у звезды эмаль на самых кончиках лучей частенько отбивается.

Чуть не до последнего дня она консультировала геологов. Академик Наливкин писал: «В каждом разделе ее работ сквозит, сияет увлечение, я бы сказал, радость». Все ее работы с тридцатых годов посвящены фораминиферам, и только им. Выиграть Отечественную войну нашей стране было бы труднее, если бы она стала художницей, или музыкантом, или специалистом по аммонитам, а не по фораминиферам.

В июле 1942-го фашисты начали операцию «Эдельвейс» по захвату кавказской нефти. Сталин подписал приказ № 227 «Ни шагу назад».

В хмурую сентябрьскую ночь раздался длинный звонок в квартире Михаила Фёдоровича Мирчинка, недавно назначенного главным геологом Наркомата топливной промышленности. По затемненной Москве его привезли в Кремль. В эти дни танковая армия Клейста обрушилась на необстрелянные войска генерала Петрова, занимавшие на Тереке последний рубеж обороны Грозного и, страшно сказать, Баку. В лето сорок второго Гитлер еще раз обманул Сталина, обрушив страшной силы удар на юг, мимо дивизий, прикрывавших Москву. Немцы рвались к Сталинграду, перекрывая путь доставки бакинской нефти. Нефть с бакинских промыслов отправляли в Чёрный город на нефтеперегонные заводы, снимали сливки – бензиновую фракцию, остальное снова закачивали в пласт – до лучших времен. Нефтепровод



Баку – Батуми был демонтирован. Кто-то придумал фантастический план снабжения. В Баку цистерны снимали с колес, спускали на каспийскую воду, загружали не полностью, а так, чтобы не тонули, и буксиром на плаву в Красноводск, там снова на колеса и через Ашхабад, Ташкент, Саратов – на Москву.

Горные стрелки хауптмана Грота подняли на западную вершину Эльбруса штандарт со свастикой. В предвестии победы над русскими по всей Германии вывешивали праздничные флаги...

Сталин не предложил сесть. Мирчинк старался прижаться к стене, а перед ним стоял Сталин с нераскуренной трубкой. У него было землистое лицо.

– Скажите, товарищ Мирчинк, если немцы возьмут Баку, что у нас остается? Какие промысла, какая добыча?

Мирчинк читал курс «Месторождения нефти и газа», добычу знал по всем промыслам, и накопленную, и текущую.

– Сызрань, Ишимбай, Яблоневый Овраг, Краснокамск, Бугуруслан, Туймаза... Суточная добыча...

– Что еще?

– Эмба.

– Эмбу не считайте. Она у линии фронта.

– Ишимбай...

– Не повторяйтесь.

Глядя в серое лицо Сталина, Мирчинк сказал:

– Верхнечусовские Городки.

В 1945 году Верхнечусовской промысел прекратит добычу. Всю свою нефть, до последней тонны, этот маленький риф отдаст для победы.

Скважину-первооткрывательницу номер двадцать на берегу реки Рассошки – «бабушку» – можно увидеть и сейчас.

Работают станки-качалки на старых месторождениях Волго-Урала. Их открывали съемщики и сейсморазведчики, буровики в залитых глинистым раствором, не гнущихся от холода брезентовых робах.

А расшифровали строение недр в маленьких лабораториях, где белые халаты, и микроскопы, и под рукой непременно кладезь премудрости – труды тети Даги.

Списки представленных к награждению орденом Трудового Красного Знамени просматривал лично Сталин.

– Кто по профессии эта... Дагмара Макси-милиановна Раузер-Черно-усова?

– Палеонтолог.

– Палеонтолог?

– Микропалеонтолог.

– Микропалеонтолог. За что представлена к ордену?

– Она расшифровала немые толщи на Ишимбаевском месторождении. Работала на пермских шиханах день и ночь, в дождь и снег.

– Там, наверное, волки были?

– Были, товарищ Сталин.

– И она не боялась волков?

– Она работала для фронта.

– Предлагаю дать товарищу Раузер-Черноусовой боевой орден Красной Звезды.

Сегодня геологи ищут сложнейшие нефтяные ловушки, погребенные русла рек, песчаные косы, бары, пересыпи. Наша история берет начало в то далекое время, когда геологи, говорившие на разных языках, выколачивали фауну из обнажений и пели у костра о дороге, которая далека-далека, о вечерних колоколах в облаке опалового дыма.

Стратотипы – это типовые разрезы звеньев пермской системы в Главном пермском поле. Так назвал Горский самую большую в мире область распространения на поверхности пермских отложений. На наших глазах уничтожаются знаменитейшие сакмарско-ассельские рифы-шиханы, горы-одиночки – вот она, лермонтовская «железная лопата в каменную грудь»!

Канадцы же свою геологическую святыню – гору Бергесс, сложенную кембрийскими известняками, изобразили даже на десятидолларовой банкноте. И щиты стоят на дороге: «Слой с окаменелостями. Одна миля!»

Известно, как относятся японцы, с их трепетным чувством природы, с их садами камней, пейзажными садами, к горе Фудзияма. Этот конический потухший вулкан, покрытый вечным снегом, – и божество, и обитель богов, и просто



Гора. Художники и поэты воспевают ее. Одержимый рисунком, Хокусай исполнил серию видов горы Фудзи из тридцати шести цветных гравюр на дереве – не успокоился и продолжил тему в «Ста видах Фудзи». Мальчишки ли запускали воздушного змея на его гравюрах, или порыв ветра останавливал путников, или крестьянин погонял буйволов – все это происходило в присутствии Горы.

Как масштаб вечности, уравновешенная, соразмерная всему на свете гора Фудзи, то подобная облаку, то как бы растворенная в небе, то резко очерченная. Есть что-то завораживающее в пологих склонах Горы, в зазубренной вершине, лишающей вулкан явного вызова небу!

Сибирский тракт. Листья травы

– Конечно, Дагмара Максимилиановна – великий человек. Я же простой советский ботаник. Вернее, палеоботаник, – тихо, будто оправдываясь, говорил Сергей Викторович Мейен, московский гость. – Но вы не подумайте обо мне плохо. Я умею выючить оленей, устраивать баню в палатке и ориентироваться в тайге по аэрофотоснимкам.

Он посмотрел на стену «морга», украшенную космическим снимком – фотопортретом Земли.

– Понимаю, что никогда не будет века ботаники, тем более палеоботаники. Кажется, что это что-то вроде филателии. Какие-то мелочи – жилочки, клеточки. Удача – это когда в угольном пласте находишь простой с виду тяжелый черный бульжник, англичане зовут их «угольными шарами», немцы – «торф-доломитами», а мы – «угольными почками». Шахтеры ругаются, а нам, палеоботаникам, радость. Распилишь почку, а там настоящая кладовая сюрпризов: пропитанные растворами солей листья, шишки, спорангии – мешочки со спорами, семена растений, которые жили в каменноугольном или пермском периоде. Шлифы открывают древние миры. И давно минувшие пейзажи оживают, и первый из них – торфяное болото, прародина угольного пласта. В девонское время болот не было, потому и угля не было. Планета наша стала зеленой не очень давно – в конце девона. В таинственном девоне Земля стала зеленой!

– А из космоса Земля голубая!

Геологи притащили к чаю дары осени – кто круглую картошечку, кто лимон, кто малосольные огурчики с пупырышками, а кто и просто кусок колбасы. Анвар Нигматуллин принес к чаю туесок клюквы – нашел недалеко от Перми, в лесу за Дивьей. Шел по лесу да и провалился в карстовую воронку. И – о радость! – днище воронки оказалось выстлано крупной сладкой клюквой. Очень она хороша с байховым черным чаем из пачек, где изображены слоны и пальмы.

Сергей Викторович держал веточку клюквы двумя пальцами:



– Клюква вроде бы влаголюбивая, на болоте растет. Но посмотрите на листочки: очень мелкие, похожи на брусничные, только пожестче – типичная внешность сухолюбивого растения. Болота же промерзают, и кустики вечнозеленой клюквы лишаются почвенной влаги. Вот клюква и бережет воду. А в карстовой воронке клюкве много лучше: она защищена от света. Ведь когда света много, а азота мало, хлорофилл погибает...

Пал Саньч Софроницкий подвинул Мейену чашку с нари-сованной птицей, заокал:

*– Чай бордовый,
Чайник новый,
Кипяченая вода.
Лимон свежий,
Ваня резал.
Кушай, милая моя!*

Тут Сергей Викторович и воспарил!

– Листья! Я хочу воспеть листья! Как он непрост – лист растения, лист дерева! Вы уж простите меня, – сказал Сергей Мейен. – Меня останавливать надо. Но мне так хорошо у вас в Перми. И пермь как термин нравится. Трава! Неужели когда-то на Земле не было травы? Трава – она совсем молодая, она возникла только в конце мелового периода. Ей никак не больше ста миллионов лет. Трава прижата к земле, земля, снег спасают от холода траву – и в этом ее преимущество перед деревьями. Трава везде – в Заполярье, в горах, в пустыне. Дерево! Что такое дерево? Вот прорастает семя, образуется растение, называемое проростком. Он почти ничем не отличается от лишенной цветков травы. Трава – это просто задержавшееся в развитии дерево. Цветы! Мне, палеоботанику, больше всего хочется узнать, какими были первые цветки. Но мы никогда не ощутиим их запаха. У нас есть только пыльца и отпечатки листьев.

Лист, оттиснутый на плитке сланца, когда-то прорезался из почки, рос, был зеленым и трепыхался на ветру. По его жилкам текли соки, он ловил солнечный свет. Потом все кончилось. Лист расстался с веткой, немного пролетел и упал в воду. Миллионы лет он лежал в темноте, пока при ударе молотка не увидел снова солнечный свет. Специалист должен

заставлять себя помнить обо всем этом и видеть зелень в обугленном остатке листа, теплое голубое море в пласте известняка. Лишь положив рядом отпечаток и только что сорванный лист, осознаешь, как много ушло и как интересно все это восстановить.

Пермяки с трогательным напряжением слушали правильную речь Сергея Викторовича.

– В сибирских образцах почти всегда есть отпечатки листьев кордаитов – вымерших в пермское время голосеменных растений, может быть предков хвойных. От кордаитовой тайги остался слоеный пирог из листьев, листовая кровля. Как разобраться с листьями? Труд палеонтолога незаметен, как труд хорошей домашней хозяйки. И знаете, кто нам помог?

– Кто? – выдохнул Пал Саныч.

– Сыщики. Допустим, они нашли пулю. На нее наносят спецжидкость, вроде аптечного коллодия. Получается прозрачная пленочка. Она повторяет неровности ствола. Вторую пулю посылают в спецмишень, снимают вторую пленку – «реплику» и сличают с первой пленкой. Если оттиски царапин одинаковы, значит, обе пули выпущены из одного пистолета. Мы «реплики» снимаем с листьев! Экспедиция капитана Скотта сумела отобрать в Антарктиде четырнадцать килограмм образцов. На многих образцах – отпечатки листьев глоссоптерисов. Название дано по языковидной форме листьев: по-гречески «глосса» – язык.

– Бороться и искать...

– Найти и не сдаваться!

– Я люблю точность, Сергей Викторович. На самом деле – найти и не пожать плодов.

– Плоды были. Скотт мог бы написать диссертацию на тему «Сравнение климата и флоры пермского периода Антарктиды, Индии и Сибири». Он бы нарисовал такую картину климата земного шара на рубеже карбона и перми: тропический пояс, а к северу и к югу внетропические зоны – Ангарида и Гондвана.

И вот что интересно: между гондванской и тропической флорой не отмечается никакой смеси даже в пограничных районах, Индия на границе перми и карбона отгорожена на



севере «великой палеоботанической стеной». Первые образцы с отпечатками растений из перми Приуралья привез из России еще Мэрчисон.

– Пару ящиков у него сперли, когда сломался тарантас.

– Осталось достаточно, чтобы открыть пермскую систему. Я копал в Кунгуре, и в Вязовском овраге, и там, где работал Амалицкий в раскопе на Малой Северной Двине, где раньше была деревня Соколки, – там он нашел листья, принятые им за глоссоптериевые. Жители помнили рассказы дедов о скелетах ящеров, о щедрых деньгах, о бесплатной мази от комаров. Кстати, смородина там была, помню, отменная! Что было дальше? В конце пермского периода начинается связь индийской и ангарской флоры. Стена рухнула! Индостан поехал по меридиану к северу и врезался в Азию! В результате флора Индии пермского и триасового времени – внетропическая и даже холоднолюбивая, а в мелу она становится тропической!

А сейчас я расскажу о чудовищной ошибке. Как-то вместе с Баралем из Лиона я смотрел коллекции в Горной школе в Париже и совершенно неожиданно наткнулся на образцы, по виду из европейского верхнего карбона, но имевшие наклейки с совершенно иным адресом – бассейн Тете в Мозамбике, сборы Лапьера (в ту пору Ливингстон был британским консулом в Мозамбике). Эту коллекцию изучал француз Зейлер, потом португалец Тейшейра, обрабатывавший остатки гондванских растений из Анголы. В дискуссии принял участие голландец Йонгманс. Он смотрел коллекции из Замбези.

Я начал работу. Я проклинал все на свете, пытаюсь разглядеть направление жилок при освещении косым светом то с одной стороны, то с другой. Граница перми и триаса давно привлекает внимание палеонтологов. Связанная с ней смена органического мира долго считалась внезапной и повсеместной. Найти земное объяснение казалось невозможным, на ум стали приходиться космические причины, например взрыв по соседству с Солнечной системой какой-то сверхновой звезды. Ее жесткая радиация, дескать, уничтожила палеозойский органический мир и пощадила лишь некоторых счастливых, чьи потомки и заселили мезозойские моря и континенты. Я не собираюсь оспаривать эту и подобные гипотезы. Просто

они кажутся мне неинтересными. Взрыв сверхновой – последнее прибежище палеонтолога. Надо много потрудиться, чтобы отчаяться в отыскании земных причин и удариться в абстрактные космические домыслы...

– Дальше! Что было дальше?

На пороге стоял Юрий Архангельский, геолог из Березников.

– Мне нужен Мейен. Машина идет в Красновишерск.

Сергей Викторович поднялся.

– Вы мне уделили столько внимания! Я же говорил, меня нужно останавливать.

– Юрий Хрисанфович, чайку!

– С чая не запоешь.

Кончилось тем, что он спел свою любимую, геологическую, как он считал, песню «Где-то на сопках багульник цветет». Да так спел, что душа сначала свернулась, а потом развернулась и полетела туда, где цветет багульник.



Большая нефть

О, День геолога, о, первое воскресенье апреля, когда туманы плывут, когда племя съемщиков готовится к полевому сезону!

Красных стульев в кабинете Спартака Ароновича Винниковского, главного геолога «Пермнефти», не хватило, принесли из приемной зеленые. Спартак вошел – громадный, громогласный. Он так и по Москве шел, так и в Миннеаполисе входил на набережной Морриса Тореза – большими шагами, как Петр Великий на картине Серова. Он шел с огромной авиационной сумкой, красной с белым, «Спартак – чемпион», и мы за ним в проходную. «Ваш пропуск!» – «Замной!» – и по лестнице через две ступеньки.

Спартак достал «паркер» с золотым пером – не выносил «шариков»; геологи расстилали карты, плечи в плечи, и были рады, что все вместе и одно дело у всех – найти *родимую*, а для этого нужен *успех*, а он только и может быть, когда рука на плече и все мы вместе, а если этого не будет, то и успеха не будет, и ничего не будет.

Юра Архангельский сказал:

– Мы почти догрызли куски рифового барьера в Майкоре. Дальше – атолловые острова.

Старый Вожак – Константин Степанович Шершнёв, в новом финском костюме, в накрахмаленной рубашке изумительной белизны, протянул ему телескопическую ручку-указку.

– Что ты предлагаешь?

– Основной удар я нанесу по линии Чашка – Юрчук, – по-военному сказал Архангельский. Стрелы, указывавшие направления движения станков, придавали карте генштабовский вид. – Я беру нефть здесь и здесь, подбираю газ на кусках, после чего удаляюсь на юг.

И все встали, чтобы лучше видеть линию удара, который собирался нанести Архангельский. Шершнёв покачивался с пяток на носки. Кто-то положил мне руку на плечо.

Это было когда-то, очень давно это было: машина летит вдоль протоки, мимо цветущих абрикосов, и все стоят в кузове и держат друг друга за плечи.

Здесь были Отелло Денк из Кунгура, Николай Жаворонков из Чернушки, Василий Кулаков из Осы, Геннадий Куклин из Краснокамска, Виктор Паняев из Кудымкара, Геннадий Русских из Полазны, Вадим Макаловский, Сергей Калабин из Перми.

Архангельский говорил так, как говорят люди, берущие на себя ответственность: я беру нефть, я бурю скважинку.

– Здесь леса страшные, – показал на карте. – Бурить-то мы можем и на Луне. – Помолчал. – Если создать условия, конечно. А здесь нас не пускают военные.

– Надо выходить на Министерство обороны.

– А мы не с министерством дело имеем, а с капитаном, – усмехнулся Архангельский. – Я ему объяснил ситуацию. Хороший человек. Все понимает.

– Сколько тебе ящиков водки надо, чтобы окончательно решить этот вопрос?

– Мне? Триста грамм.

– Нет, с тобой тяжело работать.

Все, о чем говорилось в кабинете, в конце концов упиралось в рифовые барьеры и атолловые острова, которые по не совсем понятным причинам возникли на грани девона и карбона и уходили в Уральский океан, впоследствии превратившийся в Уральские горы. Эти барьеры и атоллы – настоящие, с теплыми лагунами, с подводными садами на склонах – несут над собой залежи нефти и газа. Все, что нужно, – зацепить скважинками барьер и идти по нему, не выпуская удачу. И Майкорский вал – это просто кусок барьерного рифа.

Именно Старый Вожак, покачивающийся сейчас с пяток на носки, первым постиг Закон Большого Барьера. Как пришло озарение, Шершнёв и не знал. Он был молодым геологом, которого большие люди взяли с собой на совещание по таинственным бескорневым поднятиям, природу которых как только ни объясняли. Идея Барьера озарила его после зеленой стоянки в Жигулях на экскурсионном шлепанце. В легком опьянении Костя вскочил на стул (по другой версии – на стол):



– Я знаю, как надо искать нефть! Это очень просто! Барьер – это поезд, а нефтяные ловушки – это вагончики, вагончики. Это золотая земля! В стороне от насыпи ничего нет!

– А Верхнечусовские Городки?

– Случай щедр, но ненадежен. Сколько набурили пустых скважин вокруг Городков!

Его слушали очень внимательно. Статью в «Геологию нефти и газа» Шершнёв так и не послал. Разрезы скважин, казавшиеся несопоставимыми, легко и непринужденно легли в его схему. Идею подхватили, понесли по всему Волго-Уралу, появились кипы статей, ротапринтов, отдельных оттисков, монографий, экспресс-выпусков и диссертаций.

О Шершнёве, как о батарее капитана Тушина, было забыто. Он же энергично готовил сейсморазведкой объекты для глубокого бурения на Барьере. Маленькое землетрясение, как вспышка фонаря, на миллисекунды освещало недра. Волна упруго отражалась от тела рифа и возвращалась к сейсмоприемникам.

Месторождения открывались по Закону – одно за другим, проступали на картах, как Млечный Путь. Любой отход от Барьера, от «золотой земли», вел к неудаче.

Сейчас Старый Вожак все так же медленно покачивался, разглядывая дугу Майкорского вала.

– Так вот, Виктор Алексеевич, – повернулся к могучему Паняеву Спартак и поднял кверху указательный палец, – я был вчера в Большом доме и Чистоплясов мне сказал, что вот этот мой палец – золотой. – Он ткнул в карту пальцем. – Р-раз – и нет миллиона, р-раз – и нет другого. Это, говорит, не шилом дело проткнуть. Вот что мне сказали в Большом доме. Вот почему мне по ночам генеральный прокурор товарищ Рекунков все чаще снится.

Витя Паняев работал на коми-пермяцких бесплодных землях, в стороне от Барьера; нефти толком и не видел, завидовал тем, кто делал хлебную работу, готовил промышленные запасы. Он стоял опустив голову, как будто именно он был виноват в том, что уже столько лет не может найти нефть на просторной земле, где растет лес, где водятся лоси, бобры, белки, медведи, где можно ловить хариусов на перекатах быстрых и чистых рек. Он знал, что на Барьере уже

не осталось хороших кусков, но есть атолловые острова, прижатые к Уралу и даже нырнувшие под Урал.

– Витя, надо делать очаг. Чтобы не было мнений, а был успех, надо делать очажок.

– Это не Пермь, где солнце светит, – сказал Паняев. – Там ээки, там тунеядцы. Там надо строить, иначе взятие севера не получится. Туда надо каждого везти с жильем. Иначе будешь сидеть с печатью и фильтровать тунеядцев. Говоруны, которые в конторе сидят, никуда не поедут. Когда мы в Кудымкар переезжали – многих потеряли. Кто мог работать – сбежали. Кто остался, те спились к хренам. А на севере трезвые нужны...

– А как мы раньше базы начинали, – сказал Вася Кулаков. – Бывало, на лошадках...

– Не надо восклицать, Василий Иванович! Тебе сколько лет-то было? – спросил Спартак.

– Двадцать пять.

– Так ты сам бегал как лошадь. Сейчас время другое. Паняев прав: нужно каждого с квартирой везти, иначе потеряем людей. – Он взгляделся в карту: – Смотри-ка, узкоколейка.

– Лес вывозить, – махнул рукой Паняев. – Где узкоколейка, там нет нормальных дорог. Погрузишь емкость десять кубов – колеса разъезжаются.

– Сколько времени строиться?

– Года два.

– Два года ждать? Это затычка. Выбрасывай участок и добивайся успеха. Если будет успех, участок вырастет в управление. Где строиться? Ты же охотник, знаешь места. Нечего отчаиваться. Такова судьба разведчика. Свой кол нужно забивать. Всё!

– Ох, жизнь старательская! Все уже грудь для орденов, а зад все шире от пинков.

Машину крутило на лесных дорогах; объезжали завалы, и все-таки несколько раз садились на мосты. Паняев верил своему шоферу. Главные геологи осторожно выбирают себе водителей, ведь им доверяешь свою жизнь. Паняеву нравилось, что Колодкин работал спокойно, что у него шоферская



память на дороге. Паняеву нужно было найти место, где можно долго жить и работать, так чтобы в работе и, значит, в жизни был успех.

– Красильников, может, базу сделать в Чердыни? Ты ведь чердынский, Борис Викторович? Старицы чердынские тебя не волнуют? Не хочешь рыбу ловить в старицах?

– Геофизики уже ловили. Два трактора утопили.

– Так они сами в трясину залезли.

– Там везде трясина.

– Не скажи. Родили же тебя там под стогом сена.

– В рубашке.

– Ага. В рубашке и сапогах.

Сели основательно уже за Бондюгом, у поселка Космос.

– Ну все, приехали, – сказал Паняев. – Тащи вагу.

Ладно, тягач попался лесниковский. Начальник лесоучастка со странным названием Космос, хмурый молодой парень, увидев нефтепромовскую эмблему на машине – начищенные выщечки, обрадовался:

– Пробурите скважину на воду, а?

Паняев покивал, и хмурый парень повел их на кормопункт. Те еще названия: колдоговор, кормопункт, страждеделгат. Подали борщ украинский, бефстроганов, чай с конфетами «Маска» – лесников кормили хорошо.

– Откуда такое название – Космос? Ведь где-то здесь Леонов с Беляевым грохнулись.

– Это южнее, у Кургановки дело было. Три дня их вытаскивали. А название коми-пермяцкое – Кёс-мыс.

– Нефть мы найдем. Мы, чердынские, такие. Мы пошли Москву освободить, когда поляки ее захватили. Дошли до Кайгорода, там узнали про Минина с Пожарским. Где наша не пропадала? Везде наша пропадала...

Черный лес стоял и слева, и справа, и развилки уводили в этот черный лес.

– Я всем обещаю пробурить скважинку на воду. Только глазами моргаю. Они меня зароят, придут все вместе. Я тогда – э-э-э...

На другой стороне реки открывался Красновишерск. Обнажения Полюда горели на солнце. Он был вертикально

вброшен, он был частью Уральского хребта с его Зеленокаменной зоной, с его Платиновым поясом, с лебединым изгибом Пай-Хоя, с плоским, как бы продавленным чьей-то могучей дланью Средним Уралом, отступившим на восток перед Уфимским амфитеатром.

Спокойствие было в Полюдовом кряже, и в большой реке Вишере, и в лесах, уходящих на север, к океану, и в лесных озерах глубокого зеленого цвета. В скрипах сосен, в шорохе их вершин чудилось: ш-ш-шорох – х-хорош-шо-о...

В Оралово баран переходил пыльную дорогу. Колодкин сбросил скорость, барашек тоже. Узик трянуло, все подались вперед.

– Эк бзданулись...

Колодкин горестно стоял над барашком. К нему уже спешил хозяин зверя. Паняев снял динамовскую прорезиненную кепку, пронес по кругу. У баньки в огороде Паняев лично разделал барашка. К шашлыкам – картошечка мятая, огурчики.

– Старая, тащи капусту – в бочке осталось маленько! Хороша закуска – квашена капустка: и на стол поставить не стыдно, и сожрут – не жалко.

А может быть, в подпитии

Иль на исходе сил,

А может, по наитию

Я тост провозгласил,

Быть может, из Каверина,

А может, из Басё:

– Не все еще потеряно

И найдено не все!

Полюдов кряж был подобен собору.

– Витя, признайся, когда барашек показался на дороге, не мелькнула ли мысль «а что если...»?

– По-моему, эта мысль у всех мелькнула.

Место для базы нельзя найти, рассматривая топокарты. Надо именно выбраться из машины и стоять на земле, разминать ноги, и слушать сосны, и видеть облака, похожие на рощерки пером рукою Пушкина, и чтобы Полюд белел и горел своими обнажениями, и чтобы через много лет можно было



сказать: «А помнишь, как в Оралово барана ели?» Стояли у машины, боялись спугнуть этот шорох, сосен шум, и только Колодкин сидел, держа руки на баранке. И лес, и Полюд, и река, и облака говорили: пусть будет все, как есть...

Легкие облака разлетались по небу. К ночи они будто напивались водой и растворялись в темнеющем небе.

- Вперед, на Красновишерск!
- Назад надо, в объезд.
- Нет такого слова «назад», – сказал Анвар Нигматуллин.
- А если надо назад?
- Тогда говори: разворачиваемся – и алга! «Алга» по-татарски значит «вперед».
- Хорошо сказано.

Колокольников переулок.

Ежики для тети Липочки

– Я плохо хожу. Раньше чувствовал: рядом Корочка. Я не понимал этого. Последние слова ее были: «Эрмитаж облезает... я не успела... краски Дионисия...»

Волик пришел из рейса. Игорь приехал из Питера защищать диссертацию. В доме есть спальни и кофе, как в охотничьем домике.

Плыл потолок – облака, опаловые облака, сквозь серое чуть брезжит синева, это аморфный кремнезем, неровное небо, слоистый дым, течет речка, да по песочку, бережочек точит. Может, это не облака, а сизый дым, трава, осока, река, туман над водой, даже будто пахнуло сыростью, а на том берегу – костер, дым над водой стелется.

Мы разговаривали перед сном, как в детстве.

– Игорь, можешь коротко: что ты защищаешь?

– Могу коротко. С изотопами гелия меня научил обращаться великий Герлинг. Гелий так легок, что уходит в космос, не задерживаясь в воздухе. Есть первичный, солнечный гелий, он образовался вместе с Землей, он прет из мантии. А есть гелий, который возникает в земной коре, земной, куровый гелий. Я научился их различать – солнечный и куровый! Всё! Каждый роет свой шурф.

– И сидит в нем.

– Мой шурф очень глубокий. Завтра – к Сорохтину, я у Олега подзащитный. Потом надо заехать к Дагмаре Максимилиановне Раузер-Черноусовой – ух, еле выговорил! Тетя Липочка просила захватить камешки с древними морскими ежами. Никто в мире не знает морских ежеиков лучше, чем тетя Липочка!

– Волик уже встал! Игорь убежал куда-то... Потягивайся, просыпайся, раскурепкивайся!

Это было специальное детское тети-Корочкино слово. Дядя Андрюша будил нас совсем не так, как мастер Каратин



ночную смену – тот, бывало, просто стягивал одеяло: «Вставай! Мама приехала».

– Сейчас я просто рисую то, что вижу в окне. Лужи на асфальте, бегущие облака, кирпичная стена – как ее видит маленький мальчик. Земля, трава – все это полно оттенков, блеска, вода блестит. Битый кирпич, пятна света! А песок! Песок после дождя! Сумерки! Воробьи в весеннем азарте – сколько оттенков серого! Вороны! Синицы! Я не жалею ни глаз, ни времени. Кто-то сказал, что в искусстве надо жертвовать своей шкурой. Я хочу написать акварель: вид на крыши, водостоки, кирпичная стена, трава между кирпичами, птицы, две маленькие фигурки, бредущие внизу, скажем ты и Волик. Я лежал в больнице – вид из окна был превосходен: деревья, крыши, фонари, голуби – будто летишь над землей. На смертном одре Коро сказал: «Я видел во сне ландшафты с совершенно розовым небом, это было невыразимо прекрасно». Как хорошо мне было просто ходить по Москве, заглядывать в освещенные окна, стоять перед какой-нибудь дверью, разглядывать на Арбате стройплощадки, каркасы новых домов. Набережные меня волнуют, мосты.

Сейчас я покажу тебе свои картоны. Под окном тополь – каждый день разный. Волик смеется надо мной – ромашковые лепесточки! Я рисую яблоко, хлеб на скатерти. И еще – крыши, крыши, крыши...

Отгорел хмель, отцвел. Кабы на хмель не мороз, он бы за тын перерос.

Тут Игорь примчался.

– Вы меня кормить будете? Мы, туристы, едим часто, но помногу. Я носился по Москве как пес, от меня псиной несет! Я матерился как волжский грузчик! Движение плит все еще крамольная идея у нас. Олег говорит: «Я геофизик! Для меня Земля – единое физическое тело». Против нас, жалкой горстки мобилистов, такие глыбы!

Он раскрыл коробку с отпечатками ежей и, дурачась, запел:

*– От силура до девона
Пучеглазый факопс жил,
Лепердицию любил.*

От силура до девона

Он гулять ее водил.

Боже мой, как же будет счастлива тетя Липочка!

– Игорек, что ты видел, расскажи!

– Дядя Андрюша, я видел мокрые мостовые, заборы, тоже мокрые.

– Мой мальчик, я не понимаю Гоголя, я просто его не понимаю, когда он с тоской говорит о мокрых заборах, галках на воротах, восклицает: «Скучно жить на свете, господа!» Но ведь это так интересно – мокрые заборы! Я только сейчас начал чувствовать краски. Я люблюсь ван-гоговским лимонным кадмием, просто люблюсь, насколько позволяют мои слабые глаза. Как вещи относятся друг к другу! Как яблоко укладывается в изгиб скатерти, как на нее ложится свет лампы, как он дрожит! Меня волнуют отношения черных веток за окном друг к другу. Как мне сейчас близок Хокусай, когда он говорит, что за семьдесят лет не сделал ничего значительного, но в сто лет он будет создавать картины, подобные божественному чуду. Как хочется писать траву, тротуар под дождем! Я очень многое сейчас не могу читать. А это – читаю и перечитываю: Сетон-Томпсон, Андерсен, Алексей Решетов – его никто не знает! О боже, как на клюквенном болоте лягушки... лягушки бедные... бедные поют... Нет, не так. Лягушки... беззащитные поют... Беззащитные, беззащитные... – и глаза его наполнились слезами, смахнул пальцем. – Ладно, пойдёмте пить чай с вареньем, еще Корочка варила. Цукаты, сухое киевское варенье.



Линеамент

...Нежный-нежный апрельский денек был. На солнце набегали легкие, пуховые, по-летнему блистающие облака, их края вспыхивали, и, когда солнце выходило, все изнывали от жары. Напротив, у Большого дома, поднимали портреты членов Политбюро. Вдруг сообщение ТАСС. После было отчеканено: «Последствия Чернобыля никогда не будут устранены». А тогда – пресс-конференция по ящику и сказаны именно те слова, которых ждали, успокоительные, привычные, бессмысленно-устойчивые блоки слов: «Ситуация находится под контролем», – украинским крестьянским говорком зампред Совмина Щербина Борис Евдокимович. Он первым полез под рентгены – и где теперь этот крепыш, твердивший, что ситуация под контролем? И академик Велихов веско: ситуация под контролем. И все вздохнули: слава богу, не было взрыва. Хотя и был взрыв, но всем так хотелось, чтобы его не было, что его вроде как и не было!

Нефтяной рифовый барьер вычерпан до дна. Как искать нефть дальше? Один умный человек сказал: «Лучше иметь плохую теорию, чем не иметь никакой теории»; другой сказал: «Надо искать нефть в новом районе со старыми идеями и в старом районе – с новыми идеями». По аэрокосмоснимкам море линейных зон, линеаменты линуют пространство, многие из них с Земли не видны. Эффект просвечивания: чем высотнее съемка, тем глубже она берет. Мы искали аналоги наших линейных зон и находили их в литературе по юго-восточной Африке, по Норвегии. Грабен Осло был обстоятельно описан на хорошей бумаге в солидном томе из серии «Фундаментальные труды зарубежных геологов» – новинка, перевод с английского, «авторы выражают благодарность Европейскому бюро НАТО за финансирование геологических исследований». Что тут непонятного? Ведь эти грабены, эти продавленные клавиши в Земле – сейсмоактивные, и НАТО желало бы знать, где надежнее спрятать ракеты среднего радиуса действия.

Так как же дальше искать нефть с высоким коэффициентом удачи в тоннах промышленных запасов на метр глубоко-

го бурения? Чтобы работать не впустую, как в Верхнечусовских Городках?

Добыча нефти полетела. Москва сняла Спартака, но добыча и при Дулепове никак не могла стабилизироваться, выйти на полку.

– Мужики, надо что-то делать. Я как на грани лезвия бритвы: туда повернешься – разрежешься пополам, сюда – тоже. Спартака сняли. Где теперь этот высокий блондин в черном ботинке? А что толку? Они думали, поставим свежего главного геолога, нового гэгэ, и нефть сразу пойдет в трубу. Напихали план, и фифти-фифти. Их там, московских чиновников, которые директивы плодят, столько развелось – до Урала раком не переставишь. Они думают, я буду сидеть под шапкой Мономаха и говорить: ты хороший, ты тоже хороший. Нет! Надо заняться этими... линеаментами. Вспомните период двадцатилетней юности, когда все мы были румяные юноши. А то мы сейчас раскорячились, не знаем, куда идти. Перрончик тронется, вокзал останется. Бумагами завалились.

Вот так я и оказался в Москве, в «Центргеологии», у великого Гридина. На первый семинар я опоздал. Гридин разглядывал меня поверх очков.

– Между прочим, я читаю небольшой курс дешифрирования снимков нашим уважаемым космонавтам. Они отнюдь не супермены, отнюдь. Они точно такие же, как и вы, только учатся чуть-чуть лучше. Почему? Если у космонавта в зачетке не появится в соответствующее время соответствующая закорючка, то он автоматом вылетает из группы подготовки. Дело очень и очень простое. Садитесь, пожалуйста.

– Та-ак. Теперь разворачиваем рулончик подлета к Могилёву со стороны Чернобыля, ленту гамма-фона. Видите, какая она, эта ленточка. – Гридин разгладил ее ребром ладони. – Какая она потрепанная, эта ленточка. Множество людей рассматривало ее. Вот из-за этого, на вид самого обыкновенного, рулончика, подозреваю, и покончил с собой академик Легасов. Он ужаснулся. Я сам видел, как у него руки задрожали, когда он разворачивал рулончик. Спрятана она была под очень сильным грифом в большом сейфе у верхнего начальства...



– А как быть с подпиской о неразглашении?

– Недавно всё раскрыли. Всё-всё раскрыли. Хотя мне иногда кажется, вдруг опять придет незаметный человек с уставшими серыми глазами. Впрочем, смотрим ленту. Чистенькая запись, и вдруг – пик! Шесть кюри на квадратный километр. И опять пошла спокойная, чистая фоновая запись...

Академик Легасов не был геологом. Он просто не понимал, почему так легла радиоактивность. Ведь вокруг Чернобыля нарисовали тридцатикилометровую зону заражения. Я же увидел, что работают линеаменты. Нет никакой мистики. Работают физические поля. Какие? Сколько? Я честно скажу: не знаю. Знаю, что если летит крылатая ракета, то надо вводить поправку на гравитацию. Знаю, что гравитация реагирует на наш уважаемый рельеф, на красивое слово «линеамент». Возьмем Брагинский выступ. Здесь градиентная зона силы тяжести – образно говоря, гравитационная стена. Вряд ли на уступе поставили бы атомную станцию, а на гравитационной стеночке – ничего, соорудили. Космонавт Соловьёв сдавал мне зачет по дешифрированию. Он технарь, Бауманское училище окончил. Через месяц полета Соловьёв увидел: вся облачность сидит на линеаментях.

У меня в руках жесткая информация. Я знаю, что если радиоактивным частичкам понравилась физико-геологические условия, то вы можете снимать слой земли хоть в десять метров. Идет страшный процесс – выброс на громадные расстояния, а высаживается вся эта дрянь как раз на линеаменты. Где же были наши службы? Еще в восемьдесят шестом году простодушный корреспондент писал в газете «Красная звезда»: «Едем в бронетранспортере. С нами радиометрист. Вдруг – повышенный фон, стрелка зашкаливает». Наивный корреспондент назвал это полосовым загрязнением, невольно выдав страшную тайну. Он разбил миф о тридцатикилометровой зоне.

– Разве этого не знали?

– Мы ленивы и нелюбопытны. Это теперь меня активно втаскивают в чернобыльские дела. Одиннадцатого одиннадцатого восемьдесят девятого года читаю в «Правде» отчет о заседании Политбюро: «Дезактивация не дала положительного эффекта». Горбачёв спрашивает Рыжкова: «Сколько все

это стоило?» Вся идеология дезактивации – лопата и руки, ребята, одетые в солдатскую форму. Вот и все. А через две недели фон восстанавливается. Опять приезжают полки так называемой гражданской обороны. Вооружение – опять та же гимнастерка и та же лопата. Я взял материалы Юрия Антониевича Израэля в той же «Правде» и перевел на свою карту. Нет никакой правильной, по циркулю, тридцатикилометровой зоны вокруг Чернобыля, а есть громадные вытянутые полосы радионуклидов до пятнадцати кюри, перекрывающие ряд областей страны. Есть пятна в Прибалтике, даже в Сухуми. Но вернемся в чернобыльский очаг. В деревнях, где фон тридцать-сорок кюри, полки ГО срезают пять сантиметров покрова. «Куда вывозите?» – «На диспозицию». Дис-по-зи-цию! Ладно, люди в деревнях успокаиваются. А через две недели фон на обнаженных песочках почему-то восстанавливается. Почему-то! Опять собирают доблестные полки...

А теперь я скажу вам еще одну поганку, задам совсем детский вопрос. А как же это получается, что мы узнали о масштабах беды только в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году? Где все-таки были уважаемые службы? Украина и Белоруссия три года как посажены на попу, делая дезактивацию. Та же безграмотная идеология и в сегодняшних программах. Скажем, коровка пасется. Она не знает, что травка с активным пичком. Она тихо потребляет эту травку и дает нам молочко с радионуклидами – считай, цианистый калий. Потом случайный замер случайно показывает особую грязь. Так вот, коровка не знает, что опасная зона идет до Актюбинска. В результате президент ВАСХНИЛ ломает голову, как дипломатов обеспечить чистыми продуктами. Они ведь даже воду везут свою. Мы просто не в состоянии жить дальше. В Чернобыле вывезли людей в Иванковский район, потому что туда, видите ли, была дорога. А через две недели поняли: зря. Город Славутич построили точно на линеаменте. Помните, показывали, как Михаил Сергеевич с супругой приехал в этот новенький город. Их окружали охранники, какие-то оптимистические строители с красивыми эмблемами на куртках. Специалистов же по нашим делам там не было. А природа не прощает безграмотности.



К чернобыльскому обрыву подводил Гридин: смотрите же, смотрите, профессионалы, не отворачивайтесь, смотрите – и дно бездны высветлялось. Смотрите, смотрите! Никто нам не поможет, кроме нас самих.

– Копаем дальше. Докладываю: первое римское, первое арабское. Поговорим о линеаментах типа самотлорских. Показываю: течет река Днепр. Редкая птица долетит до середины и так далее. Островок на Днепре. Пускаю по рукам аэроснимок. Половина островочка – рябчато-крапчатая, другая половинка – плоская. То есть островок разрезается линеаментом. Если на нем что-нибудь построить, развалится непременно.

Гридин достал альбом из папки, едва помещавшейся на столе.

– Название этого документа – «USA energy», что в переводе означает «Энергетика СССР». Обратите внимание на издателя – CIA. Совершенно верно – Си-ай-эй, Центральное разведывательное управление. Снимки нашего любимого Самотлора с «Ландсата», старые еще, времен разрядки. Переснимались раз в восемнадцать суток. Приглядитесь к этому снимочку. Вот они – активные линейные зоны земной коры, линеаменты. Какая получилась интеллигентная фраза. Вот он, Гданьско-Соликамский линеамент – рассекает Европу, чихает на Урал, идет через Самотлор.

Эту «веселую картинку» я рассматриваю как пощечину нашим безграмотным специалистам. Там у них в Лэнгли, в шпионском, как говорится, ведомстве, сидит ихний какой-нибудь Гридин, вставляет нам пистон и прикладывает нас мордой об стол. Что вы думаете, мы не видели эти линеаменты? Видели. Тем не менее наши уважаемые геологи чихали на них, когда вели разведку Самотлора. А после того как порвались четыре тысячи обсадных колонн, после того как красиво угробили месторождение – заметили. Потому что колонны рвались именно в скважинах, попавших в линеаменты.

– Не может быть!

– Что значит «не может быть»? Вы из Западной Сибири? Конечно, я вам свои глаза не вставлю. Но проверьте меня как

честные специалисты. Я знаю, что стихийно правы местные геологи. Вопросы?

Я поднял руку и встал как школьник.

– У нас на Среднем Урале найдены раннепермские линейные мобильные зоны. Вы можете нам связать их с региональной нефтеносностью?

– «У нас на Среднем Урале»... Поисками нефти не занимаюсь. Всю жизнь занимался, а сейчас не занимаюсь. А прожил я жизнь в страданиях и борьбе. Несколько раз был на грани вылета из партии. Много событий было, есть что рассказать. На меня дело заводили: Гридин-де вводит в заблуждение советскую власть и всю королевскую рать. Говорю всем: я вижу так.

– Так что же нам делать?

– Детские книги читать. Есть такая детская книга – «Таинственный остров». Там люди летят на воздушном шаре. Представьте, что это Земля. «Поднимаемся?» – «Какое там! Книзу идём!» – «Хуже, мистер Смит! Падаем!» – «Боже мой, балласт за борт!» – «Последний мешок сбросили!» – «Как теперь? Поднимаемся?» – «Нет!» Инженер Сайрес Смит со своей командой выкрутился на маленьком острове Линкольн.

– Можно заключить с вами договор, Виталий Иванович?

– Выкручивайтесь сами. Живите за свой счет. Без меня. Сами. Са-ми! К геологам могу пойти только в виде троянского коня. Как дело было? Однажды я увидел пятно нефтяного загрязнения на северо-востоке Каспия. Сто восемьдесят туш тюленей-самоубийц, в каждой пасти ведро нефти. Вот после этих тюленей... И еще бакланов видел, в глаза им смотреть не мог: перья в нефти, летать не могут. Тут я налился злобой: закрыть к чертовой бабушке всю нефтяную лавочку! Тогда-то я первый раз в жизни сердце почувствовал и решил: буду заниматься только экологией. Иначе все пропадем к чертям. Я пошел к экологам в виде троянского коня. Сделал карты загрязнения Каспия – по воздуху, по земле. Сердце отпустило. Вышел на ноу-хау, начал стремительно уходить вперед. В Москве меня заметили. Вот карты загрязнения по Белокаменной. Надо сказать, реки – очень чуткие индикаторы, они связаны с линеаментами. А Москва-река не просто довольно широкий водоток, петляющий среди холмов – Боровицкого,



Сретенского... Сотни миллионов лет она держит свое русло. Так вот, полоса промышленного загрязнения идет примерно так: загрязнение – густой фиолетовый цвет, вытянутое разлапистое пятно, повторяющее изгибы Москвы-реки.

Гридин поднес к глазам часы, как это делает футбольный арбитр в конце игры, сложил карты в свою широченную папку и унес ее, держа прямо перед собой, как хоругвь.

Закреть глаза и плыть по Самотёке, по Сретенке – дрожащей, малахольненькой, и встретиться в прощальной суматохе с забытым переулком Колокольниковым. Там, внизу, на спуске со Сретенского холма, на Трубной площади, текла когда-то река Неглинка. Эта река и сейчас живет под землей, как и другие спрятанные под асфальтом реки – Черторый, Протока, Черногрязка. И эти невидимые реки лепили висящее над городом фиолетовое пятно на отдешифрованном аэроснимке в большой папке, спрятанной в сейфе.

Рождественский бульвар. Неоконченный этюд

– После моего диплома Лёня Бреховских предложил написать вместе с ним статью для «Акустического журнала». Потом был совместный доклад в Ламонте о распространении волн в случайно неоднородном океане, – рассказывал Волик.

– Случайно неоднородном?

– Ага! Рассеяние звука на случайно взволнованной поверхности океана.

– Случайно взволнованной!

Мы сидели с Воликом на кухне. Волик протянул мне кусочек ватмана, покрытый вытянутыми буквами.

– Это тебе. Нашел в папочкиных бумагах.

*Все равно – колун, кирка ли,
Карандаш иль мастерок,
Так работать, чтоб сказали:
«В духе старых мастеров».
Чтобы жить не пустяками,
А прервется если труд –
Чтоб потомки постигали
Неоконченный этюд.*

Мы выпили не чокаясь.

– Между прочим, Бреховских учился в Перми.

– Я знаю.

Будучи пермофилом и копателем по натуре, я много узнал об учителе моего друга. Хотя он родом из архангельской деревни Стрункино (название излучает акустическую волну), но учился в Перми, на физфаке университета. У Леонтовича аспирант Бреховских занимался таким мирным делом, как рассеяние рентгеновских лучей в кристаллах.

Началась война. Задача – борьба с немецкими акустическими минами. Бреховских – в экспедиции спецназначения на Чёрном море, созданной на базе акустической лаборатории профессора Розенберга, которая занималась Дворцом Советов, так и не построенным, точнее – акустикой главного



стометрового зала. Впрочем, там были и питерцы – Курча-тов, Александров.

Еще в Первую мировую войну немцы, пытаясь устано-вить морскую блокаду Британии, топили все торговые суда врагов.

В 1939 году Гитлер сказал: «Мы усеём английские при-брежные воды минами, которые невозможно будет обезвре-дить. Сплошные минные заграждения в прибрежных водах поставят Англию на колени».

Он и наш флот хотел запереть на базах. В море, начинен-ном минами, «супе с клецками», в начале войны для моряков скрежет мины о корпус судна часто был последним звуком, который они слышали в жизни.

Началась страшная игра. В Потти, когда выгружали образ-цы акустических тралов, Бреховских впервые увидел море. Наши создали мощные звуковые поля, которые подрыва-ли мины на расстоянии, – акустический трал. Тогда немцы придумали донные неконтактные мины, взрывающиеся под кораблями: гидрофон принимал звуковые колебания от ко-рабля и взрывал его. Наши минеры доставали со дна мины и, рискуя жизнью, разбирали их. Физики нашли спасение от неконтактных мин – противоманнитные обмотки (солдат-ское словечко – обмотки). Наши корабли опять стали неуяз-вимы для мин.

Но страшная дуэль продолжалась. Мины с активными акустическими взрывателями снабжены гидролокаторами, которые выискивают и цели, и угрозы самим минам. Тог-да наши сделали неконтактный акустический трал на УКВ, потому что длинные волны просто огибают мину и не дают четкого эха.

Если спрашивали: «Это устройство еще не устарело?» – акустики отвечали: «Мы работаем над этой проблемой, и ско-ро оно действительно устареет».

Появилась акустическая торпеда, подобная собаке-ищей-ке, которая гонит лисицу в парфорсной охоте, причем при преследовании выписывает «акустическую змейку» – это та-кой термин.

Американцы бились с японскими минами – «горшками дьявола», англичане же, естественно, с немецкими. В конце

1944 года Черчилль писал Сталину: «Адмиралтейство просило меня обратиться к Вам по небольшому, но важному делу. Советский Военно-морской флот информировал Адмиралтейство о том, что в захваченной в Таллине подводной лодке были обнаружены две германские акустические торпеды Т-5. Это единственный известный тип торпед, управляемый на основе принципов акустики. Он эффективен не только против торговых судов, но и против эскортных кораблей. Наши специалисты изобрели особый прибор, который обеспечивает некоторую защиту от этой торпеды. Однако изучение образца Т-5 было бы ценным для изыскания контрмер».

Черчилль просил одну торпеду отправить в Соединенное королевство. Английский защитный прибор назывался «фоксер» (foxer). Бывалые люди говорят, что лиса, преследуемая собаками, «играет хвостом», то есть делает им ложные движения, бросаясь в это время в другую сторону. Фоксер – это просто две параллельные стальные трубы, буксируемые на длинном тросе за кораблем. При движении трубы бьются друг о друга. Их шум забивает шум винтов корабля, и торпеда идет на фоксер.

Бреховских в 1950 году получил Сталинскую премию первой степени вместе с Розенбергом не за борьбу с минами, а за открытие подводного звукового канала. Это было тайной, пока американцы не рассекретили открытие. Тогда-то и стали биться за приоритет.

– Вот как дело было, – сказал Волик. – Сейчас все секретные грифы сняты. Сорок шестой год, начало «холодной войны». Задача – поиск вражеских подлодок. Наши готовят экспедицию в Тихий океан. Страшно торопятся. Не успевают. Ладно. Тогда решили поопытничать в Японском море.

– Поопытничать?

– Да, опытные работы. Акустический эксперимент. Розенберг разглядывает записи акустических сигналов на ленте самописца на приемном корабле и не верит своим глазам: сила акустического сигнала в пике убывает с расстоянием примерно до тридцати миль, а дальше сигнал стабилен или же убывает крайне медленно. Что бы это значило?



По официальной версии, Розенберг передает все записи в Физический институт Лёне Бреховских. Его лаборатория была тогда в двухэтажном «акустическом павильоне» на том месте, где теперь основная территория ФИАНа. Сам Бреховских с женой и дочкой жили на первом этаже здания. А для работы у него была клетушка на верхнем этаже. Йога, кофе, классическая музыка, карандаш, блок хорошей бумаги – вот все, что ему было нужно.

– Он понимал юмор?

Волик задумался.

– Нормальные волны в слоистых средах мы называем «модами», а как назвать ненормальные? «Квазимоды» – это Бреховских придумал.

– Это хороший юмор.

– Так вот, есть какой-то слой, в котором собирается звук. Он будто попадает в колею и не может выйти из нее иногда на тысячи километров. Это и есть подводный звуковой канал, ПЗК. Канал изолирует волну от поверхности воды и от дна. Бреховских называл это «Королевство кривых зеркал».

Такая штуковина известна в классической акустике – «шепчущие галереи», эффект Рэля, когда волны стелются в тонком слое. В соборе Святого Павла в Лондоне под куполом есть круговая галерея. С одной стороны стеночка изгибается, а в ней только одна дверца, с другой – балюстрада. Я прошептал в стенку несколько слов, а наши ребята услышали их на той стороне галереи и ответили мне.

– Что же ты прошептал?

– Как ты думаешь?

– Шикотан?

– Онекотан! Первая статья Бреховских о ПЗК направлена в «Доклады АН» в июне сорок восьмого года. Не напечатана, а на-прав-ле-на! А у «загнивающих» в этом году вышла статья Юинга и Ворцеля! Почему-то в геологическом журнале...

– Юинг, Юинг... Не Морис ли? Он из Ламонта?

– Как зовут, не помню, но он из Ламонта.

– Он геолог, вернее, геофизик!

– Потому, видно, и напечатался в геологическом журнале. Канал американцы назвали SOFAR – «Sound Fixing and Ranging». «Звукопеленгация и локация». У нас публикации

вышли в сорок девятом. Теоретик Бреховских и экспериментатор Розенберг пожелали напечататься по отдельности. Полагаю, недаром – время такое, 1949 год.

Да, мы искали подводные, как бы помягче, объекты. Раньше их искали по шуму. Гидроакустики – проще говоря, слухачи – могли определить: это катер, это транспорт, это эсминец, а это просто рыбацья лайба. Однако на большой глубине подлодки обнаружить нельзя. Но есть гидролокация – послать импульс и принять отражение. Понимаешь, что такое ПЗК? Чёрное море ревет, свистит и скрежещет, дробь и треск – это рачки-алфеусы, морские барабанщики. Один океанограф по фамилии Дитц...

– Дитц? Он стал великим геологом!

– В пятьдесят втором году он был океанографом – в Калифорнии услышал в гидрофоне шум от извержения подводного вулкана в Японии. Погибло океанографическое судно «Кая-мару». Работал подземный вулкан. Это что! Выдох гренландского кита слышен за два километра!

– Выдох кита? За два километра? Буй тур Всеволод!

– Представь себе. Я тебе больше скажу: горбатые киты поют. Сам слышал. Песни одинаковые. Каждый год новые песни, но одинаковые. Они ведь общаются на громадных расстояниях...

Мы вышли во двор, к проломленному брандмауэру, нашли лаз и проходным двором прошли в Печатников и дальше на Рождественский спуск – машины неслись к Трубной.

Юра Фомин по прозвищу Моя мечта по-прежнему жил в двухэтажном доме за стеной монастыря, откуда мы провожали его в Ейское училище. Мы шли по сырой деревенской земле, в которой могла быть зарыта библиотека Ивана Грозного.

Юру списали из испытателей в гражданскую авиацию. Теперь он таскал пассажирские «сарай», как он выражался, по-прежнему хвастался и все разговоры переводил на авиацию:

– Больше всего люблю такую глиссаду заложить, чтобы пассажиры не заметили посадку. Я называю это «сесть под шорох твоих ресниц»!



Волик неумело взял гитару:

– Рэлей описал в «Теории звука» звукоизвлечение щипковых. Потом была работа Рахматуллина «О косом ударе по гибкой нити при наличии трения».

– О гитаре, что ли?

– Нет, оборонная тематика. Защита аэростатов от самолетов. Помните, как по Неглинке их таскали? Сейчас я покажу, как заставить звучать деку. Флажолет. Зажимаю струну между колком и порожком грифа...

– Порви, порви мне струну! Паганини...

Волик ворчал:

– Все постоянно рассказывают друг другу то, что вычитали в газетах или увидели по ящику. Новое мышление, кооперативные туалеты, то-сё. Ели-пили, страну просадили.

Я сказал:

– Не надо вообще никаких ворчалок. А то и я ударюсь в теоретизирование. Гранитные материки – окалина нашего шарика. Ниже – что-то вроде Оливинового пояса, куда полез инженер Гарин. А откуда взялся наш шарик голубой?

– Ну, тебя понесло!

– Было какое-то газовое облако, так? Потом был Большой взрыв – «Биг Бенг», когда протон начал расширяться. Это придумали Хаббл с Фридманом. Фридман – наш, пермский.

– У тебя все пермские!

Таня пришла. Лицо такое усталое. Леди Мадонна, надо заштопать чулки и еще много чего сделать, дети растут.

– Итак, начало было десять миллиардов лет назад. И еще тридцать пять миллиардов лет будем расширяться. Потом сжиматься будем сорок пять миллиардов лет – и крышка, коллапс. На небе фиолетовые письма напишутся – конец света, и все свернется в протон.

– Поэтому надо петь! – просто сказал Юрка.

– Горбатые киты, и те поют.

Юрка садился, как Пако де Лусиа, склонив плечо. Из джазовой гитары извлекли, клоня плечо, такое пиццикато, чтоб звуки плыли, словно пацанята, вдоль уходящей в прошлое реки... И трогал гриф, и подкручивал колки. Все те же мы, все тот же гитарист! И никто не мог сыграть лучше, и сам Иванов-Крамской не мог.

– Того нет, сего нет, – сказал Юрка. – Ну и что из того, что нет? Помрешь, и уйдет все это – «того нет, сего нет». Всё есть. Всё есть, не знаем, куда девать. Зубровка есть? Огурец есть? Что может быть лучше водочки под огурец? А то разнылись: мы все умрём! как всё плохо!

Волик сжал руку в кулак, приложил его к скатерти.

– У, бляга.

– Ты чего это, старичок?

– Если бы я попал на ядро, может, не было бы Чернобыля. Тотальное вранье! Тотальное вранье вызывает тотальное засекречивание. И наоборот. Надо учиться не врать. А если врать, то не в кубе, а хотя бы в квадрате. Я всю жизнь с Брежневских на войну работал!

– Успокойся, буй тур.

– Как-то после жуткого шторма в Японском море я выбрался на палубу, с тоской посмотрел на небо – а оно зеленое. А ночью – дорожка от света Венеры!

– Как хорошо... – сказала Таня. – Работа, магазины, очереди, в метро давка, и вдруг так хорошо с вами.

– Тань, что такое счастье?

– Счастье? Одинокая палатка на берегу пустынного моря.

– *Белеет парус одинокий...*

– Пусть белеет. Но одинокий.

Мелодия медлила, отставала, шла на заднем плане, брела по проселочной, размытой дождями дороге, пропала и снова откуда-то появлялась, дрожащая. Юра играл, закрыв глаза: да провались все взрывы, большие и малые, баксы-факсы, рокеры-брокеры. Лопнула струна, черт с ней, сыграй про чудный город Сан-Луис! Всё клонил плечо и головой качал.

Неслыханное время, повторись! Все те же мы, а юность бродит где-то, все меньше струн, обшарпаннее дека. Все те же мы, все тот же гитарист!

Какое-то облако или тень его висит над нами, прошлое наступило внезапно, и вывела гитарка в самое раннее и самое главное:

*По белому чуть брезжит синева,
Осенний день, опаловое небо,*



*О, это все красивые слова,
Красивое сравнение нелепо;
Не то чтоб вовсе не было других,
Но, понимаешь, мне необходимо
Сквозь облако опалового дыма
Увидеть всех товарищей моих.
Их разметало время по Руси,
Когда-нибудь мы все в Россию канем.
Дай бог вам видеть в придорожном камне
Осколок неба средней полосы.*

Путешествие в Пермскую Пангею

Марина Цветаева придумала такое слово для обозначения российской глуши – Чермь. Может быть, она соединила названия двух городов – Пермь и Чердынь.

У Перми, устроенной по-питерски, с прямыми улицами, выходящими к широкой реке, – узнаваемый силуэт с вертикалью галереи, если смотреть с правого берега Камы. Только в этом городе есть улица Леонова и улица Беляева. Только здесь – в Мотовилихе, в Первогороде, есть улица, именуемая Красной площадью.

У Чердыни тоже есть амбиции: она строилась на семи холмах, и Кремль у нее был – деревянный, шестибашенный, и звались эти башни Спасская, Тайницкая. Впрочем, все равно глушь, все равно Чермь. Но и – глубинная Россия.

Старые пермские геологи помнят, как иностранных участников уральской экскурсии Международного геологического конгресса 1937 года катали на прогулочном пароходе по Каме до Трухият. Иностранцы обратили внимание на корпуса мотовилихинской промзоны. «Что это?» – «Это завод сельскохозяйственных машин». На обратном пути через Каму полетели снаряды – пушки пристреливали по закамским целям. «Что это? Что это?» – «Испытания сельскохозяйственных машин!»

Термин «пермская система» удержался, когда город Пермь был переименован в честь видного партийца Молотова. Были железные маски: Сталин, Молотов. Умудрились ведь переименовать бобриковский (по городу Бобрики) горизонт в карбоне в сталиногорский. Во время хрущевской оттепели горизонту вернули прежнее имя – бобриковский, а город получил новое – Новомосковск.

В августе 1991 года, как раз перед путчем, перед тем как танки вошли в Москву, в Культурно-деловом центре города



Перми проходил Международный геологический конгресс в честь 150-летия установления пермской системы. Девиз международных геологических конгрессов – «Mente et malleo». «Разумом и молотком».

Его открывал доктор Алан Нейрн – могучий, седовласый, в белой рубашке с отложным воротничком, в клетчатых брюках.

– Шотландцу трудно удержаться от того, чтобы не воспользоваться возможностью приехать в город, который называется Пермь. У нас в Шотландии есть город Перт и поселок Москва. Город Перт и река Мэрчисон есть даже в Австралии. Почему шотландцы так любят Пермь? Все дело в том, что полтора века назад в Россию приехал мой земляк Родерик Мэрчисон, добрался до Урала и открыл для всего человечества страну Пермию, или Биармию!

Дядюшку Родерика звали Александром Маккензи. Он был бригадным генералом, богатым человеком. Моего дядю тоже звали Александром, но мне он ничего не оставил. Тем не менее у меня есть законный интерес к пермской системе и повод встретиться с коллегами-пермофилами. Я вижу множество своих друзей из разных стран, и все они не спят. После наших дружеских встреч допустимы два варианта: может болеть голова, может болеть живот. В оргкомитете имеются соответствующие смеси для каждого из этих вариантов...

Так могли бы шутить Седжвик и Мэрчисон.

На огромной эмблеме конгресса, как раз за спиной Нейрна, изображены сбитые воедино континенты – *omnis terra*, Пангея пермского времени, и на ней удобно расположился хмурый пермский ящер по имени ивантозавр, названный так в честь великого фантаста и великого палеонтолога Ивана Ефремова.

Я поспешил на палеонтологическую секцию, пристроился поближе к милостивой переводчице с ладными ножками. В программе обещали открытую дискуссию. Выступления по пять минут, справка одна минута. Предстояла яростная схватка с американцами и китайцами: они утверждали, что на пермской земле – бедные фауной континентальные разрезы, и предлагали свои, морские аналоги.

Я не ожидал, что схватка будет столь яростной! Техасцы никак не хотели признавать нашу кунгурскую семислойку. Помощь пришла из Австралии! У них в кунгуре была своя семислойка, единые мировые ритмы пермского времени!

Говорили все вместе. Быстро перешли на английский. Хорошенькая переводчица озиралась в ужасе. Алан Нейрн сказал: система останется пермской, и только пермской – именно здесь континентальные разрезы связывают между собой моря.

Тогда предложили развалить пермь не на две, а на три части. Припомнили, что Николай Палыч Герасимов в поздних работах склонялся к этому. В конце концов так и разделили снизу вверх: предуральный, гваделупий, лопингий. Американцы и китайцы успокоились. Но это произошло недавно. А тогда спорили:

– Радченко прав! В раннем карбоне он выделил Шотландско-Казахстанскую область.

– Эк хватил – где Шотландия и где Казахстан!

– Я ссылаюсь на мнение такого знатока ископаемой древесины, как Лепёхина, которая в свою очередь опирается на представления своего учителя Яценко-Хмелевского, крупнейшего специалиста по анатомии растений!

– У Бхарадваджа и Венкатачала другое мнение о спорах и пыльце из нижнего карбона Шпицбергена!

– Где Чуваши?

– Прав Йонгманс! Он подтвердил представления Зейлера!

– Это девятнадцатый век! Вы еще Мэрчисона вспомните!

– Вспомню и Мэрчисона! И Залесского! И Мейена!

– Оба неправы, и Йонгманс, и Радченко!

– Правы оба!

– Где Ожгибесов?

– Йонгманс ничего не знал о сибирских растениях!

– Attention! Внимание! Кофе-брейк!

И не было ни элины, ни иудея, и все возвращались в то далекое время, когда дружная интернациональная команда открывала для мировой геологии новую систему, получившую высокое имя пермь, что означает «дальняя страна».



Танки Кантемировской дивизии вошли в Москву. В Перми на всякий случай отменили экскурсии по Уралу, и осталось гостям со всего мира листать добротные геологические путеводители.

Алан Нейрн сказал с высокой трибуны:

– Те, кто уезжает из Шотландии во внешний мир, видят дорожный знак «Скорее домой!». И трудно понять, относится это к тем, кто уезжает, или же к тем, кто остается. В Перми я бы поставил такой знак: «Уезжайте только для того, чтобы скорее вернуться сюда!»



Особая папка
Строго конфиденциально!



Судовые журналы и карты были сверхсекретны с незапамятных времен. Самой древней (четыре с половиной тыщи лет!) карте на шумерской глиняной табличке нет цены. Однажды римская эскадра преследовала карфагенское судно, и капитан загнал его на скалы, но не позволил врагам захватить карты. Он стал национальным героем.

Хитроумные испанцы придумали утяжелять шифровальные книги и навигационные материалы свинцом, чтобы утопить их при опасности. Со времени первого путешествия Колумба все испанские карты Нового Света хранились в архиве Севильи – за ними охотились французы и англичане.

Вся Земля. Хроника открытий

Ходить по морю необходимо,
жить не так уж необходимо.

Древняя поговорка моряков

В комедии Аристофана «Облака» на сцену выносят карту мира, на которой ученик Сократа показывает аудитории знакомые места:

«Стрепсиод. Так, а вот это (указывает на какой-то геометрический инструмент) – для чего оно?

Ученик. Чтобы мерить Землю.

Стрепсиод. Надельную?

Ученик. Да нет! Всю Землю... А здесь изображение всей Вселенной. Вот Афины. Видишь?»

Кажется, что в работе компьютерная система «Arc View» с последовательным укрупнением изображения...

Космонавт, доктор наук Феокистов, как-то сказал: «Я убежден, что, готовясь к плаванию на своих каравеллах, Христофор Колумб в какой-то степени втирал очки королю и королеве, когда говорил о заокеанских сокровищах. Он просто искал и хотел найти нечто новое. Любознательность и любопытство были и остаются одним из важнейших рычагов человеческого прогресса». Самых первых вела не власть золота, пряностей, а стремление, по словам Гейне, «удлинить цепь, сковывающую человечество», ту цепь, которую разорвал Юрий Гагарин.

Это была честная игра. Джим Хокинс умел держать слово, пусть даже данное Сильверу, пирату, чье имя значит «серебро».

Это потом началась кровавая история борьбы за колонии, богатства, деньги, за раздел мира. Это потом «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» зеленого попугая одноногого Сильвера, потом доллары, фунты, рубли, золото, серебро, мягкая рухлядь – меха и все такое. Потом.



Сначала было – дальние страны, дальняя земля. Туда стремились Магеллан, Мэрчисон, Гагарин, Армстронг, Вайн, Леонов...

Человек на Земле стремится побывать всюду. Всюду! Надо ходить в море, надо опускаться в глубины океана, надо подниматься в космос, надо потрогать ногой Луну.

Как-то в конце X века отчаянный драчун Эрик Рыжий бежал от мести родичей убитого им человека из Норвегии в Исландию. Там тоже случилась заварушка. Эрик вновь бежал и, странствуя, открыл громадный остров, названный им Гренландия – «зеленая страна». Через много лет климат стал холодным, страна перестала быть зеленой – и люди оттуда уехали.

Или еще такой был случай. Жил-был викинг по имени Херюльф. Его сын Бьёрн Херюльфсон имел обыкновение проводить одну зиму на чужбине, а другую у отца, в Исландии. Однажды Бьёрн приехал и узнал, что папа Херюльф – в Гренландии, вместе с Рыжим Эриком. Бьёрн, не разгружая корабля, отправился искать отца. Попали в шторм, судно понесло в океан. Бьёрн видел какую-то землю, но почему-то не верил, что это Гренландия. И правильно делал, потому что это была Америка. Однажды он увидел хижину на берегу, пристал – и увидел отца, старого Херюльфа!

А сын Эрика Рыжего, по прозвищу Лейф Счастливый, купил у Бьёрна корабль и обследовал открытую тем землю, и назвал ее Винланд – «виноградная земля», и было это за пятьсот лет до Колумба. По-видимому, Лейф нашел остров Ньюфаундленд. Правда, викинги считали, что Винланд соединяется с Африкой.

Прошло время, и память о Винланде осталась только в скандинавских сагах...

Финикийцы были, по-видимому, первыми мореплавателями, которые отваживались плавать ночью, отрываясь от земли. Как они ориентировались на своих парусных суденышках? По каким звездам? Какие песни они пели? Без матросских песен невозможна тяжелая морская работа на палубе – под грохот шторма, скрип мачт, удары волн в скулы корабля. Моряки на старых парусниках не могли не реветь

песни на фалах, когда поднимали паруса, или на шпиле, когда выбирали якорь:

*Тащи булинь, тащи булинь!
Булинь тащи, тащи, тащи!
Ори что хочешь и свищи!
В любую непогодь и стынь
Тащи булинь, тащи булинь!
Раскачивай, тащи!*

Баковые песни помогали скоротать часы ночных «собачьих вахт»:

*Дуй, ветер, высоко, дуй низко,
Смотри вперед, смотри назад,
Смотри на ветер и под ветер,
Вдоль берегов, где можешь, брат,
«Высокую Барбару» встретить!*

«Высокая Барбара» – это пиратское судно.

Поездка францисканского монаха Карпини ко двору монгольского хана в Каракорум в 1245 году открыла список великих путешествий европейцев в Азию. Через пять лет разнесся слух о том, что хан принял христианство, и французский король отправил в Каракорум посольство во главе с Рубруком. Спустя некоторое время молодой венецианец Марко Поло отправился с торгово-дипломатической миссией в Китай. Он видел, как добывают священный нефрит в хребте Куньлунь, поднебесный лазурит из копей Горного Бадахшана; как торгуют жемчугом на берегу Персидского залива – продавец и покупатель сговариваются о цене, сидя на корточках, финальное пожатие рук скрыто спущенными рукавами: никто не должен знать сумму сделки. Сметливый юноша-полиглот вошел в доверие к хану Хубилаю, прослужил у него в Ханбалыке (так назывался тогда Пекин) семнадцать лет – был послом, был даже правителем города Янчжоу.

Вернуться домой помог счастливый случай. Персидский царь просил в жены дочь Хубилая. Марко Поло вызвался доставить ее жениху. Потом был морской бой с генуэзцами, ранение и плен. В тюрьме Марко Поло надиктовал свою знаменитую «Книгу о разнообразии мира». Ее экземпляр был даже у Колумба.



Великая тяга к морским путешествиям, к дальним странствиям охватила европейцев. Люди на утлых кораблицах, рискуя жизнью, пахали моря, дорожа каждым глотком пресной воды, каждым кусочком ржавого сухаря.

Я ставлю песочные часы, которые надо переворачивать каждые двадцать лет. Начинается история, в которой будут фантастические повороты сюжета и неожиданные совпадения.

1361–1380 годы

В летописи сказано: новгородцы перевалили через Каменный пояс, через Урал. А в Москве появился пытливый устюжанин Стефан Пермский, или Стефан Храп, как его звали на родине.

Он придумал азбуку пермяцкого языка и обосновался в Усть-Выме – как считают некоторые историки, первой, до Чердыни, столице Перми Великой. Неистовый устюжанин бился с язычеством: шел по лесам и болотам, рушил лесных богов, сжигал их и пепел развеивал. На Княж-Погосте, что выше Усть-Выма, он встретился с седым волхвом Памом. Стефан сказал ему: «Взойдем вместе на костер и посмотрим, чья вера крепче!» Пам устранился и отправился на Обь, к Атлымским юртам, где горы заходят в лукоморье, – может быть, это где-то к западу от Салехарда.

А Стефан веру свою понес следом – на Ухту, на Печору, откуда начинался «Черезкаменный путь» на Обь.

Писатель Сергей Марков считает, что именно Стефан Пермский первым принес весть о Золотой Бабе.

1381–1400 годы

Летописец заметил, что Стефан жил среди людей, «молющихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и влхам и дrevью». Это – завязка сюжета.

О загадочном идоле Перми Великой горы книг написаны. И получается так, что Золотая Баба сначала находилась к западу от Урала. Потом ее перенесли за Камень – прятали от чужого глаза, от того же Стефана. Золотая Баба оказалась на Оби, у Студёного океана. Англичанин Бэддли считает, что Золотая Баба – это Гуань-Инь, тибетская и китайская богиня

бессмертия, заступница путешественников в морях и в горах. В храмах Лхасы перед статуей Гуань-Инь звучала труба, сделанная из белой раковины – «дункар» по-тибетски. Дункары были редки и ценились как алмазы.

Как попала Золотая Баба из Тибета на Север – толком не знает никто.

1401–1420 годы

«О человецех незнаемых в восточной стране...» – это повествование, написанное безвестным путешественником, который ведет нас «вверх тоя же реки великия Оби», в землю «Золотой Бабы», к грифам, сторожащим золото.

По свидетельству Бориса Шергина, многие поморы с берегов Студёного моря вели записи.

Была у людей необходимость перед лицом смерти оставлять «памяти», «морские предания» – вырезать на дереве, высекать на камне что-либо о себе и о товарищах своих, «дабы свеча не угасла»:

*Корабельные плотники Иван с Ондреяном
Здесь скончали земные труды,
И на долгий отдых повалились,
И ждут архангеловой трубы...*

Смерть воспринимается как «долгий отдых»...

В Южном Приморье у нашего дизелиста Васи Вагина, ранее судового радиста, тоже была книжечка. На мысе Могильном у пролива Вилькицкого он занес в нее, например, эпитафию, которую, подобно Роберту Стивенсону, написал себе лейтенант Жохов:

*Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца –
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова
И не казалась бы могила глубока.*

Кстати, Вася, наверное, самое популярное имя среди первопроходцев: Васко да Гама, Заболоцкий-Бражник, Васко Нуньес де Бальбоа, Масальский, Фёдоров-Гусельников,



Бугор, Пушкин, Прончищев, Чичагов – все Василии. «Здесь был Вася» – это мета, это знак дальней земли.

1421–1440 годы

В те годы европейцы почти ничего не ведали о своей планете. Больше других знали о ней в итальянских городах-республиках, которые торговали с Востоком. Испанцев и португальцев арабы не пускали из Средиземного в Красное море. И карт-то не было толковых – мореходы пользовались древними, птолемеевскими. Только и оставалось, что искать новый путь на Восток. Впереди всех были португальские мореходы.

Им повезло, у них был покровитель – инфант Генрих Мореплаватель, третий сын короля. Он открыл мореходную школу и обсерваторию, и не в случайном месте – на мысе Сан-Висенте, самой юго-западной оконечности Европы. Генрих собирал карты, лоции. В его замке трудились картографы. Молодые люди обучались мореходному делу, строили корабли, собирали навигационные приборы. Генрих посылал все новые и новые суда на юг и на запад. Его вела мечта о морском пути в Индию, и еще больше – легенда об африканской стране Офир, о копиях царя Соломона.

Двигаясь на запад, португальцы открыли Азорские острова. На юг идти было страшно: считалось, что на экваторе – кипящая вода, что нельзя пройти за мыс Нан, чье имя значит «дальше пути нет». Но Генрих гонит и гонит корабли на юг, и наконец капитан Эанниш снимает проклятие, огибает этот не-обходимый мыс! Португальцы уходят все дальше на юг, проходят в устья рек – вдруг это пролив? – но везде, везде вода оказывается пресной.

В это время Исидор, митрополит Московский, везет во Флоренцию, на Вселенский собор, сотню московитов, суздальцев, тверяков. Среди них – любознательный монах Симеон Суздальский. По пути во фряжскую землю он знакомится в Любеке с хранителем редчайших рукописей Паоло Тосканелли, и тот показывает Симеону сокровище своей коллекции – чертеж земного шара. На Апеннингах русские гости знакомятся с другом Тосканелли Николаем Кузанским и с космографом из Венеции Фра Мауро.

Это завязка истории, о которой поведал Сергей Марков и к которой мы вскоре вернемся.

1441–1460 годы

Португальцы рвутся на юг вдоль берега Африки: устье Сенегала, Сьерра-Леоне, острова Зелёного Мыса.

Заметили: берег Африки отклонился к востоку. Мореходы не знали, что попали в Гвинейский залив, до тех пор, пока не уперлись в его южный изгиб и не посчитали, что Индия недостижима.

Продвижению мешали течения на север между островами Зелёного Мыса и материком и к востоку от острова Св. Елены. Совершенно секретно: лучший путь на юг – не вдоль берега Африки, а в сторону Атлантики, по течению. Это будущий путь Васко да Гама!

А теперь – обещанная тайна. На картах Николая Кузанского, Фра Мауро, Паоло Тосканелли показана страна Пермия к северо-востоку от Норвегии вдоль Студёного моря – до страны Тьмы. Еще есть страна Монгул и страна Сибирь, еще есть Ханбалык – Пекин. Оби нет. Зато на пергаменте земного круга Фра Мауро показана даже теперешняя Илецкая Защита с рисунком соляной горы и надписью: «Тут добывается много соли». Сергей Марков считает, что итальянские космографы получили ценнейшие сведения от Симеона Суздальского. Свидетелем встречи был Кристофоро Ландино, профессор поэзии и красноречия, автор комментариев к дантовской «Божественной комедии».

1461–1480 годы

Португальцы достигли устья Нигера. Вблизи экватора берег снова ушел к югу.

И в Северной Европе начали искать северо-западный проход в Индию. Польский мореход Ян Кольненский, бывший на службе у датчан, добрался до полуострова Лабрадор и открыл пролив, который посчитали проходом в Индию.

Тверской купец Афанасий Никитин, человек бывалый, снарядил два судна с товаром, взятым в долг, и отправился



вниз по Волге. У него была «крыша» – послы ширванского шаха возвращались из Москвы. Люди астраханского хана Касима отобрали товар у купца. Что было делать? Возвращаться нельзя – посадят в долговую яму. Никитин добрался до Дербента, потом до Баку, Бендер-Аббаса, Ормуза, где купил хорошего арабского скакуна. Никитин стал первым европейцем, давшим точное описание земель, которые он увидел: Индии, Китая, Бирмы, Цейлона.

Афанасий добрался до Джуннара, крепости на горе к востоку от Бомбея, куда чужеземцам вход запрещен. Здесь-то у него коня и отобрали. Правда, хан посулил вернуть его и дать тысячу золотых, если русин перейдет в магометанство. В противном случае пригрозил рабством. Добрый знакомец Афанасия Мухаммед умолил хана, и тот жеребца вернул. Никитин продвигался с ним по воюющей стране, пока не продал на ярмарке. Закупил драгоценности – и к морю, в Ормуз, где вновь был ограблен.

Никитин не добрался до родной Твери. Он пропал без вести. Записки его «Хождение за три моря» заезжие купцы доставили кремлевскому дьяку Василию Мамыреву, а тот передал «написание Офонаса Тверитина, купца, что был в Ындее 4 года» неизвестному составителю Львовской летописи. И они сохранились, записи Афанасия Никитина, сохранились эти его слова: *«Русская земля да будет Богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей».*

Можно подумать, что Афанасию Никитину были знакомы суждения китайского землепроходца Сюй Ся-Кэ, который считал, что отчеты о путешествиях не имеют достоинств, если они просто познавательны и не обладают высокой художественной формой.

А в Индийском океане, на дне его, есть гора, названная именем Афанасия Никитина.

1481–1500 годы

Португалец Диего Као добрался до устья Конго. Берег Африки все-таки уходил к югу.

Бартоломео Диаш достиг мыса Бурь. Его отнесло значительно южнее окраины континента. Когда стало ясно, что обозначился южный край Африки, мыс Бурь был переименован

в мыс Доброй Надежды. Однако идти с Диашем в Индию измученная команда отказалась.

В 1498 году португальцами была открыта настоящая Индия. Васко да Гама пошел по пути Диаша – отклонился к востоку, избежав встречного течения, и юго-восточный пассат понес корабли в Индию. Мореходы расспрашивали местных жителей, не бывал ли здесь Колумб. Те не понимали, о чем идет речь.

К этому времени Колумб уже совершил свое великое путешествие. Многие догадывались, что Земля – это шар, но никто не знал, велик ли этот шар. Может быть, Индия окажется совсем недалеко от Пиренеев, если идти на запад?

Христофор Колумб перебрался из Генуи в Лиссабон, где женился на дочери старого морехода из команды Генриха Мореплавателя. У тестя было бесценное сокровище – карта Паоло Тосканелли!

Колумб часами стоял на самом краю маленького острова близ Мадейры – это был край известной суши. Однажды море выбросило на берег судно, пришедшее с запада. Штурман судна в бреду твердил о пении немислимо ярких птиц, о смуглых туземцах.

В Португалии отвергли предложение Колумба о плавании на запад. В Испании ему не поверил король, но поверила королева. Здесь Колумб стал Кристобалем Колоном. Судовладельцы предоставили ему корабли, названные прозвищами знакомых девиц легкого поведения. Колумб добился, чтобы хоть флагман переименовали в «Санта-Марию».

3 августа 1492 года экспедиция отправилась из Пиноса курсом на Канарские острова.

Корабли продирались сквозь водоросли Саргассова моря. Колумб заметил, что его компасы, вместо того чтобы указывать на истинный север, отклонялись в сторону, причем величина отклонения зависела от долготы. Это была деклинация – магнитное склонение. Матросы паниковали: компас взбесился! Они требовали возвращения домой. Колумб читал им Евангелие от Иоанна. Птицы, лесные птицы, появившиеся на следующий день, спасли его! Птицы и удача! Колумб изменил



курс – навстречу птицам. Если бы он этого не сделал, Гольфстрим подхватил бы «Санта-Марию» и пронес мимо Америки.

12 октября – высадка на острове Сан-Сальвадор. Открыты Куба, Ямайка, Гаити. Колумб до конца жизни считал, что добрался до Индии. Кубу он принял за Японию. Золота и алмазов найдено не было, но Европа узнала картофель, кукурузу, табак. После третьего путешествия Колумба по доносу посчитали предателем – его вели в кандалах по Кадису. Обвинения были сняты, но Колумб на какое-то время ушел в монастырь.

По Тордесильяскому договору, скрепленному папской буллой, Испания и Португалия разделили земной шар по меридиану островов Зелёного Мыса: все, что к западу, принадлежит Испании, к востоку – Португалии. Больше никто не допускался к правам владения.

В это время Джованни – Джон Кабот со своими тремя сыновьями жил в Бристоле, в предместье с характерным названием «Катай», населенном энергичными выходцами из Генуи и Венеции.

Сергей Марков, ссылаясь на редкую книгу Жюль Верна, считает, что Джон Кабот был знаком с Паоло Тосканелли и с его картой. Может быть, поэтому Джон Кабот больше смотрел на запад, в то время как многие в Бристоле считали, что нужно идти на восток – к устью Северной Двины.

После того как весть о путешествии Колумба достигла Британии, там снова стали пробиваться в Китай по морю высокими широтами. Экспедиция Кабота добралась до таинственного Лабрадора, где уже побывал Ян Кольненский. Людей на берегу не было видно. Эта мрачная земля ничем не напоминала Китай. Корабли продвигались через косяки сельди и трески. Возвращение в Бристоль было тягостным.

Разгневанные испанцы посчитали, что экспедиция Кабота нарушает Тордесильяский договор. Между тем Джон Кабот умер в новой экспедиции и руководство перешло к его сыну Себастьяну. Британия утратила интерес к открытым землям, хотя и считалось, что Китай открыт.

Себастьян Кабот перешел на службу к испанскому королю. Он так и не смог обогнуть Северную Америку и попасть в Тихий океан.

Между тем португальцы направили к землям, открытым Каботом, экспедицию Гашпара Кортириала. Кажется, он добрался до Лабрадора. Это тоже было явное нарушение договора.

Григорий Истома, московский дьяк, посол Ивана III в Дании, первым проплыл из Белого моря вокруг Скандинавии. Обычный путь в Данию для Истома был закрыт, поскольку шла война со шведами. Из Холмогор посольство на четырех ладьях двинулось на запад, через «горло» Белого моря Воронку – кладбище кораблей. Водоворот вынес их к Святому Носу, которого опасались и бывалые поморы. Из Варангер-фьорда волоком на мыс Нордкап – и в Атлантику! Потом фьордом до Тронхейма, на оленях в Берген, а там морем до Копенгагена. Можно сказать, что это была и первая русская научная экспедиция: Истома изучал морские течения, состояние льда.

Поход войска Ивана III во главе с Семёном Курбским, Петром Ушатым и Василием Заболоцким-Бражником имел целью утвердить власть Москвы над Югрой. Основали на Печоре Пустозёрский острог, пробились через Полярный Урал, вышли к укрепленному городку Ляпино и на лыжах добрались до Оби. Титул Ивана III приказные дьяки дополнили – князь Югорский, Обдорский и Кондийский.

Это было великое двадцатилетие!
Открыта Америка.
Найден морской путь в Индию.
Московиты перевалили через Урал.

1501–1520 годы

Участники Югорского похода составили «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби», который попал к Герберштейну. И в этом указателе опять легенда о Золотой Бабе!

Сведения о ней попали в Краков, к Матвею Меховскому, в его «Трактат о двух Сарматиях». Меховский преподнес свой труд императору Максимилиану, и тот поручил послу Франческо да Колло собрать дополнительные сведения о Русском Севере. «Фрянчушка да Колла» отправился на Русь вместе с Григорием Истомай.



В Аугсбурге Истому спросили, доступно ли Ледовитое море для кораблей, и тот показал на карте Руси и ее владений на северо-востоке возможный путь в Индию.

В Москве собирал сведения об Югре не только «Фрянчушка». Сюда прибыл также генуэзец Паоло Чентурионе – его тоже интересовала дорога в Индию. Одно время у Чентурионе служил Христофор Колумб, закупавший для него сахар на Мадейре.

Четвертая экспедиция Колумба наконец-то открыла восточное побережье Американского континента в районе Гондураса!

Америго Веспуччи был опытным кормчим и картографом, знал навигацию, был главным «пилотом» Кастилии, то есть контролировал составление карт, секретных докладов о новых открытиях. Он был в одной из экспедиций, достигших Южной Америки. Появилась его книжечка в форме письма о плавании к берегам неведомой земли, и эта земля названа не Индией и не Азией, а Новым Светом! Потом вышел сборник рассказов о плаваниях Колумба, Васко да Гамы и других мореплавателей. Название сборника странное: «Новый Свет» и новые страны, открытые Америго Веспуччи из Флоренции».

Наконец, «Новый Свет» вышел как дополнение к «Космографии» Птолемея. Авторы дополнения были уверены, что Америго еще в 1497 году ступил на Американский континент.

Через год после того, как полуслепой, парализованный, забытый всеми Колумб умер в Вальядолиде (кандалы он завещал положить на могилу), на карте Мартина Вальдземюллера впервые появилось название Америка – по имени Веспуччи. Оригинал этой карты Библиотека Конгресса в США приобрела за десять миллионов долларов. Потом великий фламандский картограф Меркатор соединил Северную и Южную Америки перешейком и сказал, что все это – Аме-ри-ка...

Португалец Фернан Магеллан и его друг капитан Франсишку Серрано – военные люди, не умеющие угождать начальству. Они сражались в Индии, в Северной Африке. Магеллан весь изранен, удар копья в левое колено сделал его

хромым. Во время заварушки в Малаккской гавани Магеллан спас названного брата Серрано от толпы малайцев – ударами шпаги расчистил дорогу к шлюпке.

Случилось так, что храбрый капитан Серрано остался на одном из прятных островов, женился на хорошенькой туземке и даже сделался великим визирем. Он и друга звал осесть на этой благословенной земле: «Я нашел здесь новый мир, обширнее и богаче того, что был открыт Васко да Гамой».

Магеллан отказался, и тогда Серрано сказал другу: приезжай сюда, на Зондские острова, хоть с запада, по пути Васко, хоть с востока, по пути Колумба. В бумагах Серрано сохранилось письмо Магеллана, где тот обещал другу приехать «если не через Португалию, то иным путем». Каким? Вокруг света!

Извивы сюжета нашего повествования заставляют прервать рассказ о Магеллане и обратиться к несостоятельному должнику Васко Нуньес де Бальбоа. Капитанам испанских судов, отправлявшихся из Гаити, было строжайше запрещено принимать на борт таких людей. Тогда Бальбоа забрался в пустую бочку на палубе (как тут не вспомнить бочку из-под яблок на палубе «Испаньолы» в «Острове сокровищ»!) и таким образом попал на панамский берег. Этот отчаянный авантюрист сумел утопить в открытом море здешнего наместника и сесть в его кресло.

Один из индейских вождей рассказал Бальбоа о стране, где много золота, и о горе, откуда видно море. И когда пришла весть о том, что испанский король считает его мятежником, Бальбоа понял: только великий подвиг спасет его от суда и виселицы.

Оставив отряд конкистадоров на склоне горы, с кастильским знаменем в одной руке и с обнаженной шпагой в другой Бальбоа достигает вершины. Один! Вот он – «Южный океан», за которым Индия! Остальные поднялись на вершину лишь по его знаку. Они пели хорал «Тебя, Боже, хвалим...».

Спектакль продолжился на берегу. Дождавшись прилива, Бальбоа со знаменем и шпагой вошел в воду и торжественно провозгласил: «Вступаю во владение для кастильской короны этими морями, землями, берегами, гаванями и островами».



Тем не менее Бальбоа, человек, открывший последний океан, был арестован отрядом под командой Франсиско Писарро, осужден за измену и обезглавлен.

Так или иначе, но испанцы, преодолев Американский континент, оказались в Тихом океане, к востоку от меридиана островов Зелёного Мыса, который разделял по Тордесильяскому договору владения испанцев и португальцев.

И тут при испанском дворе возникает Магеллан, обиженный португальскими властями неудачник. Он предложил испанцам провести корабли через ведомый ему морской проход в Американском континенте и вернуться с другой стороны света. Если это удастся, то запад и восток поменяются местами и Испания сможет претендовать на пряные Молуккские острова!

Молодой король Карлос утвердил план Магеллана, и в августе 1519 года пять галеонов, покинув Севилью, по Гвадалквивиру спустились к океану. Магеллан – на борту флагмана «Тринидад». Он не подозревал, что Хуан де Картахена, испанский гранд, капитан самого большого судна «Сан-Антонио», получил задание следить за ним, Магелланом, – иностранцем, португальцем.

Корабли достигли Америки и стали спускаться к югу вдоль берега Бразилии, заходя в устье каждой реки: вдруг здесь можно прорваться через континент?

Согласовывать маршрут с Картахеной Магеллан отказался. Тот пустил слух: «Португальцу заплатили за то, чтобы он привел суда к гибели». Магеллан велел заковать Картахену в кандалы и бросить в трюм.

Однажды Магеллан почти поверил в то, что проход через континент найден: две недели корабли шли вверх по реке, которую позже назовут Ла-Платой. У берегов Патагонии вспыхнул мятеж. Бунтовщики, а у них было три корабля из пяти, требовали идти к мысу Доброй Надежды. Магеллан послал на «Викторию» верного офицера с матросом. Капитан отказался подчиниться, и офицер всадил ему в горло кинжал. Одному капитану Магеллан приказал отрубить голову, а Картахену с другим заговорщиком высадил на пустынном берегу.

Когда одно судно разбилось на рифах при попытке найти пролив, флотилия Магеллана остановилась на зимовку. Кто мог знать, что настоящий пролив – рядом, чуть-чуть к югу!

Моряки не желали входить в этот узкий проход – нужно возвращаться домой! Но Магеллан приказал двум судам продвинуться вглубь и вернуться через пять суток. «Тринидад» и «Виктория» в ожидании. И вдруг ураган! Магеллан страшится за ушедшие корабли. Пять суток ожидания – и дозорный увидел столб дыма. Что это, мольба о помощи? На воду спускается шлюпка: надо спасать моряков. И вдруг галеоны возвращаются, да еще под флагами, с пальбой из пушек!

Хмель, хмель дальних морей, дальних земель!

Оказывается, ураган погнал корабли вглубь залива, на скалы, где они должны были разбиться. Но вдруг залив начал расширяться, раздвигаться, и они шли вперед трое суток, и вода была соленая, а не пресная. Они продвигались по проливу, который потом назовут Магеллановым. Впереди должен быть океан! И вот все четыре корабля входят в теснины этого страшного пролива, в этот лабиринт...

Магеллан собрал капитанов: «Теперь, когда проход открыт, следует ли идти к Молуккским островам или лучше вернуться в Испанию? Провианта – на три месяца». Гомес, кормчий «Сан-Антонио», самого крупного галеона с самым большим запасом провизии, считал, что нужно возвратиться. Решение Магеллана: «Идти вперед и открыть то, что должно открыться!»

Гомес увел корабль в Испанию, там обвинил Магеллана в измене. Оставшиеся три галеона вышли в безветренный океан, который Магеллан назовет Тихим. Три месяца и двадцать дней шли на запад корабли Магеллана, не видя земли. Нет никакой провизии, даже сухарной пыли. «Дабы не умереть с голоду, мы стали есть куски воловьей кожи, которою, с целью предохранить канаты от перетирания, была обшита большая рея». Крыс продавали по полдуката за штуку.

Но они достигли Филиппин! Последний привал – на крошечном островке Массавы возле сказочных Молуккских островов. Теперь названный брат Франсишку Серрано совсем рядом.



Массава – я изумился, увидев это название на карте Северного Урала. Впрочем, на Урале можно и не такое найти: и Фершампенуаз, и Париж, и Лондон.

Испанцы вышли к еще более пряным, чем Индия, Молуккским островам – но с востока! Португальцы же считали, что только они владеют всеми морями от Гибралтара до Сингапура и дальше на восток!

Впрочем, португальцы тоже нарушали конвенцию – послали к землям, открытым Каботом, экспедицию Гашпара Кортириала. Тот не вернулся. На поиски отправился брат Гашпара Мигель. И тоже пропал. На картах появилась земля Кортириалов – то ли Лабрадор, то ли Ньюфаундленд, а может, Новая Шотландия.

1521–1540 годы

Магеллан был убит в стычке с туземцами на соседнем островке, столь же крошечном, как Массава. Его не спасли, как он спас когда-то Серрано: судно при отливе не могло подойти близко к берегу, и ядра не долетали до нападавших.

Экспедицию возглавил испанец Элькано. Он привел ее на тот благословенный островок, где жил капитан Серрано. Но Франсишку умер незадолго до того, как до острова добралась команда его названного брата. Восемнадцать измученных моряков на потрепанной «Виктории», единственном уцелевшем судне, возвратились в Испанию. Привезенные пряности окупили все расходы. Капитану корабля Хуану Элькано пожаловали звание рыцаря. Его гербом стал земной шар с надписью: «Ты первый обошел вокруг меня».

Великий фламандский картограф Герард Меркатор (латинизированная форма фамилии Кремер) первым провел на карте мира раздел между Азией и Америкой, опровергая мнение о том, что Новый Свет является частью Азии. Он показал на карте мыс Табин и пролив Аниан. Еще древнеримский географ Помпоний Мела писал о мысе Табин – призрачном ориентире там, где Северный океан переходит в Восточное море. Мыс-скиталец, как и Золотая Баба, уходил куда-то на север и северо-восток. Название пролива Аниан, будто бы

стража морского пути в Индию и к пряным островам, было заимствовано у Марко Поло.

Еще одна легенда вела европейцев – о богатой стране Сиволе за неведомой пустыней, об острове Семи городов, переполненном сокровищами, где деревья украшены золотыми колокольчиками, звенящими под ветром. Испанец Коронадо в поисках Сиволы первым прошел через Великие равнины Северной Америки.

Бывший французский корсар Жак Картье получил правительственное задание – найти северо-западный морской проход в Китай. Он добрался до Ньюфаундленда, открыл реку Святого Лаврентия. Картье думал, что он достиг Азии. Поселения индейцев в лесу стали называть «канада».

1541–1560 годы

В Северной Америке испанцы в поисках страны Сиволы добрались до Калифорнийского залива, открыли Миссисипи.

В Южной Америке конкистадоров вела вперед легенда о золотой стране Эльдorado. Будто бы где-то есть индейский вождь, позолоченный человек, который каждое утро покрывает свое тело жидкой глиной, смешанной с золотым песком, а вечером смывает его в водах священного озера. В поисках Эльдorado Кортес огнем и мечом покорил ацтеков, а Писарро – инков; Орильяно пересек континент по Амазонке.

Кесадо все-таки нашел на реке Магдалене сказочное селение, где деревянные храмы были крыты золотыми пластинами, а в священном озере совершал омовение человек, осыпанный золотым песком.

В эти годы, похоже, рухнул Тордесильясский договор о разделе мира между двумя странами. Вообще удивительно, что он какое-то время продержался.

Португальцы обосновались в испанской зоне влияния – на побережье Бразилии. Как можно уйти с земли, где найдено золото и, главное, алмазные россыпи?!



Алмазы, подобные бразильским, обещал найти на уральской земле великий Гумбольдт в беседе с русским императором. И ведь нашли их, но не геологи, а уральские мальчишки!

Испанцы тоже рвались на запретную территорию, к островам пряностей. Они открыли Новую Гвинею, которую в Европе считали частью гигантского Южного материка. Много лет прошло в погоне за этой призрачной землей.

И португальцы прослышали про Золотую Бабу! Неудачливый пират Мендес Пинто совершил набег на остров Путошань, где находились монастыри, возведенные в честь Гуань-Инь. Ее защищали орудия, которые изобрели люди из страны, называемой Muscoo. Пират попал в плен. На китайской каторге он встретил русских людей – вместе с ними ремонтировал Великую стену.

К «Запискам о московитских делах» немецкого дипломата Зигмунда Герберштейна приложена была карта, а на ней – река Обь, ее истоки в каком-то озере, а оттуда рукой подать до Индии и Китая. Книгу Герберштейна, конечно, знали британцы. Они переманили у испанцев престарелого, уже за семьдесят, Себастьяна Кабота, и тот начал готовить экспедицию в Индию по Ледовитому океану. Туда должна привести новая дорога, покорооче той, что проложил Васко да Гама.

В Нидерландах тоже не дремали – было создано торговое «Общество дальних стран». Как прорваться к пряным островам? Не было бы счастья, да несчастье помогло: голландский капитан Хаутман угодил в португальскую тюрьму и там выведаль у заключенных моряков маршрут вдоль Африки в Индию и к Молуккским островам. Узнав об этом, «Общество дальних стран» выкупило Хаутмана и предложило ему возглавить экспедицию.

Британцы уже готовы к броску на восток. Три корабля – «Добрая надежда», «Благое упование», «Эдуард – благое предприятие» – под началом отставного офицера Джона

Уиллоуби и его помощника Ричарда Ченслера отправились в путь. Припасы: вино, сушеное мясо, бисквиты. Моряки одеты в небесно-голубые суконные форменки.

Ураган разметал суда. Два корабля были затерты льдами, моряки погибли. Ченслера же на «Эдуарде» занесло в Белое море, в устье Северной Двины.

Двинская летопись: «Приехали на Холмогоры в малых судех от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним – гости». Оказывается, Ричард Ченслер выдал себя за британского посла, оставил судно зимовать «в пристанище корабельном» и отправился в Москву, ко двору Ивана Грозного.

Великий государь тепло принял «посла Рыцарта». Он оценил выгоду бестранзитной морской торговли с Западом, «повелел ходить безопасно и двory покупать и строить невозбранно». Ченслер перезимовал в Москве, а по теплу отправился домой с грамотой Ивана IV к королю Эдуарду VI на право свободной торговли с Московией. По дороге он попал в руки голландцев, которые дочиста ограбили корабль. Но цареву грамотку Ченслер уберег!

Пэт и Джекмен в Лондоне создали торговую компанию «Московия». Указания купцам: «Предлагать товары только безукоризненного качества. Зажечь над люками самые нежные ароматы. К вину подавать дамасские сливы, оливки. Вы можете делать подарки, одаряя людей мармеладом в маленьких коробочках и маленькими флаконами нежных духов. Искать сбыт красной охры для живописцев – у нас большие запасы. Выяснить вопрос о сбыте медных шпор и колокольчиков для соколов. Не забывать, что чугу́н – основной товар нашего государства».

Ченслер снова отправляется в Россию, потом возвращается в Лондон в сопровождении первого русского посла – вологодского наместника Осипа Непеи. Посол добрался до Острова, а Ченслер погиб в пути. Пайщики «Московии» просто засыпали Непею подарками – как же, ведь он привез в Англию цареву грамоту на право беспошлинной торговли! Корабли с товарами идут в Белое море. Поиски северо-восточного прохода в Индию британцы прекратили, но ненадолго.



На Русский Север отправился британский мореход Бэрроу, и Себастьян Кабот напутствовал его. При встрече в Коле холмогорский кормчий Фёдор подарил Бэрроу калачи и горшок каши. Некоторые историки считают, что это был Фёдор Товтыгин, что он и передал британцам сочинение «О человецех незнаемых в восточной стране». Фёдор рассказал Бэрроу об одном пермском жителе, который добирался до города Пекина – Ханбалыка.

До Мезенской губы провожатым Бэрроу был зверобой Гаврила, а до Новой Земли – отважный помор Лошак со спутниками. По пути на Новую Землю повстречались британцам четыре русские ладьи. Бэрроу подарил мореходам зеркало, две оловянные ложки и пару ножей в бархатных ножнах. Русские щедро ответили – семнадцатью дикими гусями.

Итальянский коммерсант Рафаэль Барберини, приехавший к московскому двору с письмами английской королевы и Филиппа II Испанского, сам видел северных людей – они привозили дань государю. Барберини разыскал Петра Ушатого и сына Семёна Курбского, слушал рассказы о русском походе на Югру, о югорских белых соколах, о Золотой Бабе, об охоте на соболей – все это нужно было для записок о Московии.

И Генрих Штаден появился в Москве. Он повсюду, даже в Посольском приказе, собирал сведения о путях на север.

А Иван Грозный в это время повелел строить Вологду – надо охранять пути к Двине, Печоре и Югре.

1561–1580 годы

Упорные британцы из «Московии» Пэт и Джекмен достигли Новой Земли, прошли в Карское море и построили зимовье на острове Вайгач. Следом голландцы ринулись на поиски северо-восточного прохода в Индию: на восток направилась экспедиция Виллема Баренца. Многие годы странствовал по Московии Оливер Брюнель, или, как его звали, Алферий-голландец. Он обучался русской грамоте и в Холмогорах, и в ярославской темнице, куда попал за излишнюю любознательность. Алферий поступил на службу к Григорию и Якову Строгановым, которым Иван Грозный пожаловал грамоту, чтобы

они «имели старание» в покорении Сибирского царства. Алферий ездил в Нидерланды за товарами. Строгановы же отправили его на Обь. Он сушей добрался до Обской губы, поднялся до устья Иртыша. Ему удалось и морем дойти до Оби.

Как нужна людям мечта: мыс Табин, пролив Аниан, Золотая Баба, Эльдorado, Офир, Сивола, Южный материк!

Картограф фламандской школы Ортелий показал на карте мира величайший Южный материк – Терра Аустралис Инкогнита. Другое его название – Магеллания. В ту пору твердо верили в то, что он существует. Ведь в противном случае материки Северного полушария своим весом должны были бы перевернуть Землю!

В поисках Магеллании Френсис Дрейк из корсара превратился в адмирала британского флота. Как-то раз в Вальпараисо Дрейк захватил испанское судно с вином и золотом. Но его больше всего интересовали совершенно секретные документы – карты. На них западный берег Америки был показан неверно – и Дрейк исправил ошибку.

На своем флагмане «Золотая лань» он установил, что Огненная Земля – не часть Южного материка, а остров. Именем бывшего пирата будут названы пролив между Южной Америкой и Антарктидой и удобная бухта между белыми известняковыми скалами, получившими, естественно, название Новый Альбион.

1581–1600 годы

Дженкинсон из компании «Московия» искал дорогу в Индию через континент. На корабле «Ласточка» он добрался до Гантвига, откуда попал на «красивую реку, называемую Камой, текущую из Пермской страны» в страну Вачен, то есть попросту в Вятку.

Между тем известный нам Оливер Брюнель, он же Алфрей-голландец, вновь пытался добраться до Китая, но не смог пройти даже в Карское море. В конце концов голландские капитаны отказались от мысли проникнуть в южные страны через Ледовитый океан. Баренц был не согласен с этим. Он достиг Новой Земли и пытался обогнуть ее.



В свой последний поход он отправился в качестве старшего штурмана. Экспедиция открыла Шпицберген, который посчитали частью Гренландии, устремилась к Новой Земле и вышла к ее северной оконечности, названной Баренцем мысом Желания. Баренц умер в шлюпке и был похоронен на Новой Земле.

В Голландии с появлением Ост-Индской компании начался бум! Флотилия капитана Хаутмана, выкупленного, как мы помним, из лиссабонской тюрьмы «Обществом дальних стран», добралась до Явы, отвоевала у португальцев остров Маврикий.

Этот бум, может быть, объясняет, почему первый в мире морской атлас составлен голландским штурманом Лукасом Вегенером. (Человек с этой редкой фамилией через триста лет перевернет мировую геологию!) Первый том назывался «Зеркало мореплавателя», второй – «Сокровище мореплавателя». Северное побережье России показано до острова Вайгач и Новой Земли. Атлас немедленно вышел на английском языке. Успех был невероятный. Даже термин появился для обозначения сборника карт – «вагонер».

Штурман Вегенер со своим атласом опередил Меркатора. К тому заезжал Оливер Брюнель и рассказал, что из устья Оби можно в одно лето достичь Китая, что Строгановы построили на Северной Двине два корабля, что в Вологде он видел двадцать русских судов, украшенных единорогами, слонами и драконами. Меркатор считал, что русские собираются искать таинственный мыс Табин, а за ним – северо-восточный проход в Тёплое море.

Сами русские землепроходцы к этому времени хорошо разведали дорогу на Обь. Холмогорские торговые люди каждый год ходили туда. Составлен был свиток-путеводитель по линии Печора – Уса – волок – устье Оби. Отработан был и морской путь – вдоль берега и через Маточкин Шар, разрезавший Новую Землю. Шли дальше – к Енисею и за Енисей, к реке Попигай, впадающей в Хатангский залив, – там «горы горящие», подземные угольные пожары.

Начиналось великое движение русских на восток.

У казацкой дружины Ермака был выбор: разгромить Ногайскую Орду на Волге и Яике или же идти на сибирского хана Кучума, вассалы которого вторгались во владения Строгановых. Остановка работ на солеварницах грозила разорением.

Казацкий круг принял решение идти в Сибирь, и 1 сентября 1581 года отряд Ермака отправился вверх по реке Чусовой. С Чусовой повернули на речку Серебрянку. Эта часть пути совпала с той частью маршрута экспедиции Мэрчисона, где перевернулась его лодка.

Казаки остановились на острове, позже названном Ермаковым. Впереди были горы Высокая и Благодать и волок. Дальше реки – Тагил, Тура, Тобол, Иртыш.

В битве под Искером Ермак разбил Кучума. Атаману Богдану Брязге поручено было идти на север по Иртышу и разведать пути на Обь. Оттуда шла известная дорога на Печору. Это было открытием – путь на Обь и Иртыш с запада через Средний Урал. Человек, побывавший в татарском плену, рассказал о том, что татары и ханты молятся «богу литому золотому». Так казаки Ермака узнали о Золотой Бабе – хантской богине. Манси приносили жертвы священной лиственнице – лошадиную кровь, а при смертельной опасности – мальчика или женку.

Не дождавшись подкреплений, казацкий круг решил вернуться домой – к верховьям Вишеры по рекам Тавде и Лозьве. Ермак продвигался к Пелыму – столице манси, но дальше идти не решился.

Он повернул к Искеру. В это время, через два года после начала похода, туда пришло подкрепление из Москвы. Отряды хана Карачи держали Искер в осаде. Был страшный голод. Наконец Ермак выждал момент и разгромил Карачи. Однако Кучум заманил Ермака в западню: распростули слух, что бухарский караван задержан на реке Вагае. Ермак направился на помощь, в походе не выставил охрану и погиб в ночном бою.

Через несколько лет новая русская экспедиция на Пелым все-таки освоила маршрут с Вишеры на Лозьву.

1601–1620 годы

Портолан – это карта для отыскания порта, гавани. Атлас – это сборник географических карт. Посмертное из-



дание последней работы Меркатора, составленной из ста одиннадцати карт, называлось «Атлас, или Космографические рассуждения о творении мира и сотворенной Вселенной». Меркатор вспомнил миф о титане Атласе, восставшем против Юпитера и осужденном вечно держать небо на своих отнюдь не каменных плечах и видеть неподвижную Полярную звезду – *Stella tramontana*.

Табин, мыс-скиталец на картах Меркатора, манил мореходов. Голландцы все еще пытались пробиться туда. Ост-Индская компания переманила из английской «Московии» Гудзона, и тот отправился искать пролив, отделяющий Новую Землю от Сибири. Команда, как это частенько бывает, испугалась и заставила отважного капитана повернуть на запад. Гнали мимо мыса Нордкап, Шпицбергена, Исландии, Гренландии и в поисках прохода в Индию с другой стороны земного шара врезались в Америку. Так были открыты Гудзонов пролив, Гудзонов залив и рыбная река Гудзон. В ее устье возник голландский поселок Новый Амстердам, переименованный затем англичанами в Нью-Йорк в честь города моряков Йорка, где родился Робинзон Крузо.

Англичане снова переманили к себе Гудзона. На корабле «Дискавери» («Открытие») он вышел в пролив своего имени в поисках пути в Индию, не пожелал возвращаться домой по требованию измученных матросов, был высажен вместе сыном в шлюпку, оставлен в море и пропал без вести. Через несколько лет корабль «Мэйфлауэр» («Майский цветок») с сотней пилигримов вышел из английской гавани Плимут, через два месяца достиг американского берега неподалеку от устья реки Гудзон. Место высадки отцов-основателей назвали Плимутом, а землю стали звать Новая Англия. Так нужно людям тепло родных имен на чужбине.

Поморы и новгородцы шли и шли навстречу солнцу...

Князь Мирон Шаховской и письменный голова Данила Хрипунов с сотней казаков по Иртышу и Оби спустились до Берёзовского острога, построили кочи и вышли на них в Обскую губу. Доски для кочей скрепляли ивовыми корнями и деревянными гвоздями, конопатили суда мохом

и промазывали смолой. Из выделанных шкур ладили паруса. В открытом море кочи ходили только под прямым ветром. В Обской губе казаки попали в шторм и под стрелы «енисейской самояди». После всех злоключений отряд на оленях добрался до реки Таз и там поставил Мангазейский острог. Слово «Мангазея» значит «земля около моря».

На поиски пропавших казаков из Тобольска послали отряд, который вели Василий Масальский-Рубец и Савлук Пушкин. Еще у воевод было задание поставить город, чтобы «место было удобное, накрепко, и водяно, и лесно».

Но уже был построен – не какой-нибудь острожек, а настоящий город, обнесенный крепостной стеной со сторожевыми башнями. Из Мангазеи на Лену первоначально шли по суше, от реки к реке: поднявшись по Нижней Тунгуске, волоком на Чону, приток Вилюя, а по нему и на Лену. Второй путь – от Енисейска по Верхней Тунгуске, то есть по Ангаре, до Илима, а потом волоком до Куты, притока Лены. Байкал считали тогда «проливой» Красного моря.

Слава пошла по земле о пушных ярмарках Мангазеи, об отменных соболях. Гостей принимали из Западной Европы. На развалинах Мангазеи ныне находят даже китайский фарфор.

Тобольским властям было удобнее контролировать путь через Урал. Британцы же и голландцы предпочитали морской ход в Мангазею. В Москву шли жалобы на них.

Иногда британцы оставались зимовать в Пустозёрске. Представим жарко натопленную избу, окна, затянутые слядой, свет плошек с моржовым салом. Человек по прозвищу Волк рассказывает заморским гостям о своих странствиях. Его внимательно слушает Мармадьок Уилсон – Волк зовет его Матьюшка. Волк три недели ходил по рекам в стране тунгусов. Матьюшка поразился: как можно путешествовать без карт?! Он набросал путеводитель от Пустозёрска до Тобольска, Берёзова и Сургута.

Служащий компании «Московия» Энтони Мэрч (не предок ли Родерика Мэрчисона?), какое-то время живший в Москве, отмечал, что и поморы пользовались этим путем. Частенько они захаживали и на Новую Землю, заготавливали там гусей-лебедей, пух, рыбу и шкуры белых медведей, что-



бы в Мангазее обменять их на пушнину. В конце концов царя Михаила убедили в необходимости закрыть морской ход – невозможно-де взysкать пошлину не только с иноземных, но и со своих купцов. В Югорском Шаре была поставлена стрелецкая стража.

Британский посол Меррик просил царя открыть англичанам устье Оби. Ему ответили уклончиво: Москва сама отправит своих людей в Сибирь, чтобы узнать, «где есть Китайское государство, и как богато, и есть ли чего добиваться». Тогда капитан Чемберлен, знаток Московии, пишет для Меррика памятную записку о том, что из-за здешней смуты у Британии есть возможность внедриться на Русский Север. Меррик счел нужным отправить донесение королю Якову I.

Ивана Куракина, тобольского воеводу, который под страхом смерти запретил мангазейский морской ход для иностранцев, посчитали самодуром, заколовившим ледяное окно в Европу и Китай. Выполнять приказ воеводы было поручено отряду холмогорцев Кондратия Курочкина и Осипа Шипунова. Смеялись: Курочкин в фаворе у Куракина. Смех смехом, но дело-то серьезное: служилые люди у острова Колгуев обнаружили какой-то разбитый корабль с пушками.

Отряд вышел к устью реки Пясины, где ныне Норильск, и дальше к Хатанге. Опасались: если заморские люди пройдут по Енисею, то под ударом окажутся Мангазея и путь по Нижней Тунгуске. Ведь из Мангазеи можно пройти волоком на Турухан и Нижнюю Тунгуску, где уже есть поселения.

После разговора с Курочкиным мангазейский воевода понял, что голландцы не прошли на Енисей только потому, что не отнесло вовремя лед. В устье посланы люди – ждать ветра и следить за льдом.

Некоторое время Мангазея еще жила – сухопутная дорога через Тобольск закрылась только через полвека. Потом город исчез. А царь Михаил сдержал слово, данное английскому послу, – отправил в Пекин из Томска казака Ивана Петлина со спутниками.

Они добрались до Великой Китайской стены у Калгана. Петлин расспрашивал, далеко ли до Тёплого моря. Отвечали:

«Семь ден до моря. Иностранцы прибегают с Чермного моря, со востоку и с полудни». От «бращкого татарина Куштана» Петлин узнал, что по реке Каратал из Китая можно добраться до озера Балхаш, а там до Сибири рукой подать. Богдыхан звал русских людей торговать в его государстве.

Конечно, Куракин отправил в Москву сенсационное сообщение о поездке Ивана Петлина. Меррик добыл его копию и отправил в Лондон, где оно произвело сильнейшее впечатление. Посол подарил царю «две птицы попугаи индейские», предлагал большие деньги за разрешение ходить морем в Мангазею. Царь отказал. Матьюшка Уилсон самовольно пытался пройти на восток, но был изловлен в Коле воеводой Воином Кропоткиным.

Лена – Яна – Индигирка – Алазея – Колыма! Все дальше и дальше на восток, в верховья Нижней Тунгуски. На голландской карте по русским источникам уже показаны устья Енисея, Пясины, показан Таймыр. Русские мореходы добрались до северной оконечности Азии.

Ватага мангазейского человека Демида Сафонова по прозвищу Пянда из Туруханского зимовья отправилась искать великую восточную реку Елюена, о которой глухо говорили тунгусы. Не раз зимую в пути, они дошли до нее и название переделали в нежное имя Лена. Проплыли мимо устьев Витима слева и Олёкмы справа. Увидели якутские юрты и повернули к верховьям. Братской степью прошли на Ангару, спустились до Енисея и вернулись в Туруханское зимовье. Теперь это был дом для бродяг.

По Нижней Тунгуске они снова отправились в неизвестность. Зимовья назвали юмористически – Пяндино, Нижнее и Верхнее.

И мореходы все дальше и дальше уходили на восток, и открывалась за далью даль, и чаялось на востоке, далеко ли, близко ли, Тёплое море, дорога к пряным островам...

Европейцы продолжали искать Южный материк.

Португалец Педро Кирос нашел какой-то остров в архипелаге Санта-Крус, посчитал его за материк, оставил за себя



Луиса Торреса, а сам отправился на флагмане к испанскому двору доложить об открытии (мнимом!).

Тщетно прождав начальника, капитан Торрес решил обследовать открытую землю и убедился, что это остров. Он вошел в пролив, позже названный Торресовым, и открыл новый континент – но не гигантский Южный материк, а Австралию. Это было последнее великое географическое открытие испанцев. Оно долго хранилось в тайне. Только через полтора века англичане, захватив Манилу, проникли в испанские секретные архивы и прочитали донесение Луиса Торреса.

Начинается запутанная история изучения европейцами Африки. Португальский иезуит Педру Паиш, много лет проживший в Эфиопии, достиг истоков Голубого Нила – горного озера Тана, из которого вытекает река Аббай. Поиски же истоков Белого Нила шли еще во времена Родерика Мэрчисона и продолжались до наших дней.

1621–1640 годы

На ямальском волоке расставлены караулы. В последний раз голландцы пытались пройти морем на восток. Корнелий Босман из «Гренландской компании» кое-как прошел Югорский Шар, но был остановлен льдами Карского моря.

А в некогда «златокипящей» Мангазее случилась пушечная пальба. На первого воеводу Григория Кокорева пало подозрение, что он пропустил иноземцев по морскому ходу. Кокорев запер городские ворота и бил по посаду из крепостных пушек. Второй воевода Андрей Палицын объявил Кокорева изменником и ринулся на приступ.

Но Мангазея еще жила. Среди мангазейских и таймырских передовщиков – братья Никифор и Ерофей Хабаровы, Василий Фёдоров-Гусельников со странным прозвищем Ско-рая Запись.

А в Енисейске готовился к походам Михайло Стадухин. Движение к новым восточным «землицам» неостановимо. Все дальше и дальше продвигались русские отряды на юг и на восток – к Тёплому морю, к Китаю, к Америке. А в Москве,

в Печатниковом переулке, в доме Катерины-прапорщицы, появилась «Книга глаголемая Космография, сиречь всего света описание» – перевод объемного труда Меркатора.

Прошли по Алдану Иван Рябов и Степан Корытов, по Пясине – Василий Фёдоров-Гусельников. Максим Перфильев достиг «шаманского великого порога» на реке Илим. По следу Перфильева пошел Васька Бугор, который вскоре встретится с Дежнёвым на краю континента. Бугор пробился по Илимуду до реки Куты, где зимовала ватага Волка. Кута вынесла лодки Бугра на Лену.

Отряд атамана Ивана Галкина на стругах спустился по Лене мимо Витима и Олёкмы до того места, где испугался и повернул назад открыватель Лены Демид Сафонов, – Пянды. Галкин сумел объяснить якутов Лены и Алдана.

Казаки Васьки Бугра остались зимовать на Усть-Куте – не просто пройти, а удержать эту землю, поставить избы, подобно хозяйственному Хабарову Ерофею Павловичу. Тот на Лене нашел соляные источники и распахал пахотные земли.

Илья Перфильев на кочах спустился по Лене до моря, ринулся по Быковской протоке и дошел до устья Яны. За Яной тобольский казак Иван Ребров направил коч «морем вперед», открыл Индигирку, поставил острог. Его имя взял себе знаменитый современный исполнитель народных песен.

Вперед, только вперед! Передовщик Иванов по прозвищу Губарь из Якутска повел по суше конную команду на северо-восток. Преодолели Камень – Верхоянский хребет, вышли к Яне, а там новый Камень – хребет Черского! И его перевалили, вышли к Индигирке.

Цель казачьего отряда Дмитрия Копылова – дойти до Тёплого моря. Шли из Якутска по берегу Лены до Алдана, до реки Маи. Эвенк-шаман рассказал, что море за хребтом. Копылов направил туда отряд Ивана Москвитина. Отряд двинулся на плоскодонном дощанике вверх по Мае до ее истока в предгорьях нового Камня – хребта Джугджур. Перебрались через его гребень и спустились в долину реки Ульи, текущей в море, которое эвенки называли Лама.



Имя морю дали люди Москвитина. Реку с эвенкийским именем Акат они переделали в Охоту и море стали звать Охотским. Охота вела казаков на восток, охота увидеть Тёплое море, хмель дальней земли!

Где же был в эти годы Хабаров? Он успокоился, распахал землю, поставил мельницу, занялся пушным промыслом, завел соляную варницу. А потом началось! Воевода Пётр Головин всё у него забрал, самого Ерофей Палыча засадил в Якутский острог. На счастье, Головина сменил Василий Пушкин. Вышел на волю Ерофей Павлович гол как сокол.

Первым приблизился к Амуру семижильный Перфильев, поднявшийся по ленскому притоку Витиму. А прошли по Амуру (казаки звали его Мамуром) до самого устья кочи все того же Ивана Москвитина. В «скаске» Нехорошко Колобова говорится, что устье реки казаки видели «через кошку», то есть через песчаную косу на взморье. Власти произвели Москвитина в пятидесятники, его спутники получили от двух до пяти рублей наградных, а некоторые – по полкуска сукна.

Англичане искали путь в Индию через Московию, а она сама без участия власти начала движение на восток. Сибирский приказ создан только в 1637 году. Вслед за Ермаком на Обь, Енисей, Лену и дальше до океана пошли охотники, рыбаки, ремесленники, крестьяне «с топором в руке и с мешком семян на плече» и, конечно, искатели приключений – посмотреть, какие в «землях неведомых» живут «человецы незнаемые». Безмерное богатство было у них – свобода.

Какие названия на древних чертежах: Жиганск, Шелопутино, Кличка, Урка! Места суровые – и нравы суровые. Зима – ранняя, весна – поздняя. Легкой работы нет, а есть работа, от которой кони дохнут. Люди понимали, как труден путь и как трудно жить на дальней земле. Но они были готовы к этому пути и к этой жизни. Громадные, столь трудные пространства нужно было и удержать малыми силами – казачьи линии и острогами. Лишь на берегах Амура вышли на китайские посты.

1641–1660 годы

Пожар спалил дочиста деревянную Мангазею, «украшено украшенную землю». Лет сто назад геологи нашли место, где возвышалась «златокипящая царская вотчина» с домами, кремлем-детинцем, посадом, двором воеводы, церквями. Остались сосны, ели, овраги, заросшие кустами смородины. Ненцы зовут это место Тагеревхард – «разломанный город». Кто знает, как сложилась бы судьба этой зауральской земли, если бы не был закрыт морской ход в этот мощный форпост России?..

Отряд казаков, в числе которых были Михайло Стадухин и Семён Дежнёв, перевалил через Верхоянский хребет между Леной и Яной, вышел к верховьям Индигирки и добрался морем до реки Колымы. На Студёном море Стадухин поставил Нижнеколымский острог.

Пока они вместе – Стадухин и Дежнёв. Вскоре Семён Дежнёв отправится морем от устья Индигирки к новой реке Алазее в сторону Не-обходимого мыса, самого главного своего мыса.

Хмель, хмель дальней земли, новой большой реки гнал людей на восток! Они челом били: дайте построить коч на Лене. Челом били! Из устья Колымы на восток отправились Исайка Мезенец и Семён Пустозёрец со товарищи, чтобы открыть Чаунскую губу, остров Айон – западный край «чукотской землицы».

Стали поговаривать о том, что надо бы искать новые земли, что какая-то большая река есть к востоку от Колымы. Об этой реке думал на Колыме и Семён Дежнёв, еще не залечивший рану, полученную в стычке с юкагирами. У него были какие-то свои счёты со Стадухиным – во всяком случае, тот был взят под стражу. Василий Пушкин освободил его и разрешил идти на новую реку. Однако Стадухину удалось добраться только до устья реки Яны.

В это время в Якутск вернулся из блистательного амурского похода Василий Поярков с горсткой удалцов. Он был образованным человеком, чиновником для особых пору-



чений при воеводе. Его отряд проник в бассейн реки Амур, в страну «пашенных людей» Даурию. На Шилке они собирались искать серебряную руду – до Якутска дошел слух о том, что дауры добывают и медь, и серебро, и свинец.

Отряд Пояркова сумел выйти в Охотское море. Их вынесло к какому-то острову, скорее всего к одному из Шантарских островов. Часть судов выбросило на берег. Поярков уцелел и довел товарищей до устья Ульи. Зимовали в избе, поставленной Иваном Москвитиным, – «охотничьем домике».

Успех Василия Пояркова подстегнул якутских служилых людей, у которых в крови была журавлиная тяга и извечная привычка к мужеству.

Это было второе великое двадцатилетие в открытии Земли.

– *Россия!*

– *Я!*

– *Ты вышла в океан!*

Так сказал поэт...

Люди просили воеводу послать их на восток, но воевода Пушкин сказал, что для этого нужен царский указ. Потом был скандал – «воровской» побег казаков на далекую речку.

Василий Бугор, открыватель Лены, и до этого был замечен как зачинщик бунтов. Он принес челобитную Пушкину – просил выдать крупу, соль, толокно для похода, за что был бит прилюдно батогами в палец толщиной.

Тогда Бугор с казаками ночью захватил коч и пустился вниз по Лене. По дороге отбирали снасти, паруса, где-то купили второй морской коч, добыли свинец, порох, промысловых собак, скот и говядину. Спустились к устью Лены. Напрасно за ними гнались служилые люди на стругах и берегу на конях. Васька Бугор с Реткиным и Шаламом Ивановым ушли к морю, чтобы обойти великий Камень.

Реткинский коч потерял на море якорь и мачту. Стадухин и Власьев настигли Реткина около Яны, и всем им, и беглецам, и преследователям, пришлось зазимовать в устье Яны.

Новая команда готовилась попытать счастья – промышленник Дежнёв и его приказчик Федот Попов-Холмогорец. Официальная цель – «государев ясачий сбор». На четырех

кочах вышли из устья Колымы в сторону Анадыря. Льды не пропустили кочи. Снова бестрепетно отправились на восток уже на шести кочах. Буря разметала суда.

Коч Дежнёва выбросило на берег у реки Анадырь: «Носило меня по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анадыр-реку». Потом он, обогнув Чукотский полуостров, открыл Берингов пролив, мыс Дежнёва – он же Не-обходимый мыс, он же Чукоцкий нос, Святой нос, Ледяной нос. Это восточная точка России, северо-восточная окраина Азии.

Следы группы Федота Попова-Холмогорца обнаружили на Камчатке. Они добрались до южной ее части и видели при ясной погоде северный остров Курил – Шамшу.

Дежнёв приходил в себя на Анадыре, а Михайло Стадухин на Яне ждал, когда можно будет снова устремиться на восток.

Беглые казаки переходили к Стадухину, но он «своею дуростью» зачем-то пошел на Анадырь сушей. Тогда беглые захватили коч, и отряд пошел морем на неведомую речку. Реку не нашли и поворотили к Нижнеколымску. В Якутск же отправили с победным донесением горячего Юшку Селиверстова. Там он подал челобитную – просил отпустить его на новые реки, показывал отписку Стадухина: Юшке «морской ход за обычай».

Дежнёв гневался на Михайлу – считал, что тот до Не-обходимого мыса не дошел. Между тем Стадухин узнал, что казаки открыли волок между Колымой и Анадырем по долине Малого Аня.

Первым пошел туда Иван Баранов из беглых, заблудился и «плачуши» вернулся на Колыму. Позже ему повезло – перевалил через хребет «не плачуши» и спустился в долину Гижиги.

Стадухин собрал отряд из самых надежных беглых, и Васька Бугор был среди них (потом его сманил Дежнёв). Добрались до Анадыря, пошли по «сторонним рекам». Так появилась первая лоция Охотского побережья.

На анадырском побережье Дежнёв нашел моржовую отмель, названную «русской кошкой». На ней промышлял Юшка Селиверстов. Добытый «рыбий зуб» вместе с меха-



ми отправляли в Якутск морем! Дежнёв тщательно изучал трудную дорогу: составил карту побережья Берингова моря, отметил места, где на море кипят «великие сулои» – полосы стремительных течений, знал, что лед от берегов относит не каждый год. Коч с моржовыми клыками, который повел Павел Заварза, унесла буря.

Дежнёв берег людей, и они тянулись к нему – Юшка Селиверстов, Васька Бугор. Что мы знаем о них? Какие были страсти из-за одной якутской красавицы! Когда-то она была возлюбленной Федота Попова-Холмогорца. Потом Дежнёв «отгромил» ее у Заварзы, в море «изгибшего безвестно».

Прощенный воеводой Пушкиным Ерофей Хабаров отправился составлять чертеж плодородной Даурской земли и пропал – без вести, без «хабара». Иван Нагиба отправился за ним – и тоже потерялся. Искать Нагибу послали Терентия Ермолина, а тот неожиданно вышел на Хабарова.

Оказывается, часть казаков во главе с Костькой Ивановым, недовольная крутым нравом Хабарова, взбунтовалась, ушла вниз по Амуру. Поставили острог в гиляцкой земле, чтобы собирать ясак. Хабаров настиг и наказал мятежников – чтоб служба медом не казалась.

Из Москвы пожаловал Дмитрий Зиновьев, раздавал награды – золотые червонцы, а Хабарова оттрепал за бороду, под арестом в Москву отправил. А царь взял да и пожаловал его в бояре. Однако же в даурские земли не отпустил. Никто не знает, как и где помер Ерофей Павлович.

Нагиба же по Амуру вышел в Охотское море и поплыл, раздвигая льдины шестами. Потом все же добрался до Якутска. По его «скаске» составили карту, и на ней был показан Сахалин.

Курбат Иванов, как в песне, к Байкалу подходит, видит остров. Он и остался на нем. На следующий год отправился по Анадырю на север, дальше по берегу Берингова моря до залива Креста и затем к бухте, которую в 1848 году британский капитан Мур назовет бухтой Провидения в знак благодарности за зимовку в ней. Чуть-чуть разминулись по времени и месту два капитана – Мур и Мэрчисон.

Результат похода Курбата Иванова – карта, на которой показан весь бассейн Анадыря и остров к северу. Это мог быть только остров Врангеля. Остров появился на русской карте за триста лет до того, как его открыл американский китобой Томас Лонг.

Голландец Тасман из Ост-Индской компании не знал, что Торрес открыл Австралию, потому что испанцы это дело засекретили. Он прошел вдоль Новой Зеландии и принял пролив между двумя островами за глубокий залив. Потом он достиг архипелага Тонга, посчитав его частью Южного континента. Английский историк географии Бейкер назвал его путешествие «блестящей неудачей». В поисках Южного континента Тасман добрался до северного берега Австралии и убедился в том, что выхода на юг нет.

Северо-западная часть Австралии была открыта английским корсаром Уильямом Дампиром на корабле «Улада холостяка». Он назвал ее Новой Голландией. Вскоре Дампиру наскучило общество полупьяных пиратов, и он, подобно капитану Серрано, другу Магеллана, остался на маленьком острове недалеко от Суматры.

1661–1680 годы

После эпохи бури и натиска наступило время камералки, составления карт. В Тобольске «звездочет и волшебник» Ульян Ремезов составлял «Чертежную книгу Сибири».

В Москву вызвали Михайлу Стадухина, Василия Бутра и многих других землепроходцев. Появились чертежи Дежнёва, Пояркова, Хабарова, Нагибы. Удивительно, что все они исчезли.

1681–1700 годы

Жил-был безвестный казак Ивашка по прозвищу Камчатой. Оно происходит от названия камчатой ткани, из которой шили казачьи кафтаны. И прозвище этого енисейского казака приросло к краю огромного континента.

Устюжанина Владимира Атласова Пушкин назвал «камчатским Ермаком». По службе он отвечал за ясак, который коряки отдавали соболями и красными лисицами. Для начала Атласов послал на разведку отряд якутского казака Луки



Морозко. Морозко добрался до реки Тигиль, сбегаящей с камчатского Срединного хребта в Охотское море, и разузнал про Курильские острова. На Камчатку казаки пошли двумя отрядами: Атласов по западному берегу Камчатки, а Морозко – по восточному. Атласов был ранен коряками, не желавшими отдавать красных лисиц, и Морозко спас его.

Атласов первым описал вулканы, добрался до северного курильского острова Шумшу. Потом была встреча в Тобольске с Семёном Ремезовым, был разговор в Москве о Большой Земле, то есть Америке, как большом острове против «чукотской землицы». Атласова назначили казачьим головой и снова отправили на Камчатку.

1701–1720 годы

В Анадыре казаки взбунтовались и арестовали Атласова. Он сумел убежать и добрался до Камчатки. Мятежники не оставили Атласова в покое. Они отправились в Нижне-Камчатск. Пушкин так пишет про заговорщиков: «Не доехав полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет читать. Но они застали его спящим и зарезали». Казачий круг выбрал атаманом Анциферова, а Ивана Козыревского – есаулом.

Казаки переправились на северный курильский остров Шумшу. Местные «иноземцы» – айны промышляли нерпу и не могли отдавать ясак рухлядью, то есть мехами.

Потом Анциферов был убит в очередном казачьем бунте, а Козыревский снова отправился на Курилы «для проведывания от Камчатского носу за переливами морских островов и Апоньского государства». Он-то и составил первую карту Курильских островов, после чего постригся в монахи и обитал в Якутском монастыре, но недолго.

Добротную карту Камчатки и Курил сделали геодезисты Лужин и Евреинов. Карту показали царю Петру. Лужин вскоре погиб. Все наследство человека, открывшего Курилы, – квадрант, астролябия, нательный крест и перстень.

1721–1740 годы

Пётр I задумал экспедицию, чтобы узнать, «сошлась ли Америка с Азией, и все на карту исправно поставить», а главное,

узнать, где кончаются российские владения. Царь затребовал от придворного географа Ивана Кириллова сибирские карты, но ни одна из них ему не понравилась. В Москве уже работала навигацкая школа и мореходные науки преподавали Фергюсон, Гвин и Ричард Грейс – Рыцарь Грыз, убитый в драке на улице Сретенке.

Пётр начертил на заметках Адмиралтейств-коллегии: «Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке». Начальником экспедиции стал выходец из Дании Витус (у нас его Витязем звали) Беринг, опытный мореход, а его помощником – лейтенант Алексей Чириков. Был среди участников похода геодезист Пётр Чичагов, великий труженик, однокашник Лужина и Евреинова.

В Якутске к Берингу явился «искатель Апоньского государства» Иван Козыревский, в монашестве Игнатий. Он был дружен с Афанасием Шестаковым, казачьим головой. Беринг подумал и не взял Игнатия – из-за слухов о его буйном нраве и причастности к гибели Атласова.

Экспедиция Беринга из Охотска переправилась в Нижне-Камчатск, чтобы построить бот «Святой Гавриил». Где взять корабельный лес? Капитан Пётр Татаринов рассказал Берингу о лесной земле против мыса Дежнёва. И действительно, волны приносили сосновые стволы! Тогда-то Беринг и сказал: «Признаю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки».

«Святой Гавриил» пошел к северу, мимо мыса Дежнёва. В поисках Аляски три дня шли на восток, но из-за ветра и тумана отвернули на юг. Чириков считал, что нужно идти к устью Колымы, тогда будет ясно, что материки разделены.

Беринг отбыл в Питер. На корабле остались подштурман Иван Фёдоров и геодезист Михаил Гвоздев. И вот что потрясает! После неудачи первой экспедиции Беринга Прокопий Нагибин за свой счет снарядил корабль и отправился от мыса Дежнёва на Аляску. Корабль разломало льдами, и Нагибин погиб. И тогда следом за погибшим другом отправился Афанасий Мельников – на Аляску, Большую Землю, на поиск русского жилья.



Афанасий Шестаков по старой дружбе взял Ивана Козыревского, обиженного Берингом, в поход по Лене и Студёному океану. Иван страстно хотел добраться до Камчатки, потом до Большой Земли и утереть нос датчанину.

Беринг же после неудачного похода передал «Святого Гавриила» Афанасию Шестакову. Тот вместе с Дмитрием Павлуцким строит еще два корабля – «Лев» и «Восточный Гавриил». И вдруг – о чудо! – появляется Прокопий Нагибин, будто бы погибший. Он вместе с отрядом Афанасия Шестакова (не друг Мельников, но тоже Афанасий!) выходит из Охотска на «Восточном Гаврииле» с целью обогнуть Камчатку, дойти до Анадыря, а затем идти к Большой Земле, чтобы объяснить жителей. Корабль был разбит, а Шестаков пешим путем добрался до Пенжинской губы, где и погиб в бою с чукчами. «Лев» же остался на зимовку в устье Яны, и тут тоже было худо. Коряки перебили почти всех, а корабль сожгли.

Уцелевший капитан Павлуцкий добрался до Анадыря и немедленно начал готовиться к походу на Большую Землю. А Иван Козыревский поехал в столицу. «Санкт-Петербургские ведомости» даже печатали рассказ о его походах. Сенат постановил дать ему пятьсот рублей на постройку Успенского монастыря на Камчатке. Но вскоре вскрылось старое дело об убийстве Владимира Атласова. Козыревский отрицал свою причастность. Сенат три года ждал справок из Нижне-Камчатска, Якутска и Тобольска – до тех пор, пока не стало известно, что «Иван Козыревский в тюрьме умре».

Сенат предложил новую камчатскую экспедицию. Как раз в это время во главе российской топографической службы был поставлен Жозеф Делиль, приехавший из Парижа. В его распоряжении оказалась и карта, составленная мичманом Петром Чаплиным по материалам путешествия Беринга. Вскоре она оказалась в депо морских карт в Париже. Делиль сказал о Беринговом море: «Это – самое неведомое из всех морей земного шара».

Пока готовилась Великая Северная экспедиция, подштурман Иван Фёдоров, геодезист Михаил Гвоздев, лоцман Мошков на корабле «Святой Гавриил» достигли Нового Света

близ мыса Принца Уэльского. На карте появились оба берега Берингова пролива. Так что первым северо-западную Америку открыла экспедиция Фёдорова. Впрочем, сам Фёдоров думал, что открыл большой остров.

А в Петербурге, где об открытии Фёдорова не знали, уже решен вопрос о Великой Северной экспедиции 1733–1743 годов с участием Академии наук. Во главе снова Беринг, помощник – Чириков. В Охотске снаряжены два судна – «Святой Пётр» и «Святой Павел». Задача – положить на карту всю береговую линию севера Сибири. Работали несколько отрядов – от устья Печоры до Чукотки, Командорских островов и Камчатки.

Карту для второй экспедиции Чирикова и Беринга подготовил Жозеф Делиль. На ней – мифические Земля Жуана да Гамы и Земля Компании. Чириков прямо выступил против карты, но Сенат приказал мореходам не отступать от нее. Беринг и не подозревал, что этот кусок ватмана приведет его к гибели.

В Великую Северную экспедицию входило семь отрядов: первый – для Камчатки и островов Тихого океана, второй – для Курил и Японии, третий – для внутренней части северной Сибири, остальные четыре – для побережья Ледовитого океана. Четвертый, самый западный отряд должен был составить описание берега от Архангельска до Обской губы, пятый – от устья Оби вокруг Таймыра до устья Енисея, шестой – от Енисея до Лены, седьмой – от Лены до Берингова пролива.

К первому отряду капитан-командора Беринга был прикомандирован брат Жозефа Делиля Людовик – следить, чтобы работа шла строго по утвержденной карте. Напрасно Алексей Чириков просил Беринга пройти от Камчатки на северо-восток. Нельзя: надо искать Землю да Гамы.

Команда второго отряда была интернациональной. Перед лейтенантом Мартином Шпанбергом, датчанином на русской службе, была поставлена задача – положить на карту Курилы, обследовать Японию. Вышли из Большерецка на Камчатке на трех судах. В тумане разошлись. Шпанберг дошел до острова Уруп, обогнул его и, беспокоясь за судьбу отставших кораблей, вернулся в Большерецк. Одно судно, англичанина Уильяма Вальтона, добралось до Хоккайдо и повернуло к Камчатке, обследовав Курилы.



Потом был еще один вояж в Японию. Землю Жуана да Гамы так и не нашли. Мореходы прошли мимо островов Хонсю и Хоккайдо, но на берег не решились высадиться. Земля Компании и Земля Штатов, показанные на карте Делиля, оказались островами Курильской гряды. Вальтон, который опять потерялся, снова пошел к Японии и осмелился послать матросов на берег Хонсю за пресной водой. Сакура цвела. Японцы были доброжелательны.

Работа четвертого отряда вроде бы на самой освоенной части побережья не заладилась с самого начала. Ледовая обстановка была благоприятной, но суда так и не дошли до Обской губы. Командиров разжаловали в матросы, а во главе поставили опытного, крутого морехода Степана Малыгина. Он прорвался в Обскую губу проливом между островом Белым и Ямалом, позже названным его именем.

Пятым отрядом руководил лейтенант Дмитрий Овцын. Два года он пытался выйти из Обской губы на дубель-шлюпке «Тобол». Зимовали в Тобольске, «дабы не помереть всем безвременно и не потерять судно». Наконец на боте со смешным названием «Оби почтальон» удалось пройти морем с Оби на Енисей. За общение со ссыльным князем Долгоруким Овцын был отправлен к Берингу. Новый начальник штурман Минин дошел до устья Пясины и открыл архипелаг мелких островов – шхеры Минина.

Шестой отряд лейтенанта Василия Прончищева и подштурмана Семёна Челюскина на дубель-шлюпке «Якутск» добрался до устья реки Оленёк (маленький олень, маленькая Лена!). Первой женщиной полярных экспедиций стала жена Прончищева Татьяна (долгое время считалось, что ее звали Мария). Василий Прончищев умер в море на руках у Челюскина, а через две недели скончалась и Татьяна.

Работу продолжил Харитон Лаптев. На пути к Хатангскому заливу он открыл бухту, которой дал скандинавское имя Нордвик – «северный залив». На восточном берегу Таймыра поставили маяк, который через полтора века увидит Амундсен с борта судна «Мод». «Якутск» попал в ледовую ловушку и затонул. Льдину с экипажем унесло в море, но люди добрались до Хатангского залива. Харитон Лаптев понял, что с моря описать берега Таймыра не удастся, и разбил отряд

на группы. Самый северный мыс Евразии впоследствии называли мысом Челюскина.

Седьмой отряд датчанина Питера Ласиниуса на боте «Иркутск» за устьем Лены встретил льды. После смерти Ласиниуса люди ушли в Якутск, бросив судно. Новый начальник Дмитрий Лаптев, двоюродный брат Харитона, понял, что морем на восток через «стоячий лед» не пройти. Однако морское начальство предписало ему «чинить еще один опыт». Дмитрий Лаптев добрался до Индигирки и Колымы, где «Иркутск» и засел. В ледовом поле прорубили канал – целую версту! Но пройти в Берингов пролив Лаптев так и не смог. После шестой зимовки он снова заявил о невозможности пройти к Камчатке морем и отправился в Анадырь по суше.

1741–1760 годы

Луи Делиль на борту пакетбота Чирикова «Святой Павел» прокладывал путь. Беринг шел следом на «Святом Петре». Никакой Земли Жуана да Гамы не было.

Потом корабли разошлись. Беринг, теряя драгоценные дни, пошел к югу в поисках мифической Земли Компании. Наконец мореходы увидели заснеженные горы, «огнище, и след человеческий, и лисиц бегающих». Шли вдоль Алеутской гряды, принимая ее за берега Америки. Алеуты подарили жезл мира, увенчанный соколиными перьями, получив взамен железный котел и несколько иголок. На обратном пути открыли несколько островов. Один нарекли Туманным – позже по предложению английского капитана Ванкувера его назовут островом Чирикова.

Беринг почему-то верил в злополучную карту. Но там, где у Делиля был океан, оказывалась земля, и наоборот. Зазимовали в землянках на острове, позже названном именем Беринга. Командор зарывался в песок, чтобы согреться. Песцы рвали ботфорты Беринга, когда он был еще жив. После его смерти капитан Свен Ваксель остался за старшего. С ним был десятилетний сын Лоренц. Корабль разобрали. Плотников среди живых не оказалось. Казак Савва Стародубцев взялся соорудить ботик, на котором все и добрались до Петропавловска. Рапорт Свена Вакселя и чертеж найденной земли доставили адмиралу Головину боцманмат Алексей Иванов



и солдат Иван Окулов, которые тоже перенесли ужасы зимовки на Командорах. Мы знаем только то, что они дошли до Петербурга и доставили Головину карты «видимой земли американской».

Чириков послал боцманмата Дементьева с матросами на остров Якоби – набросать план, собрать образцы пород, отыскать пресную воду. Они не вернулись. Послали вторую лодку, но и она исчезла. Несколько дней искали пропавших.

Чириков прошел вдоль Аляски – матерой земли и Алеутской гряды. Он выжил после цинги, но командовать пришлось через штурмана Ивана Елагина. На обратном пути «Святой Павел» прошел в четырех милях от острова, где упокоился Беринг, где его спутники ладили ботик, чтобы вернуться домой.

Донесение и карту Чирикова повез в Адмиралтейств-коллегию Иван Елагин.

В «Газет де Франс» появилось сообщение из Петербурга: Чириков открыл Северную Америку, а Беринг погиб на обратном пути – явно публикация Жозефа Делиля. Головин получил донесение от Чирикова раньше, чем от Свена Вакселя. А Чириков, едва держась на ногах, снова отправился к берегам Америки – искать своих матросов и людей Беринга.

Тяжело больной Чириков сам повез в Адмиралтейств-коллегию итоговую карту Великой экспедиции. Северная Америка показана на ней как единый материк.

Ломоносов:

*Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворяют на восток,
И наша достигнет в Америку держава.*

Жозеф Делиль выпустил в свет новые мифические карты. И тут же появилась отповедь «Письмо офицера Российского флота». Имя автора не указано.

А промышленники, охотники за морскими бобрами и красными лисицами уже начали осваивать открытые острова. Емеля Басов со служилым Евтихием Санниковым, взяв двух вóжей из спутников Беринга, на шитике пошли на Командоры. Шитик выбросило на берег, но им все нипочем – зазимовали, а потом пошли на Алеуты!

Русская волна шла на Камчатку, через Берингов пролив до Аляски, где главный форпост наречен был Новоархангельском. И морской путь Студёным морем от Северной Двины до Берингова пролива и дальше до Амура пробили наши мореходы.

Джон Бэйкер: «Продвижение русских через Сибирь в течение восемнадцатого века шло с ошеломляющей быстротой. На долю этого безвестного воинства достался такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не совершал никакой другой европейский народ».

1761–1780 годы

Красных лис было так много, что восточную часть Алеутской гряды называли Лисьими островами. Многие опасались за судьбу промысла. Морских бобров, голубых песцов тоже выбивали быстро. Сибирский губернатор Чичерин даже обратился в Петербург с просьбой присылать на Алеуты грамотных морских офицеров, которые занимались бы не промыслом, а съемкой и описанием.

С целью приведения американцев (то есть алеутов) в российское подданство Екатерина издала тайный указ с секретным названием «Экспедиция для описи лесов по рекам Каме и Белой». Для приискания морского прохода на Камчатку адмиралу Чичагову надлежало идти из Архангельска на Шпицберген и Гренландию, оттуда к Америке. Поход надлежало хранить в тайне (правда, парижская печать сообщила о нем).

Идея принадлежала Ломоносову: кругосветка на высоких широтах по северным морям.

*...Я вижу умными очами,
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.*

Сильно сказано: презирает рок!

Михаил Васильич подписал «примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к приисканию пути на восток Северным океаном». Он провел на



карте линию, пересекающую меридианы под одинаковым углом, прямой путь кораблям – локсодромию. Она вела к Умнаку, одному из Лисьих островов Алеутской гряды. Ломоносову казалось, что около полюса льдов нет, что лед образуется только там, где вода опреснена реками.

При встрече Чичагова с Креницыным возле Умнака полагалось вновь найденной земле присвоить имя того офицера, который первым увидит ее. Потом сложить башню и на вершине установить крест с указанием кораблей и командиров. Если встретятся суда других стран – помалкивать или объяснять, что судно отхвачено от Камчатки ветром. Ломоносов опасался международных осложнений, полагая, что остров Умнак находится неподалеку от Нью-Йорка.

Через месяц после смерти Ломоносова поднялись флаги на построенных в Архангельске двухмачтовых бригантинах «Чичагов», «Панов» и «Бабаев». Названия – в честь командиров. Руководство – за адмиралом Василием Чичаговым. Когда показался остров Кильдин, по инструкции вскрыли конверты с красными печатями: надо устроить великое торжество. Ломоносов хотел, чтобы льды Гренландии и Северной Америки озарялись звездами сигнальных фейерверков, «громом и сиянием», обозначающими положение кораблей среди морских торосов.

Сумароков:

*Увидев росски корабли,
Америка, не ужасайся,
Из праотеческой земли
В пустыни бегством не спасайся.*

Со второй попытки флотилия дошла до Шпицбергена, почти что до Гренландии. Льды сомкнулись вокруг кораблей, и они повернули к Архангельску. Чичагову так и не пришлось увидеть в подзорную трубу самый большой алеутский вулкан – Макушинский и крикнуть в рупор: «Онекотан!»

Петру Креницыну надлежало вскрыть «Секретное прибавление» к инструкции лишь на Камчатке при посадке на корабли. И так, в ветреном октябре (так определено) Креницын

с Левашовым и братьями Дудинными выходят из Охотска на бригантине «Святая Екатерина» и гукоре «Святой Павел». Еще были галиоты старой постройки – «Святой Павел» и «Святой Гавриил». Уже в Охотском море три судна погибли. «Святого Павла», где был младший Дудин, потащило через курильский пролив к северу от Онекотана.

На месте гибели судов вскрыли пакет с «Секретным прибавлением». Там был определен порядок встречи с Чичаговым: расписаны особые позиции парусов, в тумане пушечные и ружейные выстрелы, указано, что кричать при сближении. Последнее слово – «Онекотан». Остров Онекотан – за пятым проливом Курильской гряды, над ним возвышается пик Креницына.

Две зимы команде Креницына пришлось провести в Нижне-Камчатске. Он пригласил Гаврилу Пушкарёва из команды Беринга – показать путь к Умнаку по чертежам Чирикова и седого юноши Алексея Нагаева. Однажды появился меньшой Дудин, которого считали погибшим. Оказывается, моряков приютили в своих юртах айны. Они выходили русских китовым мясом, морской капустой и дягильным кореньем.

Корабли Креницына и Левашова снова взяли курс на восток. В тумане они потеряли друг друга, потом встретились и вместе подошли к острову Умнак. «Онекотан!» – прокричали они друг другу, и шторм снова разметал корабли. Зимовали они на разных островах – Креницын на Унимаке, а Левашов на Уналашке, у залива Датч-Харбор, где ныне военно-морская база США.

Креницын готовился перебраться из Нижне-Камчатска в Охотск. На реке его лодка попала под волну. Он утонул. Корабли в Охотск привел Левашов. Адмиралтейств-коллегия приняла от него рапорт, «Экстракт из журналов», и Алексей Нагаев принялся за изучение бумаг и карт этой странной секретной «экспедиции для описи лесов по рекам Каме и Белой».

Побережье Чукотки было обследовано еще Дежнёвым. Материковую же часть начали изучать через столетие. До-



вольно точный чертеж Чукотской земли первыми сделали Андреев и неутомимый ходок чукча Николай Дауркин.

И Студёный океан постепенно изучался. Якутский купец Иван Ляхов шел по островам, названным позже Ляховскими. На одном острове забыли артельный котел – и остров назвали Котельным.

Виктор Конецкий сетовал на то, что карты говорить не умеют. Скажем, мыс Крещённый Огнём на побережье Берингова моря. Кто его так назвал? Что это? Пафос? Или кто-то портянку уронил в костер?

Больше всего йоркширский мальчишка Джеймс Кук любил смотреть на море с вершины холма. Через несколько лет корабль «Индевр» под его командованием вышел в кругосветное путешествие из города Плимута в западном направлении. На корабле были астрономы, ботаники, художники. Сам Кук серьезно занимался астрономией и многими другими науками. Задача экспедиции – наблюдение Венеры при ее прохождении через солнечный диск. Однако были еще и секретные инструкции – найти для Британии плодородный Южный материк.

Кук отыскал средство от цинги – страшной болезни моряков. Кук не потерял ни одного матроса из-за цинги. Он гордился этим больше, нежели тем, что вошел в Королевское общество и получил золотую медаль за работу по экспериментальной философии. Лекарством оказалась квашеная капуста, которой пренебрегали матросы. Тогда Кук распорядился выдавать капусту только офицерам. Расчет оказался точным: запретный плод сладок!

Корабль для Кука был что дом родной. У плодов гвоздичного дерева, оказывается, запах шарлотки, яблочного пирога. Это важно для британца. Еще более важно для него то, что нулевой меридиан проходит через Гринвич. Который час в Гринвиче? Для того чтобы определить долготу, нужно знать только две вещи – точное время на корабле и в Гринвиче.

С четвертой попытки «Индевр» прошел мыс Горн, обогнув с юга Американский континент. На Таити удалось увидеть прохождение Венеры от начала до конца.

Но главной задачей было открыть Южный континент. Кук обошел Новую Зеландию, но это были острова. Восточное побережье Австралии Кук назвал Новым Южным Уэльсом. Он открыл Большой барьерный риф и посадил на него корабль. Ждали прилива. Сбросили балласт, пушки и снялись с рифа, сантиметр за сантиметром. Метровую пробоину закрыли старым парусом и дошли до гавани.

Во время второй кругосветки на корабле «Резолюшен» Кук понял окончательно: гигантского Южного материка нет. Острова не хотели сойтись в столь желанный материк с плодородной землей. Составлены были такие точные карты, что многие из них до самого недавнего времени находились в действующем фонде картографической службы ВМС Британии. Француз Лаперуз, тоже стремившийся открыть неведомую богатую землю, прекратил поиски: «Мистер Кук проделал такую работу, что мне остается только восхищаться ею».

Задача третьего плавания Джеймса Кука – поиск северного прохода из Тихого океана в Атлантику. Он открыл Гавайские острова и пошел на север. Берег северо-западной Америки появился только на пятьдесят четвертом градусе.

Он вышел к Алеутской гряде. У него были карты Левашова и Креницына – секретные материалы экспедиции англичанам удалось раздобыть через лейб-медика Екатерины. И еще была самоновейшая карта Алеутских островов – от подштурмана Герасима Измайлова. Тот встречался с англичанами на Сандвичевых островах.

Кук ушел на юг, к Гавайским островам, где и погиб в стычке с местными жителями через четыре месяца. Экспедицию возглавил Кларк. Щедрость русских поразила его: в Петропавловске ему дали двести пятьдесят пудов ржи и двадцать голов скота.

Пытаясь обогнуть северный край Аляски, англичане встретили тяжелые льды. Ворота в Атлантику не было. На американском берегу были открыты залив Нортон и устье Юкона. Кларк умер на обратном пути и был похоронен в Петропавловске.

В Питере получили депешу из Иркутска о каких-то иностранных кораблях. Граф Панин отправил письмо в Париж



российскому посланнику Барятинскому. Тот должен был запросить «поверенного американских селений» Франклина, что это за корабли. Франклин ответил: это корабли Кука или же японские.

Джордж Байрон, прозванный за буйный нрав Джек Бурь, был мичманом на борту корабля, разбившегося у берегов Чили. Потом коммодор Байрон присоединил к Британии Фолклендские острова, из-за которых были такие неприятности у Маргарет Тэтчер, обогнул Землю, стал адмиралом, губернатором Ньюфаундленда, командовал флотом во время американской войны. И отец великого поэта был военным – истинный шотландец с клетчатым пледом через плечо и с бешеным характером. Безумный Джек.

1781–1800 годы

Научную экспедицию на Чукотку (причем секретную) возглавил капитан русского флота англичанин Джозеф Биллингс. Исследовался морской путь к востоку от Колымы, а также из Охотска на судах «Слава России» и «Черный орел» к Берингову проливу. Биллингс со спутниками, среди которых был любознательный Николай Дауркин, полгода путешествовали по Чукотке. Результатом была прекрасная карта.

Начальником еще одной экспедиции стал швед Матвей Матвеевич Геденштром, чиновник Рижской таможни, которого выслали в Восточную Сибирь за служебные провинности. Геденштром, прибыв в Якутск, стал собирать сведения о землях к северу от Ляховских островов.

Россия основательно осваивает Аляску и острова – достаточно просмотреть названия. Есть очень смешные: в группе Крысьих островов на Алеутской гряде есть маленький остров Кыска. Купец Григорий Шелехов из курского городка Рыльска рьяно взялся за дело – основал Российско-американскую компанию с центром на острове Кадьяк. Землепроходцы продвигались в глубину континента.

И японцы встревожились, наблюдая русскую хватку, – экспедиция Могами Токамия вышла на почти безлюдный

Хоккайдо и даже на Сахалин, Уруп, Итуруп. Карты были засекречены.

Шотландцы обосновались в Монреале, образовав Северо-Западную пушную компанию. Первым здесь появился Александр Маккензи, потом приехал его двоюродный брат Родерик Маккензи (имя подсказывает возможное родство с Родериком Мэрчисоном). Действовали британцы по одной схеме с русскими: строили форт (у русских – зимовье, острог) и обживали территорию. Из форта отряд Маккензи с индейцем-проводником по кличке Английский вождь вышел в поход по рекам и Большому Невольничьему озеру, еще покрытым льдом. Из озера вытекала величайшая река Канады, названная Маккензи. И залив, куда впадала река, стал заливом Маккензи, и горный хребет получил имя Маккензи.

Индейцы говорили, что видели в заливе белых людей. Они меняли на медвежьи шкуры изделия из железа. Конечно, это были русские. Встревоженный Маккензи поспешил выйти к океану.

В Лондоне организовано «Африканское общество». Оно выделило средства для экспедиции шотландского врача Мунго Парка. Жажда странствий сначала привела его в Индонезию, а потом в Африку, на берега Гамбии и Нигера. Он отправился на поиски истоков Нигера и таинственного города Тимбукту. Он преодолел водораздел и добрался до широкой реки. Это был Нигер.

– Куда течет река? Где она кончается?

– Кто знает? Может быть, на краю света?

Конь, сумка с компасом – все, что у него было. Его приютили сострадательные негритянки, и он подарил им две пуговицы от жилета. Он заболел тропической лихорадкой, потом добрался до побережья и на корабле работоторговцев приплыл в Америку, а оттуда в Шотландию. Мунго Парк установил: Нигер в верховьях течет на восток, потому что между ним и рекой Сенегал есть водораздел. Парка прозвали Бешеным белым: он приказывал стрелять в туземцев по малейшему поводу. Перед порогами Буса на Нигере, спасаясь от стрел, Парк бросился в воду и утонул.



1801–1820 годы

В Лондоне вышла книга Александра Маккензи, закончившаяся словами: «Открыв сообщение между Атлантическим и Тихим океанами и учредив ряд постоянных станций во внутренних областях страны, так же как по ее окраинам, вдоль побережья и на островах, мы можем получить господство во всей торговле пушниной по всей Северной Америке, от сорока восьми градусов до полюса, за исключением той ее части, которая на Тихом океане является владением России».

А в Русской Америке Иван Кусков основал Форт-Росс неподалеку от гавани Сан-Франциско. Шелехов собрался заложить на Аляске город, который назвал Славороссия.

Провинный таможенник Геденштром покорял Север и был покорен Севером. Его любимец – смелый мечтатель Яков Санников.

Санников открыл Фаддеевский остров (назван по имени первого зимовщика), остров Новая Сибирь.

К северу от острова Котельный Санников увидел в синей дымке землю. И к северо-востоку от Новой Сибири чудилась синь, но это не была синева небес. Такие у него были глаза, так он видел свет предвечерний, что казалось, еще верста другая – и выступит из сини неведомая земля.

Геденштром вместе с Санниковым отправился к синеве, все глаза проглядел, ничего не увидел, но на итоговой карте начертил: «Земля, виденная Санниковым». Он полагал, что виденный передовщиком берег соединяется с Америкой.

Санников же увидел контуры синей страны с берега острова Фаддеевский и с сыном Андреем, не теряя времени, бросился вперед на сильных собаках. Через двадцать верст полынья удержала их от уходившей за горизонт земли.

1821–1840 годы

Джеймс Кук: «Я могу смело сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне». Тем не менее экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева на парусных шлюпах «Восток» и «Мирный» нашла Антарктиду, последний материк на Земле. Отряд Джона

Дэйвиса ступил на берег Антарктического полуострова. Это стало крупнейшим географическим открытием XIX века.

Молодые лейтенанты Фердинанд Врангель и Пётр Анжу служили в Ревеле на одном фрегате. Однажды Врангель, узнав, что знаменитый мореплаватель Василий Головнин уходит в кругосветку на шлюпе «Камчатка», сбежал со своего фрегата, на финском суденышке добрался до Петербурга и умолил Головнина взять его хоть простым матросом. После плавания Головнин поставил двух друзей, Врангеля и Анжу, во главе отрядов для поиска земель к северу от устьев Колымы и Яны. Затем Врангель стал во главе экспедиции по описанию побережья Сибири к востоку от устья реки Индигирки и по топольемке Чукотки. Он определил положение острова, названного впоследствии его именем.

Главный помощник Врангеля – Фёдор Матюшкин, одноклассник Пушкина.

*Бог помощь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли.*

Врангель с Матюшкиным безуспешно искали землю, которую явно видел к северу от Медвежьих островов сержант Андреев.

И Пётр Анжу, прервав опись острова Котельного, пошел искать Землю Санникова. Очертания ее становились все более ясными, и скалы проступали в синеве. Анжу даже предлагал Сперанскому, тогда генерал-губернатору Сибири, использовать для поисков таинственной суши большую шлюпку, но тот счел это опасным.

Врангель стал адмиралом, спроектировал экспедицию к Северному полюсу, но это сочли рискованным делом. Где-то на берегу Восточно-Сибирского пустынного моря – мыс Матюшкина.

Таинственный африканский город Тимбукту! Географическое общество в Париже назначило премию в десять тысяч франков путешественнику, который первым проникнет в него.

Молодой француз Огюст Кайе присоединился к английской экспедиции в глубь материка. Экспедиция потерпела неудачу.



«Не жди помощи от вельможи и тени от акации»: Кайе снова отправился в путь. Год за годом – в поисках сказочной столицы. Наконец он добрался до Тимбукту – это был город, погибающий от эрозии почвы, обнажившей пески. Куда течет река Нигер, Кайе так и не выяснил, но, тем не менее, премию получил.

Вместе с Кайе искал Тимбукту шотландец Александр Ленг. Он одних лет с Родериком Мэрчисоном, и начинали они одинаково. В шестнадцать лет Ленг – британский солдат, но, в отличие от Родерика, сумел заявить о себе, правда не на Пиренеях, а в Сьерра-Леоне, британской колонии на западе Африки. Он блестящий майор, служит во Фритауне, в команде генерал-губернатора Западной Африки Маккарти. Чего еще?

Но у Ленга есть мечта – достичь Тимбукту и найти истоки Нигера. Мунго Парка он резко осуждал за жестокость в обращении с туземцами. Ленг составил проект экспедиции за свой счет, во время отпуска.

По расспросам Ленг установил, что Нигер берет начало около Лома, самой высокой вершины Западной Африки, и, несмотря на змеевидность, с Нилом никак не соединяется. С превеликим трудом Ленг все-таки попал в умирающий город Тимбукту – за два года до Кайе. Он прожил в Тимбукту три месяца и был убит при выходе из города.

Похоже, что в Шотландии это был такой вид спорта – искать истоки Нигера. Хью Клаппертон возглавил экспедицию для решения загадки Нигера.

Условия в Африке были далеко не комфортные. Клаппертон: «Завтрак состоял из жирной водяной крысы в шкуре, отличного вареного риса, сухой рыбы, тушенной в пальмовом масле, жареных крокодиловых яиц и, наконец, свежей воды».

Истоков Нигера экспедиция не нашла, но доказала, что он не связан с озером Чад. Почти все участники экспедиции погибли. Это произвело тяжелое впечатление. Для поощрения дальнейших работ и Лондонское географическое общество, которое возглавлял сэр Мэрчисон, назначило премию тому, кто решит загадку Нигера.

Ричард Лендер, уцелевший участник экспедиции Клаппертона, взял с собой брата Джона. Братьям удалось доказать, что Нигер описывает огромную дугу.

Реки Австралии поменьше африканских, но тоже прилично закручены. Чарльз Стюарт нашел реки Дарлинг и Муррей и, что редкость, плодородные земли в нижнем течении Муррея. Шотландец Томас Митчелл во время пиренейских походов с Веллингтоном изучил португальский язык и перевел на английский «Лузиаду» Камоэнса, где речь идет о плавании Васко да Гама. Митчелл исследовал речную систему Муррей – Дарлинг со всей тщательностью военного топографа.

Поляк Павел Стшелецкий ради геологии бросил военную службу. Геологию он изучал в Оксфорде, и Бекленд был его наставником. Стшелецкий открыл месторождение золота в окрестностях Батерста. Однако Гипс, губернатор, засекретил открытие – опасался беспорядков. Золотая лихорадка началась через десять лет.

1841–1860 годы

Британцы верны себе. Изучение Центральной Австралии, ее «мертвого сердца», они превратили в спортивное состязание. Одновременно стартовали две экспедиции по меридиану к заливу Карпентария на севере. Роберт Бёрк отправился от Мельбурна, а Джон Стюарт – из Аделаиды. Верблюдам для поднятия духа полагалась ежедневная порция рома. Соперничество назвали «Большой австралийской гонкой».

Правитель Египта Мухаммед Али, одержимый идеей найти страну Офир, копи царя Соломона, сокровища фараонов, просил русского царя прислать знающего горного инженера. Прислали Егора Петровича Ковалевского, который занимался разведкой золота на Алтае, на Урале, в Сибири. Внимание Ковалевского привлек Сеннар, междуречье Белого и Голубого Нила до их слияния у Хартума, гигантский треугольник, а в этом треугольнике – левый приток Голубого Нила, река Тумат.

Район реки по перспективам на золото напомнил Ковалевскому уральские Пышму и Миасс. В зеленокаменных по-



родах русские геологи находили золото безошибочно. Оно было найдено и в Египте!

У Ковалевского, страстного путешественника, был еще и географический интерес. Главной рекой он считал не Голубой, а Белый Нил. Где его истоки? Египтяне не знали: «Аллах говорит, что истоки Нила в раю». Ковалевский считал, что искать их надо не там, где на карте показаны Лунные горы, а гораздо южнее.

Джону Франклину было уже шестьдесят лет, когда он покинул Лондон во главе своей третьей экспедиции для поисков северо-западного прохода. Пройдя на север вдоль западного побережья Гренландии, корабли вошли в море Баффина. И это единственное, что о них было известно. Спасательные экспедиции растянулись на десятилетие.

Четыреста лет назад начался поиск северо-западного прохода. Цепочку проливов нащупали давно. Но никто не мог пройти их до Амундсена.

Капитан-лейтенант Геннадий Невельской не сумел попасть в кругосветное путешествие на фрегате «Паллада», но получил назначение на транспорт «Байкал». Путь лежал из Гельсингфорса вокруг Южной Америки на Камчатку. Невельской добился, чтобы в инструкцию был включен пункт об исследовании после сдачи груза юго-западной части Охотского моря. Он понимал, что значит для России Амур, удобные порты на побережье Японского моря.

Первый русский кругосветный путешественник Иван Крузенштерн вслед за Лаперузом посчитал Сахалин полуостровом. Невельской доказал, что Сахалин – остров, что вход в Амур для морских судов возможен. Поразительна энергия, с какой он на свой страх и риск боролся за Амур – единственную удобную дорогу к океану, в то время как правительство боялось задеть Китай.

Шотландец Дэвид Ливингстон – исследователь Центральной Африки, христианский миссионер, врач, гуманист, борец с рабством, знаток Вергилия и Горация. Капитан одного судна научил Ливингстона астрономическому определению

координат, геодезию же он освоил сам, чтобы составить самые лучшие карты Южной Африки. Он хотел изучить все африканские реки, чтобы найти проходы в глубь страны, принести туда Евангелие. Река Конго текла по кругу – почему? Замбези – что это? Приток Нила или Конго? Туземцы расспрашивали, богата ли королева Виктория, сколько у нее коров, звали его Ищущий реки. Африканские дороги не вели никуда; истоки рек – невозможно найти. Ливингстон заметил: «Истоки Нила важны для меня лишь как средство самоутверждения». Самой важной для него была наивная мечта о «нравственном возвышении» людей, среди которых он жил.

Возвращение в Британию человека, который первым из европейцев пересек Африку от океана до океана, – триумфально. Королева, в честь которой назван крупнейший в мире водопад, приветствовала его, издание книг принесло состояние. А он тратил на экспедиции все свои деньги и пособие Лондонского королевского географического общества, назначенное президентом Мэрчисоном.

На поиски истока Белого Нила Мэрчисон направил экспедицию во главе с профессиональным разведчиком Ричардом Бёртоном. Его помощник – офицер Джон Спек. Оба страстные путешественники. Бёртон, блестящий ученый-ориенталист, в совершенстве знал двадцать языков, перевел на английский «Тысячу и одну ночь». Переодевшись мусульманским паломником, он посетил Мекку и Медину. Страсть Джона Спекса – охота.

С помощью Мэрчисона Бёртону удалось добиться от правительства необходимых ассигнований. Инструкции Географического общества гласили: «Главная цель экспедиции – проникнуть в глубь страны на восточном побережье Африки и пройти к озеру Ньяса. Потом – на север, к горной цепи, где находятся предполагаемые истоки Бахр-эль-Абьяда, открытие которых явится вашей следующей целью». Бахр-эль-Абьяд – это Белый Нил.

Бёртон первым из европейцев бросил взгляд на озеро Танганьика – «обширное пространство светлейшей и нежнейшей голубизны, лежащее в лоне гор». Потом Бёртон заболел и слег.



Спек сомневался в том, что у Танганьики есть сток на север – в этой стороне озеро ограничено высокими горами. Он подозревал, что это и есть «Лунные горы» древних. Большого же Бёртона заинтересовала река Рузизи, якобы вытекающая из озера на севере. У него зародилась мысль, что это и есть Нил.

Потом Спек пошел на север и увидел озеро, которое он назвал Виктория-Ньянза («большая вода»). Бёртон не хотел, чтобы найденная не им, а Спеком Виктория-Ньянза оказалась местом зарождения Нила, понимая, что Спек не собирается делить с ним славу этого открытия. Была ссора, но Спек по-братски выхаживал Бёртона.

Спек прибыл в Англию раньше Бёртона и вскоре сделал доклад в Географическом обществе об открытии озера Виктория. Он – герой дня. Выступал и Мэрчисон, преисполненный гордости. Бёртон выздоровел и составил фундаментальный отчет, занявший весь объем «Журнала Королевского географического общества» за 1859 год.

Мэрчисон занимало: где же истоки Белого Нила? Он изучил материалы Спека и склонялся к тому, что это может быть озеро Виктория.

Спека назначили руководителем новой экспедиции. Его помощником стал шотландец Грант. Мэрчисон помогал в разработке маршрута.

Ливингстон, ставший британским консулом в Мозамбике и боровшийся в этом качестве с работорговлей, тоже продолжал странствия. Он открыл озеро Ньяса. Водопады на Замбези он назвал именем Мэрчисона – тот был весьма польщен.

Николай Алексеевич Северцов исследовал Среднюю Азию и Памир. Однажды он отправился из форта Перовский вверх по Сырдарье и напоролся на кокандцев. Северцов отстреливался, но ружье дало осечку. Кокандец настиг его. Северцов вспоминал: «Кокандец ударил меня шашкой по носу и рассек только кожу; второй удар по виску, расколовший скуловую кость, сбил меня с ног, и он стал отсекал мне голову, нанес еще несколько ударов, глубоко разрубил шею, расколол череп. Я чувствовал каждый удар, но странно, без особой боли». Тут подъехали остальные кокандцы и предотвратили

убийство, рассчитывая сохранить пленника живым для получения выкупа.

Самое поразительное, что заметил необычайно высокий саксаульник, до трех сажен высотой, сову в безводных песках, вид которой определить ему, однако, не удалось, поскольку в схватке он потерял очки. Обратил внимание на почвы, но досадовал, что с лошади не мог различить деталей. Через месяц Северцов вернулся в форт Перовский.

...Пал Саныч Софроницкий во время войны с Японией, будучи помощником начальника штаба дивизии, сетовал, что при марше к городу Шанхайгуань на Желтом море смог заниматься лишь геоморфологией, а не геологией, как хотелось бы.

1861–1880 годы

Спек и Грант вышли к озеру Виктория. Грант заболел. Спек продолжал маршрут, обходя озеро с запада. Он увидел крупную реку, текущую из озера на север. Сомнений нет, это Белый Нил! Телеграмма из Александрии в Лондон: «С Нилом все в порядке». Фраза стала крылатой: «Все хорошо! С Нилом все в порядке!» Реку Кагеру он посчитал истоком Нила. Открытие Спек встретили в Британии с восторгом. Ликовали любители географии и люди, знавшие толк в торговле. Но ученые, и Мэрчисон тоже, требовали дополнительных доказательств. Бёртон заявил, что реки берут начало не в озерах, а в горах. К тому же Виктория состоит из двух озер.

Мэрчисон поступил просто: назначил диспут Спек и Бёртона. Собравшиеся с нетерпением ждали схватки. Джон Спек опаздывал. Потом сообщили: он убит на охоте шальной пулей.

Ливингстон продолжал искать истоки Нила. Плато к западу от Ньясы оказалось водоразделом. Вопрос, приведут ли реки, текущие на север, к Нилу или Конго, остался без ответа.

После недолгого пребывания в Англии (сын Роберт погиб в Америке в Войне Севера и Юга) Ливингстон снова в Африке. Достиг озера Ньяса, прошел до берегов Танганьики и... пропал бесследно.

Он вышел к Луалабе, пытался понять, с Нилом или с Конго связана эта река. Его самочувствие ухудшилось, и он оста-



новился в поселке Уджиджи на берегу Танганьики. Загадка Луалабы осталась неразрешенной.

Беннет, издатель газеты «Нью-Йорк геральд», поручил журналисту и разведчику Генри Стэнли поиски пропавшего без вести Ливингстона.

Стэнли нашел ослабевшего от малярии Ливингстона в Уджиджи. Несмотря на слабость, Ливингстон вместе со Стэнли объехал на лодке северную часть Танганьики. Стока на севере, к Нилу, не было. Значит, озеро не было истоком Нила.

Стэнли отправился в Европу, а Ливингстон остался, решив, несмотря на слабость, обязательно выяснить вопрос об истоках Нила. Его нашли мертвым на полу в хижине.

Четыре месяца спустя вышла бойко написанная книга Стэнли «Как я нашел Ливингстона».

Писатель Грехем Грин считал, что тяга к Африке и Океании у европейцев – это стремление прикоснуться к «душе черного мира», к началу человеческого общества. Откуда иначе такой жгучий интерес не к чему-нибудь, а к закрученным африканским рекам, к их истокам?

Российско-шведская экспедиция Норденшельда на шхуне «Вега» с зимовкой прошла по Северному морскому пути.

Россия продала Соединенным Штатам Аляску вместе с Алеутскими островами за 7,2 миллиона долларов. Конгрессмены посчитали, что цена завышена, русские их надули.

1881–1900 годы

Норденшельд год за годом пытался пересечь Гренландию. И американец Роберт Пири заболел Севером. Он выпросил у матери пятьсот долларов и уехал туда на китобойном судне «Игл». Тогда он не думал о полюсе – просто хотел пересечь Гренландию с запада на восток.

Сообщение о походе Пири попало на глаза лаборанту Бергенского музея Фритьюфу Нансену. Он посчитал, что Ледниковый щит должны первыми пересечь норвежцы. Он решил идти так, чтобы о возврате не было речи, – на лыжах и с востока.

Отъезд Нансена назначен. Среди его спутников – моряк Отто Свердруп, который станет в будущем капитаном судна «Фрам». Они прошли щит!

И Пири все-таки пересек Гренландию, но в северной части.

Таинственные слова «*Terra incognita*» исчезали с географических карт. Оставались недоступными полюса – две точки на глобусе. Начиналась драматическая гонка.

Фритъоф Нансен отправился на Северный полюс на специально построенном судне «Фрам», что по-норвежски значит «вперед». Британца Джексона Нансен с собой не взял. Полюс будут открывать норвежцы, а не островитяне! «Фрам», как было задумано, вмерз в лед. Шпангоуты трещали, но яйцевидный корпус выдержал давление льдов. Начался трехлетний дрейф к полюсу. «Фрам» вынесло к острову Шпицберген. До цели оставалось шестьсот километров. Тогда упрямый Нансен отправился в путь на лыжах. Он взял с собой одного человека – Иогансена, гимнаста и лыжника. Они шли на север, а лед уносило на юг. Пришлось повернуть к Земле Франца-Иосифа. Надо не просто возвращаться, надо выжить, и они выжили. В Норвегию их доставил на британском судне благородный Джексон. Это был урок для Нансена на всю жизнь.

Пири при подготовке похода на Северный полюс обморозил ноги – ампутировано восемь пальцев. Его везли на нартах. Через месяц он шел на полюс на костылях. Он спешил! Он хотел опередить норвежца Свердрупа. Всего у него было пять попыток.

Всё еще искали Землю Санникова: экспедиция Академии наук во главе с геологом Эдуардом Толлем на шхуне «Заря» достигла Новосибирских островов. Земля Санникова – остров, сложенный ископаемым льдом, и он растаял. Лед может растаять. И некоторых из Новосибирских островов не стало. Это выяснил Толль.

Канадец Джошуа Слокама построил судно – одномачтовый «Спрей». Он решился на кругосветное путешествие в одиночку.

Оказалось, что одиночество страшит его. «Тогда я решил петь как можно громче. Так было гораздо веселее. Я старался



подпевать ветру и морю, и надо было видеть, как выпрыгивали из воды дельфины, чтобы послушать меня. Я пел известные песни, которые знал с детства. Больше всего дельфинам нравилось «Падение Вавилона».

Через некоторое время пение уже не помогало. Тогда он стал командовать воображаемым экипажем.

– Идти по ветру. Курс на юго-восток. Как ведет себя судно, лейтенант?

– Очень хорошо, капитан. Очень хорошо.

На Азорских островах он позволил себе пиршество – рюмочку хорошего вина под местный сыр и сливы. Ему приснилось, что рулевым у него матрос с «Пинты», корабля из флотилии Колумба. В одной таверне Джошуа рассказали о пиратах, которые рыскают в Красном море, и он пошел не на восток, а на запад. У берегов Марокко понял, что не все пираты в Красном море: за ним устремилась фелука с неприветливыми людьми. И вдруг – спасибо свежему ветру – паруса на фелуке сложились и мачта рухнула!

У берегов Бразилии Джошуа посадил «Спрей» на мель. Спасибо рыбакам, помогли сняться с мели, и он вошел в Магелланов пролив. Одно живое существо совершило с ним кругосветное путешествие – американский паук, обнаруженный в день отплытия. Джошуа купил домик в Новой Англии: «Я читал эпитафии на многих кладбищах. Здесь немало людей умирает в возрасте ста лет или около того. Наплававшись вволю, я хотел бы спокойно дожить до этого возраста в своем домике».

Однако осенью он снова вышел в море: «Мне еще рановато на покой».

Больше его никто никогда не видел. Он мог утонуть где угодно. Дело в том, что первый человек, совершивший кругосветное путешествие в одиночку, не умел плавать.

1901–1920 годы

1902 год. Антарктида. Экспедиция Роберта Скотта, офицера британского флота, на пароходе «Дискавери». Скотт и Шеклтон на Земле Виктории дошли до 82°17' – это рекорд.

В этом же году Антарктиду атаковали еще две экспедиции: германская и шведская.

1903–1906 годы. Амундсен решил стать полярным путешественником, в пятнадцать лет прочитав книгу Джона Франклина. Его первая самостоятельная экспедиция – по маршруту Франклина на яхте «Йоа». У него кончились деньги, и пришлось брать кредит под будущее открытие северо-западного прохода. И вдруг – газетная статья «Нужны ли Норвегии новые скелеты среди ледяных пустынь?». Вспомнили катастрофу Франклина. Некоторые кредиторы потребовали деньги обратно. Мечте о северо-западном проходе не суждено сбыться? Нансен сказал: «Йоа» должна выйти в море ночью, тайно от кредиторов». Амундсен: «Как чудесно! Нет больше никаких огорчений, назойливых кредиторов. Одни на яхте! Нас семеро, мы веселы и счастливы. Мы плывем в неведомые края, но полны надежд и веры». Нансен не сказал, что поручился за него перед кредиторами.

Потом были две зимовки. Найден северо-западный проход, который столько веков искали мореходы. Потом яхту зажалось льдами, была третья зимовка. Амундсен отправился в восьмисоткилометровый переход на собачьих упряжках до ближайшей радиостанции – поведать миру об открытии.

В сорок два года он стал первым норвежским гражданским летчиком: «Любой человек не так уж много умеет, и каждое новое умение может ему пригодиться». Ни в одной экспедиции у него не было жертв, за исключением последней, где он сам и погиб.

1907 год. Единственный, кто поддержал экспедицию Фредерика Кука на Северный полюс, – Джон Брэдли, владелец клуба и казино во Флориде.

1907–1908 годы. Экспедиция на Южный полюс Шеклтона на китобое «Нимрод» закончилась зимовкой близ вулкана Эребус, достижением магнитного полюса и новым рекордом – 88°.

1909 год. На протяжении шести лет Роберт Пири шесть раз пытался прорваться сквозь льды. В 1909 году он отправился на север на корабле «Рузвельт». Капитану Бартлетту в ледяном поле судно казалось живым: «А ну, нажми! Вот так, мой красавчик! А теперь еще! Еще разик!» Впереди была Большая Полярная.

Высадились в Гренландии, у мыса Шеридан. «Система Пири» включала вспомогательный отряд и расчет на то, что



в конце путешествия остается пеммикан и сырая собачатина без чая. 6 апреля 1909 года Пири со спутниками достиг полюса: «Труд моей жизни закончен. Я сделал то, что мне с самого начала суждено было сделать, что, по моему мнению, можно было сделать и что я мог сделать. Я выколотил Северный полюс после двадцати трех лет постоянных усилий, упорной работы, разочарований, трудностей, лишений, страданий и некоторого риска. Я завоевал последний великий географический приз – Северный полюс к чести Соединенных Штатов». До осени никто не знал, что Пири достиг Северного полюса. 7 сентября в Европе получили телеграмму: «Звезды и полосы вбиты в полюс!» Телеграмма Пири в адрес газеты «Нью-Йорк таймс»: «Полюс взят 6 апреля 1909 года».

Но Пири был вторым. Первым оказался Фредерик Кук.

Его чествовали в Копенгагене в тот самый день, когда телеграмма Пири достигла Европы. Пири: «Примите к сведению, что Кук просто надул публику». За Кука был владелец казино Джон Брэдли. За Пири – Арктический клуб его имени. Ему присвоено звание контр-адмирала.

Позже Кука обвинили в спекуляции дутыми нефтяными акциями (он основал в Техасе нефтяную компанию). Приговорен к четырнадцати годам каторги, из которых пять лет отсидел. В тюрьме его навещил Амундсен.

1910 год. Начало новой экспедиции Скотта к Южному полюсу, теперь на судне «Терра нова» («Новая Земля»). В экспедиции два россиянина – конюх Антон Омельченко, каюр Дмитрий Геров.

Амундсен, отправившийся на судне «Фрам» к Северному полюсу, внезапно изменил свое решение и двинулся к Южному. Причина: он узнал, что Пири достиг Северного полюса.

1911 год, 17 декабря. Отряд Амундсена достиг полюса. В коричневой палатке – письмо норвежскому королю с отчетом и записка Скотту с просьбой доставить это письмо.

1912 год, 15 января. Дневник Роберта Скотта: «Еще каких-нибудь жалких пятьдесят километров; дойдем, чего бы это ни стоило!» На следующий день они увидели следы полозьев и собачих лап.

1912 год, 18 января. Отряд Скотта ровно через месяц после Амундсена подошел к полюсу и увидел палатку Амундсена

с развевавшимся норвежским флагом и приветствием: «Добро пожаловать!» Скотт записывает: «Прощайте, золотые грезы!»

В этот же день на обратном пути Амундсен записал: «Шоколадное пирожное, поданное Вистингом, до сих пор свежо в моей памяти... Я могу привести рецепт...»

Скотт отправился в обратный путь. Амундсена несли к цели собаки. Скотт ставил на лошадей. Это была ошибка. Но научный груз, в том числе четырнадцать килограммов образцов с отпечатками растений, команда Скотта не бросила. До последнего часа в ледяной пустыне капитан Скотт писал удивительные письма друзьям, семьям своих погибших спутников, английскому народу, жене («моей вдове»): «Как много мог бы я рассказать тебе об этом путешествии! И насколько это все же лучше, чем сидеть дома, среди всяческих удобств».

1913 год. Последнее крупное географическое открытие в истории человечества: экспедиция Вилькицкого на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач» открыла последний архипелаг – Северную Землю, равную по территории Голландии. На четвертый год экспедиции «Таймыр» обогнул с севера Новосибирские острова в надежде обнаружить Землю Санникова. Нашли остров, названный в честь лейтенанта Алексея Жохова, стоявшего в тот день на вахте. Шли на мыс Челюскина и вдруг увидели силуэт большого острова. Это была Северная Земля.

Михаил Лермонтов увидел Землю в сиянье голубом.
И Алексей Решетов увидел всю Землю и пожалел ее:

От вечной заботы, от вечной тоски

Ее полюса – как седые виски.

Космонавт Виталий Севастьянов в начале полета видел только материки и океаны, различил Кавказ, Чёрное море, потом высмотрел мыс Адлер, то место, где река Мзымта подкрашивает море своим илом, узнал Сочинский порт. Через некоторое время по оси от главного причала увидел телевизионную вышку, кипарисовую аллею. Глаза его обрели соколиную зоркость. 22 июня 1975 года, на тридцатые сутки полета, он увидел маленькую точку среди кипарисов – родительский дом. Ему показалось, что блеснули на повороте стекла родимых окон...



Содержание

<i>А. Иванов. Понимать правильно</i>	3
Вся Земля, или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском	11
Колокольников переулоч	17
Геофизический поселок	25
Колокольников переулоч. Волконскоит	47
Сибирский тракт	49
«И арфы шотландской задел я струну»	54
Маккензи против Мэрчисонов	60
Детство Дика	65
Знаменосец тридцать шестого полка	69
Прощай, оружие	77
Шарлотта Хьюгонин	87
Охота на лис	97
Остров. Первые шаги	102
Начало великих геологических споров	117
Континент	121
Силур	127
Девон	133
Президент	137
Мэрчисон против Седжвика	139
Перед Россией	142
Первая русская экспедиция	147
Путешествие в поисках страны	160
Три дороги	167
Продолжение большого путешествия	176
Милый Кок	195
Пятидесятилетний капитан	199
Биармия – Пермь Великая	204
К барьеру!	210
После России	213
Очарованные камнем	222
Великие геологические споры	226
Синий цвет	232
Опыт геопоззии. Хроника открытий	238
Верхнечусовские Городки	271
Мама Дага	277
Сибирский тракт. Листья травы	282
Большая нефть	287
Колокольников переулоч. Ежики для тети Липочки	294
Линеамент	297
Рождественский бульвар. Неоконченный этюд	304
Путешествие в Пермскую Пангею	312
Особая папка	317



Литературно-художественное издание

Семён Иегудович Ваксман

Вся Земля

или Записки о Родерике Мэрчисоне,
короле Пермском, Силурийском и Девонском

Идея проекта **Алексей Иванов**

Руководитель проекта **Илья Вилькевич**

Оформление серии **Ольга Давыдычева**

Издатель «Продюсерский центр «ИЮЛЬ МЕДИА»

Редактор **Надежда Гашева**

Корректор **Татьяна Ускова**

Верстка **издательство «Мастер-ключ»**

Издание подготовлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края.

В книге использованы карты, предоставленные автором.

Отпечатано в ОАО ИПК «Звезда». Россия, 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34;
тел. (342) 248-24-00, факс (342) 248-34-26.

Подписано в печать 12.12.2008 г. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Объем 12 печ. л. Тираж 2500 экз. Заказ № 3388.







Министерство культуры и массовых коммуникаций Пермского края

Семён Ваксман отправил Мурчисона в путешествие не только по его судьбе и по Европе, но и по культуре. И тарантас Мурчисона всколыхнул такие толщи художественных смыслов, что по глубине они оказываются равнозначны тем хлябям русской тоски, по которым пролег след от брички Радищева...

Книга Ваксмана – очень мягкий, тактичный и благородный способ научить жить на собственной земле, любить ее и гордиться ею. Способ ввести свой текст в общемировой контекст. Эта книга становится механизмом подключения человека к миру – как персоналки к Интернету. Поэтому она очень современная. Форма ее – не роман, не биография, а гипертекст.

Алексей Иванов

ISBN 978-5-8131-0084-0



9 785813 100840 >